

СОВРЕМЕННЫЙ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК

Владимир ПОСЕЛЯГИН

ДИТЁ КНЯЗЬ

Я не тиран, я ещё только учусь

Владимир Поселягин

Дитё: Князь

© Владимир Поселягин, 2016

© ООО «Издательство АСТ», 2016

* * *

Едва слышно скрипнула дверь нужника, выпуская здоровенного косматого мужика, который, полусонно потирая поясницу, поплелся в сторону привратницкой.

Когда он проходил мимо дровяного сарая, я взметнулся из-за угла и нанизал его на саблю. Аккуратно перехватив оседающее тело, затащил за сарай, где кучей лежали четыре собачьих туши. В соседнем дворе яростно загавкала собака, учуявшая наконец запах крови.

«И надо было этому уроду именно в три ночи посрать сходить!» – мысленно ругался я, прикрывая тело найденной тут же рогожей.

Огромный дом Глазова был передо мной. Охрана нейтрализована, пришлось повозиться с собаками – ну, этих я просто усыпил, кинув мясо с добавлением сильного снотворного. Вечером, когда гулял, заглянул в лавку иностранного аптекаря. Честно говоря, когда увидел выложенное на прилавке, волосы на затылке зашевелились. Какой только наркоты там не было! Аптекарь спас себе жизнь, честно говоря, не подозревая об этом, когда подобрал мне снотворное. Купил, что надо, подумав: «А лавку надо будет спалить вместе с хозяином».

В это время мужик под рогожей зашевелился. Оказалось, пока я волок его под мышки, успел вылечить.

«Иногда эта способность меня бесит», – проворчал я, всаживая длинный боевой нож в грудь мужика-зомби. Секунду подумав, отделил ещё и голову, вдруг эта сволочь опять оживёт.

В общем, свободно бегающих собак я усыпил с помощью снотворного в мясе, а охрану, шесть здоровых лбов в небольшой воинской избушке, прирезал во сне. Никакого сочувствия я к ним не испытывал, и так понятно, что приблизил к себе он только верных людей. Перед тем как прикончить последнего, я его порасспрашивал, так что знал, как добраться до спальни Глазова.

Подойдя к двери с задней стороны дома, которой обычно пользовались слуги, я стилетом отодвинул щеколду и проник внутрь, не забыв закрыть и запереть за собой.

Дом спал, поэтому я старался тихо ступать и не скрипеть половицами. Не сказать, что это мне всегда удавалось, но на второй этаж я поднялся свободно, необнаруженным.

«Так, третья дверь справа от лестницы. Эта, что ли?»

Дверь была заперта изнутри – надо же, как боярин беспокоится о своей безопасности! М-да.

Возможности вскрыть не было, слишком плотно прилегала дверь, не давая возможности просунуть клинок. Пришлось воспользоваться

запасным планом. Выйдя обратно во двор, я присмотрелся к дому, примерное расположение окон спальни я знал. И – о подарок! – одно было открыто.

По венцам сруба поднявшись до окна, одним движением скользнул внутрь, мягко упал на руки, спустив ноги с подоконника, и замер, прислушиваясь и осматриваясь.

Судя по храпу, хозяин дома спал в большой кровати с немалым количеством подушек. Встав на ноги и приблизившись, я заметил рядом маленькую девичью фигурку. Она могла мне помешать, поэтому я нанёс удар кулаком по виску, отправив девку в глубокий сон без сновидений.

Луна не давала в полной мере осмотреть моего недруга, поэтому, найдя подсвечник с тремя оплавленными наполовину свечами, почиркал кресалом и зажёл их с помощью трута.

От ударов камня по кремню хозяин проснулся и тут же дёрнулся к стоявшей рядом тумбочке... или комоду. Слишком высок он был для тумбочки.

– Это ищешь? – негромко спросил я, показывая пистолет с самодельным кремневым замком.

– Ты кто? – он пытался проморгаться и разглядеть меня. Приподнявшись на руках, сел, облокотившись о подушки.

– Как сказал один штатовский киногерой: «Я – враг твой!» Как говорится на Руси: кто с мечом к нам придёт, тот по оралу и получит. Что, урод, думал, ты тут один попаданец?

Дернувшийся после моих слов Глазов изумлённо прищурился, вглядываясь в моё лицо, освещаемое свечами, и неуверенно спросил:

– Артур? Александров?!

Я на секунду замер, потом мягко повернулся и приблизился к кровати, изучающе поглядев на мужчину.

– Нет, не знаком, – был мой вывод.

– Я... – начал было говорить тот, но я жестом заставил его замолчать. Тот мой тонкий намек понял.

Убрав острие кинжала от глаза Глазова, сел на стул рядом с кроватью и сказал, играя клинком:

– Не говори, сам угадаю. Попаданец из будущего – это раз. Меня знаешь – это два. Депутат Верховной Рады – это три. Кто из моих знакомых соответствует этому критерию?.. – издевался я над Глазовым. – Только один человек. В детстве в одном со мной доме, но в другом подъезде жила семья, причём достаточно хорошая советская семья. Дашко их фамилия. Украинцы по национальности и ни в коей мере не западенцы.

Отец – крепкий мужик, мастер на заводе, мать портниха в ателье. Старший сын – инвалид войны, ногу потерял в Афгане. Второй сын пошёл в МВД, старший офицер уже... Да вот беда, был в семье и третий сын. Как в сказке.

Прочистив горло, я прочитал с пафосом:

За горами, за лесами,
За широкими морями,
Против неба – на земле
Жил старик в одном селе.
У старинушки три сына:
Старший умный был детина,
Средний сын и так и сяк,
Младший вовсе был дурак...

– ...ну, дальше я не буду, и так понятно. Как говорится, в семье не без урода. Был у них и третий сын. Да вот беда, после развала Страны Советов, когда все Дашко переехали на ридну Украину, пошёл этот третий сын страной руководить. То есть в депутаты. Вот у меня и встает вопрос, ты ли это, Кощеюшка?

– Какой ещё Кощей? – удивился тот.

– Ой, прости, из образа не вышел. Жаба, ты ли это?! – спросил я.

– Не люблю, когда меня так называют, – скривился Глазов-Дашко.

– Значит, всё-таки ты, – констатировал я. – Только что-то на себя родного не похож. Что, чужое тело занял? Как помер-то, ушлёпок?

– Взорвали, – поморщился Глазов-Дашко. – Сам тут как оказался?

– О, это долгая и поучительная история, которую лучше рассказывать у камина и под бокалы глинтвейна. Так что тебе её не услышать. Скажи мне, Жаба, кто ещё, кроме посадника, о тебе знает?

– Как ты?.. – начал было Глазов, но осёкся. – Почему ты здесь? Что ты хочешь?

– Как говорил товарищ Мюллер, гася сигарету о глаз допрашиваемого: «Тут вопросы задаю я». Я не слышу ответ, Жабушка? Не нужно играть в Штирлица. Ты боишься боли, и я это знаю как никто другой. Сколько раз тебя пинал во дворе. Говори.

– Посадник, больше никто, – с ненавистью выдохнул Глазов.

Усмехнувшись, я сказал:

– Знаешь, Гриня, я до того привык при разговоре мысленно переводить язык собеседника на современный мне русский язык, что даже сейчас, когда мы с тобой говорим на старославянском, понимаю, что уже начал

отвыкать от родного мне языка. Давай переходи на нормальный язык, всё-таки в русском объём слов больше для понимания.

– Хорошо, – продолжал исходить ядом Глазов, но уже на нормальном современном русском.

– Расскажи-ка ты мне, голубок, свои планы на будущее. О захвате земель Красновских я в курсе. Кстати, твоей дружины, что работала под татей, уже нет. В живых, я имею в виду. Так что? Молчишь? О, как глазами засверкал! Уже боюсь-боюсь. Ты что, голубок, решил устроить тут оранжевую революцию?

– Москаль проклятый! – зашипел Глазов. – И в будущем вы нам житья не даёте, и сейчас! Украина – независимая страна, мы устроим тут наши порядки! Вот когда я переберусь в Киев...

– Хайль Гитлер! – воскликнул я, вытянув руку вперёд. Глазов машинально повторил мой жест, потом с недоумением посмотрел на вытянутую руку. Что-то невнятно пробулькав, он попытался с кровати прыгнуть на меня.

Встретившись лицом с моей стопой, отлетел обратно, чуть не придавив своей тушкой бессознательную подружку.

– Ты, Гриня, ничуть не изменился, – вставая, сказал я. – А теперь давай пообщаемся серьёзно. Всё-таки Расскажи-ка ты мне все свои планы на будущее. Где бумаги хранишь и деньги, может, тогда я и отпущу... твои грехи.

– Вы, москали, нас всегда ненавидели, – прохрипел тот, пытаясь перевернуться, пока я связывал ему руки за спиной.

– Ой ли? Понапридумывали, тоже мне. У меня, между прочим, среди украинцев множество друзей, только настоящих украинцев. Взять того же твоего брата Андрея. Постоянно с ним переписываемся в сети. Переписывались, вернее.

– Не говори мне про него, я и тогда, и сейчас ничего про него слышать не хочу!

– И про семью тоже? Твои родители старенькие, на куцей пенсии. Только почему-то помогают им старший брат с его инвалидностью, средний да несколько посторонних людей, включая меня. Я сам не шикую, но своей маме и твоим родителям деньгами помогал. Так что не тебе, мразь, о ненависти говорить. Таких, как ты, я люто не люблю и искореняю, как могу. Уж поверь мне... А теперь давай поговорим о серьёзном...

Гриша Дашко держался полторы секунды, пока я не начал его пытаться. Через полчаса я знал всё, что мне было нужно, поэтому не прощаясь чиркнул кинжалом ему по горлу, наблюдая, как тот дёргается на кровати,

захлебываясь кровью.

– Кошке кошачья смерть. Я собак люблю, а вот кошек терпеть ненавижу, – пояснил я Дашко, но тот не дослушал, дёрнулся и замер навсегда.

Насвистывая, я двинулся было в сторону рабочего кабинета попаданца-депутата и замер на пороге. Секунду обдумывал пришедшую мысль и вернулся к кровати, приложив руки к ране. Буквально через секунду Глазов-Дашко дёрнулся и стал выхаркивать сгустки крови.

– Что это было? – прохрипел он.

– Да ничего, не обращай внимания.

– Ты же меня убил, – неверяще произнёс он.

– Тебе показалось... Я вот что спросить хотел. Ты знаешь, как я погиб?

– Конечно, об этом все москальские каналы трубили. Два дома было взорвано террористами. Твоя панельная девятиэтажка сложилась, как карточный домик. Брат отписал, Андрей, он на твои похороны ездил... Придурок.

– Хорошо, что сына тогда со мной не было, – вздохнул я.

– Чем больше вас, москалей, подохнет, тем лучше.

– Ну всё, вопросов больше нет, – сказал я, поднимаясь и снова чиркая Глазова-Дашко по шее. Не обращая внимания, как тот хрипит, умирая, направился к двери. Я уже открыл было дверь и вышел в коридор, но снова замер от пришедшей мне мысли. Потом обернулся и вернулся к кровати, склонившись над трупом-зомби.

– ...урод, чтоб тебя... – захрипел снова воскрешённый Дашко.

– Я тут спросить хотел. Постарайся ответить честно...

– Говори, падлюка. Ай!.. Сволочь, ты мне руку отрубил! – держась за обрубок, заорал Глазов.

– Тс-с-с, – приложил я палец к губам. – Не перебивай взрослых.

Подвывая, тот попытался завернуть культю в простыню. Судя по виду, он был на грани сумасшествия.

– Так вот, Гриня, ответь мне на такой вопрос, – сказал я, убирая саблю в ножны. – Почему ты сдал дружину Красновского? Месть за дочь? Или тебя привлекла должность тысяцкого?

Неожиданно Глазов хрипло-истерично засмеялся:

– Дочь, как же! Эту утку с похищением и запоем я сам пустил. Дочка она была не моя, а этого тела, поэтому я сам её оприходовал, вкусной в постели оказалась, вот она слегка умом и тронулась. А тут случай представился от неё избавиться. Я от смеха умирал, видя, как воевода морально мучается, выполняя поручение московского царского человечка.

Только через некоторое время эта сучка вернулась, правда, уже совсем не дружа с головой. Пришлось для виду её в монастырь отправить да прибить по дороге, некоторой информацией она владела.

– Ну, ты и мразь! – сказал я с чувством, покачав головой.

– Да пошёл ты! Что хочу, то и делаю. Да с вами по-другому и нельзя... рабские людишки. Только истинные... хр-р-рсс, – захрипел Глазов, когда я пережал ему трахею, на которой были видны два тонких белесых следа.

– Ладно, всё это на тебе, Гриня, ответь-ка мне на ещё один вопрос. Где посадник хранит казну? Только не говори, что ты не знаешь.

Второй пытки Грине не выдержать, он это прекрасно понимал, поэтому, шипя от ненависти, объяснил. Даже вспомнил, как видел, где посадник прячет важные бумаги, правда, произошло всё это случайно. После того как Гриня всё рассказал, я сидел на стуле разглядывая потолок ещё минуты три под напряженно-испуганным взглядом Дашко, но потом встряхнулся и отрицательно покачал головой:

– Нет, больше вопросов у меня нет.

– А-а-а!.. – только начал издавать крик Дашко, как его голова покатила по кровати и упала на натёртый воском пол, разбрызгивая кровь.

Сплюнув на пол, я проверил, как там девчонка, на всякий случай погрузил её в более глубокий сон и направился в соседнюю комнату, где был кабинет Дашко, пора собирать трофеи. Пистоль Грини я прихватить не забыл.

У этого гада Глазова, бывшего Дашко, было аж два кабинета. Один для официальных встреч на дому, он всё-таки был новгородским воеводой, ну и тайный, для личных встреч.

Сперва я тщательно обследовал, естественно, небольшой кабинет для тайных встреч, ключи у меня были, взял у покойного. Особо не рассматривая, что беру, охапками и кипами складывал бумаги в мешок-наволочку. Влезло всё, хотя я думал, места не хватит. Много было у бывшего депутата в тайничках секретных бумаг. Этих тайников у него в кабинете было аж шесть штук. Всё осмотрел, всё забрал. Деньги тоже были, что уж тут говорить, взял два небольших мешочка с золотом из НЗ воеводы и шесть с серебром. Благо тащить далеко не надо, лазутчики меня ждали у ближайшего угла с телегой. Специально подогнали её с грузом тухлой рыбы, чтобы ночная стража особо не цеплялась. Правда, собаки вой подняли, но к данному моменту начали подуспокаиваться. Они часто гавкали, так что этому не удивлялись.

Утащив пухлую от бумаги наволочку к выходу, оставил её там вместе с

деньгами, после чего побежал осматривать другой кабинет. Там денег было не так много, но зато я обогатился ещё тремя пистолетами, картами новгородских земель, списочным составом тысячи, что командовал Глазов, некоторыми приказами и несколькими другими ништяками, включая три подзорных трубы. Коллекционировал он их, что ли? Были и другие вещи, но я их особо не рассматривал, всё в мешки, найденные тут же, пихал. Больше всего меня восхитила ручная пушка с кремневым замком. Я такую в фильме про пиратов видел, для усмирения бунтов предназначена. Только вот как стрелять? Приклад всю руку отсушит и плечо отобьёт. Наверное, она к боку локтем прижималась, после чего производился выстрел. Так меньше шансов покалечиться. Эту ручную пушку я тоже прихватил.

После второго захода я побежал с первым грузом к телеге. Сделав две ходки, велел вознице ехать сразу на постоянный двор. Я не идиот везти такой компромат на борт «Беды», завтра-послезавтра дальними тропами всё это будет у меня. А пока пусть побудет укрытым местным брезентом под охраной на ближайшем постоялом дворе. Благо они работали круглосуточно.

Телега, тихо скрипя досками бортов, остальное всё было смазано дёгтем, укатила под охраной возницы и ещё одного лазутчика, а я с третьим лазутчиком направился к дому воеводы. Пора избавляться от улик. Дом требовалось сжечь, это даст мне больше времени, однако я вспомнил, что оставил в спальне Дашко девицу, вот за ней и вернулся, пока лазутчик таскал солому. Жечь её за просто так было не по мне. Я не Дашко. Она же мне ничего не сделала, пусть пока живёт, хотя это и претит моим принципам не оставлять свидетелей.

Небрежно бросив девку рядом с трупами охраны, я махнул рукой, приказав поджигать. Лазутчик рассмотрел в темноте мой взмах и зачиркал огнивом, высекая искры на трут. Одним махом я избавлялся от улик, а главное, от бумаг, что могли остаться в доме, а они вполне могли остаться.

Тревога поднялась, когда мы удалились от дома воеводы метров на триста, с этим тут было строго, город почти весь был деревянный, но тут нам повезло, ветра не было, именно поэтому мы и использовали огонь для заметания следов.

– Где дом посадника? – спросил я у лазутчика.

– Следующий поворот, третий дом, командир, – так же тихо ответил тот.

– А-атлично, – обрадовался я. – Как раз мимо аптеки пройдем.

Я помнил собственное обещание спалить аптеку, тем более это может отвлечь дворовых посадника. Всех их вырезать, как в доме воеводы, я

просто не смогу до рассвета, банально не успею из-за большого количества.

Лавка аптекаря была в богатом районе города, где жили служивые и бояре, поэтому он также имел два этажа и довольно красивый вид, ещё у аптекаря имелся двор, но он был позади лавки-дома. Сама аптека находилась на первом этаже, а владелец со своими родными жил на втором. Жизнь аптекаря и его родных в этом случае меня волновала крайне мало, сколько он русских людей отравил и «посадил на иглу», не поддаётся подсчёту, вот я и собирался посчитаться. А тут такой хороший повод.

Лазутчик стоял на стреме, а я проверил аптеку и двор на предмет охраны и собак. Как ни удивительно, ни того, ни другого не было. Вскрыв дверь лавки, я пальцами придержал леску тревоги, видимо, идущей к колоколу, и, перерезав её, пощупал, мысленно выматерился и начал сматывать. У меня лески для удочек нет, а тут такую отличную шёлковую плетёную снасть как трос используют.

Закончив сматывать леску, я нашёл среди товара несколько банок с плохоньким бензином и стал поливать полки, после чего несколько раз чиркнул кресалом, отшатнулся от загудевшего пламени, моментально охватившего прилавки, и выбежал на улицу. Спасётся аптекарь – его счастье, нет – его проблемы.

От аптеки мы бегом побежали в сторону подворья посадника, крича во всё горло:

– Пожар!.. Пожар!!!

Лазутчика я отослал, чтобы он присмотрел за ситуацией со стороны, а сам укрылся в тупике рядом с домом посадника. Во дворе у того поднялся шум, проснулась дворня и тут же с ведрами, деревянными баграми, окованными железом по краю лопатами и другими средствами пожаротушения бежала к аптеке, некоторые остались во дворе и стали поливать крыши дома и построек водой из колодца. В соседних домах занимались тем же.

Командовал седобородый дед с обширной лысиной, но он никак не мог быть посадником, словесный портрет которого я знал. Повиснув на руках, я рассматривал дом поверх забора, и когда на крыльцо вышел дородный мужчина с окладистой бородой, улыбнулся.

– Есть, – тихо шепнул я.

Всё, что надо, я выяснил. Посадник не руководит лично пожаротушением, значит, можно действовать. Одет я был как обычный отрок, сабли пришлось оставить у забора, так что на меня не обратили внимания, когда я быстрым шагом пересёк двор и прошёл к чёрному входу,

которым обычно пользовалась дворня.

Народу в доме было не так много, но и те были ненужными свидетелями. Однако я благополучно миновал всех местных слуг и попал в хозяйскую половину. Идти пришлось с привычно согнутой спиной и опущенной головой.

– Куда? – перегородил мне путь статный воин, он стоял на лестнице, ведущей на второй этаж.

– Я дворовый холоп воеводы Глазова, с сообщением. Велели сказать лично, – вжав плечи, ответил я.

– Игорь, проводи гонца.

– Хорошо, – вставая с лавки, ответил другой воин. В небольшом тупичке их оказалось ещё двое. Ценит свою жизнь посадник, как я посмотрю.

Следом за воином я прошёл в хозяйские покои. Согласно рассказам Дашко, после лестницы третья дверь слева – личная опочивальня, а прямо – кабинет. Шли мы в кабинет, видимо, посадник находился там.

Постучавшись, воин приоткрыл дверь и сказал:

– Владимир Рюрикович, к вам гонец от воеводы.

– Пусть заходит, – услышал я из-за приоткрытой двери.

Обращение к посаднику меня удивило: местные понятия требовали обращаться к хозяевам по-другому. Боярин, например. Видимо, обращение по имени-отчеству – это новые веяния от Дашко, что тот внедрял в местную жизнь. Надеюсь, до крайних мер в этом деле он не дошёл.

– Проходи, – переадресовал воин. Однако, пропустив меня, сам не зашёл следом, а закрыл дверь и остался снаружи. Он не уходил – я слышал его дыхание, и не было шума удаляющихся шагов.

– Говори, – велел посадник.

Приблизившись быстрыми шагами в полупоклоне, я сообщил дрожащим голосом:

– Воевода велел передать вам, что он... умер, – тихо добавил я и нанёс удар в висок, вырубая посадника. Тот наклонился слегка вперёд, чтобы расслышать, что я говорю, это позволило мне перегнуться через стол и нанести удар. Я часто пользовался этим психологическим ходом при разговоре, чтобы противник был вынужден подаваться вперёд, вслушиваясь. Правда, он не всегда срабатывал.

Дальше я действовал на скорости. В кабинете всё произошло быстро и тихо, однако охранник мог мне помешать, поэтому требовалось заняться и им. Тихо подскочив к двери, я резко распахнул её и нанёс удар сбоку в шею воину, он стоял спиной, но как раз начал оборачиваться. Лезвие

кинжала вошло до самой рукоятки, пробив кожу с другой стороны. Странно, что шейные позвонки не перебил.

Подхватив его под мышки, быстро занёс в кабинет и нанёс два добивающих удара, а то он уже начал хрипеть, я успел его подлечить, пока тащил.

После этого я запер дверь, связал и начал хлопать по лицу посадника, стараясь привести его в чувство. Касания лечебных ладоней почти сразу сказались.

– А?.. Што?.. – замотал тот головой.

– Что, головка бо-бо? – усмехнулся я, держа наготове кляп. Мало ли заорать захочет.

– Ты кто? – продолжая трясти головой, спросил посадник – видимо, я нанёс слишком сильный удар и выбил воспоминание о своём приходе.

– Что, уже не помните? Я от Глазова пришёл... или правильнее сказать – Дашко? – Теперь посадник слушал меня со всем вниманием, он, похоже, начал что-то понимать. – Он перед смертью попросил передать тебе привет. Вот, зашёл и передал.

Посадник продолжал сидеть в кресле за столом, не дёргаясь. Скосив взгляд на лежавшего воина, он на секунду задумался, после чего спросил:

– Ты тоже из будущего?

– Именно. Только я из правильных попаданцев, а не из подобных Глазову. Насиловать собственную дочь мне и в голову бы не пришло. Ладно, не будем тянуть кота за хвост, хотя очень хочется. Кто ещё знает о Глазове?

– Зачем тебе это?

– Хотелось бы знать. По словам Дашко, кроме вас двоих никто не знал о попаданце из будущего, всеми своими людьми вы манипулировали втёмную. Вот мне и хотелось бы знать, есть ли ещё знающие люди и тайники с бумагами? Говори. Или ты будешь играть в молчанку?

Посадник усмехнулся, он отнюдь не был дураком.

– Живым ты меня не оставишь, а так как ты меня убьёшь, то какой смысл рассказывать тебе что-либо, если я знаю свой конец?

– Конец бывает разный, – я запихнул в рот посадника кляп и стал ломать ему пальцы, не обращая внимания, как его корчит от боли. Даже спинка кресла, к которой он был привязан, затрещала от усилий. Терпеливо ждать, пока до посадника дойдёт, у меня не было времени, вот и пришлось пользоваться популярными в этих веках пытками.

Закончив с ними, я дал посаднику минуту отдышаться и вытащил кляп.

– Кричать не советую. Помощи не будет. Я всех охранников перебил.

Так что, будем говорить? Покайся, смерть легче встретишь, клянусь.

Посадник заговорил. Возможно, именно клятва его и зацепила, но скрывать он ничего не стал. Я знаю, могу улавливать подобные моменты.

Двумя ударами кинжала добив посадника, я осмотрел тайники и собрал все бумаги и два мешочка с золотыми монетами в небольшую кожаную сумку-портфель. Причём по виду – советского образца портфель, видимо снова Дашко постарался, новатор долбаный. Было у посадника и серебро с золотом, и камня. Но все они находились в его личной казне, в соседнем помещении. Однако прикинув, я понял, что хватит рисковать, пора уходить. Достаточно на сегодня приключений.

Приоткрыв дверь, я выскользнул в коридор, закрыл дверь и, поставив на пол портфель, скользнул к лестнице, приготавливая метательные ножи. Мимо охраны мне спокойно не пройти.

Хватило четырёх ножей, чтобы уработать троих стражников. Сделав контроль и забрав из тел инструмент, я сбегал за портфелем и, вернувшись к телам, на миг замер. Рядом с лестницей на настенной держалке горела обычная керосиновая лампа. Немного топорно сделана, но точно керосиновая. Я снял её со стены, слегка обжигаясь о железо, пролил керосин на пол и разбил лампу. Огонь тут же охватил половицы и сухие доски лестницы. Скрывать улики так скрывать.

– Пожар!.. Пожар!..

Лишние жертвы мне были не нужны, поэтому, измазав лицо сажей, я и надрывался на бегу к выходу. Вынесло меня с десятком дворни, что, испуганно крича, покидали дом. Только в отличие от них я рванул не за ведрами (которых, кстати, не осталось, все работали у аптеки) или другими средствами. Я выбежал на улицу и припустил в сторону тупика, где, прихватив сабли, двинул уже подальше от дома посадника. На середине пути ко мне присоединился третий лазутчик (надо будет уточнить, как его зовут), и мы беспрепятственно добрались до причалов (слежки точно не было), где оба отправились спать. Правда, я искупался за бортом, смывая пот, кровь и следы сажи. Одежда холопа, что была на мне, ушла на дно с камнями.

Запихнув портфель в один из сундуков, я завалился спать, велев будить меня часиков через пять.

Думаю, мне хватит поспать. На завтра дел много. Изучить бумаги посадника, встретиться с английским капитаном на предмет покупки его корабля, если, конечно, он хозяин. С купцом Шереметьевым вечером встретиться. Причина та же, только он продавал два больших морских

насада. Честно говоря, не знал, что чисто речные насады можно сделать морскими, очень хотелось посмотреть, что же это такое. Узнать, продаются ли усадьбы в окрестностях, но у реки, и дома в городе, забрать своих людей из усадьбы Красновских и вывезти казну. Решить проблему с рекрутами, что я набрал на землях Красновских. Проще говоря, выкупить их у хозяев, ну и по мелочи. А этой мелочи набиралось воз и маленькая тележка.

Разбудили меня ровно к завтраку. Пока вахтенный убирал в каюте за Лаской, я узнал все свежие новости, одновременно умываясь. Вахтенный оказался очень словоохотлив и был неплохо осведомлён. Оказалось, сгорело три дома и часть построек, благо до соседей огонь не добрался. Видимо, провидение помогло... ну, или отсутствие ветра. По словам матроса, сгорели дома воеводы, посадника и аптека французского немца. Последний чудом остался жив, но без гроша в кармане, всё в дело пустил. Теперь же ему осталось идти по миру вместе с семьей.

Последнее меня заинтересовало, и я велел вызвать Немцова и приготовить второй прибор.

«Надо будет подобрать себе пару помощников-секретарей для официальных дел и неофициальных, а то я своего капитана гоняю», – подумал я, когда тот вошёл в каюту. Мимо Немцова прошёл вахтенный, гордо держа перед собой мой ночной горшок, не пустой, естественно.

«Скромнее надо быть, скромнее», – покачал я головой и приветливо поздоровался с капитаном «Беды».

– Присаживайся, – указал я ему на стул напротив. – Мне уже сказали, что ты не успел позавтракать.

– Что-то случилось, князь?

С лёгкой руки Корнилова меня все стали называть князем, я не ругался и не поправлял. Тем более скоро это будет официальный титул. Пусть привыкают.

– Глазов, как ты понимаешь, нас больше не побеспокоит. Разрулил я эту проблему.

– Я знаю. Посадник тоже упокоился, как и часть его семьи, – вздохнул Федор. – Четверо в огне погибли.

– Бывает, – ответил я и наконец принялся за завтрак.

Несколько минут в каюте стояло молчание, изредка нарушаемое громким чавканьем Ласки. Она тоже получила свою порцию.

– Аптекаря почто сожгли? – спросил Федор, когда мы закончили завтракать и принялись за чай.

– Торговал ядами, выдавая их за лекарства, – спокойно пояснил я. – Как раз насчёт аптекаря я тебя и пригласил. Он хоть и мошенник, но способный. То есть зелья варить может, что нам пригодится в будущем. Пошли к нему человечка и узнай, пойдёт ли он ко мне на службу в будущий аптекарский приказ. Отправимся мы ещё не скоро, но спецов надо набирать уже сейчас.

– Так он же травил нас! – не понял капитан.

– Это от незнания. Подучим, будет первоклассный специалист, причём на нашей службе. Главное, он сам организует лабораторию по приготовлению разных препаратов. Некоторые яды могут быть применены и во благо.

– Да?

– Да. Сам подумай. Я разорваться не смогу и везде не успею, это значит, на Новых Землях нужно будет организовывать лекарский приказ, чтоб тебе понятно было. Простенькие операции я их научу проводить. Вроде аппендицита. Опыт на пленных наработают. Но для этих операций и нужны наркотики. Ничего, организую исследовательскую медицинскую лабораторию, научатся со временем. Основы я им дам. А там сами знания наработают. Надо же с чего-то начинать. Лет через тридцать у нас будут неплохие врачи и хирурги... наверное. Вот я и говорю, надо с чего-то начать.

– Я понял тебя, князь. Сейчас же распоряжусь отправить человека за аптекарем.

– Хорошо, молодец, – благосклонно кивнул я. – У меня к тебе есть ещё одна просьба. Нужны два помощника. Чтобы умели писать, читать и дружили с головой. Умными были, проще говоря.

– Я понял, что ты сказал, научился, – рассеянно ответил Федор, о чём-то раздумывая. – У нас на всех всего четверо умеющих хорошо писать и читать, и все они учат, по твоему приказу, набранных для учёбы людей. Есть у меня один паренёк на примете из твоих артиллеристов. Думаю, он будет хорошим помощником. Он умеет писать и читать, я недавно об этом узнал. Мать его была из обслуги бояр, вышла замуж за мельника. Сама грамотной была, училась с детьми бояр, позже и детей своих научила.

Быстро перебрав все кандидатуры, я спросил:

– Семен, мельника сын?

– Он. Головастый парень и верный тебе. Бери, не пожалеешь.

– Молод ещё, тринадцать лет. Но это в плюс, сам его натренирую. Иди, отправь гонца к аптекарю и пришли мне Семёна, я сам с ним поговорю.

– Хорошо, князь... Разреши просьбу?

– Давай, в меру сил выполняю, – пожал я плечами.

– Разреши мне со своими близкими отправиться с тобой на Новую Землю, – удивил меня кормчий.

Я на несколько секунд завис, осмысливая ситуацию. Потом согласно кивнул и сказал:

– Это твоё решение, я только за. Даже дам тебе совет. Всех своих старших я планирую ввести в боярское звание перед отплытием. Там вы получите земли. Вот и предлагаю тебе продать всё, что есть, и купить холопов и живность. Корабли я вам для перевозки предоставлю. На себя планирую один. Будет у тебя деревенька, а то и две. Только сразу предупреждаю. Людей набирай с правом выкупа, чтобы они в будущем выкупиться могли. Мне рабов не надо. Отработают – освободишь, а к тому времени с Руси новых поселенцев доставим, надо будет – выкупишь. Глядишь, кто из старых холопов у тебя арендатором останется. Потом подойдёшь, подробно объясню.

– Благодарствуй, князь, я согласен с твоим предложением. Сразу же, как будет свободное время, отправлю весточку своим, чтобы прибыли в Новгород ближайшим транспортом.

– Ближайшим не надо, мы тут задержимся на четыре месяца, а то попадём в сезон штормов в Атлантике. Время есть, не торопись.

– Спасибо, князь, – слегка поклонился Федор и вышел за дверь. Я просил не делать мне подобные поклоны, но, видимо, для Федора это была дань уважения.

Вахтенный убрал посуду, а я не успел разложить бумаги, что добыл у посадника, как в дверь постучались. Прибыл Семён, возможно, мой будущий секретарь.

– Проходи, – велел я ему, заметив, как в дверь просунулась конопатая любопытная мальчишеская голова в форменной шапке набекрень. Всё строго по уставу. Написанный мной устав уже внедрился в дружину, и служба шла как надо. Сержанты ревностно следили, чтобы никто не отходил от прописных правил.

Семен зашёл и после моего разрешающего жеста присел на стул, на котором ранее сидел Немцов. Не нагибаясь он опустил руку и погладил подбежавшую Ласку – руки длинные, да и щенок заметно подрос.

– Семён, я вот что тебя позвал. Как ты понимаешь, мне нужны верные и надежные люди, которые смогут держать язык за зубами. Ты ещё, конечно, молод, но с возрастом этот недостаток проходит, к тому же я сам ещё новик. Думаю предложить тебе работу моего человека для особых поручений и секретаря. Пока подучишься, дальше будет видно. Подумай,

потом скажешь, что ты решил. Хорошо?

Надо отдать должное мальчику, он подумал секунд десять, после чего степенно сказал:

– Я уже выбрал, князь. Я буду с тобой всегда.

– Вот и ладно. Как с грамотой?

– Мама научила, умею читать, складывать и писать.

– Отлично. Так, вот тебе первое поручение. Пробегись по торговым рядам и узнай, где продаются усадьбы. Мне нужны те, что имеют выходы к реке Волхов со стороны Варяжского моря, чтобы там пристань была. Потом поспрашивай, продаются ли боярские дома в Новгороде. Производства какие, горшечная лавка, кузня или ещё что. А лучше составь мне список всего, что есть производственное в городе и окрестностях. Список нужен полный. Вот, держи, тебе лист бумаги и свинцовый карандаш. Это на сегодня, завтра будет другое задание.

– Ага, – довольно кивнул Семён, принимая бумагу, карандаш и немного денег, чтобы можно было пообедать в городе.

– Это ещё не всё. Город ты плохо знаешь, мало ли. Скажи десятнику, чтобы выделил тебе двух бойцов для охраны.

– Князь, я лучше переоденусь в обычную одежду и так пробегусь, а то на меня все глазеть будут. За варяга как бы не приняли.

– Это называется создать имидж, – ответил я и задумался. – Ладно, твоя идея тоже хороша, как закончишь, сразу ко мне. Доложишься.

– Ага, – кивнул Семен и быстро выбежал из каюты.

– Вахтенный! – крикнул я вслед пострелёнку.

– Здесь, – заглянул матрос.

– Лазутчики проснулись?

– Да, двое. Других двух со вчерашнего дня нет.

– У них своё задание. Давай мне обоих лазутчиков, после них позови Немцова.

– Хорошо, – вахтенный прикрыл дверь снаружи.

Через полминуты в дверь постучали, и после моего разрешения в каюту вошли двое лазутчиков. Молодой, то есть паренёк, и постарше.

– Как вас звать?

– Андрей Мельников, – кивнул тот, что постарше.

– Артем Воронов, – назвал себя младший.

– Хорошо. Вы свободные или в холопах у Красновских?

– Вольные люди, – ответили оба.

– Отлично. Тебя я назначаю старшим лазутчиком. Будешь получать плату как старший десятник. Обучение ваше я возьму на себя. Значит,

работа для тебя, Андрей, на сегодня вот такая. Узнай всё, что можно, об иностранном корабле, что пришвартован с другой стороны моста. Кто хозяин, кто капитан – всё знать хочу. Потом займись купцом Шереметьевым. У меня вечером с ним встреча назначена, гонец к купцу уже отправлен, доложишься до его прихода. Тоже узнай, чем он дышит, какие беды у него, что имеет во владении. Понятно сказал?

– Да, некоторые слова новые, но они понятные, – кивнул Андрей.

– Хорошо. Всё, иди.

Старший лазутчик, получив деньги на прокорм, вышел, молодой же остался.

– Для тебя у меня другое задание. Нужно найти несколько приказчиков, которым нужна работа. Чтобы обязательно грамотные и хоть немного честными были. Отправишь их ко мне. Скажешь, боярские дела будут вести. Нужно мне два-три вполне умелых хлопца. Понял?

– Да, князь.

– Всё, это тебе на сегодня.

Передав пареньку десяток медных монет, я отправил его на поиски нужных мне знающих местную торговую кухню людей.

– Звал? – заглянул ко мне Немцов.

Отодвинув в сторону лист пергамента, что читал, я кивнул и велел проходить.

– Скоро у нас будет своя усадьба, по-любому будет, так что нужно подумать, как вывозить людей из имения Красновских. Долго там задерживаться не стоит. Максимум через неделю требуется их забрать. Ещё нужно узнать, можно ли выкупить у Красновских людей из тех, что мы набрали в дружину. Некоторые холопы, не вольные люди.

– Мне лично заняться этим?

– Сам решай, но держи это на контроле. Как только узнаем насчёт усадьбы и земель, чтобы всё было готово. Пока же сходи к Красновским и попробуй договориться о продаже людей, что к нам в боевые холопы пошли. Тогда мы не совсем по закону действовали, когда набирали людей. По Правде мы не правы. Этим нас могут прижать, поэтому требуется выкупить людей и покинуть усадьбу как можно быстрее.

– Выбора не было, голодали они, а сейчас на тебя молятся. Спасли, а боярыня их бросила, – ответил задумчивый Фёдор. – На базар я Авдея отправлю, пусть спрашивают насчёт усадеб и земель. Народ там много что знает, земля слухами полнится, как ты любишь говорить, князь.

– Этого не требуется. Семёну поручил заняться этим.

– Ага, понятно, почему он ту холопскую рвань надел. Что ж, умно... К

Красновским я сам схожу, к обеду как раз будет. Пошлю человека предупредить о приходе, чтобы ждали. Почём людей брать будем?

– По средней цене. Если будут поднимать, немного можно, если слишком дорого, то вернём людей.

– Они тебе крест на верность целовали, – тихо напомнил Федор.

– Да помню, но это вольные были. А людям Красновских просто хотел предложить вариант, чтобы они сами выкупились, деньги мы бы им дали. Вместе с семьями бы выкупились. Ладно, давай работай по первому варианту. Если не получится, будем действовать по второму, хоть это и муторно.

Когда Немцов вышел, я занялся бумагами. В течение двух часов мне никто не мешал, и я всё больше и больше погружался в хитросплетения схем работы воеводы-попаданца и посадника.

Когда я прочитал один из листов – он, как назло, попался мне в самом низу, – задумался и крикнул вахтенного офицера. Немцов уже полчаса как отбыл к Красновским.

– Командир? – вопросительно посмотрел на меня дежурный десятник.

– Наёмную повозку для бояр и четырёх бойцов в сопровождение, – велел я ему.

Тот скрылся, а я прочитал лист уже более внимательно и вдумчиво. На нём, можно сказать, было прописано личное дело Глазова-Дашко. То есть то, чем он владел лично, совместно с другими торговцами и с посадником. Поворошив остаток бумаг, я нашёл и другой лист, с описанием уже характера покойного воеводы. Не знаю, кто надоумил посадника написать всё это, а рука точно была его, но, наверное, слизал всё это с действий самого попаданца. Ох, надо бы почитать бумаги Грини, очень надо.

На первом листе были указаны все предприятия, которыми так или иначе владел Глазов-Дашко. Вот десяток меня и заинтересовал, то есть те, которыми единолично владел воевода-попаданец. Те, что были совместные с другими торговцами, меня не интересовали, а те, что были совместные с посадником, я пока отложил на более позднее время. Сейчас же надо было хапать что можно. Ведь у Глазова нет родственников, он их сам извёл, как указано в деле, и всё отойдёт городу, а этого допустить было нельзя. Рейдерский захват ещё никто не отменял. Тем более подписи Глебова и посадника я знал и скопировать мог. Посадник будет моим видоком при продаже. Сделаю фальшивки купли-продажи. Но сначала нужно было осмотреть предприятия, поставить в охрану там своих людей, а за ночь напишу фальшивки. Борзеть не будем, но три-четыре предприятия точно «куплю» – те, что лучше. Вот мне и надо осмотреть, ради чего стоило бы

рисковать.

«Эх, жаль, бумаг Дашко нет в наличии, их мне только завтра с утра подвезут вместе со свежей рыбой для команды. Конспирация, мать её. А то уточнил бы по этим предприятиям, что и как», – вздохнул я и стал разбирать бумаги на три стопки. То, что пойдёт в огонь, то, что в скрытый тайник, и то, что может пригодиться в будущем.

Вахтенный принёс мне медный тазик, и я самолично сжёг ненужные бумаги, после чего велел выплеснуть перемешанный с водой пепел за борт. После ухода вахтенного спрятал остальные бумаги в сундуки и тайник. После чего, потянувшись и почесав затекшую спину, вышел на палубу. Светило солнце, шумел город, орали чайки, а я стоял и блаженно улыбался, поглядывая вокруг. Яркая зелень деревьев, темноватая, но синяя вода Волхова, белые крепостные стены Новгорода. Лепота. Когда ты молод и в расцвете подростковых сил, то всё тебе кажется ярким и живым. Счастливо вздохнув, я сбросил портки и рубаху, после чего запрыгнул на борт ушкуя и вниз головой бросился в голубые воды реки.

Бойцы и часть команды, что не гуляла по городу, а работала по кораблю, с улыбками наблюдали за мной, пока я, с удовольствием отфыркиваясь, крутился неподалёку от корабля. Народу было не так много. Пять воинов в полной сбруе, включая десятника, шесть членов команды и трое мальчишек-артиллеристов, что обследовали одну из больших пушек. Вот и всё, остальные отдыхали в городе, согласно корабельному распорядку.

Поднявшись по сброшенной мне верёвке с узлами на борт ушкуя, я отряхнулся, не обращая внимания на то, что полностью голышом, и подошёл к артиллеристам.

– Что у вас?

Один из мальчишек обернулся, это был командир орудия Игорь Семенов, и виновато пояснил:

– Запальное отверстие прогорело. Большое стало, часть огненной силы с несгоревшим порохом вырывается из него, и выстрел получается не таким мощным.

– Да?

То, что артиллеристы могут так складно говорить, было не удивительно, пока поднимались по рекам, я давал им уроки, успели нахвататься. Час артиллеристы, час стрелки, час команда ушкуя. Причём остальное свободное время они занимались грамотой. Мне были нужны грамотные люди. Я собирался строить государство на землях американских индейцев, вот мне и нужны были будущие сподвижники. Бояре. Кстати, я

собирался давать боярское звание только воинам. Не торгашам или бывшим крестьянам, а только воинам.

– Хм? – я прочистил горло, сплюнул за борт и присел у пушки, заглянув в запальное отверстие и в дуло. – На мой взгляд, ничего страшного. Смотрите, что я предлагаю. Сейчас берёте инструмент штатного кузнеца, что мы купили у немцев в Твери, и наждаком счищаете весь нагар и обгоревший металл в запальном отверстии. После этого подбираете бронзовую конусообразную втулку, подравниваете наждаком на глазок, чтобы она плотно встала в запальном отверстии. Дырку во втулке нужного размера просверлите вручную, после чего просовываете тонкую веревочку через запальное отверстие, вытаскиваете через дуло, привязываете через дыру втулку и тащите обратно, чтобы втулка плотно встала в запальном отверстии.

– Но она встанет неплотно, как сильно верёвку ни тяни, вряд ли что получится, – ответил командир орудия, мгновенно сообразив, о чём я говорю. Не зря я лично отбирал их в артиллеристы, туповатые тут не приживутся. Нужны именно такие вот умницы.

– Это так, – подтвердил я. – Подтащите к запальному отверстию втулку, проверите, нормально ли она встает, если нет, вытащите и подровняете. Потом уже, когда она встанет на место, сунете в дуло крепкую палку и молотком забьёте втулку до предела. При первых двух выстрелах она уже встанет плотно. Вот и всё решение. А сейчас бегом за инструментом и пошлите кого-нибудь к кузнецу за бронзовыми втулками. Возьмите побольше, чтобы запас был. Деньги в судовой кассе у дежурного офицера возьмёте.

– Ясно, командир. Разрешите выполнять? – встал по стойке смирно старший артиллерист.

– Вольно, – улыбнулся я. – Действуйте. По окончании доложите, я проверю.

– Есть!

Одевшись в парадную одежду, я повесил на пояс сабли и по трапу ступил на доски причала. Вахтенный офицер ещё десять минут назад доложил, что требуемые повозки уже прибыли. Одна для меня, другая для охраны. Своё бы приобрести, но пока нет места, где содержать животину, смысла покупать коней и повозку не было. Тем более просто так повозки не продавались, делались только под заказ.

– Куда, боярин? – спросил местный возница, пока мои воины садились в другую повозку.

– На глазовскую ткацкую фабрику. Купил я её у него по прибытии,

хочу осмотреть свои владения.

– О-о-о! – только и протянул возница.

Причина такой реакции стала понятна, когда мы выехали на окраину, подъехали к высокому забору и остановились у ворот, которые охранял мужик с мечом на поясе и кожаной сбруей. Высокие деревянные корпуса, что скрывал забор, ещё издали привлекли моё внимание. Да и охрана давала понять, что производство прибыльное и дорогое.

Покинув повозку, я подошёл к калитке.

– К кому? – хмуро спросил охранник.

– К себе, – спокойно ответил я. – Ещё вчера купил у вашего бывшего хозяина фабрику и ещё три предприятия. Похоже, правдивы были слухи, что Глазов в Киев собирался переехать, распродавая имущество.

Непринужденно выданная информация достигла ушей охранника, заставив его поморщиться. Все знали о гибели посадника и воеводы.

– Я позову директора производства, – сообщил охранник и, пропустив нас во двор предприятия, поспешил ко входу.

«Ого, а Гриня, я смотрю, тут неплохо развернулся, даже ввёл производственные термины и наименование должностей! Причём давно, служащие фабрики к ним привыкнуть успели», – лениво подумал я.

Я со своими воинами направился следом, не собираясь задерживаться у ворот. У входа в крайний корпус нас поймал местный директор.

– Простите, вы кто? – вежливо поинтересовался он.

– Боярин Красновский, приёмный сын бывшего воеводы. Вчера вечером я купил у Глазова эту фабрику и ещё три производства. Вот решил проверить, что за покупки мне достались.

– Прошу прощения, боярин, но можно видеть бумаги?

– Можно, но чуть позже. Я не догадался их взять, они у меня на корабле. Сегодня не успею, объезжаю всё купленное, но завтра обязательно покажу.

– Но...

– Я не всё сказал, – холодно произнёс я. – Охрану фабрик возьмут на себя мои люди. Вот эти два воина, позже придут ещё люди. Если вы будете работать хорошо, то останетесь на своём месте, если нет – выкину за ворота. Теперь показывайте мне мои владения.

– Но так нельзя! Без бумаг я не имею права что-либо показывать вам! – возмутился директор и тут же согнулся от удара прикладом в живот. Мои воины не любили, когда игнорировались мои приказы. Охранник, что стоял рядом, даже не дёрнулся, когда на него наставили сразу две пищали, только сблелнул слегка с лица.

Два воина и директор направились со мной в ближайший производственный корпус, один воин, приглядывая за местным охранником, остался у ворот, а четвертый, воспользовавшись повозкой, поехал на пристань – требовалось привезти четверых воинов, чтобы взяли под охрану фабрику.

Когда мы зашли внутрь, я прислушался. Среди перестука деревянных станков были слышны голоса как мужские, так и женские. Судя по всему, шло обсуждение смерти бывшего хозяина. Поглядев, как идёт производство тканей, я довольно улыбнулся, подмигнул ближайшей женщине и, осмотревшись, направился к группке людей. Главенствовал там парень лет тридцати. Судя по виду, местный начальник.

– Кто таков? – спросил я его.

Многие работники, заметив чужих, с интересом осмотрели нас. Что мне понравилось, производство не затихало ни на минуту, а вот во втором цехе-корпусе было тихо, это я ещё во дворе определил, хотя голоса я слышал и там.

– Артемий Вольский. Старший цеха, – спокойно ответил мужчина.

– Почему цех работает?

– Нам платят за работу. Нет работы – нет денег. Только не все это понимают, – стрельнув глазами в сторону директора, ответил парень.

– Это хорошо, что ты это понимаешь. Я вчера купил эту фабрику у боярина Глазова, видоком был боярин Дмитрий Борецкий, посадник. С той минуты фабрика принадлежит мне. Значит, такой мой приказ. С этой минуты я назначаю тебя, Артемий Вольский, директором фабрики, мне понравились твои слова. Прошлого директора я увольняю. Значит, так: четверо воинов охраняют фабрику, она должна продолжать работу. А ты, Артемий, приготовь все документы по фабрике, техдокументы по производству и по сбыту и доставишь их мне на пристань купца Черемухина, там стоит мой ушкуй «Беда». Там я живу, пока не купил дом в городе. Жаль, не догадался взять его у Глазова, а то он, похоже, захотел переехать в Киев. Значит, жду тебя вечером. Всё понял?

– Да, боярин, – поклонился Артемий.

– Этого гоните в шею вместе с охранником, – повернулся я к бойцам, подбородком указав на бывшего директора.

Не обращая внимания на вопли, я прошёл по цеху, поглядывая на станки и прикидывая, как их демонтировать. Похоже, один корабль придётся полностью пустить на перевозку станков фабрики.

Ведь для чего я «скупал» производства и буду скупать ценных специалистов? На Новой Земле всё это будет нужно, ладно несколько сотен крестьян в деревушки, но для города-столицы княжества нужны производства и горожане, вот я и делал задел на будущее. Откуда брать материал для производств, решу позже, там видно будет.

После осмотра фабрики и всех её зданий я довольно кивнул, заглянул по пути на склад готовой продукции и направился к воротам, которые взяли под охрану прибывшие бойцы. Уровень работы фабрики поражал, как и прикидки тех сил, что вложил в производство Глазов. Ведь как в это время работали с тканями? В эти времена не было ткацких фабрик нигде в мире. Красильщики или купцы скупали по деревням домотканое полотно – шерстяное, лён, дерюгу из крапивы или конопли – и свозили к месту дальнейшей обработки. Так что фабрика Глазова – новаторское решение для местных, и похоже, за неё будет изрядная борьба. Посмотрим, кто кого.

Дальше наш путь лежал на стекольную фабрику. Не знаю, каких сил стоило Грине устроить это производство, но я искренне впечатлился. С этим производством тот же случай, как и с ткацкой фабрикой. Всё стекло на Руси привозное. Не было в это время подобного, так что несмотря на все Гринины выходки, по деловой части я его искренне зауважал.

Правда, фабрикой этот сарай с несколькими горнами и специалистами назвать было сложно – так, небольшое производство. Тут тоже рейдерский захват прошёл без проблем. Оставив двух бойцов, я направился по

следующему адресу, свечному заводику. Только тут я опоздал, во дворе уже суетились служивые людишки, описывая имущество. Чтобы не терять время на бодания – их нахрапом без бумаг не возьмёшь, а там, где я побывал, попробуй через моих людей прорваться – поехал по следующему адресу, только находился он за чертой города. Одним словом, ехал я на лесопилку.

Мои надежды сбылись. Водяное колесо и обычная дисковая пила. Правда, всё это не работало, рабочие сидели и ожидали, что будет в связи со смертью хозяина. Объяснив им ситуацию, оставил двух воинов для охраны и быстро направился обратно на «Беду». Нужно было прикрыть тылы. Когда я собирал бумаги Глазова, то прихватил несколько чистых листов с его личной эмблемой на верху листа. Только они лежали в мешке на постоялом дворе под охраной моих людей-лазутчиков. Поэтому пропустив попавшихся на выезде из города служивых людишек, усмехнулся – опоздали, голубчики – и, заехав по пути на нужный постоялый двор (не до конспирации, торопиться надо), направился на ушкуй. Бумаги подвезут через полчаса, поэтому я поспешил готовить писчие принадлежности и почитать бумаги купли-продажи посадника, чтобы воспроизвести похожие на них фальшивки.

На пристани, кутаясь в одеяла, сидела семья. В старшем мужчине я опознал аптекаря. Отмахнувшись от всех, велел дежурному поставить семью на довольствие, перенеся нашу беседу на более позднее время, отмахнулся также от лазутчиков. Не время. Я даже Семёна не принял, хотя он подпрыгивал от переизбытка информации. Ничего, через час займусь и ими, главное – закончить с более важными делами. А производства, якобы мной купленные, того точно стоили.

Правда, у меня могут быть проблемы с легализацией. С этим мне могли бы помочь почивший Михалыч или, на крайний случай, его семья, но чего нет, того нет. Так что я в подвешенном состоянии. А что тут делали с самозванцами, присваивающими себе дворянское звание, я знал. Казнили их. Поэтому и надо было продержаться и свалить отсюда к чертям собачьим, а лучше легализоваться по-настоящему, вот я первые шаги и делал. Ничего, что-нибудь придумаем. Хм, у меня даже есть кое-какие планы на этот счёт, по первым прикидкам должно выгореть. Нужно будет чуть позже обмозговать это дело.

Только одному я был вынужден дать три минуты, так как это дело не терпело отлагательств – это вернувшемуся от семьи Корнилову. Мы вчера договорились с мастером, что делал пищали, и златокузнецом, хоть и

немного припозднились, но обязательство нужно исполнять. Вот Корнилов, получив мешочки с серебром и немного золотом, и направился с двумя воинами к оружейнику, от него на наёмный склад, чтобы нанять пару телег для перевозки пищалей к златокузнецу на переделку и на склад. Его я и назначил ответственным за все операции, выделив в помощь и охрану трёх воинов. Больше просто нет, все оставшиеся на охране предприятий и обоих кораблей. Проводив Корнилова, я залез в тайник и стал более детально изучать бумаги посадника.

Следующие полтора часа мне никто не мешал. Вернувшийся от Красновских Немцов пристально смотрел за этим. Когда я полностью осознал местное правописание при составлении нужных договоров купли-продажи (бывало, и на бересте всё оформлялось, бумага дорога была), прибыли лазутчики с рыбой и бумагами Дашко в одном из мешков.

Рыба пошла коку, а нужный мешок незаметно смогли пронести мне в каюту. Всё-таки народу было на пристани немало, тем более количество увеличилось. Приходили незнакомые мне люди. Двое точно приказчики, судя по виду и тому, как с ними обращался младший лазутчик Артем.

За сорок минут я накидал на трёх листах с гербом Глазова-Дашко договора. Сравнил с уже имеющимися и довольно кивнул. Один в один рука Грини, даже закорючка посадника была полностью скопирована. Сумму я ставил по примерным прикидкам, чуть завышая.

Убрал все бумаги посадника и воеводы в тайник, фальшивки к ценным бумагам в один из сундуков и, после плотного обеда, вернее даже уже полдника, велел вызывать ко мне по одному всех собравшихся на пристани.

Первым прошёл Немцов как старший на палубе.

– Докладывай, – велел я ему.

– Смог я обговорить с боярыней. Продаёт она тебе людей, ужю послала человека купить холопов у разорившихся бояр на московских землях. Там неурожай был, голодно. Ещё просит личной встречи.

– Зачем?

– Сказала, продаст людишек тебе лично.

– Ладно... если так надо, замараюсь, схожу к ней. Назначь встречу на вечер... Нет, сегодня не успею, завтра к обеду я буду у неё.

– Хорошо, я отправлю гонца.

– Это всё?

– Да.

– Зови Семёна. После него лазутчиков, и под конец аптекаря.

– Хорошо, князь.

– Кстати, задержись на минутку, – попросил я Федора, когда он уже встал и подошёл к двери. Вернувшись к столу, он сел на место и вопросительно посмотрел на меня. – Как ты понимаешь, я липовый боярин, да и звания мне этого мало. С этой минуты, если кто будет спрашивать, я – Артур Кириллович Александров, князь государства Российского, что находится за океаном на царских землях. Поди проверь. Если кто будет интересоваться, почему представлялся боярином Красновским, так пусть отвечают, что Кузьма Михайлович стал мне приёмным отцом, я не мог ему отказать. Это всё ты должен пояснить команде и воинам. С лазутчиками я сам поговорю. Слухи обо мне уже должны пойти в городе, но нужно дать им правильное направление. Вот они и пояснят любопытным новгородцам, что я младший сын царя российского, ненаследный. Попал на корабле в бурю, чуть не утонул, но спасся, цепляясь за обломки. Попал в плен сперва к англичанам, бежал, потом попался к крымчакам, бежал и оттуда. Сейчас скупаю корабли и людишек, чтобы вернуться на родину. Как тебе?

Федор задумчиво постукивал пальцами по столешнице.

– Хорошая идея, князь. Так тебе действительно можно говорить с боярами и князьями как с равными. Да и видно, что ты высокородный, умеешь повелевать и держать себя. Так могут только боярское и княжеское сословия. Проверить они действительно не смогут, но вот вопросов зададут множество, особо когда на вече соберут и тебя позовут. Откуда это государство взялось и другое. Даже почему имя у тебя, как у нас.

– Сейчас им не до этого. Делят освободившиеся места. А когда вспомнят обо мне, я уже буду крепко стоять на ногах.

– Если тебя не признают, то ни дом, ни усадьбы ты не купишь. Не сможешь.

– Да это и так понятно. Много у вас тут законов. Вон, даже производства иметь боярину неместно. Как только Глазов с посадником эти неофициальные законы обошли? Наплевали на них, что ли?

– Наверное, – пожал плечами Федор.

– Ладно, давай зови Семена. Разберусь с делами, и будем встречать Шереметьева. Ужин в корчме заказали?

– Всё самое лучшее.

– Вот и хорошо. Ступай.

Буквально сразу после Немцова в каюту прорвался Семён и затараторил от входа, но я жестом заставил его замолчать и усадил на стул.

– Успокоился? Теперь вдумчиво и подробно рассказывай, как у тебя день прошёл, есть ли новости?

– Есть, князь! – кивнул сияющий как новенький пятак Семен, доставая

из-за пазухи помятый лист пергамента.

Взяв лист, я расправил его и стал вчитываться в каракули.

– Написано неплохо. Но явно второпях, не всё могу разобрать. Давай, ты мне всё своими словами расскажешь, что и как. Начни с усадеб, есть что в продаже?

– Да! – звонко воскликнул Семен и даже завозился на стуле от нетерпения. – Боярин Трофимов уезжает на земли московского царя и продает всё имущество, земли тоже. Правда, их у него немного, три деревеньки да усадьба, но она находится у берега Волхова, и пристань есть. Ещё у боярина был дом в Новгороде, но он его уже продал.

– Отличная новость. Боярин сейчас в усадьбе?

– Я говорил с его холопом, он сказал, что да. У боярина насад и ушкуй, вещи грузят. Потом они вернутся сюда.

– Хорошо. Завтра после встречи с Красновскими и решения дальнейшей судьбы своих людей отправимся на малом ушкуне к усадьбе. Поговорим с боярином и на земли посмотрим. Там, если что, и купим. Возьмем видоком кого-нибудь из соседей. Давай дальше, есть ещё что?

– Из производств ничего в продаже нет, хотя сейчас до драк доходит, борются за имущество воеводы. Родственников-то у него нет. Это всё.

– Новости ты отличные принёс. Вот тебе деньги за работу, купишь лакомства. Молодец, – протянул я несколько медных монет Семену. Тот таких огромных для него деньжищ не то что в руках не держал, не видел никогда. Поблагодарив, он забрал монеты и выбежал из каюты.

Следующим зашёл старший лазутчик Андрей Мельников.

– Докладывай, – велел я ему.

– Корабль принадлежит франкским немцам, не аглицким, – сообщил он мне первую весть.

– О как?! – оторвался я от бумаг, записывая доклад Андрея. За Семёном я уже записал, ведя свой дневник. – Те самые франки, которые не французы? Интересная информация... Давай дальше.

После доклада лазутчика стало ясно, что корабль называется «Святая Луиза». Пришёл он в Новгород с грузом мануфактуры, слитков хорошего железа и бижутерии. Капитан, он же владелец и купец Антуан Ревьер, торговец в третьем поколении. Это его третий приход в Новгород и, как всегда, прибыльный. На корабле тридцать шесть человек команды, сам корабль чуть больше «Беды», но имеет всего одну вертлюжную пушку. Продавать корабль, а уж тем более пушку Ревьер не собирался. Насчёт продажи корабля к нему уже обращались. Про пушку и так понятно.

– Ясно, – записав информацию, сказал я. – Что по купцу Шереметьеву?

– Много долгов, князь, сейчас многое распродает. Есть два морских насада. Пока не продал. Имеет две лавки в Новгороде, два кабака и корчму с постоянным двором. Дом двухэтажный. Продаёт лавку и кабак с насадами. Думаю, не хватит.

Под конец нашей беседы я снова уловил несоответствие внешнего вида лазутчика и его доклада. Слишком правильная речь. Такое пристало воину, но никак не сиволапому крестьянину, что мы наняли в землях Красновских.

Задумчиво посмотрев на него, я спросил прямо:

– Речь у тебя слишком правильная. Кто таков на самом деле?

Несколько секунд Мельников пристально смотрел на меня, потом опустил взгляд и ответил:

– Был личным слугой князя Земельского. Когда он попал в опалу к царю, бежал в земли Новгорода. Меня искали, сильно искали. Слишком много я знаю о делишках князя и царя, вот и пришлось прятаться под видом крестьянина. Настоящее моё имя Сергей Новодворский, из служивых.

– Понятно, – откинулся я на спинку стула. – Мне сразу бросилось в глаза несоответствие твоего вида и дел... Михайлов был в курсе? В подобное совпадение я не верю.

– Да, он знает, кто я. В молодости он у меня отроком начинал. Я его учил меч держать и таиться в засаде, когда воином был, потом он в Новгород к родственникам переехал. У него меня тоже искали.

– За что искали, спрашивать не буду. Захочешь – сам расскажешь. Ты мне ответь на один вопрос: тебе можно верить?

– Да, князь. Я клянусь тебе в верности. Я умею только служить, крестьянская жизнь не для меня, было время понять это.

– Хорошо. Будешь у меня на контроле. Остаешься пока на прежней должности. Значит, слушай сюда. Берёшь Артема, и идёте на базар, тот до вечера работает, как ты знаешь. Там обо мне ходят слухи, правдивые и нет. Нужно взять роспуск слухов в свои руки. Кликни Артема, объясню вам обоим... Значит, слушайте вот что. Два года назад из приморского города Санкт-Петербург государства Российского вышел в море большой торговый корабль с младшим сыном царя на борту...

Говорил я с подробностями, лазутчики слушали со всем вниманием, запоминая, что я говорю. Сегодня же им нужно будет всё это рассказывать в кабаках и в торговых рядах. Мне нужно было главное – чтобы эти слухи дошли до именитых людей города и те к ним прислушались. Поверят или нет – это их проблемы, но я собирался играть именно от этого.

Наконец я закончил, немного погонял вопросами, проверяя, как запомнили, после чего, выдав денег, велел переодеться в одежды моей команды и приказал Артему задержаться.

Сергей вышел, а я велел младшему лазутчику докладывать, кого он привёл.

– Личные люди воеводы Глазова. Тот погиб в огне, вот они и ищут работу.

– О как? Быстро, – снова откинулся я на спинку стула и с некоторой растерянностью провёл пальцами по вихрам, но быстро вернулся к реальности и приказал: – Отправляйся со старшим в город, у вас есть задание, а ко мне позови приказчиков.

Когда Артём вышел, слышались голоса, и после стука в каюту вошли двое мужчин. Один лет тридцати, с шальными глазами, он у меня сразу вызвал антипатию, и моложе, лет двадцати двух – двадцати трёх.

– Кто такие будете?

Оба сорвали шапки с голов и, держа их в руках, представились. Первым начал старший:

– Игорь Грищенко, с Киева. Работаю у боярина Глазова уже шесть лет. Работал с купцами и боярами, даже с иностранными, – набивал он себе цену, но я уже всё понял и решил не брать. Этот явно по темным делишкам Грини. Второй, с открытым взглядом, явно работал по-белому.

– Сергей Руссов из Новгорода, князь. Работал у боярина Глазова четыре месяца, занимался поставками.

– Поставками чего? – уточнил я и тут же получил честный и прямой ответ:

– Поставками всего.

– Хорошо. Ты, Сергей, меня устраиваешь. А ты, Грищенко, нет, причин объяснять не буду. Свободен.

Как только недовольный подручный Грини вышел, я посмотрел на приказчика и сказал:

– Вот тебе первое проверочное задание. Мне нужны мастерские людишки, что бояре продают, из закупов. Всех направлений работы. Кузнецы, строительные артели, плотники, печники, горшечники, лавочники и так далее. Нужно примерно человек пятьдесят с семьями. По покупкам мастерских не ко мне, а к моему помощнику Семёну, он и будет отвечать за людей. Это всё. Сейчас оформим тебя на работу, и держи аванс. Выйдешь за дверь – позови иностранца.

После приказчика в каюту прошёл, в сопровождении вахтенного, аптекарь. Он уже не кутался в одеяло, пугая прохожих исподним, а был в

простой, заметно ношенной одежде горожанина. Видимо, кто-то подарил по доброте душевной погорельцам.

– Что же вы, Карл Лехтиганс, так опростоволосились? Всего месяц как купили дом и лавку под аптеку, и ничего не успели заработать?

– Все деньги вложил в дело, боярин, – вздохнул аптекарь. Говорил он откровенно плохо, но понять было можно.

– Князь, – поправил я его. – Меня интересуют ваши умения, и если они устроят – желание работать на меня. Скажу сразу, идём мы на новые богатые земли, заселим их и введем под крыло государства Российского, откуда я родом. Если вы меня устроите, то получите всё, что нужно для лаборатории для варки лекарств, и должность главного аптекаря моего города. Будете также получать плату за обучение будущих аптекарей и лекарей. Теперь я хотел бы услышать от вас то, что меня устроит.

Аптекарь желал служить у меня, у него действительно ничего не осталось, а друзей завести не успел. Главное я понял: он неплохой алхимик, по местным понятиям. То есть знал многое из химии, и это мне было нужно. Поэтому, обговорив все условия найма, официально всё оформили. Причём я взял его на работу от имени княжества Российского. То, что оно ещё не существует, из моих людей знали всего четверо.

К этому времени Немцов нашёл дом, что сдаётся внаём, и снял его на пару месяцев, по местным временным меркам. Туда я и отправил аптекаря с семьей, велел ему узнать, где можно купить оборудование алхимика, ведь всё, что принадлежало Лехтигансу, сгинуло в огне. Также я выдал ему небольшую сумму на расходы для семьи.

После отъезда аптекаря Немцов сообщил о сразу двух посетителях. Ну, о купце Шереметьеве я был в курсе, он как раз вылезал из своей пролётки. Вторым был служивый нового посадника, то есть главы Новгорода и новгородской республики боярина Старикова, которого сегодня назначили на эту должность. Вот это было странно, обычно за это место шла долгая свара, а тут почти сразу и без споров появился этот Стариков. Анализ дал понять, что против старого посадника и Глазова была противоборствующая группировка, и она после гибели владык взяла всё в свои руки. Быстро и качественно. Надеюсь, мы уживёмся. Иначе и быть не может... Для местных, естественно. А то мало ли начнётся с моей руки уменьшение их поголовья.

В Новгороде не было своего хозяина, было вече, где временного главного выбирали из своих бояр. Именно поэтому и называли московские люди местную систему новгородской вольницей. Мне это нравилось, можно более спокойно решать свои дела. Не было такого контроля, как в

Москве, а посадник... а что посадник? Разве он может за всем уследить? Да если и сможет, так все мы люди, все мы в состоянии договориться друг с другом, все мы смертны.

В задумчивости анализируя принесённые новости, я велел Федору:

– Давай гонца, решим это дело. Потом купца. Вынеси ему пока бокал вина. Но не извиняйся за задержку, князю это невместно.

– Хорошо, – кивнул Федор и вышел за дверь. Через минуту он открыл её снова и пропустил ко мне в каюту немолодого служивого в кафтане. Ранее тот служил под началом Борецкого, бывшего посадника. Теперь работал на нового.

– С чем пришёл? – спросил я у него.

– Новый посадник боярин Стариков велел тебе прибыть к нему домой и объяснить, почему твои людишки захватили чужое добро.

– Значит, так, смерд! – рявкнул я. – Я князь по рождению и не позволю, чтобы всякие холопы мне тыкали и выказывали неуважение! Немцов!

– Князь? – заглянул к нам Федор.

– Взять, всыпать ему десять плетей. При каждом ударе словесно объясните, как должен вести себя холоп перед князем. Выполнять!

– Есть!

Двое крепких ушкуйников схватили служивого под руки, быстро разоружили, освободив от ножей, и, возмущённого, потащили на палубу. Через минуту стали слышны хлопки и вопли боли. И всё это под аккомпанемент скрипнувшей двери, пропустившей ко мне в апартаменты дородного купца.

– Здравия желаю, князь, – низко поклонился купец.

«Вот так бы сразу, а то взяли моду не уважать меня», – всё ещё отходил я от накрученного гнева.

Ладно, воинам и ушкуйникам, что шли со мной, кланяться мне не обязательно. Мы в походе, а в походе это делать не принято, если, конечно, князь или боярин не из спесивых. Но чужие служаки уж больно вольно себя ведут. Я их научу российскую власть уважать. Весь Новгород нагну! Ого, ещё не отошёл от накрученного гнева.

– Проходите, присядьте. Разговор у нас до-олгий будет.

Купец насторожился, бросил на меня пристальный взгляд из-под густых бровей и, подойдя к стулу, осторожно присел. Было видно, что купец – мужик битый и умеет понимать ситуацию.

– Без малейших проволочек я хочу сообщить вам, что хотел бы купить два насада, что вы выставили на торги. Я знаю о вашем бедственном

положении. Беды излишне часто преследовали вас, но я смотрю, вы не сломались и раз за разом выбираетесь из долговой ямы. Мне нравится ваша деловая хватка и умение выкручиваться из любой ситуации. Кроме покупки двух судов, у меня к вам есть предложение. К концу лета, ближе к сбору посевов, я со своими людьми отправляюсь в Новые Земли. Не туда, откуда родом, но и они богаты природой, и понимающий человек быстро станет там очень обеспеченным. Я воздвигну город, и в этом городе мне нужны также купцы, лавочники и торговцы. Я пока никого не набрал, так что у вас есть приоритет на первое место в купеческой гильдии будущего княжества Российского. У вас десять дней, чтобы принять решение, так как ваш недруг, что вам вредит и рушит все ваши начинания, своего не оставит, а со мной вы начнёте жить с чистого листа. Теперь давайте поговорим о главной причине вашего прихода. Это покупка морских судов. Во сколько вы их оцениваете? Должен признаться, что мой кормчий уже осмотрел их и признал годными к использованию, так что я ожидаю ответа.

– Три рубля золотом за каждое судно, князь, – выдохнул купец с таким видом, как будто бросается в прорубь.

– Хм, на треть завысили, но зная ваше бедственное положение, не буду торговаться. Считайте это вложением в будущее. Позовите видоков, и сразу закончим с этим делом. Суда пока пусть постоят у вашей пристани. Мои команды заберут их чуть позже.

– Хорошо, князь, – уже бодрее ответил Шереметьев.

«Я не я буду, если он не согласится плыть со мной. Хотя насчёт недруга я слукавил. Гриня мёртв и пакостить уже не будет. Нужно будет посмотреть на дочку купца Алёну, неужто она действительно такая красавица?»

Покупка насадов прошла быстро. Известив об этом Немцова, я велел искать молодых ушкуйников, что согласны пойти ко мне для формирования команд на постоянную службу. Кормчих для них нужно будет отбирать особо. Как меня уже известили, к «Беде» уже начали подходить охочие люди. Буквально час назад подошло пятеро боевых холопов, которых отпустил разорившийся боярин. Они искали крепкого и рачительного хозяина. Обо мне уже пошли слухи, вот они и подошли наудачу. Их тестировал один из десятников. Трое ещё ничего, но двое были староваты для нас. Хотя, как я понял, один из пожилых боевых холопов был неплохим сабельником. Если всё срастётся и вернувшийся от оружейника Авдей возьмёт их, то поставлю этого старика учителем сабельного боя для пушкаррей. У меня было мало времени заниматься ими,

а тут вроде неплохой учитель нарисовался.

Перед самой темнотой пришёл новый директор ткацкой фабрики со знакомым портфелем и передал мне бумаги по делам фабрики. Также я предъявил ему документ купли-продажи, чем подтвердил покупку. На изучение фабричных документов у меня ушло чуть больше часа, после чего я отпустил директора, предупредив его о проверке, что проведу завтра утром.

На этом мой день закончился. Служивого отправили обратно, правда, идти он не мог и его положили в телегу. Купец уехал по своим делам, видимо торопясь отдать долги, а я до самой зари сидел и читал бумаги Грини. Нет, всё-таки я рад, что прикончил эту мразь. Такого начитался, уснуть не мог. Надо его несколько раз убить, хотя... я, кажется, это уже сделал. Но он заслужил, честно заслужил!

На следующие дни у меня распланирована каждая минута, но на вечера я нашёл себе занятие, когда ознакомился со сводом законов Новгородской республики из бумаг посадника. Пора писать свод законов княжества Российского, вот и буду этим заниматься. А то скоро уже бояре появятся и служивый люд, а законов княжества ещё не существует. Непорядок.

Утром, не особо выспавшись, я искупался в прохладных водах Волхова, чтобы прогнать полусонное состояние. Кстати, забавная тенденция наметилась в последнее время: сперва мальчишки-артиллеристы стали следовать моему примеру, теперь можно и взрослых видеть, пока ещё неумело плавающих у берега или бортов ушкуев. Воины, пыхтя, как паровозы, спокойно, как линкоры, бороздили воды Волхова и гордо поглядывали на зрителей. Были тут и такие из местных. Честно скажу, на купальщиков поглядывали, открыв рот от удивления. Не принято тут так было, в воде только полоскали белье, да брызгалась ребятня на мелководье.

После завтрака поехал инспектировать свои предприятия. Фальшивки купли-продажи я захватить не забыл, нужно будет показать начальникам производства, тем, что я оставил на месте, или новым.

– Командир, – поймал меня у повозки Семён.

– Говори, – кивнул я ему, с интересом посмотрев на два десятка парней, что кучкой топтались на набережной и пристально наблюдали за нами. Судя по драной одежде, это дно Новгорода. У меня таких было много, почти все артиллеристы, да и Семён через это прошёл.

– Ваш приказ выполнен, – важно сказал Семен. – Есть уже двадцать три добровольца из сирот Новгорода.

– Вот даже как? – сняв ногу с подножки, я вернул её на утрамбованную

землю и направился к добровольцам. Крикнув заодно старшего артиллериста, Немцова и старшего десятника Ивана Стольничева, что принял десятки вместо Корнилова. Именно он принимал пятерых боевых холопов, что пришли вчера, пробуясь на место. Всех пятерых взяли. Трое пошли в десятки, уже с некоторой оторопью начали осваивать пищажи, четвертый – учителем и инструктором к пушкарям. Я его проверил, он действительно неплохо бился на сабле. А вот пятый поступил на службу в тыловую часть. Стар он был для боев, а вот как ротный старшина – самое то. В данный момент он изучал свои обязанности и выслушивал Немцова, который объяснял ему суть будущей работы. Ничего, через пару недель, надеюсь, он освоится, и у нас будет крепкий тыл.

Когда командиры подошли, я им велел:

– Посмотрите. Подойдёт вам кто?

Семенов, четырнадцатилетний паренёк, подошёл к парням и стал с каждым перебрасываться несколькими словами. Некоторых он отводил в сторону, от других отходил, с сомнением качая головой. Отобрав семерых, он отошёл в сторону, продолжая беседовать с выбранными рекрутами. Теперь настала очередь старшего десятника. У артиллеристов при выборе рекрутов всегда была поблажка. Немцов забрал пятерых, что покрепче, в команды насадов, решив ими усилить профессиональные команды. Десятник сгрёб оставшихся восьмерых человек. Были там и одиннадцатилетние пареньки, и шестнадцатилетние. Для молодежи у нас всегда найдётся работа. Подносчики боеприпасов, разведчики, помощники медиков. Пора вводить и мед-службу. Исполняющий обязанности начальника тыла у нас уже есть. Начальником я планировал поставить Сергея Руссова, бывшего глазовского приказчика, думаю, он потянет. Знаний пока у него необходимых нет, но парень, вижу, сметливый, освоится.

– Семён, – тихо окликнул я своего секретаря. – А что, девчат среди сирот нет?

– Почему нет, есть, – удивился паренёк.

– Они мне тоже нужны. Будут обстирывать воинов, кормить да и врачевать раненых. Так что давай и их собирай. Только тех, кто никому не нужен и живёт на улицах. С весны, после боя с московским войском, таких много должно быть. У церкви поищи, они обычно там побиваются.

– Я знаю. Поищем, князь, – уверенно кивнул Семён. – Я у парней поспрашиваю, они местные, всех знают.

– Вот и молодец.

Убедившись, что всех добровольцев разобрали по подразделениям, я

принял клятву на верность ото всех рекрутов и, передав старшим командирам определённые суммы на оснащение новичков, то есть на закупку тканей и пошив формы с покупкой амуниции, вернулся в повозку и велел ехать по первому адресу.

Ничего, это не первые их рекруты, и что делать и покупать, они знают.

Осмотрев все три производства, предъявил на каждом бумагу купли-продажи, чем полностью подтвердил, что я теперь хозяин предприятий, и ввел некоторые новшества. Директор ткацкой фабрики ещё вчера видел документ, подтверждающий покупку фабрики, но я показал ещё его работникам, чтобы они тоже видели. Это так, больше для самоуспокоения, вряд ли кто из них умеет читать, максимум пара человек.

На каждом предприятии я велел директорам подготовить ещё по три смены рабочих, пообещав прислать к ним новичков. И также попросил провести опрос, согласится ли кто из старых работников сменить место жительства, перебравшись в другой город. То, что этот город пока у меня ещё в планах, я скромно умолчал.

Они также должны были подобрать начальников будущих цехов и директоров, кто согласится перебраться в другие города с повышением должности и зарплаты. Набор будущих работников из неблагополучных семей я поручил Семёну, который сопровождал меня, и новому приказчику. Слух о том, что я набираю людей на новые земли, уже стали циркулировать по городу, как сообщил мне приказчик. Он, кстати, попросился с нами, сообщив, что у него молодая жена и годовалый сын. Было видно, что он умеет держать нос по ветру, и что скоро Новгород присоединится к Москве, было ясно. Что ж, похоже, у меня всё-таки появится начальник тыла.

Пока ехали, я объяснил ему, какое у меня есть свободное рабочее место, описав особенности службы и то, что несколько подчиненных у него в наличии уже есть, включая зама по военным вопросам. Это я про того боевого холопа. Голова у него ясная, так что старик был на месте. Надеюсь, они сработаются друг с другом. Подумав, Сергей дал согласие.

После этого я заехал к мастеру, что делал пищали. Пообщался с ним, узнал, доволен ли, потом на склады, где застал Корнилова. Тот ещё вчера отправил десяток пищалей мастеру-златокузнецу, и тот за полдня сделал на пяти пищалях кремневые замки. Было видно, что его впечатлила доплата за скорость и качество. Вот как раз к моему приезду Корнилов рассматривал доставленные от златокузнеца пищали, что привезли всего полчаса назад. Проверял качество отделки и как замки высекают искру. Крепко ли зажаты

кремни.

– Ну как? – спросил я его, беря из берестяного короба похожую пищаль.

– Проверить только стрельбой можно, а так искру высекает исправно, – ответил Авдей.

– Давай проверим. Воин! – окликнул я одного из своих бойцов, что сопровождали меня. – Поставь те два чурбака к стене.

– Тут будем стрелять? – удивился Авдей.

– Стены сарая сложены из больших и толстых брёвен, картечь не пробьёт, да и стены заглушат выстрел, мало кто снаружи услышит. Кто-нибудь даст мне пороху и свинца?

Первым подскочил Семён и подал мешочки с порохом и пулями от своего пистолета. Пыжи были в мешочке с пулями. Поэтому я быстро снарядил пищаль, благо шомпол был в наличии, и, вскинув оружие, без задержки спустил курок. Грохнул выстрел, и меня сильно толкнуло в плечо, как я ни прижимал к себе несуразный приклад.

– Нормально, трещин нет, ствол выдержал полуторную мерку пороха. Хороший мастер делал, – сделал вывод я после осмотра пищали.

Тут грохнул выстрел, и пламя вырвалось из дула второй пищали, что держал Корнилов.

– Да, хорошее оружие, – подтвердил Авдей, убирая пищаль на место. – Чурбаки снесло и брёвна стены повредило, но не пробило. Приклад сильно неудобен, нужно будет передать нашим плотникам, чтобы сделали такие же приклады, как у нашего оружия.

– Да. Они закончили с переделками и сейчас не заняты, можешь отправлять первую партию. После переделки сразу поставка в сотню. Кстати, у нас два десятка добровольцев из сирот, про боевых холопов ты знаешь. Восемь попали в стрелецкую сотню, раскидайте их по десяткам, а пока их поставят на довольствие и выдадут форму. Будут ещё девчата, но основную массу я раскидаю по предприятиям, чтобы перенимали науку. Тех, что с понятием, то есть думать умеют, в лекарки.

– Тут недалеко в деревне живёт лекарка, которую все хвалят. Можно с ней договориться, чтобы взяла учениц.

– Времени мало, но спасибо, я подумаю.

– Когда мы возвращаемся в усадьбу Красновских? – спросил Корнилов.

– Мы вернёмся. Ты тут с приказчиком останешься, будешь следить за производствами и поставкой вооружения.

– Но я же...

– Для этого тебе и даётся приказчик, будешь наблюдать, как он

работает, и учиться. Кстати, познакомься. Сергей Руссов. С ним ты и будешь работать. С сегодняшнего дня Сергей отвечает за обеспечение нашего тыла. Производство тоже на нём. Твоя задача – контролировать только военные поставки.

– А я тебя знаю, – посмотрев на приказчика, сказал Корнилов. – Ты сын Игоря Руссова, лавочника с мясных рядов.

– Это я, – подтвердил тот.

– Вот и познакомились, – влез я. – Насчёт возвращения за своими людьми: дня через три-четыре, как только куплю усадьбу. Есть тут одна наводка. После обеда поеду узнавать.

– А если её купили?

– Вряд ли, три деревеньки, усадьба, и всё в лесах, пахотных земель почти и нет, только на прокорм холопов. Пойду на малом ушкуе, он быстрее будет. Ладно, ты продолжай заниматься вооружением, а я дальше инспектировать...

После проверки всех вложений – я даже в тот дом заехал, что мы сняли и где жила семья аптекаря – мы вернулись к пристани, где покачивались оба наших ушкуя. Хотя нет, с другой стороны пристани появилось незнакомое судно, чуть дальше было видно, как подходит ещё одно, той же постройки. Похоже, Федор выполнил мою просьбу и перегнал купленные насады. Хотя можно было повременить, так как суда находились на приколе с другой стороны моста, и чтобы перегнать их к нам, пришлось снимать по две мачты на каждом корабле, сейчас их тянули на буксирах. Команды мы ещё не набрали, так, по три-четыре человека на каждое судно, но видимо, Федор просто нанял перегонные команды. У нас просто не было столько людей, сколько я видел на палубе.

Покинув повозку, я быстрым шагом, отчего свита перешла на бег, направился к причалившему судну. Нужно самому осмотреть насады и прикинуть, подойдут ли они для атлантического плавания, сколько людей можно взять и животные. Так-то у меня всего одно судно, не считая насады, подготовлено к длительному плаванию. Это «Беда». Малый ушкуй – чисто речное судно.

После осмотра трюма и небольших кают – палубы были крыты, – я спросил у сопровождавшего меня Немцова как признанного эксперта по новгородским судам:

– Это точно насады? Странная постройка.

– Я тоже впервые вижу такие суда, но основа взята с насадов, поэтому их так и называют. Но это морские суда, они могут ходить по большим

волнам.

– Сколько один насад может взять груза, людей и скотины?

– Считая команду из двадцати человек – около ста человек. Животных – пять лошадей, столько же коров. Двадцать овец или коз. Кур десятка три. Столько же гусей или уток. Ещё еды, чтобы прокормить их на время плавания, и воды. Но немного. Если брать больше воды и еды, то места для людей и животных становится меньше. Смотреть надо.

– Хм. Насад одинаковые. Значит, на все три судна можно взять около трёхсот человек. Два десятка лошадей, столько же коров, сколько-то мелкой живности. Нет, маловато будет, да и ход только прибрежный, чтобы набирать воду и закупать продовольствие, нам ведь неделями плыть в отрыве от большой земли... Минимум тысячу человек за один переход – вот сколько нам надо.

– Я узнавал у местных корабелов, почти готовы три морских ладьи и два ушкуя. Если их перекупить, они станут нашими. Все суда строятся с расчётом ходить в дальние моря. Большие. Про речные не узнавал, но и они есть.

– Хорошо. Займись этим, пусть Сергей-приказчик тебе поможет. Он местный, может, что посоветует. Займись этим сейчас же. И ещё, если дать заказ ещё на десяток ладей, за сколько они их сделают?

– В Новгороде всего три артели корабелов, именно у них мне и нужно будет выкупить строящиеся суда, – задумчиво стал жевать губы Федор.

– Ты не ответил на мой вопрос, – сказал я, спускаясь по трапу с палубы насада на пристань и с подозрением глядя на пять всадников, что спускались к нам от стен Софийской стороны города. Это были явно служилые люди.

– Одно судно обычно строится сто дней, если есть хорошие высушенные материалы.

– Три артели – три судна, – задумчиво пробормотал я. – Когда будешь выкупать суда, узнай всё по моему вопросу. Пообещай, что лесопилка, что делает доски, будет работать в основном на них, а не на продажу. Я удвою плату, если они сделают по два судна за тот же срок, но чтобы они были в идеальном состоянии и выдержали дальний поход. Чтобы на них пошёл лучший материал. Вечером жду доклада по всем этим вопросам.

– Хорошо, сделаю, – ответил Федор, тоже с интересом наблюдая за всадниками, что остановились у начала причалов и о чём-то говорили с часовым, не пускавшим их к нам. Туда уже спешил старший десятник – узнать, в чём дело.

– Люди боярина Старикова, судя по одеждам, – сказал я.

– Да. Похоже.

– Я ожидал, что новый посадник быстрее отреагирует на порку своего служивого, а тут только на следующий день, да и то ближе к обеду.

К нам быстрой трусцой приближался десятник, придерживая на ходу меч. Ещё вчера вечером, после порки человека посадника, я перевёл стрелков на осадное положение, усилив посты и охрану на предприятиях в ущерб охране ушкуев. Всего три человека, считая одного десятника на два ушкуя и теперь ещё на два насада. Но у меня команды кавалерийскими ружьями были вооружены, так что не стоит сбрасывать со счетов и их, тем более прогулки по городу я отменил и все были на месте, сейчас команды ушкуев, стараясь держать оружие при себе, осматривали насады.

– В чём дело, Иван? – спросил я у десятника. Этот старший десятник мне нравился деловой хваткой и бережным отношением к людям. У меня на него были свои, можно сказать, немалые планы.

– Посадник Стариков просит тебя, князь, принять его приглашение и посетить его дом.

– Когда?

– Сейчас.

– Хм, – задумался я. – Ладно, сейчас переоденусь в парадную одежду и посетю посадника. Четверку воинов со мной. Одним словом, как обычно.

– Хорошо, – десятник поспешил обратно сообщить гонцам.

Повернувшись к Немцову, я сказал:

– Занимайся тем, что я тебе поручил, а я после посадника посетю Красновских. Списки тех, кого надо выкупить, у тебя?

– Да, мы дополнили их ещё тремя. Сейчас принесу.

Пока Немцов возился у себя в каюте, я быстро переоделся, не забыв надеть кольчугу двойного плетения скрытого ношения. Также я взял все бумаги, что мне могут пригодиться, положив их в портфель.

На входе принял три листа со списками тех, кого нужно выкупить из холопов у Красновских, и направился к повозке, рядом с которой ожидали гонцы и мои воины.

Сама дорога до жилища нового посадника не особо запомнилась, ехали по улицам, сопровождающие нас слуги Старикова разгоняли прохожих с нашего пути. Я больше думал о предстоящем разговоре. Одно то, что он назначен не в местном кремле, а в личном жилище боярина, давало подсказку, что встреча будет скорее неофициальной. Хотя многие государственные служащие, даже новгородской вольницы, брали работу на дом, но думаю, тут другое.

Стариков жил в большом деревянном трёхэтажном тереме буквально в

восьми домах от пожарища посадника, в трёх домах от аптекаря и двух, но уже с другой стороны, от воеводы. Кучно тут жили местные олигархи.

Дворовый служака распахнул ворота, и мы вкатились во двор расписного терема посадника. Меня встречали на крыльце, выказывая дань уважения, как и положено по приезде гостя богатого сословия, как здесь называли дворян. Причём встречали родственники посадника, но его самого не было. Это не было неуважением. Просто посадник не мог сам встречать неизвестного и непонятого гостя до официального подтверждения его сословия. Такие вот хитросплетения местной политики. Я это сразу понял и в обиде не был. По-другому посадник поступить просто не мог. Вот если бы он меня встречал на крыльце, я бы побыстрее свалил отсюда. Всё, что непонятно – опасно.

– Здравствуй, гость дорогой, – низко поклонилась жена посадника, протягивая мне ковш с напитком. По местным традициям, я должен осушить его до дна. Бывало, в таких случаях весельчаки-хозяева наливали, вместо лёгких напитков вроде кваса или сбитня, перевар, тот же самогон, и гости не могли его не выпить. Традиция. – Прими, не побрезгуй.

Мне же повезло, в ковше был обычный, но удивительно вкусный квас.

Выпив его до конца и показав, что он совершенно пуст (жара, не трудно было), я протянул его обратно хозяйюшке и трижды поцеловал её. Всё как и положено.

– Спасибо, хозяйюшка.

Зардевшаяся моложавая женщина пригласила меня пройти. Воины остались во дворе, а я направился следом за хозяйкой, поглядывая по сторонам, а также на трёх холопов и холопок дворни, что сопровождали нас. Вроде засады нет, всё в порядке.

Хозяйка довела меня до одной из комнат и, распахнув дверь, пригласила пройти. Эта было что-то вроде гостиной в местном исполнении. То есть для гостей. Меня привлекли в ней не только стёкла в окнах, но и две настоящие картины. Именно к ним я подошёл и стал изучать.

– Нравится? – услышал я за спиной. В комнате точно никого не было, я специально осмотрелся, а тут даже дверь не скрипнула, как прозвучал незнакомый голос. Обернувшись, я заметил у двери незнакомую мужчину в боярских одеяниях. На вид ему было чуть за сорок. Окладистая борода по местной моде доходила до середины груди и явно была гордостью владельца. Настолько пышная и ухоженная.

– Неплохо. Никогда не слышал о Боттичелли, однако писано мастером, – улыбнулся я. – Я не особый поклонник живописи, но немного

разбираюсь. Жизнь научила.

– Что вы скажете об этой картине? – поинтересовался посадник, подойдя к крайней, где были запечатлены охотники на пикнике.

– Думаю, художник получит признание благодаря тонкости и выразительности своего стиля. Ярко индивидуальной манере художника присущи музыкальность лёгких трепетных линий, прозрачность холодных изысканных красок, одушевлённость ландшафта, прихотливая игра линейных ритмов. Похоже, он всегда стремился влить душу в новые живописные формы, – глядя на картину, говорил я.

Думаю, запудрил посаднику мозги своими возвышенными фразами по самое не хочу, но тот быстро оправился.

– Я впервые встречаю столь тонкого знатока живописи, – с откровенным восхищением сказал Стариков. – Я купил эту картину, когда был в Венеции. Город, построенный на воде, изумил меня. Как и его мастера, жители и художники.

– В Венеции красиво, особенно их лодки с поющими гондольерами. Вы позвали меня поразить своими картинами, или будет разговор на другую тему? Мне, конечно, всё интересно, но через час у меня назначена встреча с боярыней Красновской. Не хотелось бы заставлять вдову ждать.

– Да-да, конечно, князь. Пройдемте ко мне в кабинет. Встреча у нас чисто деловая. Поэтому, извините, не приглашаю к столу.

«Ого, Стариков меня признал! Картины, что ли, повлияли?» – изумился я, следуя за посадником, который описывал свой дом и объяснял, сколько пришлось вложить сил, чтобы его построить.

Мы прошли в другое помещение, вот это уже понятно, что рабочий кабинет, если его назвать так по современным меркам. Настоящее мужское убежище, куда нет хода никому, кроме хозяина. Я даже полку с настоящими книгами увидел, чему искренне удивился, зная, сколько они стоят. Правда, на полке было только четыре фолианта, но и это для этих времён очень круто. Я знаю, сам купил одну такую, чтобы воины учились по ней читать. Как же они бережно её использовали, но для пяти десятков человек, жаждущих знаний, надолго её не хватит, как ни береги. Ничего, научатся. Жаль только, что она описывала какого-то святого. То ли Луку, то ли Стефана. Я не совсем понял, так, пролистал, проверяя, знакомые ли буквы, или иностранщина какая.

Присев на удобный, обитый тканью стул с высокой спинкой и подлокотниками, я принял непринужденную позу, положив локти на подлокотники и сложив руки. Стал играть большими пальцами, вопросительно поглядывая на посадника. Это он меня пригласил, вот я и

ожидал продолжения.

– Хм. Кажется, Артур Кириллович?

– Именно так. Мой отец Кирилл Второй, царь Российский. Я у него третий сын и имею по сословию звание княжича. Как третий сын, наследником не являюсь, поэтому решил попутешествовать, волей Творца оказался тут, на прародине наших предков, – ложь легко слетала с языка и ничего мне не стоила.

– Вы хотите сказать, что царство, о котором мы ничего не слышали, происходит от нас?

– Скорее да, чем нет. Много выходцев с Руси осело у нас, впоследствии образовалось царство, которым в данный момент правит мой отец. Даже язык несколько схож.

– Немного стало понятно. Теперь давайте поговорим о незаконном захвате предприятий Глазова, – продолжил посадник, вернувшись к деловому виду.

– Почему незаконном? – удивился я, открывая портфель и доставая документы. – У меня все бумаги на руках, можете ознакомиться.

Посадник минуты три изучал все три договора купли-продажи, как я их называю, в местной терминологии название у них было другое. Но я не заморачивался и не запоминал. Моя терминология логичнее, и запоминать не надо всякую ненужную шелуху.

– Да, всё верно, – нехотя признал посадник, возвращая бумаги. Похоже, руку бывшего посадника и воеводы он хорошо знал, не зря я старался.

– Я не понял вашего недовольства. Вы расстроены, что не успели купить их? – закинул я удочку, закрывая портфель.

– Да, – честно ответил посадник.

– Для закрепления хороших отношений я вас порадую. К концу лета, то есть после сбора урожая, я отплываю со своими людьми в Новые Земли, что номинально принадлежат нашему царству, но не заселены. Хочу создать своё княжество, раз появилась такая возможность. Перед отплытием я распродам всё имущество. Могу уступить их вам по той же цене, что и купил, даже можно бартером, вещами то есть. Как вам, Михаил Петрович, такое предложение?

– Мне оно нравится, но вы ведь, княжич, что-то потребуете взамен?

– Конечно, – кивнул я с улыбкой. – Я отплываю с ограниченным числом мастеров. Вот если бы вы позволили моим людям поучиться на ваших предприятиях, включая бумагоделательное, что стало вашим после гибели в огне Глазова, то мы договоримся. За обучение я уплачу.

– Я согласен, хорошее предложение. Какие у вас планы на будущее?

– Набираю работников для города. Куплю холопов для своих земель, расселив их по деревням и селам. Куплю корабли, подготовлю команды и отплыть. Не буду загадывать, но возможно, следующим летом вернусь. Людей мало, буду покупать холопов. А то они у вас мрут, как мухи, от голода и болезней.

– Хорошо. В таком случае у меня нет к вам, княжич, никаких претензий, даже за то, что вы выпороли моего ближнего слугу. Понимаю, сам виноват, за грубость получил, за то прошу прощения.

– Мне тоже понравился наш разговор. У меня есть помощник, Сергей Руссов, приказчик. Именно через него и будем проводить людей для обучения. Я пришлю его к вам сегодня вечером. Обговорите условия и плату.

– Этим займётся мой ближний помощник. Не тот, которого выпороли, другой. Он достаточно умён и справится с этой задачей.

– Вот и хорошо. Я надеюсь, у вас нет больше ко мне вопросов? – вставая со стула, спросил я.

– Только один. Расскажите про вашу встречу с воеводой Глазовым.

– Да встреча как встреча, – вернувшись на место, ответил я. – Это было вечером, ещё до темноты. Мой человек сообщил, что приказчик Глазова, некий Грищенко, пустил слух о продаже некоторых производств. Я заинтересовался и повстречался с Глазовым. Там ещё был посадник, и, кажется, они были в ссоре. Но к моему удивлению, продажа прошла без проблем, и я вернулся на свой корабль.

– Хм. Странная история там произошла. Похоже, вороги изничтожили воеводу. Мы нашли тела охранников и челяди. Все мертвы. Да и у посадника странный был пожар, – задумчиво пробормотал посадник. –

Аптека эта ещё.

«Оп-па, а о девке ни слова! Странно», – подумал я.

– Про аптекаря я знаю. Нанял его к себе на службу.

– Мои люди осмотрели все три пепелища, никаких следов ворогов. Даже странно.

– Я в этом мало понимаю. Моё дело – битвы на поле брани, – пожал я плечами, показывая свою несостоятельность в подобных делах. – Думаю, боярыня Красновская уже заждалась.

– Ах да, – очнулся посадник и встал, протянув мне руку: – Очень приятно было с вами познакомиться. У меня будет к вам один вопрос. Вы отбываете на свободные земли, набирая только холопов и свободных людишек, или берёте и бояр тоже?

– Почему нет? Если только он купит себе корабль. На моих, к сожалению, места нет и не планируется. Только для челяди, грузов и животины. К чему это вопрос, боярин?

– Меня попросили поинтересоваться некоторые граждане нашей республики.

– Вот как? – задумчиво протянул я. – Весной у вас была битва с войском московским, и хоть номинально была ничья, фактически вы проиграли. Скоро Новгород присоединится к царским землям. Некоторые бояре, что против московского царя, поняли – скоро их свободе и, скорее всего, жизни наступит конец, и ищут выход из этой ситуации, не так ли?

«Историю я не помню, и не знаю, когда присоединится Новгород к Москве. Сейчас середина лета тысяча четыреста семьдесят седьмого года, и вполне возможно, это время переломное для Новгорода. Правда, я его поломал, завернув царя обратно, но в то, что он отступит, не верю. Это только отсрочка», – подумал я.

– Это так, – тяжело вздохнул посадник.

– Передайте вашим друзьям, что я не против их участия. Выделю земли по тем деньгам, что они смогут вложить, и их клятве верности. Все земли там принадлежат мне. Хотите купить – пожалуйста, выделю. Своим воинам, которых я буду поднимать в боярское сословие, землю буду дарить за службу. Холопов уже пускай они сами покупают.

Ещё немного обговорив время отплытия, я попрощался с посадником, который проводил меня до крыльца (что было знаменательным событием, Стариков явно показал всем, что признал меня), сел в повозку, и мы выехали со двора посадника. Следующим у меня по плану посещение змеиного гнезда Красновских.

Скажу честно, особо к этой хамке ехать не хотелось. Может, тогда она

всё высказала в запале, да наверняка так, но вот плюнула от души. А я парень внимательный, не забывающий, просто злой, и память хорошая. Так что отправился я к ней только по одной причине: выкупить «своих» людей. Моими они окончательно станут, когда у меня на руках будет подтверждение купли-продажи. Причём выкупал я не только их, но и их семьи. Свободным я кину клич, предлагая отправиться на новые земли, а вот купленные холопы отправляются со мной независимо от желания. Хотя подневольные мне были не нужны, если кто откажется, оставлю тут. У меня здесь посольство будет, кто-то же должен за ним следить.

Что-то я отклонился от темы. Короче, быстро отмучаюсь, выкуплю людей и свалю.

Шумно стуча колёсами по деревянным плитам, что устлали дорогу – местный ответ грязи, повозка подкатилась к знакомым воротам. Так-то деревянные тротуары были на всех улицах – острая необходимость в дожди и слякоть, но вот покрытые деревом улицы были только в богатых районах и у кремля.

Никого из своих офицеров брать я не стал, только охрану, переговоры планировались недолгими.

Ловко покинув повозку, я хмуро осмотрелся, мне была неприятна встреча с боярыней, поэтому не стоит говорить, что настроение у меня было не очень.

Улица не сказать что была пуста, народу хватало, к тому же при нашем прибытии распахнулись ворота и выглянул давешний дедок. Только в этот раз с улыбкой до ушей – лучше бы не улыбался, не больно мне хотелось знать, что у него два зуба осталось – и вычищенной бородой. Низко кланяясь, он отворил ворота и отступил в сторону, ожидая, когда я пройду во двор.

На крыльцо вышла боярыня с ковшом в руках. Ольги Капитоновны, хозяйки дома, на крыльце не было, но это понятно, в возрасте старушка, однако присутствовала и племянница Кузьмы Михайловича, Анна Рюриковна. Обе принаряжены, явно в своих лучших платьях.

– Если через час не вернусь, начинайте штурм дома, – хмуро бросил я старшему охраны. То, что нас слышал старик, меня волновало мало.

– Понял, – так же хмуро ответил десятник, с подозрением оглядываясь. Он присутствовал во время прошлого посещения мною этого дома и добрых чувств к хозяевам явно не испытывал.

Поправив сабли на поясе, я ступил на территорию двора и, на ходу осматриваясь в поисках опасности, приблизился к крыльцу.

– Здрав будь, Артур Кириллович, – проворковала боярыня. – Прими это

питьё от чистого сердца.

Приняв из рук боярыни ковш, я с подозрением принялся, с тем же выражением покосился на неё и выпил сбитень до дна, показывая, что у меня нет претензий к хозяевам и я не имею к ним чёрных помыслов. Глупая традиция, как раз имел я их. Мысленно, естественно.

По традиции расцеловав боярыню и чмокнув в щёчку племянницу, я произнёс:

– Благодарствуй, боярыня.

Та немного порозовела, но кивнула и пригласила проходить в дом. В этот раз меня ждал стол, уставленный яствами. Ещё когда я шёл по двору, заметил перемены. Появилась дворня – троих заметил, шёл ремонт двух построек, да и в доме появился достаток. Я так понимаю, хозяева воспользовались моим золотом. До сих пор помню их лица, когда швырнул на пол мешочек с золотыми монетами.

Среди встречающих, моего бывшего десятника – командира отделения лазутчиков, не было. Видимо, Михайлова отправили проверять усадьбу перед приездом боярыни. Во дворе стояла наготове повозка, и возница из дворни возился с ней, смазывая оси.

Меня усадили за стол, кроме боярыни и Анны Рюриковны присутствовала и хозяйка. Мать Михалыча. Трапеза прошла в молчании, мы едва перемолвились двумя словами, да и то здороваясь на входе. Наконец я отодвинул тарелку со щами и, покосившись на пироги, решил отложить их на потом, с интересом посмотрел на Ольгу Капитоновну. И так было понятно, что главная тут она. Та намёк поняла правильно и взяла слово.

Пересказывать не буду, слишком витиевато та изъяснялась, но если убрать словесную шелуху, то разговор наш был вот о чём. Хозяева извинялись за свою прошлую встречу и просили не обижаться на слабых женщин, что поверили слухам, ходившим среди бояр. Меня эти слухи заинтересовали, но я решил оставить их на потом. В качестве извинений Красновские и решили передать мне запрошенных холопов по минимальной цене. Вот это мне больше понравилось, чем вся та шелуха, что посыпалась вначале.

Был позван сосед, боярин, и он выступил свидетелем при покупке холопов. Почти час заняло перечисление имён купленных холопов, но наконец и эта работа была закончена, и бумаги на людей, убранные в тубус, были отправлены мной охране – они проследят. После этого я коротко попрощался с хозяевами, решив покинуть дом с боярином-свидетелем, но, видимо, насчёт меня у них ещё были планы, поэтому Ольга

Капитоновна попросила задержаться на несколько минут. Боярыня и Анна вышли, и мы остались с хозяйкой вдвоём.

– Артур, я понимаю, что ты всё ещё таишь на нас обиду, но прошу тебя не забывать о нас и навещать. Хотя бы изредка. Ты должен помнить, что носишь фамилию Красновских.

– Александров моя фамилия, а не Красновский, – пожал я плечами. – Михалыч просил взять его фамилию, сделав своим приёмным сыном, я действительно пользовался ею, пока плыл к Новгороду, но дальше не думаю, что она может мне пригодиться. Подумывал сделать двойную фамилию, но сейчас это желание пропало. Насчёт навещать вас – не думаю, что найду время. Я очень занят. Скоро мне отбывать на новые, ещё не освоенные, но богатые земли. Работы предстоит очень много.

– Если будет время, навести, мы будем ждать, – тихо попросила Ольга Капитоновна.

Поняв, что аудиенция закончена, я коротко кивнул и, выйдя из зала, проследовал к выходу. Слуга шёл впереди, показывая дорогу, как будто я её не помнил.

«Ага, в ваше змеиное логово я ни ногой. Ну вас на хрен», – подумал я и с облегчением покинул неприятный мне дом.

Вернувшись в повозку, которая продолжала стоять на улице под охраной, я весело бросил вознице:

– Обрато на пристань!

Оказалось, пока я выкупал своих людей (ничего, помучился, общаясь с неприятными для меня людьми, но зато холопы теперь мои), Федор на малом ушкуе спустился по реке, пройдя под мостом. Так что ушкой, который я выбрал, чтобы осмотреть продаваемые земли, дожидался меня у пристани чуть дальше от моста. Об этом мне сообщил часовой на нашей пристани, где стояла «Беда». Сходив на борт ушкуя, я убрал бумаги купли-продажи в сундук и, прихватив с собой ещё один мешочек с серебром, вернулся к повозке, приказав вознице везти меня на нужную пристань. На какую, я тоже сообщил. Через пятнадцать минут я со своими охранниками уже был на борту малого ушкуя и отдал приказ немедленно отчаливать. Молодой кормчий, капитан этого ушкуя, сразу же заорал, отдавая приказы. А Федор отошёл в сторону, к одному из бортов, и встал рядом со мной. Он был капитаном «Беды» и плыл в качестве пассажира.

Все нужные приказы по переделке насадов под наши нужды он уже отдал, поставил опытного помощника, чтобы следил за работами, а сам решил развеяться со мной.

Кормчий знал, куда нам нужно и где находятся заинтересовавшие меня земли, поэтому правил уверенно. Наконец спустя полтора часа он свернул в небольшую заводь, где у пристани стояло два судна. Стояли бортом друг к другу, места для двух там не было, так что, опознавшись с вахтенным на ушкуе местного владельца земель, мы причалили к нему.

– Барин в усадьбе, – сообщил матрос, завязывая брошенный ему конец.

Кивком подтвердив, что принял эту информацию, я с Федором и одним стрелком ступили сперва на борт ушкуя, потом ладьи и только потом сошли на пристань. Там нас уже дожидался кто-то из местной дворни. В усадьбе уже знали, что прибыл ещё один дворянин, и готовились к приёму, поэтому паренёк вёл нас неторопливо, давая своим хозяевам время. Да в принципе, и мы не особо спешили, осматриваясь.

– А мне нравится, – негромко известил я.

– Справные земли, – кивнул Федор, тоже с интересом осматриваясь.

* * *

Дёрнув головой, я с раздражением посмотрел на старенького сухонького попа, который вот уже второй день ходил за мной хвостом и нудел, нудел. Суть требований этого представителя местной церкви сводилась к тому, что я был обязан – это не была просьба, это было требование – взять с собой священников и обеспечить их всем необходимым. Ещё когда припёрся первый, я ясно дал понять, то есть прямо сказал, что мне нахлебники не нужны, если хотят плыть с нами, пусть нанимают корабль. Местные рупоры с богом этого не захотели, привыкли жить на халяву. Так что вот уже второй день, как я их отшил, но те поступили мудро. Прислали мне этого старикашку в рясе, тот постоянно ходил за мной хвостом. Уж сколько охрана его гоняла, всё равно выскакивал как чёрт из табакерки. Вот и сейчас прохожу мимо тюков с тканью, сложенных на пристани, как он выскакивает из-за них, проскальзывает между ног ближайшего охранника и нудит: «Возьми попа и дьяка, ну-у возьми-и-и!»

Погладив виски – у меня уже голова заболела от этого попа, – я подошёл к борту насада и, быстро осмотревшись, развёл руками, как будто вдыхая воздух и зевая. В это время у въезда захавшая на пристань телега с очередным грузом сломала колесом гнилую доску настила и завалилась набок. Громко ржала лошадь, вставая на дыбы, но постромки крепко её держали, кричал возница. Это на миг отвлекло присутствующих на насаде, поэтому моего взмаха никто не заметил. Только один из пятнадцатилетних матросов удивлённо обернулся и посмотрел на пузыри, что поднимались

на поверхность, и на расходящиеся круги.

Местные плавать не особо умели, это только подчиненные мне люди делали с охотой, следуя моему примеру, даже приказывать не надо было, так что большая часть стрелков и членов команд умели плавать. Думаю, в будущем им это пригодится.

Сплюнув вслед ушедшему на дно дьяку (или кто он там по церковному сану?), я с удовольствием огляделся, посмотрел на телегу, которую уже разгрузили, и повернулся к подошедшему Немцову, которого назначил старшим капитаном. То есть он отвечал за техническое оснащение *всех* наших кораблей, всех семнадцати единиц. Да, вот так вот понемногу мне удалось собрать эту флотилию.

– Всё готово. Сейчас загрузим последнее, мешки с семенами. С теми зёрнами, которые ты заставил женщин перебирать, выбирая только крупные и без трещин.

– А-а-а, посевной материал? – кивнул я.

С посевным материалом я действительно несколько перемудрил, но считал, что поступил правильно. Мои люди покупали на базаре мешки с зерном и перевозили их на двор снятого дома. Где женщины и девушки, даже девчата из семей холопов, за небольшую оплату из всего этого выбирали самые здоровые и крупные зёрна и складывали их отдельно. Остальное продавалось на базаре. Дохода от этого не было, даже был расход, но зато теперь есть что садить. Я и в будущем так же собирался делать. Крупные зерна на посевы, остальное на еду.

– А холопки как, отправили уже? – спросил я.

– Да, на шести телегах в усадьбу отправили, завтра там будут, как раз к отплытию успеют. Авдей им в охрану десяток отрядил.

– Это хорошо, – удовлетворённо кивнул я. – Как закончится погрузка, сразу же отплываем и идём к усадьбе. Пора уже.

Последнее я сказал скорее самому себе. Ещё неделя, и будет поздно отплывать. Приближалась осень, и я надеялся до штормов успеть выйти в Атлантику. Там будут шторма, но я знал, где нам их переждать, более того, этот остров я собирался сделать перевалочным пунктом и объявить его княжескими землями, посадив там боярина и дав ему людей для охраны с парой пушек да холопов в деревушки. Правда, у него и свои есть, четыре семьи, но и мои там пригодятся. На острове мы построим крепость и дома для двух, а то и трёх деревушек. Благо лес там был.

Наместником на остров я выбрал бывшего старшего десятника Ивана Стольничева. Это был уже взрослый воин тридцати трёх лет от роду, спокойный, рассудительный и, главное, достаточно хозяйственный. То есть

присмотр ему не нужен, котелок у него вполне неплохо варил. Думаю, поставить его наместником – самая лучшая идея. Кроме тех земель, что я нарежу ему на самом острове, так ещё на континенте выделю земли. Пусть поместье там со временем ставит. Люди, скорее всего, к этому времени будут. Это у нас первый рейс.

Что-то я заторопился, думаю, нужно более подробно рассказать, как прошли для нас эти три месяца. Очень сложно прошли, я бы сказал. В спешке и в больших объемах работы, которые нам необходимо было разгрести.

– А где этот поп? – покрутив головой, спросил Немцов, отвлекая меня от размышлений.

Не только меня, но и команду старикан задолбал, так что не думаю, что кто-то расстроится его пропаже.

– Поплавать он решил, – лениво ответил я.

– А он умеет?

– Ну, сейчас-то понятно, что нет, – усмехнулся я и сел на один из пустых новеньких бочонков, заготовленных нами для перевозки воды во время плаванья. Рядом стоял большой бочонок, о который я оперся плечом, и предназначался он к отправке на транспортное судно для животных.

– Ладно, пусть его, – махнул рукой Федор и побежал проверять, как закреплён груз, а я отошёл к борту, чтобы не мешать команде работать. Там, облокотившись о фальшборт, стал вспоминать, что предшествовало всем этим беспокойным дням. Да-а, пришлось тогда побегать и покрутиться, формируя эскадру, но надеюсь, всё пройдёт благополучно, ведь ни много ни мало, а требовалось перевезти порядка тысячи человек, не считая скотины. Из них почти шестьсот человек были моими людьми. То есть триста человек – крестьяне и холопы, а остальные – будущие горожане, строительные бригады, лавочники, рабочие моих будущих предприятий и купцы, свободные люди. Остальные людишки принадлежали тем, кого я ввёл в боярское сословие, выдав каждому соответствующие бумаги. Их набралось аж восемнадцать человек. Немцов и Корнилов входили в их число.

Поглядывая на работу команды – пристань уже осталась за кормой, – я задумчиво смотрел на Новгород, окраины которого мы как раз проходили.

Три месяца, три долгих месяца, но итоги этих нечеловеческих усилий дожидались нас у усадьбы. Там, у крутых берегов моих земель, стояли шестнадцать кораблей, дожидаясь нас и приказа на отплытие, а на берегу горели костры, и в шалашах жили холопы, подразделения стрелков и свободные люди, что решили отправиться с нами и поискать счастья на

новой земле.

Рассказывать подробно, как всё собиралось, это долго, за час, что мы будем идти до места сбора, никак не успею, так что расскажу кратко.

Значит, так: после того моего второго и последнего посещения дома Красновских, я развил бурную деятельность. Сходил на малом ушкуе, который к настоящему времени уже продал Немцову, а тот передал его брату к усадьбе, о которой я знал, что её выставили на продажу. Там на месте сразу же договорился с хозяином и выкупил её, взяв в свидетели двух соседей. Те подтвердили законность сделки. Купил я не только земли, но и людей, что жили в трёх деревушках. Часть оставалась на месте, в основном старики, но почти все молодые отправлялись с нами. Их я забирал.

Потом была перевозка купленных холопов, включая боевых из стрелковой сотни и пушкарей, на свои земли, организация полевого лагеря и подготовка к отплытию. Золото и серебро утекали рекой, но к этому времени мне удалось собрать ту флотилию, что дожидалась нас у усадьбы. Мы даже дважды проводили учения на Ладоге. Последнее было неделю назад. Чему-то те научились, остальной опыт придёт во время плаванья.

Готовился я серьезно, очень серьезно. Оружие, боезапас – это всё временные меры без материальной базы. Да, я сманил двух специалистов по выделке пороха и помощника мастера, что выделывал пищали. Этим троим на новых землях предстояло создать оборонный завод. Пока фабрику, естественно, потом уж и всё перейдёт в обширные возможности. Может быть, и пушки лить начнут. Казнозарядные, естественно.

Я уже нашёл им отличного управляющего. Начальника завода и одновременно старшего инженера. Это один из пареньков-пушкарей, что делал изрядные успехи в усвоении знаний. Последний месяц я вёл отдельные занятия по часу каждый день, давая то немного, что знал сам. Так вот, Еремей впитывал эти знания как губка, так что, определив его интересы, я стал вести с ним индивидуальные занятия по механике и инженерии. Дал пока минимум, но и то хлеб. Надеюсь, в будущем он станет отличным инженером и начальником цехов.

Во время плаванья будет много свободного времени, а он был на «Беде», подтяну выше знания его и ещё трёх заинтересованных, включая парня, что умеет делать пищали. Ему это тоже пригодится. Специалисты, мне нужны были специалисты, а где их взять, если не взрастить самому? Иностранцев нанимать я не хотел, и так мучаюсь с этим аптекарем. Как стал начальником, так нос задрал. Хотя десять помощников учит на совесть, этого не отнять, только это и сдерживало меня, чтобы не выпнуть

его. Правда, со мной он держался ровно, но мне не нравилось его отношение к другим людям.

С местными боярами и князьями у меня сложились не то чтобы сложные отношения, но особо они меня не привечали, хотя с посадником я встречался регулярно.

Обещание, данное посаднику, я выполнил: принял шесть бояр с семьями и некоторыми холопами на четырёх кораблях, так что моя флотилия увеличилась. Правда, выбор кораблей бояр вводил меня в сомнение. Одно так вообще было плоскодонным речным судном. Однако те заверили, что судно крепкое, команды опытные, мол, они уже к данам на нём ходили. Ну-ну.

То, что московский царь снова вышел к Новгороду, я знал, поэтому и торопился с отбытием. Со дня на день его полки должны появиться у стен вольного города. Встречаться с царскими людишками мне не хотелось, хотя у меня было полторы сотни стрелков и почти полсотни пушкарей, не считая тыловые службы. Даже от полка отбиться могу. Но зачем, если можно спокойно уйти, не теряя людей? Я и так уже раз двадцать пользовался своими умениями и вылечивал больных, покалеченных и тяжелораненых. Только своих, чужие меня не интересовали, хотя, несмотря на строгий приказ, слух о моих умениях начал расходиться. Стрелки уже начали заворачивать первых паломников. Церковь ещё что-то носом крутит, подозрительно всё это.

В это время русло повернуло, и я рассмотрел впереди причаленные к берегу в ряд два десятка кораблей. Среди моих стояли и боярские суда.

– Рано утром начинайте погрузку, отходим в десять часов, – велел я Федору. Тот кивнул, принимая приказ.

Наш насад причалил к боку другого судна, и пока команда перегружала часть доставленного груза, в основном пустые бочки, я перепрыгнул на этот ушкуй, одно из наших транспортных судов для перевозки скотины и части людей, после чего по трапу спустился на землю. Потом в сопровождении двух охранников направился в сторону полевого лагеря, где, как муравьи, суетились люди. Пора отдавать последние перед отходом приказы, ведь завтра мы отчаливаем.

До вечера я инспектировал корабли, проверяя, как уложен груз и как обеспечены команды и пассажиры. Они пока находились на берегу, как и вся скотина, погрузка начнётся завтра рано утром.

Наконец перед самой темнотой я собрал всех своих бояр, пригласив и пришлых, которые мне на верность крест не целовали, и обсудил

последовательность завтрашнего отплытия. То есть на ком погрузка, охрана и общее командование. Когда обсуждение было закончено, я оставил бояр, которые расходились по своим шатрам, а сам, вскочив на коня, направился в усадьбу. Это была последняя ночь, когда я ночевал в своих апартаментах.

Принял душ из ведра – меня облил один из дворни, что также отправлялся со мной – и поспешил к себе, где меня ждали две нимфы-постельничие. Обеим девушкам было по пятнадцать, старше нетронутыми было трудно найти, но и эти девушки из холопок были очень даже ничего. Обе мне нравились, честно скажу. Но, правда, скоро одной придётся искать замену – дня два назад меня обрадовали, что я стану отцом. Ничего, ребёнка признаю, будет у меня первенец, правда, не наследный. Наследными могут быть только от жён.

– Барин, – раздался звонкий девичий голосок, и меня затрясли за плечо.

Открыв глаза, я стремительно сел, ища опасность. Стоявшая рядом со мной ослепительно красивая девушка в восхитительном пеньюаре, который ничего не скрывал, сперва отшатнулась, но потом прижалась, что-то мурлыча на ухо. Вторая тоже проснулась и прижалась со спины. Они меня всегда так будили. Умницы, сам натренировал их за эти два с половиной месяца.

– Что, уже утро? – спросил я, с прищуром посмотрев на подсвечник, где горело три восковых свечи. За окном ещё было темно.

– Да, – промурлыкала девушка. – Совсем скоро рассвет.

– Ох, чертовка! – хмыкнул я, заваливая её на постель. Сперва с одной поработаю, а потом можно и второй заняться, которая сейчас ластилась ко мне.

Этих двух девушек я выкупил на рынке, где продавали закупов. Девушки ранее были из свободных горожан, но их родители разорились, и они оказались в закупах, так они и попали в мои руки. Хотя нет, вру. Так было с Ольгой, дочкой гончара, который взял большую ссуду, но разорился, попав в должники, а вот с Инной совсем другая история. Представьте себе молоденькую Шерон Стоун. Вот такая красавица мне повстречалась на одной из улочек, когда её зажимали трое ребятшек моих лет. Как оказалось, Инну считали ведьмой с плохим глазом и решили проучить. Она была сиротой, проживала у дяди, который её тоже не особо любил, так что девушка, поглядывая на избитых «ухажёров», которые не успели совершить насилие, сексуальное, естественно, охотно согласился пойти ко мне в услужение. Ну, а там завертелось, и они стали моими постельничими. То есть их обязанность – согреть меня своими телами

зимой, помогать раздеваться-одеваться и следить за постельным бельем. Вот и все их обязанности. Остальное всё добровольно. Вон, одна уже залетела.

Обе девочки достались мне нетронутые, соответственно неопытные, так что я тратил немало своего ночного времени, чтобы их хоть чему-то научить, ну и себя не забывал, спермотоксикоз отступил надолго.

Закончив с девушками, в смысле миловаться, я провёл помывочные процедуры, не забыв почистить зубы специальной щёткой с ворсом из конского волоса, и направился завтракать. На стол уже накрыли, как сообщил служка. Кстати, с девушками я намиловался наперёд, потому как в плавании это будет делать сложно. Корабли были загружены до предела, даже у меня в каюте по плану будут проживать, кроме нас с девушками, ещё четверо. Спать они будут на своей рухляди – это означало матрасы и подушки – на полу. Эти четверо были моими людьми – дворецкий, что будет отвечать за мой будущий дом, его жена, знатная повариха, завтрак как раз она приготовила, и две женщины, которым было по тридцати лет, служанки, купленные мной в холопки. Также в каюте будет стоять три бочонка с водой – питьевая вода на первое время, ту, что находится в трюме, мы оставим напоследок, там прохладнее, не так быстро стухнет. Правда, серебро я решил не жалеть, и оно будет в каждой бочонке. За сохранность серебра будут отвечать специально назначенные люди.

Всем холопам я объявил, что после пяти лет службы у меня они автоматически получают вольную и могут или остаться со мной и продолжать работать, но получая за это нормальную заработную плату, а не сущие гроши, или заниматься своим делом. Я собирался спонсировать будущих фермеров, чтобы у меня на земле выросли крепкие фермерские хозяйства, стоявшие на нескольких гектарах. Но тут всё упиралось в лошадей, крестьянам из всех я мог выделить только половину, остальная мне была нужна для воинских подразделений. Кто пушки и обозы мне будет тянуть? А для вестовых, что будут поддерживать сообщение между поселениями? Тоже надо.

После завтрака, когда уже совсем рассвело, я направился в сторону стоянки судов. В усадьбе стоял переполох, те из дворни, кто отправлялся с нами, двинулись следом. На стоянке тоже было не всё спокойно, шла погрузка живности и людей. Стоял крик, мат, ржание, бляение, меканье, кудахтанье и мычание. Гвалт стоял приличный. Однако несмотря на это, шло всё достаточно организовано, если где возникали проблемы, туда сразу же устремлялись люди, ответственные за погрузку.

Пройдя на борт «Беды», я пропустил в каюту свою прислугу, в смысле

девушек, остальные слуги ещё не прибыли, и дал им время устроиться.

Погрузка была закончена где-то к десяти часам дня. Те, кто уже загрузился, отходили от берега и медленно дрейфовали вниз по течению, возглавляла флотилию моя «Беда». По сравнению с другими кораблями, она не была особо большой, но её мореходные качества меня вполне устраивали, к тому же, как и у других кораблей, корпус был обшит медными листами. Я скупил почти всю листовую медь, но сделал всё, что хотел. Теперь я не боялся теплых вод Атлантики.

– Последнее судно отошло, – сообщил подошедший Немцов. Река тут текла прямо километров на шесть, так что стоянку ещё было видно.

– Хорошо, – кивнул я и, ухватившись за натянутый канат, скомандовал: – Увеличить скорость!

Так началось наше шестимесячное плавание. Два месяца нужно идти до того перевалочного островка, который я решил назвать остров Русский, там пару месяцев пережидаем штормы и ураганы, и после того, как они стихнут, пойдём уже к самому континенту Америке, а оттуда и до Кубы.

Основные поселения, конечно же, будут на континенте, примерно в районе штата Южная Каролина, где она была в моём мире. Но и на Кубе я создам поселения. Кроме них я собираюсь построить перевалочные поселения, четыре. Это тот самый остров Русский, потом второе на побережье в районе современного мне Нью-Джерси, третье на месте Норфолка и четвертое в районе Чарлстона. Корабли, что будут ходить на Русь, будут стоять там, проходить докование и ремонт, команды – отдыхать. Для моих кораблей, то есть княжеских, там будет выдаваться продовольствие и вода бесплатно, а вот для купцов наоборот – платно. Поселения будут принадлежать мне, то есть они будут считаться княжескими. Со временем они будут разрастаться в города, деревушки, села, фермерские хозяйства и раскинутся на много километров. Так и происходит колонизация. Главное, с аборигенами договориться и выкупить у них эти земли. Наладить торговлю и сотрудничество.

Шесть кораблей, что шли в составе флотилии, включая «Беду», это будущие сторожевые корабли береговой охраны. Их задача – патрулирование береговой линии и сообщение между поселениями. Я уже стал набирать будущих морских офицеров, пока командовать ими будет Немцов, но после того как возрастут другие офицеры, он уйдёт на покой и передаст эту должность подходящему офицеру. Однако это всё планы, не более. Главное – доплыть.

– Доплывём, – негромко, но уверенно сказал я и, упрямо склонив голову, посмотрел вперёд. Скоро будет Ладога, а там Финский залив,

Балтийское море, проливы Дании и Атлантика. Потом Шотландия, закупка там воды и продовольствия, месяц плаванья, остров Русский, потом ещё месяц плаванья и, наконец, Америка. Наша цель.

К моему большому удивлению, никаких проблем, ни погодных, ни тем более людских, мы не испытывали, пока выходили к проливам.

За восемь дней, ориентируясь по самому медленному кораблю, хотя я такие старался не брать, мы прошли Балтику. Причём шли не у побережья, а пробуя себя для будущих долгих плаваний по океану – прямо. Курс прокладывал я, соответственно «Беда», как флагман, шла впереди. Остальные, пока неумело, выбиваясь из строя, шли за мной двумя колоннами.

Корабли нам встречались, и надо сказать, только у побережья и в немалом количестве. Кстати, таких больших флотилий мы больше не видели, максимум семь кораблей было, правда, такие же лоханки, как и у нас, но зато настоящие парусники, а не как у нас – с косыми парусами. С такими парусами, конечно, можно идти круто к ветру, но вот о скорости можно только мечтать. Жаль, тот фрегат капитана-франка прибрать не получилось. Он то ли почувствовал что, то ли действительно торопился, но однажды утром выйдя на палубу, я обнаружил, что фрегата на месте стоянки нет. Вот так и порушились мои планы взять с собой ещё десятка три крестьянских семей.

Кроме всего прочего, Балтика и проливы дали командам и капитанам тот уникальный опыт, что мог пригодиться в будущем. Трижды к нам направлялись военные корабли, только однажды это было сразу два боевых военных корабля, но когда им навстречу вышло сразу четыре оппонента и окутались дымом холостых выстрелов из корабельных пушек, все капитаны военных кораблей предпочитали молча ретироваться. То есть тактика была выбрана правильная.

К тому же это были не все мои планы. Кораблей много, если встретится англичанин, возьму его на абордаж. Без всяких сомнений и терзаний. Мне нужны были корабли, а нагличане неплохие корабелы. Так что будем расширяться. Именно поэтому я шёл с таким перегрузом. Вон, к трём судам были привязаны большие рыбацьи баркасы с высокими бортами, так даже в них кроме пары матросов находилось по две крестьянские семьи. Я же говорю, шли с перегрузом. Я не имею в виду, что с двойным, но места реально не хватало.

Скажу честно, с теми пассажирами, что были с нами, на тех кораблях, которые были в наличии, Атлантику нам не переплыть. Много ртов, вода

уходила просто бешено, так что нам волей-неволей придётся брать на бордаж корабли для увеличения количества транспортных средств и шансов пересечь океан. Правда, скажу честно, именно это я и планировал делать, когда брал с перегрузом людей.

Особых проблем с плаванием не было, только технические, но это в основном из-за отсутствия опыта у команд и капитанов, и со временем разных ошибок становилось меньше. Так что пока они справлялись. Сложнее было с крестьянами и рабочими, будущими горожанами. Они знали, что их везут на новую богатую землю, и знали, что плыть требуется долго. Но в их понимании долго – это несколько недель, а никак не несколько месяцев. Так что пришлось искать им занятие.

На эту проблему мне указал Корнилов, говорил, что от безделья могут быть беспорядки, да я и сам это знал, так что пришлось выдумывать для пассажиров работу, чтобы занять их время и не давать думать о мирском. То есть паниковать. Мужиков в основном определили к вёдрам и тяжёлой корабельной работе, команды этому были только рады. Корабли текли, не помогла даже обшивка из меди. Текли не сильно, но черпать воду из трюма приходилось часто. Вот они два раза в день вставляли в вереницу и передавали друг дружке брезентовые вёдра. Но эта работа по часу два раза в день не могла их надолго занять. Пришлось искать и другую, как для них, так и для женщин и, надо сказать, вездесущих детишек. Действительно везде ссали, пока их не приучили к туалету розгами.

Проблему работ для мужиков и женщин решили капитаны кораблей, на борту всегда хватало мелкой судовой работы, так что заняты были все. А если работы не было, её придумывали. Мои подчинённые, я бы сказал, правильнее вассалы, знали, что делать, а с моими подробными объяснениями, что будет, когда пассажиры запаникуют, очень ответственно подошли к задаче занять их работой. Так что эта неделя пролетела для наших пассажиров как один день. У многих оказалась морская болезнь, вот для них эта неделя прошла как один месяц. Но и они тоже со временем пообвыкли.

– Датский пролив впереди, – сообщил я стоявшему рядом Немцову, на которого и было возложено общее командование флотилией. Я же был главным и, честно сказать, единственным штурманом, хотя на это дело активно учились и практиковались четверо пареньков.

– Рядом с берегом пойдём?

– Нет, – покачал я головой, посмотрев на закат. – Темнеет. Ложимся в дрейф и переживаем ночь. Сейчас идти опасно, это не в Балтике, там было легче. В Атлантике будет так же, идти будем и днём, и ночью, как мы это

делали, выйдя из устья Невы.

– Вода у нас подходит к концу, пора набирать.

– М-да, расход куда больше, чем я думал, хотя мы и ввели систему жёсткого контроля за расходом воды, – опутив подзорную трубу, задумчиво пожевал я губами. – Федор, ты пока занимайся своими обязанностями, отдай приказ на ночёвку. Только не как в прошлый раз. Снова ремонтировать на ходу нос «Лилии» нет ни желания, ни времени, и так пробоину заделали кое-как. Пройдем проливы, надо будет серьезно заняться её ремонтом.

– Сейчас уже появились умения, опыт, как ты говоришь. Справятся, – уверенно ответил Немцов и, коротко кивнув, направился на корму отдавать требуемые приказы, я же, посмотрев ему вслед, со щелчком сложил трубу и, убрав её в чехол на ремне, направился к трюму. Нужно посмотреть, сколько воды осталось, и прикинуть, сколько мы сможем проплыть по океану с полными запасами с тем количеством народу, сколько находится на кораблях.

Один я не полез, прихватил помощника капитана, который отвечал за воду и продовольствие, а также за их распределение. Тот тоже один не полез, а кликнул двух отдыхающих у борта крестьян, парней лет двадцати пяти на вид. У одного как раз на коленях играла малышка лет трёх. Те без разговоров встали, отец передал ребёнку подскочившей матери, и они последовали за нами.

В течение часа при свете масляного фонаря мы ворочали бочки. Выяснилось, что в двух оказалась подпорченная вода, в неё попала трюмная вода.

Под конец одна из бочек, что была с меня размером, сорвалась с подпорок на крутой волне – мы лежали в дрейфе – и прокатилась по ноге одного из крестьян, отца той малышки. Раздался хруст костей и сдавленный стон. Парень смог сдержать крик.

Первым делом мы втроем, я тоже не чурался тяжёлой и грязной работы, за что был уважаем не только вассалами, но и простыми крестьянами и рабочими, вернули бочку на место, чтобы она не успела натворить разрушения куда более страшные, чем раздавленная нога.

После этого я склонился над бледным парнем и наложил на его ногу свои руки. Ефрем, помощник капитана, был со мной давно, я его ещё в Новгороде подобрал, так что мои действия его не удивили, хотя смотрел он и с интересом, а вот оба крестьянина были не просто шокированы тем заживлением, что произошло на их глазах, они буквально благоговейно смотрели на меня. Парни не могли не заметить свечение, что исходило от

моих рук.

Я не мог не воспользоваться этой ситуацией. Сейчас объясню, почему.

Церковь. Церковь и христианское вероисповедание встали у меня колом в горле. Большая часть крестьян, что я взял с собой, были насильно переведены в христианство и не сказать, что радовались от этого. Большая часть горожан тоже христиане. Были и истинно верующие, но таких было мало, однако я не мог не взять их. Без спецов в некоторых сферах мне будет трудно. В общем, чтобы что-то противопоставить церкви, я решил создать свою веру и даже уже составил некоторые догмы.

Если кратко, то по новой вере дело состояло вот как. Бог у нас Творец, его символ – это солнце. Он отвечает за все направления, специалист, так сказать, широкого профиля. Я верховный жрец будущего храма Солнца, который будет стоять в столице моего княжества. Кроме меня уже есть трое младших жрецов, которым ещё предстоит подняться по иерархической лестнице. Там пяток пунктов, если они их преодолют, то получают сан жреца или главного жреца. Последние саны будут иметь только главы храмов. В приходах и простые жрецы могут справлять службы. Выше только сан верховного, и его имею только я, больше никто другой, только преемник.

Заветы Творца были похожи на христианские. Тоже не убей (без повода), не укради (если не трофеей), не возжелай жену ближнего своего (если он рядом), ну и так далее. Только несколько отличий было от заветов христианства. Первое – кровная месть, Творец благоволил к мстящим. Я даже в закон княжества вписал несколько пунктов о кровной мести. Так что мстящий, подав официальную заявку в администрацию населённого пункта, не будет привлечён к суду в случае смерти его оппонента. Второй пункт – это двое– и трожежёнство. Крестьянам разрешалось иметь не более двух жен, если они в состоянии их прокормить, дворянам и жрецам не более трёх. Князю и главному жрецу уместно иметь пять жен, в прямом и переносном смысле. Про наложниц никто не говорил, это по желанию бояр.

Многожёнство было одним из способов привлечения прихожан в наши ряды. Были желающие и немало, особенно из моих стрельцов и пушкарей. Среди холопов их было куда меньше. Перед отплытием многие стрельцы, что перешли в мою веру, взяв ссуды, женились. Некоторые дважды, таких было шестнадцать человек.

Кроме меня на флотилии находилось ещё трое жрецов. Это были мои старые воины, с которыми я уходил из Крыма. Двое уже были в возрасте, и это было идеальным для них продолжением жизни, третий был куда

моложе. Старики уже никогда не перепрыгнут саны младших жрецов и до конца жизни будут вести литургии в храмах, разводить и женить, благословлять и освещать. Те пять пунктов, про которые я говорил, были написаны не просто так. Главный пункт – это умение писать и читать, а оба пожилых храмовника этого не умели, хотя и старались выучиться по минимуму.

С момента создания этой веры все трое получили неплохой опыт, они проводили богослужения, принимая в наши ряды новых верующих, было около сорока свадеб, освящение новорожденных, ну и похороны тех, кто не дождался отправки. Жрецы пользовались уважением среди крестьян, но не сильным. Про свои умения я молчал, не хотел, чтобы об этом пошли слухи и узнали в Великом Новгороде, и приказал молчать остальным свидетелям из своих людей.

Сейчас это уже не требовалось, наоборот – нужно показать свою святость, чтобы приманить новых членов, так как из всех людей на флотилии всего треть адепты новой веры, остальные – сочувствующие и сомневающиеся. Вот я и хотел этого паренька пригласить в жрецы – молодой, со временем поднимется выше, а пока побудет стажёром, это младший сан перед младшим жрецом. Этот крестьянин – идеальная фигура для этого, тем более я видел, что он пользуется уважением среди других моих холопов. Сын мельника, непростая фигура.

Мои слова, можно сказать, суть предложения, что я ему выложил, вызвали огромную радость у Ефима, как его звали. Тот, надо отдать ему должное, с минуту подумал и дал согласие. Так у меня появился ещё один священник.

«Святую книгу» – прототип Библии – я уже почти написал, сейчас дополнял, но многое уже было претворено из неё в жизнь. Например, мантии жрецы могут носить как в храме, так и на улице, но последнее не обязательно, главное, чтобы они были на богослужении. На улице жрец может ходить в обычной одежде горожанина, но обязательно с отличительным знаком. Нагрудный символ Творца у нас был не крестик, а пластинка с изображением солнца. На ней нижние лучи солнца были длиннее. Такие знаки, но небольшого размера, выдавались всем новым членам. Что уж говорить, мне приходилось постоянно носить такой знак верховного жреца, у других жрецов они были чуть меньше моего, но больше, чем у обычных прихожан. Вот и все отличия. Разве что только могу добавить, обычные верующие могут носить знак под одеждой, а вот жрецы обязательно поверх неё. И ещё у простых прихожан они были медными, у жрецов серебряные, а у главного, то есть у меня, золотая

пластина.

Вернувшись на палубу, я отпустил остальных помощников и с Ефимом прошёл к себе в каюту, где, выгнав всех пассажиров, в торжественной обстановке принял нового члена нашего культа, выдав ему мантию и нагрудный серебряный знак. Мой ювелир их три десятка наготовил, причём все с номерами на обратной стороне. Ефим же мне вернул свой, малого размера. Как оказалось, Ефим уже был нашим прихожанином. Я об этом, кстати говоря, не знал. Не я его принимал.

Сообщив ему, в какое время завтра начнутся уроки – придётся уменьшить уроки по другим дисциплинам, чтобы втиснуть Ефима, ведь жрец в принципе не может быть безграмотным и не знать всех священных заветов, – я отпустил стажёра, который, накинув мантию, с гордо поднятой головой вышел из каюты.

Зашедший после него Немцов проводил того взглядом и, усмехнувшись, закрыл дверь. Снаружи уже давно опустилась темнота, поэтому большая часть пассажиров уже спали, только те, кто ночевал в моей каюте и которых я временно выставил, терпеливо дожидались на палубе.

Улыбка Федора меня позабавила. Среди тех, кто знал о моих умениях, пошло некоторое веяние. Они гордились тем, что они знают, а другие нет. Это выражалось в хитрых улыбках и гордых взглядах, которые можно было идентифицировать как «а я что-то знаю, а вам не скажу». Именно такая улыбка и была у Немцова.

– Новенький? – спросил он, кивнув вслед Ефиму.

– Да, мало у нас жрецов. Нужно хотя бы в каждом поселении, чтобы был такой и вёл необходимые службы. Вот и подготавливаю, принимаю... Ладно, что там по службе?

– Корабли легли в дрейф. Транспортные суда лежат тесной группой, боевые патрулируют вокруг. Два корабля, «Акула» и «Ёж», сегодня их смена. Пока всё тихо, чужих нет. Пушки для отражения заряжены ядрами и книппелями, дозорные внимательно следят за морем. Но как я уже говорил, пока всё тихо.

– Тут они атаковать не будут. Вот в проливе, уверен, нас уже ждут. Помнишь, дня три назад нас обогнала та фелюка? Посыльный это, точно.

– Да, шустро бежала по волнам.

– Именно. Ладно, завтра перед рассветом снимаемся и продолжаем движение. Меня будить, если на горизонте появится противник, остальное вы и так знаете. Курс проложен.

– Хорошо, князь.

– Ладно, зови моих, а то, наверное, уже продрогли на холодном ветру.
Начало осени как-никак.

Через минуту, обнимая одну из своих девчат, я уткнулся ей в грудь и спокойно посапывал, засыпая. Девку, конечно, хотелось, но при холопах, что спали на полу каюты, этого делать не было желания. Мне хватало утра и дня, тогда я спокойно мог выпроводить пассажиров из каюты, и нам никто не мешал.

– ...сперва эти два вышли, потом те четверо из-за мыска. Правда, мои мальчишки дозорные их мачты сразу заметили, так что неожиданным их появление для нас не было, – указывал рукой Фёдор.

Подняв личную подзорную трубу, я осмотрел два довольно крупных в местном понимании корабля. После недолгого изучения я обернулся и посмотрел за корму, где виднелись паруса ещё четверых кораблей-загонщиков. Как и ожидалось, нас решили перехватить на выходе из пролива.

Это не были те боевые корабли, про которые писали историки и писатели. То есть это не были корабли с рядом пушечных портов по бортам, до таких кораблей ещё не дошло, не то время, хотя один подобный корабль я лично видел, но это ещё в Крыму было. Помните испанскую каравеллу?

Обычно местные военные корабли отличались от торговых только корпусом, более стремительными обводами да парой пушек, обычно на вертлюгах. Вот и в данный момент нас встречали именно такие военные корабли.

В отличие от них, наши боевые корабли хоть и были меньше размером, но имели больше пушек и хорошо натренированные команды, так что появление противников для меня было даже в радость. Во-первых, мне надо потренировать команды. Во-вторых, корабли мне тоже пригодятся. Запасные команды у меня были в наличии. В-третьих, наконец на кораблях будет посвободнее. Вон, несколько десятков крестьян уже получили необходимый уровень умений, тоже их переведу с семьями, будут помогать командам хоть по мелочи.

– Скорость не сбрасывать, – скомандовал я, вернувшись к наблюдению за двумя кораблями, что шли нам наперерез. – «Ёж», «Нева» и «Змейка» пусть выдвигаются вперёд и перехватят обоих данов. Корабли мне нужны неповреждённые.

– Кто будет командовать боем на месте? – спросил Немцов, давая распоряжения сигнальщикам. Один из мальчишек тут же навесил нужные флаги на сигнальный линь, ожидая дальнейших распоряжений, что именно добавить перед подъёмом.

– Игорь, капитан «Змейки». Парень молодой, знания впитывал как губка. Пусть это будет его первый боевой опыт.

– У нас на боевых кораблях все капитаны молодые, – проворчал Немцов, но отдал распоряжения насчёт флагов.

С сигнальщиками у нас вообще интересная история получилась. Они нам были остро необходимы, но... в наличии их не было. Вот и пришлось брать одного смышлёного паренька из команды, тот уже умел хорошо писать и читать, мы его в Нижнем Новгороде взяли, и повесить на его плечи формирование сигнальной службы. Пареньку семнадцать лет, но он уже старший сигнальщик эскадры и имеет под командованием больше двадцати парнишек. Набирал он их сам, как и тренировал. Свод законов кораблевождения и эскизы сигнальных флагов я ему дал, а флаги они сами шили. Потом у меня в усадьбе поставили сигнальную мачту, а вторую на другом берегу реки, рассмотреть флажки можно было только в трубу. Вот так и начались их тренировки. Я проверял их раз в неделю и посчитал наработанный опыт вполне удовлетворительным, даже не хорошим, просто удовлетворительным. Опыт со временем наберут, будет отличным.

На каждом корабле у нас было по два сигнальщика, работали они посменно. По своду законов ВМФ Княжества и морские офицеры должны знать сигналы, но из-за лимита времени я оставил это на потом, тем более этот свод законов ещё был не готов до конца. Я параллельно писал и свод законов для торговых кораблей Княжества. Даже собирался открыть школу штурманов торгового и военного флота под моим патронажем. Но всё это мечты. Главное – дойти до Америки и закрепиться там. А капитаны нарабатывают опыт, совершая постоянные рейсы из Княжеской Америки до Новгорода.

Через пару минут, получив необходимые распоряжения, три корабля, увеличивая скорость, направились к противнику. Два других боевых корабля шли позади нашей флотилии, пристально отслеживая все телодвижения четырёх противников, что догоняли нас. «Беда» же продолжала вести флотилию за собой. Особой паники на кораблях не было заметно, они всё так же шли двумя кильватерными колоннами.

– Посмотрим, как он освоил мои уроки по морской тактике и особенностям морского боя на деревянных судах, – сказал я и, немного поднявшись по вантам, метра на два над палубой, стал отслеживать все движения группы наших боевых кораблей.

Немного мешали мальчишки-пушкари, которые тоже висели гроздьями на вантах, им тоже было любопытно, но после моего окрика они поднялись выше и уже не так орали и трясли ванты, поддерживая своих товарищей,

что сейчас шли в бой. Конечно, мне тоже хотелось поучаствовать в бою, как и мальчишкам-пушкарям, но я игнорировал их просительные взгляды. Не надо лезть везде самому, а нужно готовить тех, кто сделает это за тебя. Я более чем уверен, что Игорь, который сейчас стоял на корме и отдавал распоряжения команде и сигнальщикам, волнуется, зная, что я пристально наблюдаю за всеми его действиями, но надеюсь, он не обратит на это внимания и будет работать с холодной головой. Всё-таки мой лучший ученик. Именно его я планировал поставить командовать конвойными кораблями, которые будут водить и охранять караваны между континентами.

Та четвёрка, что шла сзади, меня не особо волновала. Шли мы не снижая скорости, а она у нас была фактически одинаковой. Не, если эти двое нас не задержат, до темноты эта четвёртка нас не догонит. Да, в принципе, уже без шансов. «Ёж» уже заставил одного из данов, на третьей мачте которого были косые паруса, уйти в сторону, освобождая путь, так что когда начался бой, флотилия без проблем проходила мимо пяти маневрирующих, окутывающихся пороховым дымом кораблей. Мы вырвались из ловушки и уходили всё дальше. Кстати, этот парусник у данов один был трёхмачтовым, остальные двухмачтовые.

Заметив умоляющие взгляды мальчишек, я сдался:

– Приказ «Лилии» – возглавить флотилию. «Волчонок» замыкающий. Курс тот же. «Беде» поворот оверштаг. К бою.

– Приготовиться к повороту... К бою! – тут же продублировал капитан «Беды» Михаил Дубов, кормчий, то есть капитан из последнего набора. Таких неопытных я старался держать при себе, давая им набраться того самого опыта. А парни, что уже получили бесценный опыт управления кораблями на море, сейчас командовали своими кораблями без моего надзора. Да что уж говорить, вся команда «Беды» – сплошные новички. На борту было всего шестеро ветеранов, в том числе я. Немцов, командир стрелков, он же старший десятник, начинал он, кстати говоря, простым стрелком со мной ещё в Крыму. Туда же входили командир артиллерии, один из старших пушкарей и боцман. Вот и все старики.

Ушкой кренился на один борт под устойчивым ветром. Набирая скорость, мы пропускали по левому борту уходившие транспортные корабли и шли на четвёрку преследователей. Один против четверых. Посмотрим, кто кого.

Ухватившись за канат, я вскочил на фальшборт и стал пристально рассматривать надвигающиеся на нас корабли данов. Шли они сетью, раскинув её на километр, то есть между преследователями было двести

пятьдесят – триста метров.

– Подсечём их! – крикнул я Дубову. – Как раз ветер устойчивый, приведёмся круто к ветру.

Моё решение было не лишено смысла. Ветер дул не только в корму моей флотилии, но и в корму данов, поэтому на пересечённых курсах ветер будет на их стороне. Конечно, на косых парусах и при мощной артиллерии это для нас мало имело значения, но команда, как я уж говорил, у меня была не особо опытная. Честно говоря, это был их первый выход на большую воду, вот я и решил обойти круто под ветер преследователей и зайти к ним со стороны кормы, чтобы они оказались между нами и флотилией. Тогда преимущество в ветре будет у нас, а это и скорость, и манёвр, можно кусать их при возможности точно и больно.

Тогда у них встанет выбор: или оставить нас за кормой и безответно пережидать наши укусы, или развернуться, плюнув на жирные в их понимании торговцы, и заняться нами.

– Смотри-ка, поняли, что мы решили сделать, – пробормотал я, наблюдая, как два дана развернулись и, не сбрасывая скорость, пошли к нам наперерез. Для нас проблема состояла в том, что ветер, бывший нам в правый борт, так накренил «Беду», что она фактически лежала на боку и часть парусов волны окунали в воду.

– Успеем, – цепляясь за леера и натянутые канаты, сказал подошедший Немцов.

– Успеем, но и даны могут открыть огонь, дистанция в точке встречи будет подходящей. Это мы из-за наклона палубы стрелять не можем, у данов с этим проблем нет, хотя они и идут галсами навстречу ветру. Меня больше волнует сохранность трофеев. Три корабля у данов – это бывшие торговцы, видишь, корпуса пузатые? Вот они нам пригодятся, вон, хотя бы скотину перевозить. Тем более корабли не сказать что маленькие, тонн по триста в каждом точно есть. Только тот мелкий, что вырвался нам наперерез, это явно военная постройка. Скоростной, создан для преследования контрабандистов, патрулирования и боя. Качает сильно, да и паруса у него часть борта скрыли, но похоже, он вооружён тремя пушками. Вот они нам тоже пригодятся. В те же крепости. Значит, так, мелкий расстреливаем, причём так, чтобы корпус остался на плаву, остальных берём на абордаж.

– На всех трёх торговцах много людей, – подзорной трубой при такой качке и наклоне было пользоваться фактически невозможно, поэтому Немцов, заслонив глаза ладонью от солнца, рассматривал преследователей просто так, без оптики. – Абордажные и перегонные команды?

– Да... Дубов, по передовому работаем книппелями и картечью! По остальным только картечью! Они мне нужны целыми! Абордажная команда, товсь! Сейчас пройдем под бортом того мелкого, нужно обстрелять его палубу! Цельтесь точнее! – приходилось кричать, чтобы переорать свист ветра в вантах и парусах, да ещё командиры подразделений вносили какофонию, отдавая приказы.

К сожалению, наперерез нам шло всего два корабля, это тот мелкий военный и один из торговцев, что привлекли к военной службе. Два других, не снижая скорость, продолжили преследование флотилии.

Кроме команды, на палубе никого не было, почти все пассажиры спустились в трюм к животным. «Беду» я планировал использовать как боевое судно, так что оно было загружено по минимуму. Всего три лошади – две кобылы и жеребец – да пару десятков крестьян из холопов. Вот другие боевые корабли загружены были больше, но надеюсь, с пассажирами у них тоже ничего не случится. Если будут трофеи, то я освобожу все боевые корабли от лишних.

– Командир! – окликнул меня сигнальщик, в вороньем гнезде наблюдавший за боем, что вели три наших боевых корабля с двойкой противника. – Один дан взят на абордаж, он сцепился парусной оснасткой с «Ежом», сейчас на палубах идёт рукопашная, плохо видно из-за порохового дыма, кто берёт вверх. Второй уходит в сторону, его преследует «Змейка», а «Нева» идёт малым ходом к сцепившимся кораблям. У неё сбита бизань-мачта. Наши уже срубили ванты и идут на парусах фок-мачты. Бизань буксируется следом, они её не бросили.

Такой точный доклад с морскими формулировками удивил даже меня, однако подняв голову, я понял, в чём дело: вместе с дежурным сигнальщиком в гнезде находился наш старший сигнальщик, он-то и подсказывал молоденькому. Да, от него таких формулировок можно было ожидать. Парень был фанатом зарождающегося флота Княжества, так что думаю, его ждала блестящая карьера военно-морского офицера.

– Благодарю за доклад, боец! – крикнул я. – Держи меня в курсе развития событий.

– Есть, командир!

В это время мы проходили в точке соприкосновения с малым боевым кораблём данов, я всё никак не мог определить по оснастке его тип. Там была мешанина парусов, но если убрать часть, то по всем параметрам это была шхуна.

– Выстрел! – заорал вдруг сигнальщик, и я мгновенно упал на палубу, укрываясь за фальшбортом. К сожалению, ответить мы не могли, и

единственно, что нам оставалось, это пережить огонь до выхода из зоны поражения.

– Всплеск за кормой!.. Промах, второе ядро прошло над палубой!.. Дан поворачивает, он собирается идти с нами одним курсом и вести огонь правым бортом!

Приподнявшись над фальшбортом, я понял, что сигнальщик прав: дан хоть и потерял в скорости при повороте, но он быстрее нас, значит, догонит.

– Поворот! – заорал я, вскакивая. – Артиллерия левого борта – товсь!

– Артиллерия левого борта, товсь! – продублировал мой приказ командир артиллерии, а за ним последовали команды командиров орудий. Из дул вытаскивали предохраняющие затычки, проверяли кремни и как работают замки на пушках.

– Готов!.. Готов!.. – вразной ответили командиры орудий. Дубов в это время, манипулируя командой, уже развернул паруса и положил руль на борт, отчего «Беда» под устойчивым и не меняющим направлением ветром – тот стал дуть нам в корму – выпрямилась на ровный киль, облегчая работу пушкарям и стрелкам.

Корабли стремительно сближались. Когда даны оказались буквально на расстоянии пистолетного выстрела и были вынуждены совершить поворот, чтобы не столкнуться с нами, я крикнул:

– Огонь!

Мой приказ тут же продублировали. «Беда» содрогнулась от киля до кончика мачты от бортового залпа. Кроме трёх пушек бортовой артиллерии свою лепту внесли ещё вертлюжные пушки в количестве трёх единиц и два десятка пищалей стрелков. Те тоже не сплеховали и в момент сближения выпустили несколько сотен картечин.

– Идём на второй корабль! – скомандовал я, пока пушкари и стрелки перезаряжались. – Открыть штурмовые проходы!

Последний приказ тоже был не лишён смысла, так как я ввёл ещё одно из множества нововведений. Это противобордажные сети. Все мои военные корабли перед боем опутывались этими съёмными сетями. То есть противнику придётся перед тем, как хлынуть на палубу одного из моих кораблей, резать эти сети, терпя контратаки матросов и стрелков, неся немалые потери от их действий. К сожалению, до дня отправления мы не успели оснастить этими сетями все транспортные корабли, противобордажные сети имели всего пять кораблей. Однако мы набрали достаточное количество канатов, так что ещё будет время командам обделённых кораблей связать их себе. Как и что делать, они знали, видели.

Им тоже надо дать шанс в таком случае, мало ли.

Вот и на «Беде» были подняты подобные сети. Но в данный момент я решил пройти у борта второго корабля, потому как военный для нас опасности уже не представлял, он дрейфовал по ветру с одной оставшейся мачтой и опустошённой палубой. Так вот, я планировал пройти рядом с бортом второго корабля и картечью очистить его палубу, после чего повернуть, догнать и после второго залпа взять на абордаж. Конечно, рангоут будет повреждён, но главное, чтобы корпус был цел, а рангоут мы восстановим, на всех кораблях есть запасной материал.

Всё получилось, как и было задумано. И несмотря на отчаянное маневрирование данов, мы прошли у его левого борта, открыв огонь и картечью сметая с палубы всё живое, после чего, развернувшись, снова проделали ту же процедуру и пошли на абордаж. «Беда», управляемая пока ещё неопытными руками Дубова, произвела довольно жёсткое касание с бортом брига данов, и члены команды не сплеховали, кошками жёстко принайтовив корабли друг к другу, а на палубу преследователя с утробным рыком полезли стрелки, стреляя на ходу, после чего, отбрасывая оружие, доставали сабли или, беря в руки пики, шли в рукопашную.

Заметив в пороховом дыму, что и мальчишки-пушкари, поддавшись моменту, побросали пушки и с пистолетами и саблями полезли следом, я хотел было приказать командиру артиллерии навести порядок, однако обнаружил, что тот тоже уже находился на палубе атакуемого корабля. Он, с азартом скрестив саблю с вылезавшим из внутренних отсеков светловолосым даном, вторым ударом рубанул того по шее.

– Тьфу, как дети, ей-богу, – сплюнул я и, выбравшись по проходу в противощтурмовых сетях наружу, по вантам полез на мачту к сигнальщикам, которые из единственного у них ружья, тщательно целясь и при возможности быстро перезаряжаясь, стреляли по скоплениям данов. Правда, выстрелить им удалось всего два раза. И это не оттого, что я залез наверх и, рявкнув им, чтобы не мешали, стал наблюдать за морем, а оттого, что стрелять было не в кого. Наши выстрелы картечью, что проделали целые бреши в команде данов, дали нам возможность добить немногочисленные очаги сопротивления и в данный момент начать зачистку внутренних отсеков трофея.

– Мелкий тонет, – проворчал я, заметив, что первый корабль, по которому мы открыли огонь кнйпелями и картечью, стал заметно крениться на один борт. По его палубе бегало десятка два данов, но скорее они искали средства эвакуации, чем занимались спасением шхуны. – Дубов, руби канаты, отцепляйся. Нужно снять с первого противника всё,

что только можно, пока он не ушёл на дно.

– Есть.

Пока капитан отдавал приказы и созывал часть команды и пушкарей – стрелки находились внизу – я посмотрел в сторону двух других кораблей данов и обнаружил, что они уж бросили преследование флотилии, но направлялись не к нам, а в сторону ближайшего порта. Подумав, я решил не преследовать их.

– Сигнальщики, приказ по флотилии. Разворот, возвращение к флагману.

– Есть! – козырнул старший сигнальщик и стал быстро спускаться. Я последовал за ним. Корабли ещё не разъединились, поэтому я успел перепрыгнуть на палубу трофейного корабля. Она была на метр выше, чем палуба «Беды».

Немцов, оставшийся на «Беде», знал, что делать, поэтому, не обращая внимания на медленно отходивший флагман, я приступил к излечению раненых и, что уж говорить, погибших стрелков. Таких оказалось аж двое и мальчишка-пушкарь. Ими я и занялся в первую очередь, оставив раненых на потом. Многие бойцы с интересом следили, как оживают их друзья и товарищи, машинально прижимая кулак к сердцу. У христиан было принято креститься, у нас именно так, руку на сердце. Простым гражданам ладонью, воинам – кулак.

То, что флотилия фактически вышла из зоны видимости, меня не беспокоило, «Ёж» и «Нева» нас видели, а соответственно, и поднятые сигнальные флаги тоже. Они же и продублируют приказ дальше. Всё это было отработано, так что я особо не беспокоился.

С убитыми и ранеными я закончил быстро, пока ими занимались двое корабельных медиков – воды там подать, протереть от крови, я стал осматривать корабль. Абордажная группа оказалась смешанной, тут были и стрелки, что сейчас обдирали трупы данов и сбрасывали их в море, и несколько человек команды, и пушкари. Быстро прекратив анархию, я передал общее командование всем воинством старшему артиллеристу как старшему командиру и, отдав ему команды по кораблю, стал уже нормально изучать трофей. Судя по оснастке и особенностям строения корпуса, это всё-таки бриг, но в младенчестве, до нормальной оснастки ещё не додумались.

Пока я осматривал запасы в трюме корабля, команда уже стала убирать обломки рангоута, пушкари изучали единственную пушку на борту, а стрелки продолжили со сбором трофеев, все трупы они уже покидали в море. Живые даны в наличии были, семь человек, они сидели на корточках

на палубе под присмотром трёх стрелков. Что с ними делать, я пока не знал, скорее всего возьму с собой. Мне дополнительные руки лишними не будут. В Америке по прибытии доступ на корабли им будет закрыт, так что, скорее всего, это будущие фермеры, рабочие фабрик и заводов, ну или в крайнем случае рыбаки. Не думаю, что они откажутся перейти под мою руку, по местным понятиям это нормально, первую скрипку играет победитель.

Когда я поднялся на палубу, то заметил, что «Беда» уже возвращается, от шхуны данов остались одни плавающие на волнах обломки, и что к нам полным ходом идёт «Змейка». «Ёж» и «Нева» всё ещё были сцеплены с кораблём данов, который они взяли на бордаж. Рядом лежал в дрейфе второй корабль, это означало, что Игорь справился с заданием, и хотя его корабли получили повреждения, но он взял трофеем два корабля противника. А это очень неплохо, надо будет его премировать.

В данный момент, как я уже говорил, «Змейка» шла к нам полным ходом. Сигнальщиков на трофее не было, и я не видел, вернее, не мог разобрать, что за флаги вывешены на мачте «Змейки», но думаю, они предупреждают, что везут раненых и убитых. Исцелить их мог только я, все капитаны об этом знали, как и то, что промедление смерти подобно. Ну, с убитыми-то я ничего поделать не могу – времени прошло уже слишком много и они вошли в состав безвозвратных потерь, но у раненых шанс ещё есть, причём стопроцентный.

Видимо, Игорю сообщили сигнальными флагами, что я на трофее, потому как «Змейка» изменила маршрут и направилась к нам. На подходе корабль сбросил ход и довольно мягко прижался к борту. Наверху сухо щелкнула сломавшаяся рея и повисла на канатах – это было единственное последствие экстренного прибытия Игоря. Почти сразу я перепрыгнул на борт «Змейки» и, слушая доклад старшего помощника, склонился над тяжелораненым Игорем. В бою кусок рангоута, отлетев крупной щепой, пронзил его живот. Выдернув щепу – корабельный медик благоразумно не стала этого делать, только остановила кровь повязкой – я наложил руки, дождался, когда из раны выйдут все занозы и она закроется, после чего перешёл к следующему. Палуба корабля была полна раненых. Как я понял, раненые были со всех трёх наших кораблей, что вели бой с двумя данами.

Через час, перейдя на борт «Беды», я успокоил своих девочек, что прятались в каюте с прислугой, сообщив, что всё закончилось, после чего, выйдя на палубу и встав у левого борта, стал наблюдать за флотилией, что медленно шла в нашу сторону, галсируя против ветра. Результаты этого дня: семь убитых, три корабля серьёзно повреждены. Из трофеев: три

корабля в неплохой морской оснастке, которые войдут в состав моей флотилии, нужно только набрать на них команды, вернее, сформировать и перевести часть пассажиров, слегка подосвободив другие транспортники. Пленных данов набралось порядка семидесяти человек, все они уже приняли решение идти со мной. Другого выбора у них не было: или в воду, или с нами.

– Какие будут приказы? – спросил подошедший Немцов.

– Формируем команды для трофеев и уходим. Тут в дне пути есть остров, на нём встанем на пару дней, проведём ремонт и полную перестановку как в экипажах, так и в пассажирах. Кстати, остров заселён, сообщи стрелкам, что они могут взять городки на щит.

– Сделаем, – довольно пригладив усы, кивнул Немцов.

До острова, назначенного мной местом для ремонта, мы доползли вполне благополучно, хотя «Нева» с одной мачтой серьёзно тормозила нас. Вышли мы к острову к обеду следующего дня, хотя шли, врубив всю сигнальную ночную иллюминацию, чтобы не потеряться и не столкнуться, всю ночь.

На острове мы задержались на три дня. Пока команды занимались ремонтом вытасканных на каменистый берег кораблей и ставили на «Неву» запасную мачту, у нас их осталось всего три штуки, стрелки с татарами ушли осматривать остров. Как оказалось, городов тут ещё не существовало, как было в моём времени, но пара рыбачьих деревушек присутствовала. Вот к ним и ушли мои стрелки и татары.

Кстати, насчёт них. Перед самым отплытием, буквально за неделю, под мою руку попросилось десяток татар, воинов, что скрывались от своего хана. Что-то они там натворили, то ли сына его убили, то ли не уберегли. Подумав, я провёл с ними тренировки, определяя, чего они стоят, и согласился взять их в качестве лёгкой кавалерии. Правда, предупредил, что места мало и их коней возьмём всего пять голов. Те долго совещались, согласие они сразу дали, но вот с лошадьми была проблема. Не хотели бросать. Короче говоря, после долгих споров они взяли пять кобыл и жеребца.

Оборону небольшого фиорда, где и производился ремонт поврежденных в бою кораблей, включая захваченные трофеи, возложили на пушкарей. Они подняли пушки на скалы и оттуда контролировали не только гавань фиорда, но и подходящие тропинки.

Сам фиорд был обитаем, на вершине холма находились каменный дом и такие же каменные постройки. К сожалению, мы не смогли быстро

высадиться, и семья, что тут жила, успела уйти вглубь острова. Повезло только в одном: все припасы остались на месте, как и большая часть скотины, так что теперь мои люди, вся тысяча, питались свежим мясом и копчёной рыбы. От отары в две сотни голов осталось всего два десятка племенных овец, их мы планировали взять с собой, как и десяток коз. Остальная живность ушла в котёл. Только три овцы я приказал оставить, ведь семья вернётся, и им тоже надо будет как-то выживать. Пусть будет.

Все корабли в гавань не вместились, только транспортные смогли войти и встать на якорь, военные же патрулировали у входа, по очереди вставая на ремонт.

Я все эти три дня жил в своей каюте с девочками, отдав постройки под временное жильё холопам. На кораблях за эти три дня практически никто и не жил, пользуясь моментом походить по твёрдой земле. На завтра я назначил день отправки, поэтому во всю посуду начали заливать воду – источник воды был недалеко.

За эти три дня мы полностью привели все свои корабли в порядок. Работали не только команды, но и все крестьяне и рабочие, последние только на тяжелых работах, где нужна мускульная сила. Кроме этого, начали возвращаться стрелки и татары под командованием Корнилова, и я понял, что трофейных кораблей мы захватили мало. Трофеи было просто некуда грузить. Но ничего, разобрались. Среди трофеев были и пленные, в основном молодые женщины и девушки. Мне предлагали двух рыжих большегрудых, но я отказался, мне и двух личных холопок вполне хватало.

Ещё несколько стрелков вернулись на больших рыбацких баркасах, их я тоже решил взять с собой, выкупив трофеи у новоявленных хозяев. Мне они не принадлежали, только четверть, как князю, я же не участвовал в походах на местные деревни, а десятина – это десятина, вот и пришлось их выкупать.

Всю ночь шла погрузка и распределение людей среди кораблей, чтобы минимизировать потери в воде и еде. То есть чтобы по запасам в кладовых корабля хватало на то количество едоков, что находились на борту. Ведь у меня каждый корабль самодостаточный, и в случае отрыва от флотилии, в непогоду или ночь, мог двигаться дальше сам. Хотя для них это была верная гибель, уж поверьте мне. Без опытного штурмана, который всего один на всю флотилию, им не выжить. Это я про себя, если кто не понял.

Среди трофеев было большое количество свежих овощей, пришлось постараться, распределяя их, причём проследить ещё за тем, как их собирались хранить, чтобы овощи не испортились. Это витамины для плавания, чтобы не получить цингу на борту. У нас были свои запасы, но

почему бы не пополнить кладовые за чужой счёт?

Дальше было тяжёлое плавание, две недели мы шли в отрыве от земли до северной части Шотландии. С навигацией я не ошибся, мы вышли точно. Правда, пришлось лечь в дрейф, лезть в пролив перед темнотой не стоило. Ночью был переполох на одном транспортном корабле, что находился в шести кабельтовых от «Беды», даже прозвучал пушечный выстрел. Утром выяснилось, что дежурный сигнальщик обнаружил на воде приближающуюся шлюпку, полную людей, и поднял тревогу. Выстрел был удачный, с воды удалось поднять троих любителей чужого добра. Если и были ещё ловцы удачи, то они благоразумно ушли, пользуясь покровом темноты. Хорошо, что у нас на каждом транспортнике есть хотя бы одна пушка и подняты противостурмовые сети. Мои приказы капитаны кораблей выполняли беспрекословно, уже давно поняли, что я на большой воде не новичок.

Пройдя пролив, мы пять дней отдыхали на большом острове у берегов Шотландии, посетили пару деревушек и закупили там воду и продовольствия – готовились к следующему броску. До того самого острова, который я собирался взять под свою руку и оставить там гарнизон с парой деревушек. Это будет наш форпост для торговых караванов. Там будут отдыхать команды, набирать свежей воды и продовольствия. Хотя я вроде об этом говорил.

Наконец мы отчалили и направились вглубь Атлантики. Погода нам благоприятствовала, ветер дул фактически в корму, штормов не было, только за день до того, как должен был показаться остров, уже наречённый мной Русским, прошёл небольшой дождь в преддверии непогоды, ведь как раз начинался сезон штормов. Их мы планировали переждать на нашем острове и, пользуясь тем временем, что у нас будет, построить там всю необходимую инфраструктуру будущей колонии.

– Ну что, не видно? – спросил подошедший Федор.

О том, что скоро появится остров, на котором планируется прожить и переждать непогоду, уже было сообщено, и об этом знали все, так что долгожданный Русский искали глазами сейчас все, кто только мог. Но горизонт был пуст. Волны покачивали корабли, была килевая и бортовая качка, ветер довольно ходко гнал их вперёд.

– Часа через два должен появиться на горизонте, – со щелчком закрыл подозрную трубу, ответил я и, покачав головой, вздохнул: – Три дня потеряли из-за этого чёртова штиля.

– Да, восемнадцать дней, как мы отошли от берегов этой, как её?..

Шландии? Всё никак запомнить не могу.

– Шотландии, – подсказал я.

Мы стояли на носу «Беды», тут было довольно влажно, корабль носом врезался в волны, так что брызги долетали до нас, поэтому мы направились к корме, стараясь не мешать работающей команде и гуляющим по палубе пассажирам из холопов.

– Три месяца будет длиться непогода? – поинтересовался Федор.

– Примерно так, именно столько времени мы все и задержимся на Русском, помогая боярину Стрельникову с постройкой крепости, порта и деревень. Но я уже это говорил, скучно ждать, да?

– Скучно, – кивнул Немцов.

– Всем скучно, – согласился я, тут же добавив: – Кроме меня и моих учеников. Ладно, у меня очередной урок навигации для будущих штурманов намечается, с практикой, так что я у себя. Если что, зовите.

Позвали меня через полтора часа, когда сигнальщик в вороньем гнезде вырвавшейся вперёд «Невы» заметил густые облака на горизонте – мы добрались до ещё одной промежуточной точки отдыха.

До темноты мы дойти до острова не успели, пришлось лечь в дрейф, так как я знал, что неподалёку от Русского есть подводные рифы. Ещё не хватало, чтобы кто-то засел на них.

Утром мы продолжили движение, обойдя рифы стороной. Их было видно по бурунам и шапкам пены. У острова была большая и довольно защищённая бухта, которую я собирался превратить в порт.

Транспортные конвои испанцев, нагличан и других искателей приключения ходили гораздо южнее, вернее будут ходить, этот остров вообще был открыт в конце семнадцатого века. Лежал он на той же широте, что и Питер. Ну, почти, было у него небольшое смещение к югу. Так что тут будет теплее, чем на Ладоге или в Новгороде.

«Беда» первой вошла в бухту и направилась к песчаному пляжу. Осторожно приткнувшись к берегу, корабль замер. Подождав, пока команда сбросит сходни, я первым ступил на остров и торжественно принял Русский в свою собственность. Потом началась разгрузка. Разгружали всё, даже животных.

Первый день я дал отдохнуть, пока стрелки исследовали остров и составляли его карту. Как уже говорилось, он был не особо большой, едва шесть на три километра. Гористый, но несколько плато, поросших сочной травой, имелось. Именно туда мы и перегнали всю скотину, чтобы та немного пришла в форму.

У нас было четыре больших рыбацких лодки, одна своя, взятая ещё в

Новгороде, и три трофейные данов. Было четыре, но одна была потеряна, канат буксировочный ночью перетёрся. Так вот рыбаки на этих баркасах сразу же вышли в море с сетями за свежей рыбой. Не сказать, что мы её за время плаванья не ели, вон, в штиль только рыбой и питались, но тут она нам тоже пригодится, по моему приказу уже начали сооружаться коптильни. У нас впереди ещё одно такое плаванье, только уже до континента Америки будущего или Княжества этого времени.

Дальше началась стройка, особо деревья я трогать запретил, только на постройку. Топить дома и приготавливать обеды приказал рубить только сухие деревья, валежник и ветви. Так что первый мой приказ... вернее второй, первым я назначил наместником острова боярина Стрельникова. Так вот, второй мой приказ был о назначении двух пожилых стрельцов, которым уже пора было на пенсию, на должность егерей острова. Именно они и будут следить за сохранностью острова и выделять жителям дерево на постройку или на дрова.

Ещё один способ обеспечить дровами местных – это выброшенные на берег стволы деревьев, что принесло течение. Их доставали из воды и волоком с помощью лошадей перетаскивали на плато, где уже началась постройка одной из двух деревушек.

После того как карта с подробностями была нарисована, я на ней отметил те земли, что принадлежат мне, и которые я отдал в лен Стрельникову. Кстати, порт тоже принадлежал мне. Я ему отдал одно из плато и одну поросшую лесом вершину. Две других с тремя плато и городком в порту принадлежали мне. Управлять всем этим и был назначен Стрельников.

Строительные артели, соскучившиеся по делу, по прибытии сразу же приступили к работе. Две артели возводили пять домов деревушки и небольшую усадьбу на землях Стрельникова, тот становился настоящим боярином, у него были холопы. Шесть других артелей работали на моих землях, две на одном из плато возводили крохотное сельцо на пятнадцать домов, для четырнадцати семей крестьян и для егерей, оставшиеся четыре работали в бухте.

Нужно было возвести один длинный пирс, чтобы он мог принять пять-шесть кораблей для начала, и дома. Пока деревянные, но позже их пустят на дрова, а вместо них поставят каменные. Сейчас каменщики работали над двумя крепостями с разных сторон входа в гавань. В каждой крепостице я собирался поставить по две пушки. В общем, шла грандиозная стройка.

* * *

На Русском мы находимся вот уже два с половиной месяца, а честно говоря, до наблюдательной вышки руки дошли только сейчас. Хотя она нужна нам была сразу после прибытия. За эти месяцы мы успели проделать титаническую работу, что, правда, было не так сложно, если судить по тому количеству народа, что в данный момент находилось на острове. Был у нас даже переизбыток рабочих рук, что уж говорить. Проблемы были только в частом отсутствии материала, не хватало его, не успевали сделать.

Только недавно по моему приказу на одной из вершин, что господствовала над остальными, начали возводить закрытую от ветра наблюдательную вышку, чтобы отслеживать всё, что творится на море. Из-за недостатка дерева возводили её из камня, только на балки пуская этот ценный строительный материал. Именно из-за этого пришлось «передумать» и в порту сразу строить каменные дома. У нас просто не было столько дерева, чтобы построить столько домов. Полтора месяца мы запасали камни, свозя их с разных уголков острова к городу, после чего каменщики, что закончили с крепостями – там осталась только отделка – принялись за постройку домов порта и каменной пристани. Народу хватало, как и запасов камней, поэтому стены строений возводились очень быстро, даже самодельного цемента пока хватало – говорю же, успели сделать достаточно запасов. Дерево шло только на балки, на полы да на стропила. Крыши будут делаться черепичными, уже есть небольшой опыт с крепостями. Один из данов-моряков был ранее черепичником и знал, как и что делать, он-то и организовал артель и крыл крыши. Двое горшечников делали черепицу из найденной даном глины, создавая запас. Последний запас ушёл на шесть домов моего сельца.

Кстати, в селе только дома были сделаны из деревянных срубов, хозяйственные постройки – из саманных кирпичей. Всё делалось для сохранения леса острова. Но это из-за недостатка времени. В будущем их тоже планировалось сделать каменными, а дерево пустить на другие нужды. Хотя, возможно, в будущем это и не потребуется, если остров будет иметь связь с материком и оттуда будут доставлять не только уголь, но и сборные щитовые домики. Посмотрим по ходу дела.

Именно этим я и занимался: инспекцией работ по постройке этой самой вышки. Она уже возвышалась серой каменной громадиной на четыре метра. Внутри на первом этаже пол уже был настлан свежими досками, что выпускала наша временно построенная лесопилка, но стройка ещё только

началась. Вышку планировалось поднять до шестиметровой высоты.

Строили артели каменщиков и строителей, что временно приостановили работу в моём селе, хотя одиннадцать домов уже были сданы под ключ. Я понимаю, что строить дома из недостаточно просушенных брёвен не есть айс, но тут ничего не поделаешь. Надо.

Остальные дома пока в режиме постройки. Кстати, артельщики и крестьяне меня неожиданно порадовали (крестьяне, между прочим, были свободными, холопов тут не было, они сами выбрали себе старосту). Так вот, они решили, что неуместно на княжеских землях князю жить в шатре, и начали совместно возводить небольшую усадьбу. Аналог той, что строилась для Стрельникова. Так что на Русском у меня теперь будет свой домик, можно сказать пристанище. Мне было приятно такое тёплое отношение крестьян-арендаторов, о чём я им и сказал.

Мои холопы, с которыми я собираюсь отправляться дальше, помогли местным крестьянам со вспашкой целины, то есть занимались любимым делом, землёй. Шесть наших наличных стальных плугов, созданных кузнецами по моим рисункам, легко вспарывали целину, поднимая валуны. Так что за эти два с небольшим месяца были вспаханы все ровные открытые участки земли. Также они были вычищены от валунов, которые пошли на фундамент храма, что строился в порту. Неподалёку от единственной на острове кузни. Тоже каменной. Её тоже только начали строить, но горн и стены успели возвести. Как артель, занимающаяся крышами, освободится, покроют черепицей.

На острове планировалось не только сеять, но и заниматься животноводством, поэтому трава, что росла на склонах, шла на прокорм отар овец. На острове на моих землях я оставлю два десятка овец, я надеялся на увеличения поголовья естественным путём. Будет ещё пара коров, бычок, кобыла с телегой у старосты, мелкая живность вроде кур – это всё принадлежало крестьянам. Их подсчёт я не вёл, но на глаз сотня птиц была, как и гусей и уток.

Это всё в селе, у горожан своя живность. Кроме всего прочего, в гарнизоне оставались жеребец, телега и кобыла. У Стрельникова тоже была пара лошадей, так что, надеюсь, их поголовье не вымрет. Коровы у него тоже были, как и десяток овец данов. Думаю, проживут они тут. Заодно я выделил своим арендаторам с небольшой скидкой зерно, селекционное, пусть сеют после сезона штормов. Как раз время удачное будет.

Через месяц наша флотилия, что сейчас сохла вытащенная на берег, отправится дальше, а у меня ещё не всё было построено по проекту. Село ладно, успеется, но портовый городок ещё построен не до конца. Из всех

запланированных построек возведены полностью только шесть. Это местная больница, лекарская, как зовут её люди, казарма для двух десятков стрельцов и десятка пушкарей, гарнизона острова. Да дома, в одном будет жить наместник со своей дворней, во втором разместится администрация острова. Пятая постройка относилась к рыбакам, это был дощатый сарай, в котором расположился рыбный цех, он уже работал на полную мощность.

Последнее строение, которое недавно также заработало на полную мощность, это большая таверна, что может вместить до сорока посетителей разом, она в последнее время не пустовала, и владелец, приплывший со мной купец Шереметьев, был в плюсе, чему очень радовался. Он понимал, что такого дохода, как сейчас, в будущем не будет, разве что только во время прибытия караванов, но пока была возможность, работал не покладая рук, обеспечивая потребности посетителей. Сам Шереметьев решил отправиться со мной дальше, посадив на таверну и заканчивающуюся строиться сбоку лавку, сына, которому поручал весь местный оборот. Сама таверна была каменной на первом этаже и деревянной, обшитой толстой доской на втором. Такой вот симбиоз с экономией материала.

Со стеклом тоже особо проблем не было, стекольщики будущей фабрики сделали временный горн и прокатный стан и прямо под открытым небом начали гнать немного толстоватые куски стекла. Песок и необходимые материалы после недельных поисков они вполне благополучно нашли на острове. Стекло получалось слегка мутноватым, но это лучше, чем ничего. Его получали даже крестьяне, что позволило им делать хорошо освещенные избы с несколькими окнами.

Пока валютой были новгородские деньги, но уже начал работать горн моего личного ювелира, и деньги меняли один к одному на княжеские рубли и копейки с моим профилем с одной стороны и номиналом с другой. Пока монет было не особо много, но с каждым днём по мере их создания они вытесняли старые. Да и как по-другому, у меня монеты ровненькие, красивые, а новгородские – грубые, как будто сделанные ребёнком. Большая часть созданных монет были медными, их количество уже перевалило за две тысячи, вот серебряных было создано всего две сотни, золотых и того меньше, три десятка, да и то в качестве образца. Я их раздал всем боярам и купцам, чтобы знали, какие они.

Вчера удивил Шереметьев. Собрав свои многочисленные накопления и вложив весь последний доход, он вчера пришёл ко мне и выкупил один из последних трофеев. Двухмачтовый бриг. Теперь у него был собственный корабль, и он уже начал погрузку на него, готовясь к

дальнейшему плаванью.

Новгородские бояре, что плыли со мной на четырёх судах, пока никаких проблем не доставляли, хотя я был очень удивлён, что они вообще на своих лоханках доплыли с нами. Я думал, что эти бунтари будут мутить воду, но ничего подобного, мои разведчики о таком не докладывали. У бояр, которые организовали свою общину, только и разговоров было о новых землях, что и как они будут делать и строиться. О бунте разговоров не было, как и об отсоединении, они твёрдо решили плыть с нами и дожидаться, пока я не выделю им земли в собственность, хотя до сих пор не принесли мне клятву на верность. То есть они не являлись моими вассалами. В принципе, ничего страшного, континент большой, нарежу им земли неподалёку от одного из своих поселений, чтобы могли посещать и делать покупки в лавках и магазинах, и пусть живут, продолжают свой род.

– Сколько ещё займёт постройка?

– Это он материалов зависит, князь, – ответил бригадир артели, что спустился с вышки, когда ему сообщили о моём приближении. Обычно я путешествовал по острову на своём коне в сопровождении трёх конных воинов, но сегодня был только один, двое других участвовали в подъёме пушек на одну из крепостей, что была фактически закончена. Как я уже говорил, там осталась только отделка.

– Постройка башни приоритетна, так что весь материал с лесопилки и каменоломни идёт к вам. Я обогнал три телеги, что везут к вам камни, брус и доски, скоро они подъедут.

– Тогда дня за три закончим, тут не самое трудное и сложное осталось. Крыша для вышки уже готова, вон она, в стороне лежит, чуть позже мы её поднимем. Только кладку осталось поднять до нужной высоты, и всё. Но это не наша работа, каменщиков.

В это время раздался крик с вышки, один из рабочих, бросив случайный взгляд в море, заметил что-то тёмное на воде. Мгновенно по стропилам взлетев на верх, лестница ещё строилась, я достал подзорную трубу и посмотрел на предмет, что действительно выделялся на темной свинцовой воде.

– Действительно корабль, – известил я всех присутствующих. – Причём не наш. «Змейка» и «Ёж» вон, с другой стороны острова в патруле, остальные в гавани. Да и не рыбаки это, оба баркаса левее, поднимают сети. Нет, это чужой.

– Странно, как он добрался сюда, пять дней шторм бушевал, работать не давал, вчера только стих, – сказал поднявшийся следом и вставший

рядом артельный.

– Вопрос, – согласился я.

Продолжая разглядывать в подзорную трубу неизвестный корабль, пробормотал:

– Двухмачтовый торговец... Вроде баркентина, корпус плохо видно, он ещё за горизонтом, только мачты виднеются, – оторвавшись от трубы, я посмотрел на корабль простым взглядом и, покосившись на молодого плотника, который его заметил, спросил: – Как ты вообще его рассмотреть сумел? Точка на горизонте непонятная.

– Темное пятно с белым увидел, вот и понял, что это корабль.

– Понятно, – хмыкнул я и, снова приложившись к трубе, продолжил рассматривать неизвестного. Однако недолго, повернувшись к артельному, велел: – Продолжайте работы, вышку нужно закончить к сроку. Как вы поняли, она нам очень нужна.

С сожалением посмотрев на длинный столб, который лежал на земле возле вырытой-вырубленной ямы – мы его собирались использовать для подъёма флага Княжества и как сигнальный, для сообщений в случае обнаружения противника, – убрал трубу в чехол и, махнув рукой сопровождающему воину, чтобы подвёл коня, быстро спустился и запрыгнул в седло. Через пару минут мы уже двигались по тропинке с холма и, пропустив встречные телеги с материалом, галопом понеслись в порт.

К сожалению, на «Беде» Дубов проводил корпусные работы. Она была вытащена на берег, и была снята часть обшивки вместе с медным листом, шла шпаклёвка смолой, поэтому я пронёсся мимо неё и, натянув поводья у пирса, который был почти закончен – строители сбивали настил на каменном основании, укрепляя пристань, – оставил коня сопровождающему воину. Отдав приказ дежурному порта поднять взвод стрелков и сообщив ему о причинах ажиотажа, я побежал по свежеструганым доскам пирса, перепрыгивая через провалы, под которыми плескалась вода, к «Неве» – нашему дежурному боевому кораблю, который находился готовый к выходу как раз на такой момент.

Полусонная команда, встряхнувшись, тут же начала работы по отходу от причала, но особо не торопясь с этим – к нам от казармы бежал с пищалью взвод стрелков, три десятка. Собраться они не успели, поэтому несли всё в руках. Ничего, нам под ветром долго маневрировать, чтобы выйти из порта, так что успеют надеть амуницию.

В течение полутора часов из-за неустойчивого встречного ветра мы выбириались из порта и отходили от острова. Пришлось идти в крутой бейдевинд, да и то прошли буквально в кабельтове от рифов, но всё-таки вышли на чистую воду. Повезло, что вообще умудрились выйти из порта со встречным ветром, галсирование в узком проливе не песня, сказка. Тут только одно помогло – опытная команда, которая последние два месяца выходила в море в составе боевой группы для учений, справившаяся с задачей и не посадившая корабль на скалы.

– Бочкарев! – крикнул я капитану «Невы». – Ветер усиливается, как бы опять не шторм. Нужно поторопиться. Идём левым галсом круто к ветру, подняв все паруса, кроме грот-брамсея.

– На бок ляжем, командир! – крикнул в ответ капитан. Он уже ходил в штормовой ветер, когда запоздал с возвращением в порт, и знал, что говорил. Две реи тогда потерял, и несколько канатов пришлось менять.

Посмотрев на уже поднятые паруса и матросов, что поднимались по вантам, я отрицательно покачал головой:

– Нормально.

Подняв практически все паруса, мы с крутым креном на правый борт, врезаясь носом и бушпритом в крутые волны Атлантики, буквально понесли к неизвестному кораблю, который стал виден с палубы невооружённым глазом, и старались зайти к нему с наветренной стороны, чтобы у нас было хотя бы преимущество по ветру.

– Капитан! – закричал с мачты сигнальщик. – Наблюдаю выходящий из-за острова «Ёж»!

– Поднять сигналы «Князь на борту», «Наблюдаю с наветренной стороны неизвестное судно», – откликнулся Бочкарев и тут обратился ко мне: – Командир?

– Пусть оба сторожевика поучаствуют, – кивнул я, подходя к корме.

Капитан тут же стал отдавать приказы по поднятию флагов. Через минуту прозвучал холостой выстрел сигнальной пушки, заканчивающий общение с помощью флагов. Оба корабля, «Ёж» и показавшаяся из-за острова «Змейка», прибавив парусов, пошли навстречу неизвестному. Правда, сильно южнее от нас, но зато неизвестный не сможет уйти по ветру, его прихватят наши сторожевики.

Через пятнадцать минут, когда до неизвестного осталось буквально пятнадцать кабельтовых, сигнальщик сообщил:

– Неизвестное судно поворачивает... он потерял ветер и дрейфует... Это трёхмачтовик, потерявший одну мачту.

Всё это время мы шли круто к ветру, отчего наш корабль буквально

лежал на боку, но скорость была приличной. Шли мы, конечно, опасным курсом – крутая волна в борт, и всё, ляжем. Но другого выхода не было. Однако сейчас, когда неизвестное судно, в котором я опознал португальскую каравеллу, легло в дрейф, можно сменить курс и немного выпрямить судно.

Капитан начал отдавать команды, и я почти сразу отпустил канат, за который держался, когда корабль выпрямился.

– Приготовиться к абордажу! – крикнул Бочкарев, и ему сразу завторили командиры подразделений стрелков и артиллеристов.

На подходе – «Змейка» и «Ёж» далеко отстали – я стал рассматривать каравеллу.

– Да-а, потрепало её, – пробормотал я, с интересом рассматривая десяток людей, я бы даже сказал скелетов, что находились на палубе и с некоторой безнадёжностью ждали нашего приближения. Наши намерения им были понятны.

С треском ломающегося дерева корабли соприкоснулись. Дальше последовала привычная работа: полетели кошки, и на палубу хлынули стрелки, не трогая команду по моему приказу.

Опытные матросы мне не помешают, к тому же хорошо знакомые с парусной работой. Через пару минут командир взвода стрелков доложил, что на борту кроме собаки находятся одиннадцать человек. Восемь на палубе и трое внизу. Последние больные и раненые. Капитана не было, как оказалось, он умер, но был жив шкипер, вот его-то я и попросил пройти к нам на борт. Тот охотно последовал моей просьбе, получив удар прикладом по спине от стрелка, которому не понравилось, что тот медлил следовать приказу его князя.

Шкипер мало-мало говорил по-английски, поэтому осмотрев нахмурившийся небосклон, я приказал расцепить корабли, перегонной команде отвести повреждённое судно в порт, а сторожевикам отправить сигнал с приказом о срочном возвращении. Не нравилось мне изменение погоды. Опытный, знал, что это такое. Мне хватило одного шторма в прошлом, хорошо, что тогда попался остров, на который выкинуло яхту. Потом наши с сухогруза, пираты... Эх, весёленькие времена были, интересные! Тут я, честно говоря, что-то заскучал.

С попутным ветром «Нева», сопровождая инвалида-португальца, двинулась обратно, я же, пользуясь моментом, в каюте капитана вёл допрос шкипера. Тот был голоден, поэтому член команды принёс ему остывшую кашу и луковицу. Судя по виду команды и самого шкипера, с продовольствием у них было дело швах, как и со свежими фруктами. На

борту свирепствовала цинга. Двое, лежавшие пластом в кают-компании, были больны именно цингой (третий имел перелом ног). Да и другие матросы, хоть и ходячие, не избежали этой болезни.

Шкипер, жадно хватая кашу, отвечал на мои вопросы в меру своих сил. Пока мы возвращались, удалось выяснить вот что. Каравелла «Донна Мария», принадлежавшая крупному торговому дому в Португалии, вышла из английского Портсмута в составе каравана из трёх кораблей, возвращаясь домой, в Лиссабон. Однако налетевший шторм разбросал корабли. Команда «Марии» в течение недели боролась за свою жизнь, пока погода не нормализовалась, но после шторма выяснилось, что их отбросило далеко от берегов, погиб капитан – когда рухнула бизань-мачта, его снесло за борт с ещё двумя матросами. Шкипер принял командование на себя. Была поставлена вместо рухнувшей мачты запасная грот-стенгга, произведён ремонт. Но, к сожалению, дул не попутный ветер. Потом снова поднялся шторм, стенгга была потеряна, подходили к концу продукты, начала свирепствовать цинга. Вчера шторм стих, и попутный ветер погнал их, потерявших всякую надежду выжить, в нашу сторону, где и произошла эта встреча. После рассказа шкипера я задумался, краем сознания отметив, что, судя по топоту на палубе и крикам, мы проходим устье залива, входя в порт. Кстати, груз каравеллы составлял тюки с овечьей шерстью, тюки с английским сукном и несколько бочек с вином, дрянным, честно говоря – купцам, вон хоть Шереметьеву, его толкну в таверну – и всякая мелочь вроде пуговиц, чеканной посуды и так далее. Короче говоря, всё, что нам пригодится.

Главное – не забыть подсчитать прибыль от стоимости груза и корабля, вычесть свою долю, а это половина, я на борту находился, остальное отдать команде и стрелкам как призовые деньги. Я уже ввёл призовую систему у себя на флоте. Команда об этом знала и с шуточками говорила, куда кто потратит деньги – доли за три корабля данов, что были захвачены нами, уже были выплачены командам.

После раздумья я выложил шкиперу своё предложение: или за борт, или они идут с нами. Работа для всех найдётся, и опытные моряки нам пригодятся. Мне по прибытии нужно будет осваивать каботажное плавание, да и учителя в школу флота будут нужны. Сорокадвухлетний шкипер раздумывал недолго, он дал согласие за себя и своих людей.

Вот так наша флотилия увеличилась на одно довольно неплохое тридцатитрёхметровое судно и дюжину первоклассных моряков.

Дальше продолжились работы по обустройству острова. По мере приближения даты назначенного мной отхода, погода нормализовалась,

всё реже налетали шторма, и чаще светило теплое солнце. Порт был фактически закончен, заканчивались стройки частных кирпичных домов, в которых будут жить горожане. Кроме таверны, где на втором этаже находились комнаты для проживания гостей острова, была построена ещё небольшая гостиница на двенадцать комнат с крохотным ресторанчиком для капитанов и офицеров. Для дворян, одним словом. Я уже ввёл в систему правления, что по получении офицерского звания гражданин моего государства становится ненаследным дворянином, назывался он барин; боярин – уже наследное. Всем ненаследным дворянам, состоявшим на моей службе, планировалось выделить небольшие участки земли в Америке в личную собственность. Гектаров так по десять каждому. Как они ими распорядятся, их проблемы, заработную плату они получают приличную, можно поставить со временем усадьбу и завезти с Руси холопов. По закону, холопы должны отработать на моих землях пять лет, потом они становятся свободными. Ну, или кто в армию или во флот поступит, там три года – и вольный человек.

Что-то я сошёл с темы. Село моё было полностью закончено, я уже месяц со своей дворней переехал в усадьбу, вполне благополучно проживая там. Крепости и наблюдательная башня давно были закончены.

У села начали цвести саженцы, что мы привезли с собой. В будущем тут разрастутся яблоневые, грушевые и вишнёвые сады. К сожалению, не все саженцы пережили переход, но те, что принялись, зацвели. Была посевная, крестьяне сеяли не только пшеницу и рожь (посеянного, кстати говоря, хватит прокормить в пять раз больше жителей острова, которых я планировал тут оставить), но садили они не только для себя, а еще, чтобы обеспечить продовольствием караваны, что будут тут проходить. В общем, садили много что: огурцы, капусту и другие овощи. Даже репу. Ничего, я им ещё картошечки завезу обратным ходом. Если найду её, конечно.

На возвышенности была поставлена особняком небольшая ветряная мельница, которая должна обслуживать весь остров.

Одним словом, с постройкой инфраструктуры острова было закончено, всё, что запланировано, было сделано, лесопилка в данный момент уже была разобрана и погружена на борт одного из транспортов, доски были наделаны с запасом. Русский я оставлял Стрельникову в полном порядке, да и он хозяин крепкий, это было видно, и не запустит и не порушит сделанного. В порту кроме одного оставляемого рыбацкого баркаса оставалась пара шлюпок, на всякий случай, чтобы были. Одной владел сын купца Шереметьева, другая была приписана к крепости острова.

Я тоже любил походить под парусом на шлюпке, погода в последние

дни радовала нас, так что я дважды совершал экскурсии вокруг острова, пока Корнилов тренировал стрельцов, а Немцов команды кораблей, выводя их в учебные походы. Мы готовились к дальнейшей отправке.

Наконец этот день наступил, и флотилия под прощальный салют пушек крепостей вышла из гавани и, набирая скорость, направилась дальше, продолжая наш поход.

Через шестнадцать дней мы достигли побережья Америки в районе Новой Шотландии моего мира, где-то, где стоял Галифакс. Там мы, найдя удобную гавань, организовали первое поселение, благо местных так и не повстречали. Поселение получило наименование Благовещенское.

Оставив в гавани один транспорт, на котором и прибыл заранее подобранный людской состав для поселения, и боярина Охлопкова со своими холопами, что будет тут всем руководить, а также «Неву», мы отправились дальше. Оба корабля останутся тут, команды будут помогать в постройке поселения, крепости и хоть какой-то инфраструктуры будущего порта. Также в этом поселении я оставил одну строительную артель, десяток стрелков и одну пушку для защиты.

Следующее поселение мы основали в районе Нью-Йорка моего мира. Тут я задержался на неделю, так как была эпохальная встреча с местными индейцами-делаварами, что как раз вели охоту перед нашим появлением в этих местах. Те большими глазами наблюдали за нашим прибытием, как мы входим в Гудзон, но были довольно приветливы, отправив гонца за вождём, и свободно ходили среди нашего лагеря. Десяток стальных ножей быстро разошёлся среди их лучших воинов. Общаться, конечно, приходилось жестами, но я смог выкупить у них остров Манхэттен, переименованный мною в Свободный, а также прилегающие земли. Мне это стоило всего тюк красного сукна, десять ножей и шесть топориков. Кроме этого, я совершил обмен, который изначально планировался мной. Трое мальчишек и две девочки отправились в поселения индейцев с наказом учить их обычаи и языки, чтобы потом выступать в роли переводчиков-дипломатов. Взамен мне выдали такое же количество детишек-индейцев. Наши дети, отправляемые к индейцам, уходили не навсегда с потерей связи – поселения краснокожих находились недалеко, в пятнадцати и двадцати километрах. Они могут навещать соотечественников в случае надобности.

Вождь племени на это пошёл охотно, видимо сообразив о причинах обмена. В последние дни я заставлял общаться с ним наместника-боярина, остававшегося в этом поселении, которое уже начали возводить.

Сам вождь в сопровождении уважаемых стариков племени охотно совершал экскурсии по строившемуся поселению, пока были только шатры да разметки будущих домов с крепостной стеной, но не избежали его внимания и корабли. Особенно вождя приводили в восторг лошади, на которых передвигались мои вестовые и татары, а также ружья. Два раза мы устраивали общую охоту на бизонов, обеспечивая мясом мой лагерь и три поселения вождя, перевозя туши на повозках и телегах. Индейцы сперва испуганно падали на землю при первых выстрелах, но в последнее время даже пробовали стрелять. Так что я был вынужден подарить вождю одну кобылу, ей как раз скоро жеребиться, и одну пищаль с запасом пороха и пуль. Подарки были приняты с полным восторгом, и вождь стал нашим горячим поклонником.

Через десять дней, также оставив в поселении корабли, два транспортника и «Ёж», мы попрощались с грустным вождём и отправились дальше. Вождь перед отправкой подарил мне свою дочь лет пятнадцати на вид, черноволосую стройную красавицу, настоящую Покахонтас, и пяток молодых воинов. Так что теперь на палубе кроме матросов и стрельцов находились полуголые индейцы в кожаных передниках на бёдрах. Правда, недолго, Немцову их вид быстро надоел, и скоро все индейцы гордо щеголяли в форме стрельцов с нашивками лазутчиков на рукавах, только на их поясах висели не сабли, а топорики. Они им были привычнее. Кроме этого оружия у индейцев ещё были луки и стрелы с костяными наконечниками.

А Покахонтас, я звал её именно так, уже привыкла, оказалась ничего, мужчину она ещё не познала. До меня, естественно. Девушка как-то незаметно вошла в мою жизнь и стала ещё одним дополнением в постели. Прекрасным дополнением. Чему я был только рад.

Потом было возведение ещё одного поселения, зеркальное общение с индейцами, что владели местными территориям района Норфолка моего мира. Только нам в этот раз помогали те индейцы, чтоплыли с нами. Тут тоже всё прошло благополучно, земли были выкуплены, о чём также был составлен документ, и оставив в поселении, получившем название Архангельск, два транспортника и «Лилию», мы отправились дальше, пока, наконец, не достигли цели нашего путешествия, центра земель будущего Княжества Российского. Это были земли в районе Чарльстона будущего.

Там началась высадка. Обрадованные холопы, зная, что мы прибыли и это окончание путешествия, весело высаживались и готовились к жизни на новых землях. Я же с холма, находясь в седле своего коня, в подзорную трубу наблюдал за разгрузкой кораблей, стоявших у берега, а также

рассматривал земли, что теперь считал своими.

– Князь, кажется, местные, – сказал татарин Али, сидевший на своей лохматой лошади справа от меня. Переведя трубу на лес, что находился в километре от берега, я действительно рассмотрел несколько полуголых фигурок, что с испуганным любопытством наблюдали за нами.

– Позовите Перо, пора пообщаться с местными и совершить куплю-продажу земель, – приказал я, опуская подзорную трубу.

Ещё раз осмотревшись, я счастливо вздохнул. Наконец дом, милый дом.

* * *

Погладив Ласку левой рукой, я переложил листы с докладом министерства финансов и, прикрыв глаза, откинулся на спинку кресла в моём рабочем кабинете в кремле столицы Княжества Князьграда.

Шесть лет титанической работы могут пойти прахом, и только по одной причине: я вначале заселения континента слишком размахнулся и начал несколько больше проектов, чем мог себе в действительности позволить, и в данный момент это начинало аукаться. Сейчас подробнее объясню, в чём дело.

Шесть с половиной лет назад, когда мы высадились на побережье земель Княжества Российского, как они официально именовались, первый год я отвёл на застройку и обустройство. Первый месяц крестьяне, рабочие и строители только этим и занимались. Пока возводился Князьград и росли прилегающие деревушки, сёла и хутора, я на трёх кораблях, сопровождая новгородских бояр, отплыл к Кубе. Да, я решил пришлых новгородских бояр держать подальше от себя. Куба – идеальный вариант. Плаванье было тяжёлым, в этот раз бояре таки умудрились потерять одну свою лоханку, пришлось размещать часть спасённых на палубах моих боевых кораблей. Те только и стенали об утраченных богатствах, оставшихся в ушедшем на дно ушкуе. Но это ладно. Пройдя мимо Багамских островов и добравшись до Кубы, я в районе Гаваны основал своё поселение-городок, дав боярам довольно большие участки земли и объяснив, что сейчас остро необходимо для молодого Княжества. Проще говоря, что лучше выращивать. Это были, конечно же, сахарный тростник и фрукты.

Про последние скажу честно: если бы мои верфи не начали выпускать скоростные катамараны и тримараны, то свежие фрукты не лежали бы на полках лавок и блюдах в домах даже простых граждан и крестьян. Стоили они немного, и любой мог покушать экзотического фрукта. Эти катамараны и тримараны были как грузовые, так и пассажирские. Именно

это подсказало мне идею открыть на Багамах отели и сделать их курортом. Пока это всё в начале проекта, но стройка идёт, даже появились первые отдыхающие из дворян. Для простых граждан пока было дороговато. А что, четыре дня при попутном ветре от столицы, и ты на Багамах, отдыхай, и следующим рейсом обратно. Это первыми распробовали офицеры торгового флота, отдыхая с семьями после тяжёлого плавания. Как раз две недели назад прибыл очередной конвой под охраной восьми боевых кораблей флота Княжества. Командующий флотом, вернувшийся из похода, как раз на днях доложил. Это был Игорь Мельников, тот самый капитан «Змейки», одного из наших ранних, допотопных кораблей. На таких мы пересекали океан. Как вспомню, так вздрогну. Те, извините за грубость, лоханки не шли ни в какое сравнение с кораблями, что сейчас нами использовались. Одни боевые скоростные клипера на несколько поколений опережали технологии постройки кораблей. В данный момент боевой флот Княжества насчитывал тридцать шесть боевых кораблей. Из них двадцать два – это двухмачтовые корабли Береговой охраны, остальные океанские, большие. С мощной палубной артиллерией.

Насчёт Багам. Два полностью отстроенных отеля и вычищенные пляжи были готовы к приёму отдыхающих. Обслуживающий персонал ещё учился, но Багамы уже начали пользоваться популярностью и были на слуху. Те обеспеченные граждане, что могли себе позволить иметь яхту-тримаран – уже сорок единиц ушло в свободную продажу, – решали, сплавать на остров или погодить. Некоторые купцы-хозяйственники заинтересовались этим курортным проектом, уже были предложения вступить в дело. Министерство земельного имущества получило разрешение от меня начать распродажу части побережья под застройку.

За шесть с половиной лет на Кубе появился десяток крупных поселений, по сотне жителей в каждом, и несколько хуторов, в основном в горах. Там разводили овец. Куба для Княжества стала главным поставщиком сахара. Пару лет назад наконец поставки начали организовывать во все поселения побережья централизованно. Две частные корабельные верфи выпускали одномачтовые каботажные корабли, был ещё тип рыбачьего судна с довольно приличными трюмами и торговые двухмачтовые шхуны. Помните того португальского шкипера? Он оказался хватким мужиком, смог как-то вывернуться, начав на большом баркасе совершать поставки необходимого между двух поселений, а сейчас у него целая морская транспортная компания из двух десятков судов. Офис у него находился в Князьграде, но жил он на Кубе. Было три таких транспортных компании по морским перевозкам, но в остальных пока по пять-шесть

кораблей. До шкипера не дотягивают. Он давно принял нашу веру, имеет двух жён и недавно в третий раз стал отцом, с чем я его официально поздравил. Моя администрация работает неплохо и держит руку на пульсе, сообщая о важных событиях. Зачастую отправляя поздравления или соболезнования от моего имени. Мне-то всё равно, а вот людям приятно, что князь о них помнит и проявляет заботу.

Всего население Княжества по последней переписи насчитывало сорок три тысячи переселенцев, плюс под мою руку перешли несколько племён, увеличив количественный состав населения. За эти годы они влились в нашу культуру, да и мы приняли некоторые интересные особенности их культуры. В общем, всё переплелось. С последним рейсом количество переселенцев, новых граждан Княжества, увеличилось на четыре тысячи семьсот тридцать три человека, как мне доложил чиновник, отвечающий за переселение. Из них три тысячи было высажено в попутных портах Княжества, до Князьграда добралось только полторы тысячи, из них восемьсот отправятся расширять мои земли вглубь материка, там уже строятся деревни и сёла у рек, четыреста человек на Кубу и другие острова. Отдельно двести человек в Южную Америку, в Сталинград, главный город на континенте.

Однако я ушёл от сути – мои проекты, которые тянули Княжество ко дну. Да, есть довольно стабильный ручеек от налогов и совсем тонкий от недавно заработавшего серебряного рудника в Перу. Однако эти потоки шли в основном на содержание моей армии, флота и особо важных проектов, на остальное оставались крохи, которые у меня бывали не часто. По прибытии я начал в одном из заливов возводить крупную военную государственную верфь. Тогда, в первые дни, это были всего лишь пара бревенчатых сараев. Сейчас же это, кроме всего прочего, крупный металлургический военный завод, выпускающий не только военную продукцию, пушки, боеприпас, оружие, но и гражданскую. Взять те же стальные плуги. Которые, как и большая часть железных поделок, пользовались огромным спросом на Руси. Так что когда мои караваны прибывали в Новгород, который к этому времени давно стал царским, там собиралось огромное количество купцов и шли торги. Город был переполнен торговцами не только с Руси, но и из соседних государств. Обрато вывозился скот и выкупленные люди, которых привозили для продажи со всей страны. Старший татарин Ахмед, который являлся моим старшим телохранителем, вывез почти пять сотен татар из своих родственников и ближников, а также три сотни лошадей, и основал два конных завода. Один у Князьграда, второй у Артурграда, того самого

городка, где я получил первую жену, мою Покахонтас.

Что-то я опять ушёл в сторону. Завод, совмещённый с верфью, конечно, давал неплохой доход, но только чтобы держаться на плаву, однако другие проекты тянули нас на дно. Вон, только в Князьграде население насчитывало пятнадцать тысяч, было около двадцати производств, восемь из них государственные. Сама столица раскинулась на тысяче гектаров и имела хорошо оснащённый порт.

Опять соскользнул с темы. Например, медицина. Нет, она не была бесплатной, там был строго регламентированный пакет услуг, но и последнююшку медики с людьми не драли, то есть денег постоянно не хватало, и министерство здравоохранения тянуло их с меня мощным потоком. Ладно, хоть действительно для дела. По крайней мере во всех крупных сёлах и городах были небольшие больницы, в деревнях начали открываться фельдшерские пункты. Открывались бы быстрее, но тут всё зависело от малого количества подготовленных медиков, фельдшеров и врачей. Но медицина росла, университет, что открылся два года назад в Князьграде, пока ещё не выпустил будущих врачей и хирургов, но я надеюсь, что студенты вуза поднимут нашу медицину на более высокий уровень. Министерство образования – да, учёба в школе у нас была бесплатная, это было одно из моих условий – тоже как труба пылесоса. Министерство охраны порядка, жандармы и милиция также тянули из меня деньги. Да много кто.

Однако и сделано было немало. Например, ставшие всем известными – тем, кто видел их в порту Новгорода и в открытом море – мои транспортные корабли. В данный момент их построено всего одиннадцать штук. Это были большие океанские пятимачтовые транспорты по три тысячи тонн водоизмещением, построенные по единому проекту. Рабочие на верфях уже руку набили на этих кораблях. На самом деле таких кораблей было построено тринадцать, но два из них пошли мне в военный флот с некоторыми усовершенствованиями. Усиленные корпуса, мощная палубная ствольная артиллерия. Они стали не только десантными, но артиллерийскими судами. Эти проекты я открыл год назад, а два месяца назад их спустили на воду и был установлен рангоут. В данный момент оба корабля проходят ходовые испытания в районе Кубы, заодно сходя в Перу. У меня там поселение постоянно сдерживает нападения местных индейцев, из-за чего приходится держать там крупные гарнизоны, меняя их раз в полгода. По-другому нельзя, иначе я лишусь рудника. И так приходится перевозить всё по дороге, связывающей рудник и поселение, под мощной охраной.

Там вот уже два года всем Немцов заведует. Он попросился на покой, вот я и выделил ему обширные земли в Южной Америке, заодно дав должность управляющего моими землями на этом континенте, а также рудником. Тот довольно ответственно принялся за дело. По недавнему отчёту, большая площадь очищена, индейцы переносят уцелевшие поселения вглубь континента, на дороге стало спокойнее. Ничего, Немцов командир опытный, четыре года водил караваны на Русь, не раз участвовал в схватках с любителями чужого добра. Он хорошо справляется с новой работой, хотя изредка отдыхает на своей фазенде на побережье Атлантического океана.

Государство развивается стремительно, этого не отнять, я вижу результаты, но и деньги из казны утекают с той же скоростью. Вот и пришлось выбирать – дальше тянуть эту поднадоевшую мне, но необходимую лямку правителя, или поступить, как англичане, чтобы поднять своё государство.

Снова погладив Ласку, я взял со стола колокольчик и позвонил.

– Пригласите ко мне командующего флотом на три часа дня, – приказал я Семёну, моему бессменному секретарю.

– Хорошо, князь, – кивнул он и попытался прикрыть дверь, но не успел, в щель шмыгнул смуглый черноволосый мальчишка пяти лет от роду.

– Папа! – радостно закричал он. – А мы с дедой в море ходили, я вот такую рыбу вытащил!

Посмотрев на раскинутые руки сына-наследника, я улыбнулся, позволил ему забраться на колени – Ласке пришлось убрать голову, и посмотрел на зашедшего следом вождя делаваров, моего тестя и деда Александра.

– Как успехи? – спросил я у него.

– Хорошие снасти, – кивнул он и присел на диван. – Много рыбы взяли. Моя женщина уже забрала её.

– Надо будет тоже как-нибудь вырваться на рыбалку, отдохнуть. Государство развивается, работы много, не всё могу переложить на плечи подчинённых, что-то и самому приходится делать.

– Такова доля вождя, – невозмутимо ответил вождь и, вздохнув, спросил: – Баня сегодня будет?

– Конечно, у меня баньку трижды в неделю топят, сегодня она есть.

– Пойду скажу Еремею, чтобы хвои в бадью добавил, – с кряхтением встав, произнёс вождь. – Ты как, пойдёшь?

– Да, через полчаса. Разберусь с делами и присоединюсь.

– Хорошо, тогда я на двоих веники приготовлю... Саша, ты идёшь?

– А мама где? – спросил слезающий с колен первенец.

– Мама твоя с другими мамами и с барынями на рынок ушла, там в лавках купца Ерофеева шелка выложили с последнего конвоя.

– Пусть она мне сказку почитает.

– Иди уже, – шлёпнул я сына по попе, отправляя следом за дедом.

С улыбкой проводив сына до дверей, я снова откинулся на спинку кресла и, поглаживая Ласку, продолжил размышлять о ситуации в стране, но мысли постепенно свернули на семью. Я был многодетным отцом. А как иначе, если у меня пять жён – четыре дочери вождей племён и одна дочка боярина Топольского, красавица Алёна. А так как о контрацепции тут ещё не слышали, то естественно, за эти шесть лет у меня кроме первенца было ещё шесть детей. Это только от официальных жён, напому о своих девушках-постельничих. Те принесли мне троих – одна двоих и вторая одного ребёнка. Всего признанных детей у меня было пять мальчиков и пять девочек. Чётное число. Однако две жены и одна постельничая снова были непраздны, так что скоро будет чёртова дюжина. Всё мне нравилось в должности правителя, особо многожёнство, сил на всех хватало, но вот то, что казна пуста, вводило в уныние. И так берёг, как мог, крымское золото, но вот закончилось оно, и взять денег на развитие государства было неоткуда. М-да, беда-а-а.

Хотя, конечно, не такая уж и беда. Да, ещё при начале организации государства я обдумывал возможности пополнения бюджета за счёт стран-агрессоров. А что? Вот на мои конвои постоянно нападают, пытаются транспортники взять на абордаж и увести к себе. Сколько раз по носу получали, ни разу им не сопутствовала удача – нет, один раз повезло, туман и штиль помогли. Но тогда с двух боевых кораблей на шум боя на шлюпках подоспели морские пехотинцы и вырезали всех пиратов. Даже пленных брать не стали, разозлились из-за больших потерь в экипаже. А ведь эти матросы годами учатся управлять парусами. Сколько аварий и трагедий было у побережья Княжества, пока они учились ходить под нормальными парусами!

Так вот насчёт стран-агрессоров. Пираты были из Португалии, Англии, Дании и Испании, особенно из Испании. Вот я и собирался пройтись по городам этих государств. Нанесу, так сказать, ответный удар, чтобы неповадно было трогать мои корабли, ну и заодно поправлю своё материальное положение. Конечно, мне будет причитаться всего половина, остальное призовые деньги команды, но даже это хорошая подпитка. Мне бы года четыре так вот за счёт других стран продержаться, а там и товарооборот повысится, и серебряный рудник нормально заработает, и

доходы будут выше. Вылезу из ямы. И так странно, что не брал кредиты в государственном банке, филиалы которого находятся во всех крупных городах, ну или в частных банках. У нас их было аж два – купца Шереметьева и торгового дома «Россия».

Надо ещё подумать, как там с золотом майя, или оно было блефом?

Закончив с делами, я вместе с тестем посетил баню, это заняло у нас почти час, париться мы обожали оба. Банька была построена по-белому, и пар был сухой, горячий.

Шесть лет назад, когда я узнал, что тот странный обряд, когда мне подарили Покахонтас, означал свадьбу – ох, и ушлый у меня тесть! – я не сильно разозлился, хотя о том, что являюсь мужем, узнал только через три месяца, когда скво начала понемногу говорить на русском. Потом были встречи с другими вождями, новые свадьбы, новые жёны. Все красавицы, были попытки всучить мне тех, кто мне не по вкусу, но я отбился. Вот Алёна – та да, пришлось с боем её брать себе, а то, видишь ли, жених у неё наречённый с малых лет. Ничего, откупился, и тесть с тещей рады, и жених не в обиде. Уже сам двух жён заимел. Одну местную из племени, другая была из Дании.

Кстати, местные женщины у наших мужиков пользовались огромным успехом. Красивые, гордые, вместе с тем послушные и работающие. А вот мужикам-индейцам наши женщины не особо казались привлекательными. Взяли замуж самые храбрые блондинок, но и то скорее на пробу. Не нравилось им, что наши бабы встречают их поздно возвратившимися не ужином и улыбкой, а сковородкой. Это без шуток, так и было. Вон, у меня почти десять тысяч индейцев служит, кто во флоте, кто в армии, но большинство в боевых частях береговой обороны. Роты на шестьдесят процентов состоят из индейцев. В первое время были проблемы с дисциплиной и выполнением приказов, но со временем всё нормализовалось. Уже несколько офицеров были из индейцев. В форте Евгения, где у нас было военное училище, из шестидесяти курсантов тридцать дети вождей.

Многие индейцы шли служить – а у меня срок пять лет – не только из-за оплаты, но ещё из-за того, что после дембеля вооружение остаётся их, личным. Более того, за пять лет, кроме воинской науки, они получают боевой опыт, умения говорить на русском, читать и писать, а также документы гражданина Княжества. Правда, что это такое, начинают осознавать лишь к концу срока службы, до того эти льготы им непонятны.

Пять месяцев назад был первый выпуск тех, кто отслужил у меня пять лет. Восемьдесят шесть индейцев, что не пожелали продолжать службу

дальше, отправились по своим селениям – в форме, со звонкой монетой в поясных кошельках да при оружии. Только нашивки были спороты, вот и всё.

Огнестрельное оружие у индейцев пользовалось огромным спросом, но боевое могли иметь только демобилизованные, вроде тех восьмидесяти шести солдат и сержантов. Огнестрельное оружие в продаже было, довольно разнообразное и в большом количестве, но в основном это было охотничье, короткоствольное, дробовое. Пулевое в продаже тоже есть, но всего шести типов и тоже короткоствольное. На дистанции ста пятидесяти метров максимум они вполне неплохи, тогда как армейские били на четыреста довольно точно. Крестьяне из окрестных сёл охотно покупали огнестрел. Не было такого дома, чтобы в нём не имелось одного-двух стволов. Так что нападения на сёла случались всё реже и реже. Мало того что крестьяне отобьются, так ещё по следам грабителей пойдёт регулярная армия. Вот и повывелись дураки по причине естественной убыли.

В три у меня было назначена встреча с адмиралом флота. Поэтому после баньки, попив с тестем пивка с вяленой рыбкой, я направился к себе в кабинет, а тесть в выделенное ему гостевое крыло, где он проживал, пребывая у нас наездами. А что ему несколько тысяч морских миль, если ходят рейсовые пассажирские суда? Тем более у него как тестя князя были льготные билеты с пятидесятипроцентной скидкой. Бесплатно на рейсовых судах даже меня не повезут, законы у нас такие, халявщиков нет.

– Князь, к вам командующий флотом, – известил Семён и после моего разрешающего кивка пропустил в кабинет статного молодого мужчину лет тридцати на вид. Мне самому было едва двадцать два года, не ровесники, но близко.

– Присаживайся, – указал я ему на кресло напротив. – Что у нас с флотом?

– Береговой охраной или рейдовой эскадрой?

– Рейдовой, пора навестить наглецов, что пытаются мешать нашей торговле.

– Доброе дело, – задумчиво кивнул адмирал. – По рейдовой – она на стадии пополнения и реформирования. Самая боеготовая – группа командора Шутова, что водит караваны на Русь, это семь боевых клиперов. Десантные проходят ходовые испытания, специализированное артиллерийское судно на стадии вооружения. Команда уже приняла корабль.

– Когда будут готовы корабли?

– Мне нужно знать, в каком составе мы пойдём.

– Кроме морских пехотинцев, несущих службу на кораблях, батальон морской пехоты майора Савченко. Рейдовая эскадра. Конвойные транспорты идут с нами, но будут заниматься исключительно вывозом трофеев. Это ещё не всё. Охотников до чужого добра у нас в княжестве немало, кинем клич, думаю, наберётся ещё не менее тысячи человек. Транспортники без проблем перевезут их через Атлантику.

– Как базу будем использовать Русский?

– Конечно, это будет наша опорная база. Пока мы идём вдоль побережья и берём города, они будут вывозить всё на Русский.

– Так вот почему там год назад начали строить большие склады и амбары. Понятно.

– В общем, приказ штабу флота: начать разрабатывать план атаки на побережья Испании, Португалии, Англии и Дании. Насколько я знаю, наша разведка уже нанесла на карты все города континента. Пусть тыловые службы подсчитают, сколько нам нужно боеприпасов, продовольствия и воды, чтобы пересечь Атлантику. Они на конвоях собаку съели, опыта набрались.

– Это есть такое дело. Когда отправка, князь?

– Через два месяца. Это всё, начинай подготовку и усиленные тренировки, пусть проводят учебные десантирования на побережье, а у меня ещё дела. Через час выезжаю на завод, пора проинспектировать его.

– Когда клич бросите среди народа? – уточнил адмирал.

– За две недели до начала похода.

– Ясно. Разрешите идти?

– Идите.

Адмирал ушёл, а я, убрав бумаги в сейф, вместе с охраной покинул кремль, успел до того, как мои жёны вернулись с покупками – пусть показывают новые наряды вечером.

Проскакав порядка двадцати километров, мы прибыли в большой залив, где и находились крупный металлургический завод и мои верфи. Моя гордость, моё детище.

Посмотрев на шесть фортов, что охраняли не только залив, но и местность в глубине континента – пушки дотягивались, – мы проехали по дороге до караулки. Дальше гражданским вход был запрещён, охрана строго за этим следила. Нас же пропустили без проблем по предъявлении пропусков. Через час в сопровождении директора и ведущих инженеров завода я осматривал выставочные образцы продукции завода и верфи.

– Отлично, – пробормотал я, обходя со всех сторон образец восьмидесятидвухмиллиметрового миномёта и заглядывая в ящики для

мин. – Четыре года мучились-мучились и наконец сделали... Пробные стрельбы уже были?

– Да, на полигоне проводятся учебные стрельбы, – ответил инженер, что отвечал за оружейное направление. – Сделали пять образцов, три брака получилось. Один образец вот, четыре на полигоне. С ними работают пушкари и эти, которых вы миномётчиками называете.

– Теперь да, миномётчики, а то до этого мортирщиками были, учились стрелять навесом из мортир. Какой-никакой, но опыт. Что с боеприпасом, какой процент осечек?

– Почти сорок, не взрывается четыре мины из десяти.

– Аверьян, – посмотрел я на инженера, что отвечал за химическое направление, – в чём дело?

– Работаем фактически вручную, мины отливаем из железа, а вот выделку взрывателей ещё не отработали, нет постоянной практики, вот поэтому и брака столько.

– Нашли решение?

– Да, князь. Нужно выделить отдельный цех для выделки разнообразных взрывателей, а то у нас всё сосредоточено в одном цехе. И для ручных гранат делаем, и для снарядов.

– Особой надобности в увеличении производства не было, поэтому и не выделяли это направление в отдельное производство, – рассеянно ответил я, разгибаясь и оборачиваясь на звук гудка.

В залив входил большой паровой буксир, работающий не на угле, от угля мы частично отказались ещё год назад, а на мазуте. Буксир подводил к грузовому пирсу баржу с рудой и цистернами с нефтью. Ко всему прочему, на заводе у меня был крохотный перерабатывающий цех, полностью обеспечивающий потребности завода и верфи, а также потребности граждан в масле и керосине для осветительных ламп, которые выделываются предприятием одного купца. Мы продали ему лицензию.

– Можно выделить для производства часть строящегося цеха точной механики, всё равно производство будет небольшое, а цех строится огромный, – предложил инженер.

Посмотрев в сторону строящихся цехов, их там было два, один уже подводили под крышу, я ответил:

– Это на будущее. Но тут я согласен, увеличение производства – это не скорое дело, поэтому разделите цех на два, добавив перегородку. Дальше знаете, что делать.

– Ещё требуется переместить и увеличить цех по производству взрывчатки. Опасное производство. Нынешнего едва хватает на выпуск

ручных гранат и снарядов для пушек, для миномётов уже нет.

– Тоже хорошая идея, а то у нас в основном только опытные производства, пора переходить и переоснащаться на конвейер. Действуйте, вы получаете карт-бланш... Кстати, скоро из штаба флота придёт директива на увеличение производства боеприпаса, но я вас предупрежу и так. Нужно сделать запас ручных гранат, мин и снарядов.

– Насколько увеличить производство? – деловито поинтересовался директор.

– В десять раз. Знаю, что это фактически невозможно с наличными специалистами и оборудованием, но постарайтесь. Кстати, сколько удалось сделать паровиков?

– Четыре недавно закончили, но их уже отгрузили в ожидающее транспортное судно. Заказ купца Ерофеева для его лесопилок. Заложили ещё пять, три по предварительному заказу, два на нужды флота. Для курьерских кораблей, что сейчас строятся на верфи.

– Хорошо. Давайте осмотрим цеха, и я отправлюсь на полигон.

В цехах мне понравилось. Конечно, с современными мне реалиями это производство не сравнить, но уже не уровень каменного века, где-то начало двадцатого, разве что только автомобили не делаем из-за ненужности, рано ещё. Все цеха под крышей, хорошо освещены большими панорамными застеклёнными окнами, которые выделяет мой стекольно-оптический завод, пока единственный в Княжестве.

Все рабочие были в чистых спецовках и робах, работали строго на своих местах. Мастера на производствах строго следили за этим – в общем, безопасность и дисциплина были повышены. Шесть лет труда и пота, и вот результат: работающие как часы завод и верфи.

Сперва тут были бревенчатые бараки-цеха, простенькие станки, деревянные, в основном из морёного дуба, что привезли с собой. Потом мы сделали станки получше. На этих станках было произведено следующее поколение – из железа. Короче говоря, в данный момент все цеха заводов были построены из бетона с использованием арматуры, цеха оборудованы станками аж восемнадцатого поколения. Причём моих конструкций там не было, я не такой специалист, чтобы разбираться в них. Мои идеи закончились ещё на восьмом поколении, остальное сконструировано, опробовано и пущено в работу моими инженерами-конструкторами. Да, у меня их немного, но конструкторский отдел из семи человек уже действует и набирается того уникального опыта, который был необходим для становления государства. Ведь это важное направление.

За их изобретения я платил, и, по меркам Княжества, очень неплохие

премии. Четыре инженера за свои изобретения не только в конструировании станков, но и, например, паровиков (три года мучились, пока не сделали нормально работающие паровики и не перевели их на мазут) получили по десять монет золотом. С учётом того, что каменный дом в столице стоит восемь золотых монет, а яхта-катамаран с дорогой отделкой кают – три, деньги огромные. Зарплата у них была тоже немаленькой – пятнадцать серебряных монет в месяц. Полторы монеты золотом.

Кстати, у меня в месяц уходит до ста рублей золотом только на поощрение своих изобретателей. Мой любимый изобретатель, Дмитрий Руссов, брат моего министра финансов, студент-агроном с факультета селекции, тот, что вывел съедобную картошку, был награждён пятнадцатью рублями золотом и личной яхтой, которая ранее принадлежала мне. Парень продолжал учиться, уже заканчивал последний курс университета, жил в собственном каменном доме с семьёй и совершал плаванье на собственной яхте, но селекцию не забросил. Он был фанатом этого дела. Вон, томатами занялся, они уже начали распространяться по огородам крестьянам, но надеюсь, парень выведет что-то интересное. Лаборатория университета полностью в его распоряжении.

На верфи я задержался у отдельного стапеля. Он был закрыт со всех сторон бревенчатыми стенами. Постройка этого корабля то замирала, то возобновлялась. Всё зависело от материала, то есть от достаточного количества металла. Да, на стапеле находился корпус большого крейсера, который должен был двигаться с помощью шести паровых машин, питающихся мазутом. Крейсер в пять с половиной тысяч тонн ещё не был готов, это долгосрочный проект, но я надеялся, что года через два он будет спущен на воду. Стальные шпангоуты крейсера, как рёбра кита, торчали на стапеле, две трети уже были закрыты бронеплитами обшивки, также была готова часть палуб и внутренних переборок. А ведь нужны ещё орудийные башни. И так строителям приходилось всё делать практически на ощупь, под моим присмотром, поэтому сложно говорить о сроках. Часть крейсера трижды разбиралась и перестраивалась, инженеры-корабелы за голову хватались, но для них это действительно был уникальный опыт, и они, как и я, горели желанием достроить корабль и спустить его на воду. Больше всего споров было, утонет он сразу или всё-таки проплывёт метров пятьдесят, например. Большинство, как и часть инженеров, склонялись к первой версии. В то, что он вообще сможет держаться на поверхности воды, верили не многие. Пришлось убеждать их, приведя пример с ванной Архимеда. Шучу. Просто сделали из жести копию крейсера размером один

к двадцати и спустили его в воду. У всех был шок, макет спокойно держался на воде и не тонул.

Вот у нас восемь буксиров, три работают в порту столицы, два на верфях и заводе, один в Южной Америке, один на Кубе и один в Архангельске. Ещё строились два буксира, были заказы от купцов ещё на пять таких судов. Все они были деревянные, но обшитые медным листом. Когда их строили, тоже было разговоров о том, что ничего не получится, сейчас же без буксиров работа в порту фактически встаёт. Уже не нужны шлюпки с гребцами, чтобы подводить крупные океанские транспорты к пирсам или заводить их в порт. Один буксир работает как десять шлюпок.

После этого я направился на полигон, где до самой темноты проводил стрельбы с миномётчиками, выпустив порядка пятидесяти мин. Корректировали огонь два сигнальщика, один на холме с корректировщиком, другой рядом с батареей. Говорить о хороших результатах пока ещё рано, но главное – в корректировщиков не попали. Две мины разорвались в ста метрах от них. Тренировка и практика нужны, пусть тренируются.

На обратном пути я размышлял о Княжестве. Да, сейчас мой завод и верфи сравнимы с уровнем тысяча девятисотого и тысяча девятьсот десятого годов, если брать мерки моего времени, однако в некоторых областях мы ещё отстаём, причём сильно. Но тут у меня не доходили руки и не было необходимых средств и знающих людей, чтобы поднять некоторые производства до нужного уровня. Да что говорить, каждого ценного спеца я знал по имени и в лицо, мало у нас их было, и на каждом висело по несколько проектов. Время было нужно, время, чтобы вырастить следующее поколение уже образованных инженеров, закончивших университеты и вузы. Понимающих хотя бы, что я от них хочу.

Да и про Княжество можно сказать, что это прибрежное государство, связанное со своими городами в основном только морскими путями. Да, моё Княжество на землях, где находилась столица и основные производства, раскинулось вглубь континента всего на сто восемьдесят километров. Было большое количество хуторов фермеров, порядка трёхсот, пять десятков деревень и около двадцати сёл, но город был всего один – столица Князьград. Про другие земли княжества я не говорю, там есть города, и земли тоже раскинулись вглубь континентов, но не более чем на сто километров – людей мало, чтобы осваивать их. Хотя работа пионера-колонизатора была достаточно прибыльная и охотники находились. Порядка ста человек в год, которым я оплачивал исследования и составление карт неизученных земель. Некоторые так и оседали в племенах или на незаселённых землях.

В общем, мы ещё развивались, однако думаю, что лет через двадцать у меня будет государство, которое займёт все прибрежные земли со стороны Атлантики. О побережье со стороны Тихого океана я пока не думал. Мне бы тут освоиться и нормально закрепиться. Ладно ещё, с индейцами мы были в нормальных отношениях, хотя они и пробовали нас на зуб и способность защитить свои выкупленные земли. Попробовали, больше не хотят, предпочитают меновую торговлю.

К столице мы возвращались по полям, на которых кроме других овощей, что шли в столовую завода и верфи, росла и картошка. Этот овощ поистине считался княжеским, потому как знали, как я его любил. Картофель всего два года как начал появляться у меня на столе, в основном все клубни шли на рассаду для увеличения следующего урожая, однако понемногу начали расползаться и по простым домам. Я этому не противился, даже был рад. Вот на экспорт он ещё не шёл – пока внутренний рынок не насытится, продавать его не буду. Только московскому царю, посольство которого было единственным у меня в столице, я отправил два мешка, с кровью оторвав их от своих запасов.

С картошкой вообще интересная история произошла. Не было её съедобной в Америке, ну не было и всё тут! Однако один капитан-торговец – он на своей шхуне ходит по карибской акватории и меново торгует с племенами, – так вот, он и привёз клубни съедобной картошки. А то я три года без неё маялся, не ядовитую же американскую есть, да и надоела эта репа в щак. Ну, а дальше мои селекционеры поработали и выдали результат. Вкусная, ничем не отличимая от будущей, картошка появилась на наших столах в разных видах.

О том, что картоху будут воровать, я заранее успел подумать и выпустил двести экземпляров довольно толстенького пособия по агрономии и садоводству. Над его составлением поработали многие люди, не только я, и он был поистине общим детищем. Там с сороковой страницы и шло описание полного цикла выращивания картофеля, ухода за ним и способах хранения, а также кратко – какие блюда можно приготовить. Это чтобы простые граждане не траванулись, а то будут его ещё сырым есть. Шучу, конечно, рецепты приготовления картошки уже давно ходили среди домохозяек.

Эти книги были раскуплены в мгновение ока, только пять экземпляров пылилось у меня на полке. Директор типографии, который выпускал до этого только сказки, воодушевившись успехом, дал задание своим помощникам, и те, вращаясь в университетах, выпустили ещё шесть разных брошюр. По местным грибам, какие были съедобны-несъедобны, потом по растениям, по рыбам, по разновидностям птиц, по морской тематике и, особенно, об индейцах, их обычаях и жизни. Последняя книга получилась особенно толстой, да и экземпляров было тысяча штук. Вот так вот. Как я уж говорил, государство моё развивалось.

Ещё по прибытии я приказал построить кукольный театр, набрав актёров из молодёжи и сшив куклы из тряпок. Театр пользовался неизменным успехом. Этот барак стоял и работал до сих пор, но уже заканчивалась стройка кирпичного дворца театра кукол и отдельного театра оперетты, а то певцам и певицам из народа приходилось делать это на сцене под открытым небом. Цивилизуемся понемногу. Вон, три главные улицы, где были возведены за эти годы в основном каменные дома, уже все покрыты брусчаткой, как и площадь у кремля с главным храмом.

Вот так и живём, развиваемся, но как я уже говорил, до всего у меня просто не доходят руки.

По прибытии в кремль секретарь сообщил, что в кабинете меня дожидается Сергей Руссов.

– Здравствуй, Сергей, – поздоровался я со своим министром финансов. Тот был в форме чиновника с положенной его должности цепью на шее, всё строго по закону. – Что-то случилось?

– Посол Московии князь Заславский подал заявку на покупку трёх морских кораблей. Даже предложил выплатить аванс.

– А, – саркастически усмехнулся я, – надоело им пользоваться каютами кораблей наших конвоев, своих кораблей захотелось. Значит, так: ничего выше полутора тысяч тонн водоизмещения не продавать. Вон, бриги пусть

заказывают у купца Малинина, он их неплохие строит, уже шесть бороздят воды Атлантики вместе с нашими конвоями, насколько мне память не изменяет, и ничего, не тонут.

– Да, отзывы от капитанов и команд положительные. Хвалят они эти бригаи. Трюмы вместительные, шесть пассажирских кают. Ходкие.

– Странно, что посол не подал заявку сперва мне.

– Должен был по протоколу, – пожал плечами министр.

Поискав в стопке свежей почты на столе, я действительно нашёл пакет от посла, датированный сегодняшним числом. Он пришёл как раз после того, как я направился на инспекцию завода.

– Есть, нашёл, – сказал я и, заняв своё кресло, стал с интересом читать прошение московского царя, посол был только его рупором. – В принципе, наши гиганты им и не нужны. Пусть покупают бригаи. Тем более они довольно устаревшие для нас, не зря же мы продали лицензию на их постройку этому купцу. Хотя, конечно, не хотелось бы, чтобы они попали к испанцам или тем же португальцам. И так уже три их экспедиции на дно пустили... Бедный Колумб.

Поставив разрешающую резолюцию, я поговорил с министром финансов насчёт формирования рейдовой эскадры – денег не хватало, откуда их можно изъять – и, совместно с ним найдя решение, отпустил Руссова.

Дальше жизнь продолжилась в том же ключе, только появилась ещё одна обязанность: следить за формированием эскадры и боевой группы, задача которой – высадка на территорию противника. Начали формироваться трофейные команды из солдат и офицеров тыловых подразделений, а также из чиновников министерства финансов и юстиции. Именно на них составление списков захваченных трофеев. Всё это не отменяло тех лекций, что я читал в трёх университетах. Один университет готовил будущих учителей, там я бывал особенно часто.

Наконец подошло время бросить клич среди населения. Это было поручено министерству информации и просвещения. Правда, кроме выпуска одной газеты и афиш на специальных стендах они ещё курировали театр, вот и вся пока их работа, но я надеялся, что их возможности увеличатся. Министерство – это, как говорится, задел на будущее. Газета, вон, довольно ходовая, двести подписчиков только в одном Князьграде, несколько тысяч экземпляров отправляются курьерами в другие города и сёла.

Через два дня ко мне в кабинет ворвался министр финансов:

– Князь, добровольцы прибыли!

– Я уже в курсе, что подали заявку почти пять сотен человек, – оторвавшись от изучения очередного прошения, сказал я. – Что, ещё подошли?

– Да, на окраине столицы начали собираться добровольцы, вам лучше посмотреть на это лично, князь.

– Да? – заинтересовался я.

Через полчаса в сопровождении свиты и охраны я выехал на окраину столицы. Там сидело и стояло порядка пяти тысяч индейцев разных племён, примерно треть были вооружены огнестрельным оружием. Именно по этой причине из города были выведены рота стрелков и два десятка жандармов, они контролировали добровольцев. А ко мне уже направлялась делегация из трёх десятков вождей.

– Да-а-а, надо было уточнить потребное количество добровольцев, – ошарашенно пробормотал я.

С индейцами пришлось повозиться. Первым делом я приказал глашатаям объявить, что набор добровольцев закончен. Потом, поразмыслив, сбросил решение проблемы на штаб флота. Те тоже недолго думали и приняли решение переправить две тысячи индейцев с их оружием и нашими запасами питания на пяти транспортах в сопровождении двух клиперов на остров Русский. Они должны были дожидаться нас там. По времени вернуться к нашему отплытию они не успевают, но в принципе это не выбивается из планов штаба флота.

Вернувшиеся транспорты и клиперы забирают остальных добровольцев, запасы продовольствия, у нас их скоплено достаточно, в этом году обойдёмся без экспорта, и двинутся следом. Капитаны и штурманы у нас опытные, уже раз сорок этими маршрутами ходили, догонят нас на Русском. Ну а там все вместе отплываем и, разделившись на два отряда, идём в Испанию и Португалию. За остальных возьмемся позже.

Эти два месяца обе мои макаронные фабрики и консервный завод работали не покладая рук. Это были государственные предприятия, и их продукция шла в основном на флот и в армию. Макароны – это отличное блюдо взамен круп, матросы и солдаты их уже давно распробовали и не жаловались, а хранятся они долго. Тушёнка, выпускаемая консервным заводом, шла по тому же пути, она тоже пришлась по нраву экипажам кораблей. Хранится долго, почти год. Только вот нормальные и привычные для меня консервные банки делать было расточительно. У нас они были глиняные с крышками, залитыми воском. Со временем процесс изготовления был отлажен, и брак уменьшился.

Ко всему прочему, по просьбе жителей столицы часть продукции была выложена на прилавках частных лавок, что начали закупаться на предприятиях. Причём брать начали столь охотно, что пришлось даже увеличить производство, благо сырья хватало, да и горшечники работали неплохо. Покупателями были крестьяне, пионеры, индейцы и некоторые горожане, понемногу поток покупателей увеличивался.

Про транспорты скажу так. Пока боевые подразделения и индейцы берут трофеи, наши транспорты под охраной небольшого количества боевых кораблей вывозят всё на Русский. Чтобы его не перегрузить – амбары там не бездонные, – пять транспортов работают между странами, где мы проводим акт возмездия, а фактически грабёж, остальные вывозят всё с острова в Княжество. Склады и амбары подготавливаются к приёму трофеев. За перевозку отвечают мои тыловые службы и старики-индейцы, которые в бой идти уже не могут, но вот проследить, чтобы их соплеменников-добровольцев не обделили, пока ещё в состоянии. В принципе они знают, что мы дела стараемся вести честно, многие уже породнились с гражданами Княжества. Вон, один крестьянин, имеющий шестерых дочерей и ни одного сына, умудрился выдать всех девок замуж за индейцев, причём племени сиу, их редкой разновидности земледельцев. Несмотря на то что тогда они были ещё моими холопами, эта увеличившаяся семья быстро выкупилась, арендовала у меня земли, построила там ферму и вот уже два года является главным поставщиком продовольствия в город. Их капуста оказалась просто великолепна, сочная, крупная. А квашеную капусту я люблю.

В общем, по этому плану мы и действовали, в данный момент я стоял на террасе жилой части кремля, откуда был великолепный вид на порт, и наблюдал за погрузкой на транспорты и клипера. Грузили до предела. Две недели назад, когда ко мне прибыло пять с половиной тысяч индейцев-добровольцев, я, конечно, растерялся от неожиданности, но штаб флота быстро решил проблему и одиннадцать дней назад отправил половину добровольцев на Русский. Там они будут ожидать нас почти две недели, плюс-минус, после этого мы отплывем к Испании. Чуть позже к нам прибывает подкрепление вторым рейсом. Всё достаточно просто, посмотрим, как получится на практике. Штаб флота шёл с нами на флагмане.

Залив у нас был большой, на его волнах парили, как чайки, шлюпки под парусами, управляемые подростками, небольшие яхты, большие ходили под парусами в открытом море. Увлечение парусным спортом стало поветрием в Князьграде. Тут даже последний нищий мог иметь

собственную шлюпку, стоили они недорого. С террасы не видно, мыс закрывал, но за ним находились длинные пирсы и пристани для стоянки яхт горожан. Там же стояла и моя «Радуга» – новенький тримаран. Да что это, рядом с моей «Радугой» стояла двухпалубная паровая яхта купца Шереметьева, самая дорогая из всех яхт. Были там и белоснежные игрушки бояр, дворян, даже крестьян. Помните того крестьянина-фермера, короля капусты? У него тоже недавно появилась своя яхта. Катамаран восьмидесяти тонн. Раз в неделю он с семьёй на коляске приезжал в Князьград, у него тут дом на окраине, и они получали удовольствие, совершая плаванья под парусом вдоль побережья, высаживаясь в диких местах и устраивая пикники. Даже они почувствовали вкус к этому делу. А на Руси они смогли бы это иметь?

Закончив рассматривать суету на военном пирсе, я перевёл взгляд на вход в порт. Там буксир с помощью просмоленных канатов – стальных пока не хватало, – тянул за собой недавно вернувшийся с Кубы наш артиллерийский корабль. Тот кроме четырёх мачт имел две паровые трубы. Топки были погашены, чтобы не изнашивать машины перед походом, поэтому и приходилось пользоваться буксиром.

Повернув голову, я посмотрел в сторону шатров и палаток, в которых временно размещались добровольцы, как оставшиеся индейцы, так и граждане с дальних земель Княжества, и задумался.

Индейцам как воинам я доверял, так как у меня уже была практика их использования. Но тогда воинов было полторы тысячи, и работали они на Кубе. Ещё во время переселения, когда мы основали первые поселения на Кубе, у нас были столкновения с аборигенами. В те дни погибли два боярина из Новгорода. Именно тогда я и набрал столько добровольцев. Ещё бы. Их бы и больше набежало, ведь плата для всех была одна – железный нож и десять наконечников для стрел. Кузнецы ночами не спали, делая из всех запасов металла плату за работу. Справились.

Это сейчас найдены медные и железные руды, уголь и нефть на Кубе, то есть заработал завод, оружейные цеха. Сейчас есть чем платить, да и индейцы, пообтершись у нас и поторговавшись в лавках, так не продешевят. Однако в этот раз платы за участие в рейде у меня установлено не было. Всё, что взято с врага, твоё. Это свято, и это было справедливо. Зато и индейцы за это платили мне из трофеев только десятину, тогда как войска из взятых трофеев отдавали половину.

Так вот, эти полторы тысячи индейцев и двести стрелков, практически весь мой наличный состав солдат, за три месяца фактически вычистили Кубу от вражеских элементов. Кто-то, конечно, выжил, но немногие,

только те, кто успевал сбежать в джунгли и в горы, видя высадку солдат и добровольцев с кораблей. Но результат налицо. Пять лет прошло, и ни одного нападения. Всё аборигены понимают, если хорошенько объяснить, где они не правы.

А четыре оставшихся боярина со временем начали богатеть. Первый – владелец одной из трёх в княжестве бумагоделательной фабрики и двух плантаций сахарного тростника. Его уже высаживали большими партиями, потребность в нём росла. Другой кроме нескольких плантаций владел угольной шахтой и шестью углевозами, обеспечивая углём мои северные провинции. Кстати, он дал заказ на два буксира и две баржи. Спрос на уголь в городах Княжества рос, особенно в зимний период. Все уже почувствовали разницу, чем лучше топить, углём или дровами. Пока боярин продавал уголь оптом, но уже в каждом городе-порте начали на его деньги возводиться сараи для хранения угля. Боярин решил организовать угольную компанию – он уже подал заявку в соответствующее министерство – и продавать уголь самому, без посредников.

Двое оставшихся бояр работали по экспорту фруктов и сахара. Они тоже неплохо на этом наживались. Всего на Кубе у меня жило двенадцать бояр, из них семь ненаследных, и имели свои земли и плантации.

Вдруг, вырвав меня из размышлений, в городе раздался взрыв, и в небо поднялось грибовидное облако чёрного дыма.

– Опять химики доморощенные экспериментируют, – ударил я кулаком по мраморным перилам террасы и, развернувшись, направился через открытые двери в свой кабинет. – Семен!

– Да, ваша светлость? – зашёл в кабинет секретарь.

– Опять эти химики-экспериментаторы взрывают что-то во дворе университета, а не на полигоне. О чём там наблюдающий жандарм думает? Значит, так, отправь официальный запрос от меня, пусть руководство университета подёргается, а то возомнили о себе. Чёрт знает что, гранаты до сих пор начинены порохом, а не нормальной взрывчаткой. Ладно, динамит нормальный сделали и в производство пустили, а с тротилом до сих пор возятся. Стыдно сказать, снаряды у нас пороховые. Взрыватели делать научились, а взрывчатку нет. Всё, давай, работай.

– Ваша светлость, – продолжил стоять у стола Семен, – разрешите поучаствовать в рейде?

– Рейд этот продлится год. Кто тут за всем присмотрит? И так оставляю государство на трёх сенаторах-министрах, вошедших в управляющий Совет. Будешь докладывать мне, как они тут справляются. Понял?

– Так точно, князь, – вздохнул Семен.

Как только Семен вышел, я вздохнул и пробормотал:

– Не-е-е. Как только Сашке исполнится двадцать, сразу же снимаю с себя бразды правления и передаю ему. Быть правителем – это явно не по мне. Даже абсолютная власть в Княжестве не радует. Исполнится ему шесть – сразу учителя, и будет меня везде сопровождать, пора учиться. А то на кого мне Княжество оставлять? Только на наследника или его преемника... М-да, а кого преемником сделать, следующие-то девки? – ещё раз горестно вздохнув, я пробормотал: – Закисаю я тут, может, рейд поможет? Тем более, как сообщает разведка, против нас весь цивилизованный мир ополчился, союзы военные начали заключать.

Тут я не шутил, союзы действительно начали заключаться. Дело в том, что несколько экспедиций к Америке всё же было направленно. Монархи некоторых стран догадались, что тут есть земля. Раз мы откуда-то отсюда приходим на Русь и уходим обратно. Большой информации им пока добыть не удалось, хотя ставший за последние годы знаменитым рынок Новгорода был наводнён шпионами разных стран. Мои там тоже были, поэтому знаю.

Ну, а мы этих захватчиков банально топили, когда ещё на подходе, а когда и уже на земле. Нами было найдено два вполне отстроившихся поселения. Одно в Южной Америке, где располагалась в моё время Бразилия и стоял город Форталеза. Там обосновались испанцы, и свой количественный состав они постепенно увеличивали. Мы выследили их по двум транспортам, что направлялись туда. После чего шесть боевых кораблей и две роты стрелков уничтожили селение. Часть населения сбежала вглубь страны, но там о них позаботятся аборигены. Как стало известно, у них были не очень хорошие отношения, испанцы себя очень мерзко вели. Взятые нами в плен женщины и дети были расселены по поселениям Княжества. Две испанки уже и замуж успели выскочить. Потеряв ещё пять кораблей, испанцы перестали отправлять их, сообразив, что их селение обнаружено, а у нас появились трофеи. Кстати, их корабли выкупали не очень охотно, практически все они ушли по низким ценам в транспортную компанию шкипера и, после парусного перевооружения на купеческих верфях, заняли нишу каботажных кораблей, увеличив их количество на восемь единиц.

Второе селение, даже скорее три крохотных, находились на довольно большом участке земли на Гаити. Видимо, переселенцы подумали, что это и есть континент, и начали устраиваться, пока не догадались, что это хоть и большой, но остров. У нас там никаких поселений не было, мой недочёт. Нужно было его застолбить.

Один из новгородских бояр, что расположился на Кубе, отправился в

двухнедельное турне на своей яхте с жёнами и наложницами, вот и обнаружил их, о чём тут же сообщил первому же встречному патрульному судну. Тот передал дальше, ну а тактика была отработана.

Те мужчины, что сопротивлялись, были перебиты, остальные отправлены добывать уголь, женщины и дети расселены по поселениям. Да, забыл добавить, в этот раз это были французы с некоторым количеством португальцев.

Тут мои земли. Да всё вокруг. Не хрен тут делать всяким бродягам, ворами и каторжникам из «це Европы».

Вот по этой причине и начали заключаться союзы между некоторыми странами. Даже вроде как начали собирать объединенную армаду, чтобы перехватить очередной наш конвой. С учётом разницы в скорости – у нас даже транспортники были достаточно скоростными, – их потуги были смешны, но как ни странно, мне это было на руку. Агрессия со стороны этих государств даёт мне право на ответ, тем более нападения уже совершались. Хоть и безуспешно.

– Разрешите? – под вечер заглянул ко мне Семён.

Оторвавшись от корреспонденции, я вопросительно посмотрел на него.

– Есть новости? – спросил я, погладив по макушке дочурку, что сидела у меня на коленях. Трёхлетняя кроха была моей любимицей и очень сильно была похожа на свою маму, красавицу Алёну.

– Да, пришло сообщение от химиков.

– Давай сюда, – протянул я руку.

Разорвав пакет, я осторожно вырвал его из цепких пальчиков дочери и углубился в чтение, пока она разглядывала пустой конверт. Неопределённо хмыкнув, я весело посмотрел на ожидающего секретаря и сказал:

– Такой подарок перед отплытием действительно приятен.

– Что-то случилось? – приподнял брови Семен.

– Да, можно и так сказать. Эти охламоны сделали-таки тротил и испытали его.

– Хорошая новость, – протянул Семён. – Мне сообщить администрации города, чтобы они не штрафовали изобретателей за подрыв в городе, согласно нарушениям законодательства Княжества?

– А вот этого не надо. Накосячили – пусть платят, но и премии у них будут приличными. Их шестеро, выдели каждому по двенадцать золотых. Оформи документ, я подпишу перед отплытием. Но награждать будешь завтра сам, меня уже не будет. Не забудь отправить запрос на завод, когда они смогут её промышленно выпускать, а также когда пойдут нормальные

боеприпасы, начинённые взрывчаткой, а не порохом. Кстати, а сколько эти изобретатели её выделали в лаборатории? Мне нужно знать, какое количество есть в наличии...

* * *

– Князь, наблюдаю берега Испании, – не отрываясь от бинокля сообщил Немцов. Он, несмотря на то что находился на пенсии, практически на отдыхе, решил поучаствовать в первом рейде. Отставной адмирал прибыл в Князьград фактически перед самым нашим отплытием, оставив все дела в Перу на своих замов. Ничего, парни хоть и молодые, но способные, справятся. Тем более двое закончили вуз, выпускающий будущих чиновников и управленцев.

Подняв морской бинокль – такие выпускались малыми партиями на моём заводе в цехе точных приборов, – я тоже стал рассматривать берега Испании. Партии были малыми по причине пока неосвоенности технологии производства оптических стёкол. Мой стекольный завод работал активно, но находился он в Архангельске. Там был тот песок, что нужен для производства. Этот заводик обеспечивал стеклом практически всё Княжество и даже производил на экспорт. Однако оптическое стекло требовало особой выделки, и пока небольшой цех поставлял нам небольшие партии. Все бинокли, произведённые на заводе, шли во флот и в армию и пользовались довольно неплохой славой. На сторону их пока не продавали. Именно поэтому у Немцова была его старая, полученная ещё во время первого переселения, подзорная труба, тщательно лелеемая, а у меня новенький морской двенадцатикратный бинокль.

Кстати, по Новгороду и рынку. Московский царь, получавший огромные доходы в виде пошлинных отчислений, зная о том, что мои корабли не могут подходить к самому Новгороду и товары приходится доставлять в город на шлюпках, распорядился заложить на Неве новый град, куда в будущем и будет перенесён рынок, и этот город будет считаться торговым градом.

Как сообщили мне капитаны кораблей и разведчики, стройка идёт интенсивно. Правда, не в устье Невы, где был построен в моё время Питер, а на незаливаемых возвышенностях.

– Да, это возвышенность у порта Картахены, вон, в стороне мыс виднеется... Маяка ещё нет, не построили. Ха, дошли всё-таки!

– Точно и в срок, – кивнул Немцов.

– Это да, – согласился я, опуская бинокль и разглядывая тонкую ниточку земли впереди простым взглядом. – Интересно, как там работает

наш командующий флотом?

– Думаю, Лиссабон уже взят.

– Да это понятно. Я про королевскую семью. Он её должен взять целой и невредимой.

– Породниться хочешь? – с интересом спросил Немцов. – У них вроде пара девок есть в самом соку.

– Я себя не на помойке нашёл. Нет, мне нужно подписать бумаги по репарациям. Пусть дань платят. Соберём у них самое ценное и вернёмся к себе, а потом в Лондон, Картахену, Гавр и Лиссабон будут заходить только наши торговцы, приписанные к Военно-морскому флоту, и забирать дань.

– Так вот что ты решил сделать, – протянул адмирал в отставке.

– Это на будущее, а в этот рейд у нас полное разграбление европейских цивилизованных государств, как они себя называют. Ха, а у меня большая часть фермеров живёт лучше, чем некоторые их дворяне! А дворяне живут лучше, чем некоторые их монархи. Цивилизованные люди – тьфу, да и только. Нищета и вши вокруг. Неудивительно, что у них проказа и чума свирепствуют – с такой-то антисанитарией.

– Так кого тогда грабить?

– Монархов и дворян, конечно, кого же ещё? – удивился я и, повернувшись к капитану «Победы», нашего флагмана, скомандовал: – Ложимся в дрейф. Подойдём к порту согласно разработанному штабом плану, под утро.

– Есть, – козырнул тот.

На мостике находилось два десятка старших офицеров флота и армии, которые тоже наблюдали за берегами Испании, у большинства были такие же бинокли, как и у меня, у остальных – обычные подзорные трубы.

– Господа офицеры, попрошу вас пройти в кают-компанию для совещания, – попросил мой адъютант, указав на двустворчатые двери, что вели во внутренние отсеки корабля.

Когда офицеры скрылись, я убрал бинокль в чехол и двинулся следом, раздумывая о той ситуации, в которой мы находились, даже немного вспомнил плавание, которое пришлось выдержать, чтобы достигнуть Европейского континента.

Плаванье прошло трудно. Мы попали во внезапный шторм и потеряли два судна. Нет, они не затонули, просто флотилию раскидало по акватории Атлантики. Но ничего, чуть опоздав, они вполне благополучно достигли острова Русского, где у нас было назначено место встречи как раз на такой случай. Шкиперы у транспортов были опытные, навигационными приборами пользовались уверенно, так что дошли и соединились с нами

нормально.

Там штаб флота, который уже имел план действий с учётом наличных сил для ведения боевых действий в Европе, начал формирование двух флотилий. Одна была под командованием действующего командующего флотом адмирала Игоря Мельникова, вторая – под командованием командора Емели Шутова. Если этот рейд удастся и мы благополучно вернемся в Княжество с богатыми трофеями, что поднимет нашу экономику, то Шутову и ряду офицеров грозит повышение в звании. А то на всё Княжество у меня всего два адмирала, Мельников и Немцов, да и то последний находится в отставке.

Так вот наша флотилия была разделена на две боевые группы. Адмиралу Мельникову предписывалось заняться Лиссабоном, а нам – Картахеной и Мадридом, то есть Испанией. На подходе к континенту от острова Русский наша флотилия разделилась на две, и мы двинулись на разграбление Европы.

Пройдя в кают-компанию, я сел на своё место и вопросительно посмотрел на капитана второго ранга, начальника оперативного штаба флота. Между прочим, звания я ввёл те же, что были приняты на советском, а позже и российском флоте. Даже погоны на мундирах соответствовали. От мичмана до полного адмирала. Кстати, Игорь Мельников и Немцов были контрадмиралами.

– План атаки довольно прост, – указал на карту Испании офицер штаба. – В полночь мы на шлюпках высаживаем усиленные группы стрелков и добровольцев на эти два участка и постами перекрываем дороги. Утром мы высаживаемся в порту, перед этим, пользуясь преимуществом в артиллерии, уничтожаем крепость. Берём город и арсенал. После захвата города формируется колонна, пушки будут буксироваться трофейными лошадьми. По плану, основная часть боевых пехотных подразделений под командованием полковника Басаева выдвинется к столице Испании, Мадриду. Наши лазутчики и конники из татар обеспечивают движение по дороге, а также, по прибытии, охват столицы и закрытие дорог. Столицу будет брать полковник Басаев, поэтому дадим ему слово.

С одного из стульев встал моложавый, но уже с боевыми наградами Княжества на груди, полковник и подошёл к переборке, где висела карта. Прочистив горло, он взял поданную указку и, ткнув ею в столицу Испании, сказал:

– Я предлагаю вот что...

Двадцать шесть лет спустя. Княжество Российское. Столица княжества Князьград, резиденция экс-правителя великого князя Артура Александрова.

В большом и светлом, благодаря огромным панорамным окнам, кабинете находилось трое. Один, что был хмур и ходил по кабинету, являлся правителем Княжества на данный момент, второй – экс-правителем, а третий был личным слугой бывшего правителя.

Сидя в кресле и закинув ноги на низенький журнальный столик, бывший правитель насмешливо наблюдал за метанием по кабинету своего сына, наследника и вот уже два года как правителя Княжества великого князя Александра Александрова.

Тридцатилетний громила с пудовыми кулаками, приятными чертами лица и умными проницательными глазами ходил из угла в угол кабинета и о чём-то судорожно размышлял, изредка поглядывая на отца. Его недавнее сообщение явно выбило князя из колеи.

Сам экс-правитель, моложавый мужчина с правильными чертами лица и коротко стриженной шкиперской бородкой, что недавно вошла в моду, в отличие от сына был в приподнятом настроении. В порту три корабля подразделения дальнего поиска флота подготавливались к отплытию.

– Не понимаю твоих сомнений, Алекс, – сказал тот и сделал глоток вина из поданного его личным слугой бокала. Кивнув, что вино нравится, он дождался, когда слуга наполнит бокал, и сделал большой глоток.

– Отец, я понимаю, колонизация Северной и Южной Америк у нас на первом месте, но ведь нужно знать границы! Индия тебе зачем?

– Это древняя и старая страна, вроде Китая, в которой есть много культурных, а также просто ценных вещей. Если не мы, то её колонизирует та же Англия или Франция и поднимется на их богатствах. А как они относятся к аборигенам, ты знаешь.

– Ой, не смеши меня, этим странам бы из нищеты подняться. Вспомни, что с ними стало после двух последних войн. Мы огнём и мечом пошлись по ним. Я командовал некоторыми сражениями в последней войне, – последнее правитель Княжества сказал с ностальгией.

– Это да, европейцы против нас не тянут. Но и ты пойми, сынок, у нас поселения на берегах обоих океанов, Тихого и Атлантического, мы уже начали торговать с Японией и высылаем разведывательные партии в Австралию. У нас всего полтора миллиона граждан Княжества, считая столько же индейцев, что перешли под нашу руку и обрусели за это время. Которые, правда, плодятся, что кролики...

– Кто бы говорил, сорок два наследника, – буркнул Алекс, присаживаясь рядом с отцом. – Игорь и Николай явно присматриваются к моему трону, как бы войны не было из-за этого.

– И не нужно, – покачал экс-правитель головой. – Николай, конечно, очень властолюбивый человек, так нужно поддерживать его устремления. Дай ему полторы тысячи переселенцев и вели организовать часть Княжества на Новой Зеландии или Австралии. Это погасит его стремление к власти на несколько десятков лет, пока он будет развивать наши земли в тех краях. Заметь, именно так я поступил с Сергеем и Алексеем. Теперь они наместники на наших землях на берегах Тихого океана. Владимир правит в Южной Америке, а Артур на Кубе. Все при деле – все заняты. Конечно, подросли новые наследники со своими амбициями, так поступи так же, как я, найди им применение, чтобы они о троне даже не вспоминали. Должности наместников для этого подходят в самый раз. Только одно: не ставь их главнокомандующими армией или флотом, чревато, а вот наместниками самое то, благо земель для этого предостаточно.

– Спасибо, отец, я подумаю над этим предложением.

– Подумай-подумай, только решай быстрее, пока не стало поздно, – ехидно ответил тот, приподнимая бокал и делая ещё один глоток.

Почувствовав жжение в груди, экс-правитель вдруг выбил бокал из рук Алекса, который только что взял его с подноса слуги, и, свалившись на пол, забился в судорогах.

– Врача сюда! – заорал великий князь, склоняясь над отцом.

Чувствуя, как уходят силы, тот прошептал:

– Властвуй и правь справедливо.

Выгнувшись дугой, он захрипел и через несколько мгновений, ещё до того, как в кабинет забежали врач и охрана, из его глаз ушла жизнь.

– Николай, ублюдок! Порву! – заорал в ярости великий князь.

Неизвестно где, пустота снаружи и внутри.

Когда я появился неизвестно и непонятно где, то кашель, рвущийся наружу, наконец прорвался.

– Тебе не кажется, что бесплотный дух не может кашлять? – услышал я несколько удивлённый голос.

Покрутившись, я обнаружил говорившего. В мягком на вид кресле сидел самый настоящий жираф.

– А почему жираф? – настала моя очередь удивляться. Кашель, как ни странно, прошёл.

– Почему жираф? – настала очередь удивляться жирафу. Он достал прямо из воздуха какой-то прибор и, бормоча что-то про сбитые настройки, повозился с ними и превратился в старого... крокодила?

– А сейчас ты кто? – озадаченно спросил я.

– Я последний из Творцов. Мой род начинали те рептилии, которых вы называете динозаврами.

– А? – протянул я, продолжая с интересом разглядывать собеседника. – Чего надо?

– Грубо, молодой человек. Очень грубо. Однако краткость сестра таланта, не так ли? Я слежу за вашей цивилизацией, надо сказать, она очень интересна.

– Короче, Склифосовский.

– Этот фильм я смотрел, но ты прав. Я поясню, почему решил взглянуть на тебя, так сказать, в естественной среде. Ты знаешь, что ты уникал?

– Чего?

– Ты Посредник. Вернее, я предполагаю, что ты им являешься, однако нить Судьбы, которая переплелась с твоей жизнью, даёт неожиданные результаты. Я не буду всё тебе разжёвывать, потому что на это требуются даже не месяцы, я поясню кратко. Среди людей раз в тысячу лет рождаются Посредники. Они живут и умирают, переносясь, согласно заложенным в них алгоритмам, в следующий из множества отражённых миров, и так до бесконечности. Они помнят обо всех своих прошлых жизнях и пользуются этим. То есть они занимаются подъёмом государств, разработками технологий и ведут за собой народ. В лучшем случае, конечно, бывает и наоборот.

– Хотите сказать, что колесо придумали не мы? – ехидно спросил я.

– Почему? Вы. Только это была женщина-посредник, американка из тысяча девятьсот тридцать седьмого года. Ей в момент первой смерти было семь лет, но что такое колесо, она знала. Цезарь, Гитлер, Наполеон, Суворов – всё это Посредники.

– Не очень приятное сравнение.

– Посредники бывают разные, для них нет разницы между добром и злом.

– Ну, я об этом уже догадался. Со мной что не так?

– С тобой всё не так, этим я и заинтересовался. Во-первых, твоё первое воскрешение произошло не по заложенному заранее алгоритму в Древнем Риме в четырнадцатилетнем возрасте, а почему-то в собственном же теле, да ещё шести лет. Потом второе преобразование. В

этот раз сработало нормально, четырнадцать лет, но опять не там, где надо, Крымский полуостров. Произошло третье перерождение, вернее, оно в процессе. Однако я тебя перехватил, чтобы пообщаться. В этот раз ты должен попасть в Индию во времена династии Раштракутов и помочь им отбить нападение властителей, однако я честно скажу: даже не знаю, куда ты можешь попасть.

– И это правильно, какие-то там рум... ремуш... Короче, индийцы мне на хрен не сдались, пусть их режут, они мне никто, – отмахнулся я, продолжая размышлять. – По перерождению – это получается, умереть я не смогу и постоянно буду возрождаться?

– Не спеши ты так. Нет, у Посредников тоже есть ограничения, от восьми до двенадцати возрождений. Сколько у тебя, покажет только время и практика.

– Я вернусь в тот же мир?

– Нет, ни разу Посредники не возвращались в те миры, где с их помощью произошли изменения в истории.

– Ясно, а Рай, в котором я, как мне кажется, дважды побывал, там как?

– В Раю ты действительно был. После первого твоего визита его долго отстраивали. Это, кстати, архангелы напустили на тебя заклятие стирания памяти. Поэтому ты об этом эпизоде ничего и не помнишь. Во второй раз ты ушёл от них с подарком, который, как я понял, тебе пригодился.

– Это да, а?..

– Всё, тестирование закончено. Я понял, в чём дело. Ты бракованный Посредник, и смысла держать тебя в штате нет, поэтому я тебя вычёркиваю...

Не успел рептилоид произнести последние слова, как меня потащило наверх, и я снова оказался в очереди у ворот Рая. Быстро осмотревшись, я спрятался за широкой спиной мужика-утопленника, в боку которого торчала рогатина, и осмотрел себя. Снова я был в собственном теле четырнадцатилетнего парнишки и снова нагим. Определившись, где я оказался, сразу решил действовать.

– В сторону! – рявкнул я крестьянину-утопленнику. – У меня пожизненный абонемент.

Обойдя очередь, я спокойно дошёл до конторки, за которой стоял опешивший апостол Пётр, и, отодвинув большую красную кнопку в сторону, сказал завлекающим голосом:

– Может, как постоянного клиента, пропустите без очереди, а?

– Тревога! Проникновение за периметр! – заорал тот громче, чем корабельная сирена на моей яхте.

Тут же появившиеся херувимы и ангелы снова начали сталкивать меня с облака, только в это раз дрался я от всей души, поэтому они разлетались во все стороны. У многих на холёных рожгах начали проступать отпечатки моих кулаков и ног.

– Мне-то за что?! – возмущённо взвыл Пётр, прячась за конторкой и прикрывая лицо, на котором начал расплываться синяк. Пару раз ему от меня прилетело. Ногой по рожге.

Наконец меня дотолкали до края облака, внизу, кроме густого тумана, ничего не было видно.

– Это наше, – со злорадством сказал Пётр и проделал руками какие-то манипуляции, после которых из меня вылетело небольшое облачко и впиталось в то, что было под ногами.

– Это ещё не всё! – заорал я и, броском через плечо отправив очередного херувима вниз, вырвал из рук архангела огненный меч, сломав ему заодно руку и пару пальцев, и под его тонкий визг боли, отрубив от облака приличный кусок, схватил его в охапку и прыгнул вниз.

– Держите эту сволочь, не отпускайте! – успел крикнуть Пётр, но я уже падал.

Чувствуя, как в меня втянулись меч и облако, я успел подумать: «Куда в этот раз?»

Очнулся я сам, без посторонней помощи. Где-то рядом звучали голоса, но я не обращал на них внимания, так как меня буквально выворачивало речной водой. В паузах между спазмами я сквозь слёзы умудрился осмотреться. Я полулежал на песчаной косе с ногами в воде, а за спиной несла свои воды довольно быстрая река. В общем, я только и успел понять, что сейчас лето, я нахожусь где-то в средней полосе Руси, на берегах реки растёт вековой лес, отражаясь в воде, и что рядом есть люди.

В это время раздался радостный вопль, и кто-то воскликнул грубым басом:

– Вон он лежит на косе, барин!

«Умник, меня за двести метров видно», – отхаркиваясь, подумал я.

Сил не было вообще. Слыша, как ко мне приближаются, хрустя песком, несколько человек, я только и смог перевернуться на спину, как тут же последовал мощный удар ногой под ребра, от которого я, наверное, отлетел метра на полтора и снова закашлялся.

– Это тебе, пёс шелудивый, за то, что на барина напали, – рыкнул тот

же знакомый бас. Видимо, пнул меня именно он.

– А почему он обнажённый? – прозвучал другой голос, молодой тенорок с некоторыми интеллигентными нотками. – Тот, который в реку прыгнул, одет был, да и посветлее вроде.

– Это у него просто волосы намокли и потемнели. Он это, с вашей Касимовки, барин. Решили побить вас на лесной дороге.

– Не больно он похож на крестьянина, – продолжал пребывать в неуверенности помещик. – Авдей, посмотри на его руки. Да и бледный он.

– Это со страху. А то, что руки не натружены, так вы не видите, вот у него на пальцах мозоли. От кнута это, пастух он. Али, может, в банду молодым взяли, вот и не знает крестьянского труда.

– Хотя да, кто ещё тут может быть на моих землях? Значит, так, двадцать плетей и не снимать его с перекладины. Есть не давать, только поить. Там посмотрим.

– Сделаем, барин.

Приоткрыв глаза, я успел заметить, как здоровый косматый мужик с длинной нечёсаной бородой опускает мне на голову приклад древнего ружья, кажется, даже ещё кремневого. У меня только и мелькнула мысль, что время, скорее всего, на данный момент колеблется от Суворова до Николая Второго. То есть большевики-отморозки ещё к власти не пришли.

Очнулся я, похоже, довольно быстро – ещё бы, голова у меня крепкая. Вот только болит, зараза, да ещё этот урод, похоже, когда бил, порвал кожу над бровью, и та склеила глаз. Лес вокруг покачивался в такт движению телеги, на которой меня везли. Приподняв голову, я быстро осмотрелся и сделал вид, что нахожусь без сознания.

Судя по состоянию тела, меня явно ещё и отпинали, пока я был без сознания. Хорошо так наставив синяков. Но, похоже, серьёзно я не пострадал, били со злости, но не калеча. Далее, в телеге я находился не один, трое нас было. Рядом валялся спутанный, как и я, по рукам и ногам мужичок затрапезного вида с такой же косматой бородой, как и у Авдея, и возница правил смирной коняшкой по лесной дороге. Колеса телеги постоянно попадали то в ямы, то наезжали на корни деревьев, отчего качало, как при сильной волне.

Руки были связаны за спиной, быстро самому развязаться не получится, однако рядом валялся мужичок, который за мной наблюдал с интересом. Враг моего врага – мой друг. Покосившись на возничего, который на нас особо и не смотрел, я повернулся к мужичку спиной и, дотянувшись пальцами до его рта, вырвал кляп, после чего сунул под нос связанные

руки, чтобы он смог зубами попробовать развязать мне верёвки.

Тот возился на удивление долго, слюнявя мне руки и веревку. Один раз возникший обернулся, мельком посмотрев на нас. Мы замерли, успев отодвинуться друг от друга, поэтому он вернулся к управлению лошадью. Мы же продолжили благое дело.

Почувствовав, что верёвки начали ослабевать, я зашевелил руками и освободил одну руку. Но тут внезапно обернулся возница и, зло оскалившись, схватил лежавшую рядом узловатую дубинку и успел ударить меня по голове, прежде чем я откатился в сторону. В очередной раз я потерял сознание. В этот раз, похоже, надолго – первый удар тоже не прошёл бесследно.

Мерзко и зло свистел кнут, и раздвоенный кончик с хлюпаньем врезался в мою спину, где уже не было живого места. Я не орал – трудно это делать со вставленной в рот деревяшкой – только с ненавистью мычал, шумно дыша. А ещё кто-то удивляется, что Посредники становятся злодеями. Я после этого стану сверхзлодеем.

Мой счёт к местному владельцу вырос многократно. Вырежу всех, кто живёт в его поместье, всех, кто наблюдал за экзекуцией невинного – все они умрут. Умрут, без сомнения, но тут главное – выжить. Я сделаю все, чтобы выжить, при возможности бежать и вернуться.

Наконец кнут опустился на мою многострадальную спину в последний, двадцатый раз, и Авдей, сматывающий его, удивлённо смотрел на меня: я до сих пор был в сознании. Тряхнув головой, отчего подсохшее свиное дерьмо, которым в меня кидались местные детишки, отвалилось и упало, я зло посмотрел на него.

Дальше меня оставили под испепеляющим солнцем, только одна дородная женщина с брезгливо поджатыми губами поила меня. Эта тварь, прежде чем вливать мне воду в рот, демонстративно в неё плевала.

Ночь принесла некоторое облегчение, прохлада остудила раскалённую спину, которая буквально горела. Никто не лечил её, даже не прикрыл от солнца, я так и висел привязанным веревками к столбу.

Когда меня стегали кнутом, я дергался туда-сюда, пытаюсь вырваться, и веревки до боли врезались в кожу, повреждая её. Теперь у меня на кистях были кровоточащие ссадины. Я не скажу, что верёвки сильно ослабли, но вот та, что была на левой руке... Посмотрев на постройки и сам каменный дом уснувшего поместья, я продолжил шевелить руками, стараясь не издавать ни звука. Наконец на левой руке верёвки стали скользкими от крови. Вытянув пальцы, отчего кисть стала чуть тоньше, я потянул руку.

Та застряла, но я продолжал попытки, мне казалось, это длилось целую вечность, но наконец смог вырвать руку и тихо заскулил от боли. Болело всё, сознание плавало, но я крепился. Левая рука плохо меня слушалась, однако я без промедления стал развязывать узлы на правой непослушными пальцами, пятная землю под ногами каплями крови из ран.

Неожиданно громко зазвенел цепью дворовый пёс, заставив меня замереть, но прислушавшись к оглушающей тишине, я продолжил свою работу. Наконец и правая была освобождена, я застонал от боли, разрабатывая обе руки, когда кровь хлынула по венам. После этого я занялся верёвками на ногах. Освободившись, я прислушался: пёс забурчал у себя в будке, но быстро стих.

О мести в данный момент я даже не думал, мне бы сил хватило отползти подальше от поместья, а не совершать вендетту.

Пошатываясь, я отошёл от своих столбов, мельком посмотрев на такие же, вкопанные рядом. Мужичок, которого били до меня, экзекуции не пережил, помер, так что от него остались только обрезанные верёвки. Я смотрел, как его бьют, пока меня привязывали к соседним столбам, но ничего сделать не мог. Всё время у меня был вставлен кляп. Я даже не мог сказать, что не того поймали, это было самое обидное. Да и когда кляп меняли на дощечку, тоже не успел ничего сказать, но зато с удовольствием помочился на Авдея, обрызгав его под смех толпы. Тот с бранью тогда отскочил от меня и пнул между ног. Так что у меня ещё гематома внизу, и яйца опухли, и ноги я переставлял с трудом.

Как уйти от помещика, для которого охота – развлечение, и охота на людей в удовольствие, тем более у него были и собаки и следопыты? Правильно, может помочь только река. Конечно, с ранами лезть в неё не очень умная затея. Но рана весь день была не прикрыта, ветер и пыль загрязнили её, так что река поможет уйти от людишек помещика, заодно я промою раны. Мне ещё заражения не хватало.

Пошатываясь, я направился к деревянному дощатому забору, что окружал территорию поместья. К воротам я решил не идти. Там собака спит, да ещё и сторож в своей будке. Лучше так перелезу... как-нибудь.

Чтобы перелезть через забор, мне пришлось приложить немало усилий. Упав с другой стороны как мешок с картошкой, я, тяжело дыша, лёг на бок и протёр левой рукой мокрый от пота лоб. За забором забрехала собака, услышавшая шум и, видимо, почуявшая свежую кровь, поэтому собрав остаток сил, я побрёл от поместья дальше. Метрах в двухстах от него, буквально в пятидесяти метрах от опушки леса я расслышал крики и, обернувшись, заметил, как там забегали с факелами. Похоже, было обнаружено моё отсутствие. Поэтому я заторопился.

Честно говоря, я не знал, где находится река, и шёл наудачу, вблизи её не было видно. Пруд мелькнул серебристой гладью сбоку, но и только. Мне он ничем помочь не мог. Мелькнула мысль залезть в него и помыться, смывая хотя бы запах, но сил почти не было, и так шёл на одной злости, чувствуя, как озноб сотрясает моё тело.

Войдя в лес, я продолжил машинально переставлять ноги, плохо их чувствуя, как и всё тело. Всё время, пока шёл от поместья, я пытался вызвать свечение в руках. То, что заполучил меч от архангела и большой кусок облака, я помнил, но пока это всё никак не проявлялось. Особо я не паниковал, в прошлый раз у меня это тоже не сразу проявилось, но вот ждать год, как в прошлый раз, не особо хотелось. Нужно пытаться и дальше, теперь-то я знаю, что можно вызвать свечение и залечивать раны. Смущало только то, что отрезал тогда большой кусок облака. А что? Халява – она и есть халява. В общем, размер был большой, и я не знал, что за этим последует. Да и меч себя никак не проявлял. Попытки вызвать его тоже оказались безрезультатными.

Крики в поместье стали громче, был слышен лай нескольких собак. Обернувшись, я разглядел в просвете между стволами деревьев, как из ворот выходит факельное шествие. Причём, сволочи, они шли по моим следам.

– Уроды, – выдохнул я и заковылял дальше, пытаюсь увеличить скорость.

Адреналин впрыснулся в кровь, и скорость действительно удалось немного увеличить. Заметив, как впереди в просвете между деревьях серебристо мелькнула вода, я прибавил ходу, тяжело дыша. Левая нога потеряла чувствительность, она горела огнём. Но я всё равно шёл, старательно передвигая ноги и отмахиваясь руками от веток.

– Вон он! – заорал кто-то позади. Однако было уже поздно, с шумом я обрушился в воду, которая заметно принесла мне облегчение, и, старательно работая руками и ногами, поплыл подальше от берега. Когда на берегу появились преследователи, освещая его и часть реки факелами, я набрал воздуха в лёгкие и ушёл под воду.

Преследователи искали меня внизу по течению, зная о моём состоянии, однако я уходил под противоположным берегом вверх. Вода смыла грязь из ран, однако они намokли и стали кровить. Поэтому поднявшись примерно на триста метров, я нашёл густой кустарник и, с трудом выбравшись на берег, забрался в него и почти сразу свалился в забытье.

Очнулся я утром от того, что припекало солнышко, прорываясь сквозь листья кустарника. Судя по тому, что меня не нашли, поиски, скорее всего, продолжаются. Чувствовал я себя всё ещё хреново, но гораздо лучше, чем вчера. Хотелось есть и пить, а это уже показатель. Всё так же горела огнём спина и тянула при движениях, да ещё раны на руках давали о себе знать, но я стойко не обращал на них внимания.

На то, что я всё так же голый, я тоже не обращал внимания, как-то не до того. Я только и сделал, что отряхнулся от налипших веточек и принял сидячее положение. Осторожно высунувшись из кустарника, я внимательно осмотрел реку в обе стороны и противоположный берег. На реке былолюдно – две лодки и пятеро рыбаков, что ставили сети.

– Не меня ли вы ищете? – пробормотал я.

На противоположной стороне загавкала собака, и я понял, что в моё утопление особо не поверили и продолжают искать. Ну, или пытаются труп найти, что было вполне возможно предположить, зная моё состояние. Выбравшись из кустарника, я углубился в лес и направился вдоль реки вверх по течению. Через километр я наткнулся на малинник, где в течение часа набивал желудок. После чего, напившись в реке, переплыл на другой берег и продолжил движение дальше вверх по течению. Мне нужно было уйти километров на десять, выйти из зоны поисков. В то, что меня унюхают собаки, я не верил – специально намазывал ноги и части тела, где не было ран, одной очень хитрой и вонючей травкой, что отбивала все запахи.

Уйти далеко я не смог, сил хватило всего на пять километров. Поэтому, снова перебравшись на другой берег, нашёл спокойное место для отдыха, упал на прошлогоднюю листву и мгновенно уснул.

В это раз я также очнулся без посторонней помощи. Сходя в туалет – меня пронесло, видимо всё сразу подействовало: и малина, и сырая вода, и раны, – я направился вниз по течению к малиннику. Следы я сбил, запутал, но вот далеко уходить от средств выживания, то есть от еды, не хотелось. До того малинника, где подкрепился вчера, я не дошёл, попался другой, более обширный. Стараясь не оцарапаться о колючки, я забрался в середину малинника, нашел там крохотную полянку и свалился на ней. Всё, убежище на ближайшее время у меня есть, осталось подлечить раны и вернуться в поместье, рассчитаться.

Следующие дни были как один, я питался малиной и моллюсками. А где мне ещё было найти мяса без средств выживания и даже самого банального ножа? А тут, когда ходишь к реке, чтобы попить, то можно, ныряя, набрать раковин и, камнем раздробив их, есть сочную мякоть. Пару раз меня пронесло, но постепенно желудок адаптировался к этой еде, и больше проблем с ним не было.

Так прошло порядка десяти дней. Два дня назад я начал делать лёгкие тренировки, стараясь не потревожить заживающие раны. Молодой организм, жизнь на природе и калорийное питание сделали своё дело, я стал поправляться, а раны рубцеваться. Спину я свою не видел, но подозревал, что она превратилась в страшное зрелище.

Местных я за это время видел дважды. Один раз двое мужиков и женщина в платке проплыли на лодке вниз по течению, но не вернулись, потом в лесу заметил трёх мужиков, что вышли к реке, потрапезничали там, потом снова ушли вглубь леса. В одном я сразу опознал Авдея. Он, как и другие мужики, был в длиннополом зелёном сюртуке, с ножом на поясе и ружьём. Судя по форменной однотипной одежде и оружию, они у неизвестного помещика, которого, как я слышал, звали Сергеем Игоревичем, были лесничими. Да-а, такой лес требует присмотра, это точно.

Заметил я их четыре дня назад и, будучи тогда не в форме, решил не трогать пока. Время есть, я не торопился, вынашивая планы ответного удара. Подлечусь, приду в норму и выйду на тропу войны. Индейцы Княжества меня мно-о-огому научили. Десятки тысяч воинов-индейцев прошли через службу в армии и на флоте. Они по первому же призыву приходили на помощь, добровольцами участвуя в войнах в Англии,

Испании и Франции. Португалия с нами не воевала, ей хватило одного, самого первого нашего рейда.

Форму я немного восстановил, поэтому решил оснаститься. Мне была нужна одежда, кремень с трутом и хотя бы нож. Вон, вчера поймал руками рыбину. Так пришлось острой кромкой камня её чистить и есть полусырой. Огонь я добывал трением, это я тоже умел делать.

Одним словом, на завтра я решил выйти на большую дорогу. Крестьян трогать не хотелось, они разве виноваты, что у них такой ублюдок-хозяин? А вот людишек самого помещика решил хорошенько так пограбить, со смертельным исходом. Их, естественно, не моим. Свидетелей я оставлять не собирался, а людишек помещика было не жалко. Я помнил, как они стояли толпой и с улыбками наблюдали за моей экзекуцией. Звучал смех и сверкали улыбки. Ничего, я вам зубы-то повыбиваю, перестанете улыбаться.

Вернувшись на свою лёжку в малинник, где был сделан небольшой шалаш и на земле лежал наломанный лапник, я сел рядом и, изредка бросая в рот крупную, спелую, недавно собранную малину – она уже начала перерастать, – стал размышлять о своей судьбе.

Честно скажу, я до жути был рад, что сменил опостылевшее Средневековье на более современное время.

Да, Империя Чёрного Властелина, как называла моё Княжество просвещённая Европа, вышла на уровень железа и пара. У нас, вон, уже железная дорога действовала... Ну, небольшая, двести километров длиной между Князьградом и другим крупным промышленным и торговым городом. Действовали пассажирские и транспортные перевозки. На линии работало четыре паровоза и шестьдесят два вагона общим числом. Из них восемь платформ, двенадцать пассажирских вагонов, пять цистерн, остальные товарные. Конечно, это капля в море, но главное начать, отработать процесс. Через двадцать лет Алекс, если не передаст Княжество наследнику, должен начать постройку железной дороги через весь континент к Тихому океану. Это, конечно, проект на десятилетия, но после постройки дорога облегчит сообщение с теми областями. С индейцами уже были договорённости о постройке дороги по их землям, наши дипломаты постарались.

Но это так, мелочёвка, одно из достижений Княжества и министерства железных дорог. У нас было много свершений, медицина вышла на вполне приличный уровень, не на тот, к которому я привык, но очень неплохо, проводились операции по удалению аппендицита и другие. Я в них не лез, так как лечил свою семью собственноручно в прямом смысле этого слова,

так что у меня в семье никто не болел. Раз в неделю в храме я участвовал в обрядах очищения. То есть бесплатно лечил калечных и больных. В первое время были толпы народа, но после излечения большей части они превратились в тонкий ручеёк. Об этих обрядах очищения, которые проводились только в главном храме, знали все граждане Княжества и индейских территорий, так что этот поток не ослабевал. Я лечил всех, были они прихожанами храмов или нет.

Княжество стремительно поднималось за счёт вливания в бюджет и казну награбленных сокровищ и дани. Всё описывать мне лень, но уровень жизни и техническую оснащённость предприятий можно было сравнить с тысяча девятисотым годом. Мы брали под свою руку острова и архипелаги. Даже начали вести торговлю с Японией. Ох и дремучая в своих устоях страна! Но рис они нам поставляли исправно, получая за это сталь и наше зерно.

Сделано было много, всего и не опишешь, два года назад я передал Княжество в руки своего наследника Александра. До этого он был моим постоянным замом, впитывая знания как губка. Могу сказать, что он стал очень хорошим правителем. Я был при нём кем-то вроде советника, тем, к кому он мог обратиться за советом. Ему не понравилось, что я решил сходить с разведывательной партией в Индию и установить там пару факторий для торговли с аборигенами.

Наш разговор тогда был грубо прерван – как это ни неприятно осознавать, но меня отравил собственный сын. Один из. Скорее всего, целью был Алекс, а я просто случайно попал, но мне от этого не легче. Вырастил-таки волчат. Моя кровь.

Предположу, что это был Николай. Как мне докладывала охранка, именно он затевал какую-то бучу. Но это может быть и ширмой, тот же Виктор был хитрой сволочью, отравление как раз в его стиле, в отличие от прямолинейного Николая. Думаю, Алекс разберётся. Не зря же он после окончания вуза, выпускавшего чиновников, отслужил в охране три года, пока не перешёл в мои замы. Разберётся, он опытный сыскарь. Да и парни из охраны тоже не зря хлеб едят и зарплату получают. Покушение не вышло, теперь остались только поиск виновных и суд. Покушение на правителя – это без сомнений смертная казнь. У нас в законе нет такого пункта, что членов семей князя это не касается. Будут болтаться в петле виновные, это без сомнения.

– М-да, реки крови прольются, если это смена власти, – вздохнул я.

Доев малину, я забрался в шалаш и уснул на мягком свежем лапнике. На то, что он колется, я уже не обращал внимания, привык, как привык

спать только на животе. Завтра идти на дело, нужно отдохнуть.

Рано утром, как рассвело, я вылез из шалаша и, сделав лёгкую разминку-зарядку, снова оцарапался о торчащую ветвь малины.

– Блин, – потёр я царапины на животе. – Каждое утро... Ладно, и в этот раз живи.

Вернувшись к шалашу, я сел у входа и, взяв лежавшие рядом лопухи и развернув их, сразу же приступил к завтраку. Вчера я крупного леща поймал и пожарил его на углях, специально на сегодня, чтобы не терять время на завтрак. Рыба была сочной, жир тёк по пальцам, вот только соли немного не хватало, но я как-то за последнее время привык к пресной пище.

Вытерев руки о лопухи, я покинул лагерь и, выйдя из малинника, побежал к реке. Тут всего метров двести. Убедившись, что на реке никого нет, я нырнул в прохладную воду и, проплыв под водой половину реки, насколько хватило воздуха, дальше уже пошёл брассом. На другом берегу, не вытираясь, всё равно нечем, сразу же рванул в сторону поместья.

Пробежав не останавливаясь четыре километра, я понял, что поспешил с определением своего состояния. Не восстановился ещё до нормальной физической формы. Я не говорю, что до хорошей, но мне требовалась хотя бы нормальная. Ничего, для короткой сшибки я ещё сгожусь, а дальше видно будет.

Неспешным шагом, восстанавливая дыхание, вышел к опушке, присел у пенька и стал рассматривать поместье. Там царил суеда, слишком большая суеда для обычного дня, на мой взгляд. Видимо, хозяин ждал в гости кого-то важного.

– Интересно, – пробормотал я и, уйдя немного в сторону, стал искать дорогу к поместью. Если кто и поедет к нему, то только там.

Дорога нашлась, она уходила вглубь леса. Было ещё две, но они были малоезженные и, скорее всего, вели к деревням помещика, а вот та, что убегала вглубь леса, была ухоженной – деревья на обочине подрублены, кустарник вычищен.

– И не спрячешься, – пробормотал я и, посмотрев на вершину ближайшего дерева, подпрыгнул, ухватился за нижнюю ветку и стал взбираться.

То, что я был совершенно голый, меня несколько не смущало. Ещё когда восстанавливался, нарвал высушенной травы и пытался сделать передник, но потом плюнул на это дело. Я своего срама не стыжусь, тем более всё равно синяки почти сошли, да и, честно говоря, собирался

воспользоваться гардеробом помещика. У нас была, конечно, разная коллекция, но я надеялся найти его юношеские вещи.

Гости появились через два часа. Это была подрессоренная лакированная коляска, на которой кроме кучера восседал тучный мужчина с бритым подбородком и роскошными гусарскими усами, а также миловидная девушка в красивом бежевом платье, что ей так шло. Сопровождали коляску двое лесничих местного помещика, который как раз выходил на крыльцо дома, встречая гостей. Всадниками были мой знакомый Авдей и второй, которого я тоже уже видел. Это он привязывал меня к столбам перед экзекуцией.

– А время и не такое дремучее, как я думал, – задумчиво пробормотал я. – Готов поклясться, что видел на коленях у усача патронный револьвер. Это значит, от тысяча восемьсот пятидесятого, скорее даже шестидесятого, до тысяча девятисотого года. Где-то так.

Быстро спустившись, я воспользовался ситуацией, пока дворня и хозяин встречают гостей, и броском добрался до забора, окружающего поместье. Собак я не боялся, так как снова вымазался соком одного хитрого растения.

Гости после встречи прошли следом за хозяином в дом, причём тот вёл девушку под ручку, что-то шепча ей на ушко, а дворня разбежалась по своим делам. У скотного сарая рубили головы курам, поросёнок уже был прирезан, таз с нарубленным мясом как раз понесли на кухню.

– Да тут смотрины никак. Похоже, помещик жениться надумал, – хмыкнул я и, обежав вокруг поместья и убедившись, что рядом никого нет, одним броском перемахнул через забор и укрылся за скотным сараем. Никто не заметил моего появления, только ошалелая курица, на которую я чуть не наступил, испуганно квохча, побежала к петуху, да удивлённо обернулась на шум баба, что разделывала курицу. Оpozнав плевательницу, что поила меня избитого, я зло усмехнулся.

Народу во дворе хватало, поэтому я пока укрывался за сараем, поглядывая на двор, чтобы найти возможность действовать. Такая возможность появилась, когда паренёк с тазиком, носивший нарубленное свиное мясо на кухню, возвращался за следующей порцией. Одна из лошадей, что выпрягли из повозки гостей, взбесилась, встав на задние копыта и размахивая передними. Это привлекло всеобщее внимание, поэтому моего броска никто не увидел, как и того, что после удара в висок оседают баба, щипавшая кур, и паренёк с тазиком.

Схватив в охапку бабу, я утащил сперва её, а потом и паренька за сарай, не забыв выдернуть из пенька разделочный топорик. Дальнейшее у меня

заняло секунд пятнадцать, после чего, вернув тазик с новым мясом на разделочный пенёк, я перемахнул через забор и снова стал обегать поместье, чтобы с другой стороны можно было попасть в дом.

Шум с лошадьё стих, развлечение закончилось, и дворня продолжила свою деятельность. Мне пришлось просидеть у забора целую минуту, пока не раздался оглушающий женский визг – кто-то обнаружил отрубленные головы бабы и паренька в тазике.

Уверен, что сейчас все смотрят в ту сторону, поэтому я без колебаний перелетел через забор и рванул к чёрному входу в дом – тут всего метров двадцать – и неожиданно в дверях столкнулся с выходящим Авдеем. Тот выпучил глаза, но убивать мне его было ещё рано, поэтому удар в солнечное сплетение заставил его согнуться, а второй, по подставленному затылку, вырубил. Быстро сняв с него ремень, на котором висели охотничий нож в ножнах, а также сумки под боеприпасы и личные вещи, я повесил его на плечо и проверил карманы. Попалась мелочь, которую я, предварительно осмотрев – самая новая монета была датирована 1867 годом, – убрал в один из чехольчиков. Ружья не было.

Пропустив слева кухню – повара столпились у окон, разглядывая двор, – я прошёл большую залу и лестницу, что вела на второй этаж, в поисках гостей и хозяина. Гости оказались в обеденной зале, они тоже стояли у окон, а вот хозяина не было, видимо, отправился узнавать, что за переполох во дворе.

Я разглядывал гостей через щёлку в двери. Заметив, что на комодe в трёх метрах от двери лежит тот самый револьвер, что я разглядел в руках усача, приоткрыл дверь, та даже не скрипнула, стремительно подскочил к комоду и забрал «кольт», как я успел убедиться, обнаружив отпечаток, после чего так же незаметно вышел обратно в холл, прикрыв дверь. Там я столкнулся со слугой, что нёс поднос с тарелками. Тот выпучил глаза, увидев меня, но, получив ножом по горлу, выронил поднос, который загрохотал по деревянному полу, упал и захрипел, захлёбываясь кровью. А я бегом, вцепившись зубами в жареную курицу, которую успел подхватить с падающего подноса, рванул к чёрному входу. Что нужно, я сделал, должен помещик разозлиться. Именно это мне и требовалось.

Перемахнув через забор, я припустил к лесу, на ходу с удовольствием лакомясь курицей. А она была хороша-а – прожаренная, с корочкой, с чесночком под майонезом. Вкуснятина.

Пробежав до реки, я доел курицу, по пути разбрасывая кости, и, вытерев пальцы о траву, обновил маскировку. То есть снова искупался и измазался соком нужной травки, опять превратившись в зелёного

человечка.

После этого я вернулся к поместью, только со стороны дороги, снова взметнулся на дерево и затих там, разглядывая подворье и с улыбкой следя за паникой и суетой. Вот над забором появились в разных местах мужики с ружьями в руках, внимательно разглядывая подходы к поместью. А внутри был слышен многоголосый плач. Ещё бы, трое из дворни дождались моей вендетты. Причём они теперь знают, кто вышел на тропу войны. Ничего, там ещё человек под двадцать, поработаю и с ними.

Чтобы разобраться в происшедшем, помещику понадобилось почти полчаса. Видимо, Авдей пришёл в себя и пояснил, кто тут побезобразничал. Было далековато, но я разглядел удивлённую холёную рожу молодого барина.

Через десять минут с подворья выехала целая процессия – шестеро конников, среди них были помещик, усатый гость и Авдей со своими лесничими, остальные мужики были пешими, трое держали на поводке собак. Пошли они по моим следам к реке.

– Ну-ну, – хмыкнул я и стал спускаться.

Пока было время, я осмотрел свои трофеи. Тяжёлый «кольт» был шестизарядным, охрентельного калибра, как бы не сорок пятого. Нож был отличный, клинок из оружейной стали, в чехольчиках была всякая дребедень, включая пули, порох, мелочь и даже кресало с трупом. Хорошие трофеи. Поэтому я сразу перепоясался на голое тело и сунул револьвер за пояс.

Как только охотники скрылись среди деревьев, я снова метнулся к поместью. Ага, они думают, будут меня загонять, но мне нужно было выманить их из поместья и заняться дворней, а также разграблением дома. Потом уж, нормально вооружившись и одевшись, можно заняться и охотничьей партией. Уверен, они сейчас у реки, осматривают берега.

Около пятнадцати человек находилось во дворе, там выли женщины и царила суета, покойники, все трое, были сложены рядком. Снова нырнув через чёрный вход в дом, я прошёл мимо кухни, повара снова меня не заметили, и, открывая двери на первом этаже, нашёл то, что надо. Кабинет помещика.

– О да! – усмехнулся я, разглядывая висевшие на стене сабли и даже один меч. Снимая по очереди оружие, я осматривал клинки, пока не нашёл две отличные парные из дамасской стали сабли. В этом я был эксперт. Страхнув с них ножны, я зло усмехнулся и вышел в холл, громко крикнув:

– Ну что, ублюдки, я иду! Бойтесь меня, бойтесь!

Через пятнадцать минут живых в поместье не осталось, никто не успел убежать и вызвать охотников.

Отмываясь у колодца от крови, выливая на себя уже второе ведро с ледяной водой, я даже вздрогнул, вспомнив о гостье:

– Как же я о ней мог забыть?

Оббежав весь дом, я нашёл девушку, спрятавшуюся в комнате прислуги, закрывшись бельём. Схватив её за плечи и подняв, я поглядел в её полубезумные глаза, брезгливо скривился и пробормотал:

– Шарики за ролики съехали, даже трахнуть такую неохота, – и, покосившись на свой пах, добавил: – Да и не могу пока... Да не бойся ты, как раз тебя я убивать не собираюсь. Ты же не участвовала и не присутствовала при экзекуции. Значит, смысла трогать тебя у меня нет. Свидетелей я не боюсь. Конечно, гордиться тут нечем, но и плохого я ничего не сделал, месть – она всё стерпит.

Нажав на пару точек на шее девушки, я отправил её в глубокий сон, она мне действительно ничего не сделала. В принципе, можно было её не искать, но не хотелось получить вдруг вилами в бок, вдруг девушка имела характер «мужика с яйцами»? Как теперь выяснилось, не имела, но хоть обезопасился окончательно.

После этого, оставив бессознательную девицу валяться на грязном белье, я почти сорок минут трофеился в спальнях и кабинете помещика, пока тот с недобрыми намерениями искал меня у реки. Изредка я поглядывал в окна. Вдруг кто вернётся или все скопом двинут обратно. Мало ли, надоест им охотиться на меня. Но пока было тихо. Потрогав космы на голове, я в ванной помещика набрал шампуней и мыла, после чего пошёл в баньку. Та оказалась натоплена к приезду гостей.

Сначала с помощью зеркальца я обкорнал свои космы, сделал приличную на вид короткую причёску. Сам я себя давненько не постригал, но навык не растерял, вроде ровно получилось. После баньки я немного остыл, надел свежее бельё, шёлковое, и дорожный костюм цвета хаки, что был найден мной в шкафу спальни хозяина. Сапоги тоже подошли как влитые. Поправив широкополую шляпу на голове, я в предбаннике посмотрелся в зеркальце, с помощью которого постригался, его я тоже тиснул из спальни помещика, и удовлетворённо кивнув, поправил кобуру на боку. Местный хозяин тоже не был чужд современному оружию. У него нашёлся русский «Смит-Вессон» сорок четвёртого калибра и достаточный запас патронов. Так что этот револьвер в данный момент находился в закрытой кобуре у меня на поясе. «Кольт» был заткнут за пояс. Нож на ремне и чехлы тоже пришлись к месту.

Подхватив большую и тяжёлую дорожную сумку, к которой был приторочен однозарядный охотничий карабин, какая-то переделка берданки, патронов к нему было всего два десятка, я побежал к лесу, навсегда покидая это подворье. Что нужно, я взял для адаптации к этому времени и жизни тут, остальное будет потом.

Кстати, когда я взломал в кабинете ящики стола и нашёл ко всему прочему достаточное количество наличных средств, что сейчас благополучно устроились у меня за спиной в сумке, то обнаружил ещё стопку газет, не забыв прихватить часть для подтирки. Последняя была свежей. Сейчас шёл 1871 год, и, видимо, был июнь. Находился я в Сибири, где-то под Екатеринбургом, но точно узнаю от местного хозяина, когда проведу с ним личную беседу.

Я, конечно, и так знал, этот Творец долбаный сказал, но газеты подтвердили. Никаких изменений истории. Я оказался в мире, точной копии моего родного, только с разницей на пару веков. Америка присутствовала, остальные страны тоже. Гражданская война в Штатах была. Да и президента я этого помнил. Вот такие дела.

Охотников я обнаружил на этом берегу, подсчёт показал, что они разделились, небольшой группы и Авдея не было.

– Как бы они к поместью не смотались, – пробормотал я.

Отойдя подальше, я спрятал сумку с вещами под кустарником и, взяв нож наизготовку, направился на поиски второй группы. Она оказалась на противоположном берегу. Пришлось раздеться донага, отнести одежду к остальным вещам и, вернувшись к берегу, показаться на глаза Авдею. Сразу же поднялся гвалт, восторженные охотнички на моём берегу во главе с помещиком радостно включились в погоню. Авдей со своими тоже начал переправляться на эту сторону. Причём не вплавь – как оказалось, у них была лодка.

Бежал я легко, лёгкие работали спокойно, давая мне возможность уйти от погони. Сделав полукруг, я вышел преследователям в тыл. Те перекликались, потеряв меня, собаки никак не брали след.

В это время переправившийся Авдей со своими людьми тоже побежал следом за хозяином. Этой группой-то я решил заняться. Бежали они небольшой цепью, не всегда видя друг друга, поэтому не сразу засекли пропажу двух загонщиков с правого фланга.

– А где Иван и Гнат? – спросил обернувшийся Авдей. До других охотников они не добрались всего метров двести.

– Иван, Гнат? – закричали оставшиеся двое охотников, но тут же упали с ножом и кинжалом в горле, которые я снял с поясов прирезанных.

Авдей, испуганно отшатнувшись, побежал к основному отряду. Держа «кольт» в руках, я тихо подкрался к двум убитым, выдернул из их тел клинки и скользнул следом.

В этот раз преследователи не вели себя так нагло, до них начало доходить, что охотники как раз не они. Помещик, Авдей и усатый гость стояли в окружении оставшихся семи мужиков, которые выставили оружие в сторону леса, испуганно шарили глазами, ища меня, и общались на повышенных тонах.

Усатый, бывший гвардейский офицер, хотел вести охоту до победного конца, а хозяин предлагал вернуться в поместье и кликнуть соседей, чтобы устроить всеобщую охоту. Мне это не понравилось, поэтому дождавшись, когда двое мужиков с моей стороны слегка отведут взгляды, продолжая шарить по деревьям, кустарникам и траве в поисках меня, на мгновение высунулся и с двух рук метнул нож и кинжал. Тут было метров двадцать, далековато, конечно, но попал точно в яблочки. Адамовы.

Под испуганно-изумлёнными взглядами друзей и хозяина убитые осели на траву.

– Демоны, демоны вокруг! – бросив ружьё, закричал один из мужиков и бросился бежать.

Ловить мне его не хотелось, поэтому я, высунувшись, метнул свой охотничий нож, бывший авдеевский. Тот вошёл мужику точно в висок, и он свалился в траву.

– И мёртвые стоят... и тишина-а-а! – громко сказал я и демонически захохотал.

– Вон он! – закричал усач, почти сразу загрохотали выстрелы, от дерева, за которым я укрывался, начали отлетать щепки, и оно затряслось от попадания мощных пуль.

Мысленно подсчитав произведённые выстрелы, я спокойно вышел с «кольтом» в опущенной руке и направился к охотникам, которые судорожно перезаряжались. На ходу вскинув револьвер, я от бедра четырежды выстрелил, и последние мужики упали с пробитыми головами.

– Не советую, господа, – холодно произнёс я, держа трёх мужчин на прицеле «кольта». – Забавная ситуация: вас трое, оружие разряжено, а у меня в барабане всего два патрона. Кто рискнёт своей жизнью, чтобы спасти остальных?

– Подонок! – вышел вперёд усач.

– Я несколько не сомневался, что это будете вы, – сказал я и спустил курок. Дёрнув головой, усач упал на траву с дыркой во лбу.

– Всего один патрон, – усмехнулся я и, играясь, поднял ствол

револьвера в небо и спустил курок. – Но это оружие мне не нужно, я вас, тварей, голыми руками порву.

Отбросив разряженное оружие в сторону, я направился к двум оставшимся подонкам. Вендетта приближалась к своему логичному завершению.

– Барин, я справлюсь, – уверенно сказал Авдей. Он достал из-за пояса устрашающего вида кинжал, вышел вперёд и тут же заорал от боли в сломанной руке и, перекувыркнувшись в воздухе, остался лежать на земле, хрипя от боли, а я уверенно направился к помещику. Тот был бледен и испуган, но бежать не пытался, только достал свой нож, выставив его вперёд.

Кое-какие фехтовальные навыки у него были, но они ему не помогли. Удар босой ногой между ног фактически свёл бой на нет. Вырвав из его руки нож и отбросив его в сторону, я схватил местного хозяина за волосы и, задрвав голову и посмотрев в побелевшие от боли глаза, сказал:

– Пора платить по счетам, тварь.

Вырубив его ударом кулака, проделал ту же процедуру с Авдеем, после чего, сняв с пояса одного из убитых мужиков моток верёвки, за десять минут привязал обоих пленных к деревьям. Натянутые верёвки не давали им сесть, только стоять, вот они и стояли в десяти метрах друг напротив друга. Когда они очнутся, то смогут смотреть друг на друга, но пока они были без сознания.

Воспользовавшись этим, я сбегал к реке, проверил, как там лодка, окунулся и побежал в поместье. Лошадей охотников на месте не было. Значит, кто-то выжил и ведёт их сейчас на подворье. Так и оказалось: паренёк лет двенадцати ехал в седле хозяйского коня, двигаясь с остальными лошадьми к воротам. Судя по его спокойному виду, о случившемся как в лесу, так и в поместье он ещё не знал.

Вскинув трофейное ружьё, я опустил его. Далековато для выстрела. Поэтому пришлось бежать со всей возможной скоростью вслед за всадником, который как раз заводил лошадей на подворье.

Почти сразу послышался испуганный крик, который быстро прервался. Я пронёсся мимо небольшого стада коров, голов так в дюжину, и вбежал на подворье и почти сразу остановился, усмехнувшись – нашел глазами мальчишку. Он, похоже, увидев обрубки тел, раскиданные по всему подворью, от ужаса потерял сознание. Подойдя, приставил к его уху ствол ружья. Этот щенок присутствовал при пытке, именно он с двумя своими дружками, что сейчас лежали расчленённые во дворе, кидал в меня свиным калом. Поэтому я, нисколько не стесняясь и не сомневаясь, спустил курок.

Жёстко? Может быть, но жизнь такая. Никто не просил их притаскивать меня сюда и изводить кнутом, радуясь экзекуции. Говно свиное, между прочим, было свежим, и дважды они попадали мне в лицо, вызывая радостный смех у остальной дворни.

Мысленно пробежался, подсчитывая, точно ли я уничтожил всех. Похоже, да.

Кстати, о кнутах. Найдя его в конюшне, я побежал обратно в лес. Там снова проделал ту же процедуру, помылся в реке, отнёс личные вещи в лодку и, одевшись в дорожную одежду, бельё, сапоги, брюки и нижнюю рубашку, оставил куртку в лодке, после чего направился к пленным.

Те к этому времени пришли в сознание и, судя по ссадинам на руках, пытались вырваться. Хрен им, уж я-то вязать умею.

– Не скучали? – весело спросил я, выходя на открытое место.

Те встретили меня ненавидящими взглядами, Авдей так и сверлил взглядом, а вот помещик не сводил взгляда с кнута, что я держал в руках. Тут местный хозяин перевёл взгляд на мою одежду и, нахмурившись, спросил:

– Это не моя одежда?

– Да. Кстати, у вас неплохой гардероб, неуважаемый мной Сергей Игоревич.

– Я вижу, что вы дворянин, поведение и говор это выдают...

– О, только сейчас заметили, что я дворянин?! А когда меня били кнутом, ни за что, между прочим, это как, по-вашему? Где были ваши глаза?

– Произошла трагическая ошибка, – залепетал тот.

– Что было, то прошло, – рассеянно усмехнулся я. – Время не воротишь назад. Характеру моей семьи свойственна крайняя мстительность, я тоже подвержен этому. Поэтому прощать я вас не собираюсь. Я лично совершаю вендетту. Пытали меня в поместье, поэтому я поклялся уничтожить всех, кто там присутствовал. К этому моменту остались в живых только вы.

– Нет! – ещё больше побледнел помещик. – Всех?!

– Да, и девушку тоже, если вы об этом... – солгал я. – Но хватит, пора завершить это дело.

Подойдя к Авдею, я одним движением расправил кнут, выдавая неплохое умение владеть им. Наклонившись к уху лесничего, я сказал:

– Ты был прав тогда на реке, я действительно владею кнутом, только боевым, меня учили лучше воины империи. Чёрной Империи.

– Мне бы перед смертью хотелось узнать – кто вы? – спросил за спиной помещик.

Обернувшись, я усмехнулся:

– Великий князь Княжества Российского Артур Александров, – аристократично щелкнул я каблуками сапог, слегка склонив голову. После этого прошёл за спину Авдею.

Взмахнув кнутом, нанёс первый удар. После второго рубаха на спине Авдея лопнула, и он заорал от боли. Деревяшку вставлять ему в рот я даже не подумал.

Помещик все шесть минут смотрел, как умирал Авдей. К моему удивлению, тот прожил до того момента, когда очередной удар в брызгах крови достал до позвонков, обнажив их. Только потом он двинул кони.

– Помер, – проверив пульс, сказал я.

Взмахнув кнутом, я направился к помещику.

– Нет, только не так, не хочу так! – зарыдал он.

– Авдей умер как мужчина, будь и ты мужиком, – встал я перед ним. – От меня вы просьбы о пощаде слышали? Вот и сам не скули. Заметь, на мне нет ни капли крови, хотя от Авдея она разлетелась во все стороны. Я профессионал, опыт работы с боевым кнутом у меня огромный. Если бы я хотел, убил бы вас одним ударом. Но мне этого не нужно. Я хочу, чтобы вы прошли через всё то, что и я. Только до конца... Кстати, я тут немного потерялся, не объяснишь мне, где я нахожусь?..

Оттолкнув лодку от берега, я запрыгнул в неё, не замочив сапог, и, сев на скамейку, взялся за вёсла. Как сообщил местный хозяин, нужно спуститься по реке на двадцать вёрст, повернуть в один из рукавов и сойти у рыбацкой деревушки, через которую проходил Сибирский тракт. Там сесть на попутный транспорт, например почтовую карету, и через шестьдесят вёрст будет Екатеринбург. Про железную дорогу тут и не слышали, путешествуют в основном по судоходным рекам и в каретах. С годом я не ошибся – 1871-й, только не июнь, а июль. В общем, я оказался на землях Сибири в Российской империи.

Как только лодка неторопливо поплыла вниз по течению, я развалился на корме и, достав из сумки свёрток с бутербродами, откусил кусок, прочавкал:

– А жизнь-то налаживается!

Настроение у меня было просто замечательное. Вендетта закончена, у меня снова целая жизнь впереди.

Вниз по реке я плыл чуть больше суток, пока действительно не обнаружил характерный рукав бокового притока и не свернул в него. Этот

речной рукав практически зарос камышом, на берегах рос густой лес. Да и шириной речка была всего метров двадцать, но плыл я спокойно, монотонно работая вёслами. Пару раз мне попадались встречные лодки, а один раз так вообще небольшая беспалубная ладья с мешками на дне.

Трижды попадались рыбаки, один раз это был мальчонка, что сидел с удочками на берегу, дважды крепкие мужики с сетями.

Когда впереди появилась деревушка хат так на десять, я отработал вёслами назад. Прежде чем сблизиться с населённым пунктом, нужно было осмотреться, однако всё было в порядке: глухо забрехала собака, было слышно мычание коровы и крик петуха. Сонная какая-то деревушка. На возвышенности я рассмотрел двухэтажное строение, похожее на харчевню.

Продолжив движение, я обнаружил, что речной рукав тут расширяется, создавая небольшое озеро. У берега было шесть мостков и довольно крепкая пристань. К некоторым мосткам были привязаны лодки, да и на берегу они были, подтверждая, что деревушка большей частью кормится за счёт рыбаков, а также на одном из мостков две женщины полоскали бельё.

Лодка у меня была обычная, без ярких примет, поэтому я решил её продать. Деньги лишними не бывают.

Подойдя к одному из мостков, на котором сидел и полоскал ноги в речной воде мальчишка лет двенадцати, при этом яростно ковыряясь в носу, я спросил у него:

– Кто лодку сможет купить?

– Дядька Богдан, – ответил тот и запрокинул голову, из носа у него пошла кровь.

– Крикни его... Попутный транспорт до Екатеринбурга тут ходит?

– Вчера почтовая телега была, завтра в обед другая будет.

– Давай, дядьку своего зови.

Мальчишка убежал, правда дважды останавливаясь и запрокидывая голову, чтобы остановить кровь. Через пять минут он вернулся в сопровождении парня лет двадцати, это и оказался «дядька Богдан».

Осмотрев сперва меня, особенно кобуру на боку и ружье, лежавшее на сумке, которую я вынес на берег, и мельком глянув на лодку, вынес вердикт:

– Емелина работа. Он эти лодки делает. Новая... три пятака.

Задумчиво посмотрев на лодку – цена, конечно, была немного занижена, – кивнул, соглашаясь. Тот отсчитал мне три монеты, после чего велел мальцу перегнать лодку к его мосткам. Богдан тоже подтвердил, что почтовая карета, которая в основном и занимается перевозками

состоятельных пассажиров, будет только завтра, но также добавил, что некоторые дворяне путешествуют на своих транспортных средствах и могут взять попутчика.

Кивком поблагодарив его за информацию, я повесил ружье за спину и, взяв сумку в руки, направился к дороге. Там стояла харчевня, довольно приличная на вид, вот в неё я и зашёл. Кроме хозяина за стойкой, который тоже с интересом осмотрел меня, в помещении находилось всего двое посетителей. Крестьяне из местных, что наливались пивом.

– Что изволите, барин? – спросил хозяин.

– Барин на ваших землях сидит, а я князь, к вашему сведению. Мне нужен комплексный ужин, пирогов с собой и узнать, будет ли ближайший транспорт на Екатеринбург.

– Сейчас всё сделаем, ваше сиятельство, – слегка поклонился тот и стал помогать мне усаживаться за отдельный, накрытый скатертью столик.

Отдав на кухне необходимые распоряжения, он также подтвердил, что почтовая карета будет только завтра, и посетовал, что я поздно пришёл, буквально два часа назад проезжал помещик, и в его повозке было свободное место. Также он сказал, что по тракту ездят наёмные кареты. Там тоже могут оказаться места.

Понятие «комплексный ужин» хозяин понял по-своему, то есть он решил, что я велел нести всё, что есть.

Когда я заканчивал ужинать – время было вечернее, – снаружи слышались стук копыт, скрип повозки и ржание лошадей. Стихло всё рядом с харчевней, поэтому я решил подождать, что будет дальше, занимаясь жареной курочкой. Курочка была хороша, но та, которую я пробовал у убиенного мною помещика, вкуснее.

Снаружи звучали громкие голоса с повелительными нотками, хозяин выскочил встречать гостей, а я, взяв со стола кубок с квасом, пригубил, с интересом посмотрев, как в помещение харчевни вваливаются двое офицеров, за ними проследовала степенная пожилая пара. Все четверо несомненно были дворянами, но не думаю, что высокого ранга.

– Господа, – встал я и слегка склонил голову. – Почту за честь, если вы присоединитесь ко мне. К сожалению, я не смогу осилить то, что мне принесли, тут и на десять человек хватит.

Офицеры были людьми военными, поэтому, довольно пригладив усы, согласно кивнули.

– Поручик Яруш, военный инженер, – кивнул один, щёлкнув сапогами.

На улице уже почти стемнело, свет в харчевне давали свечи, горевшие на стенах, поэтому был некоторый полумрак, но дворян я хорошо

рассмотрел.

– Ротмистр Сумский, уланский полк, – представился второй.

Пожилая пара была помещиками, Сергей Владимирович Уральский и Евгения Андреевна Уральская. Направлялись они в Екатеринбург навестить сына, который служил там у губернатора.

– Князь Александров, – представился я в ответ.

Никто от моего приглашения не отказался, все успели проголодаться в пути и ждать, пока принесут заказ, не захотели, только попросили принести горячего. Сам я уже поел, поэтому пил квас, заедая его куском пирога с начинкой из сочной капусты.

После плотного обеда, промокнув губы платком, ротмистр, пребывавший до этого в задумчивости, спросил:

– Простите, Артур, а какой княжеской вы ветви? Честно говоря, я в училище изучал все княжеские ветви, когда писал реферат на эту тему, но об Александровых не слышал.

– Так я и не являюсь подданным Российской империи. Наши земли располагаются на территориях Северной и Южной Америки. В данный момент я путешествую по родине предков. Мой прапрапрадед покинул эти земли ещё в тысяча шестисотом году. После последнего бунта. Женился на княгине, тоже из рода бунтовщиков, и совместил рода. Вот после этого брака и получился существующий на данный момент род Александровых. Я не говорю, что мы известны, но такой род действительно существует.

– Вполне может быть, – согласно кивнул ротмистр. – Нравится вам на наших землях?

– Да, красивая у вас природа. Мне нравится тут путешествовать и охотиться, – и чуть улыбнувшись, добавил: – Да и люди тут добрые и отзывчивые. Мухи не обидают.

– Вы закончили путешествовать, или ещё будете продолжать? – спросил Сергей Владимирович.

– О, нет, мне вполне хватило того гостеприимства, что я получил у вас. Пора возвращаться на родину. Но вот хочу напоследок посетить Москву и Санкт-Петербург.

– Вы в них ещё не были? – удивился ротмистр.

– Прежде чем посетить Россию, я путешествовал по Индии, был в Японии и Китае.

– И всё один! Не боязно путешествовать в столь юном возрасте? – спросила Евгения Андреевна.

– Мне – нет. К тому же мне почти пятнадцать, а не десять лет.

– Но всё же...

– Не волнуйтесь, Евгения Андреевна, я уже привык, и мне доставляет всё это немалое удовольствие.

Когда совсем стемнело, мы разошлись по комнатам, которые были на втором этаже харчевни. Мне хозяин, получивший щедрые чаевые за ужин, выделил единственный люкс в харчевне. Выспался я просто замечательно, дрых до самого обеда. Вчерашние мои собеседники уже укатили, в их наёмной карете не было места для меня, а я ждал почтовую карету.

Обедая в зале, я размышлял о своём будущем. С князем я поспешил, это не прошлый мир, тут такое не прокатит, поэтому придётся спуститься с небес (ха, средний палец в небо!) и в следующий раз представляться мелким дворянином. Вчерашняя проба подтвердила это решение. Маской простого гражданина прикрываться тоже не получится, властность и аристократичность после стольких лет правления государством из меня так и прут, но мелким дворянином ещё можно представляться. Я ещё не решил, останусь ли я на этих землях или отправляюсь в другое государство.

Когда я заканчивал обедать, то услышал снаружи шум подъехавшего дилижанса, хозяин харчевни подтвердил, что прибыла почтовая карета и там как раз есть одно свободное место.

Особо я не торопился и спокойно допивал свой морковный чай, пока пассажиры, кучер и охранник почтовой кареты потрапезничают. Хозяин харчевни сообщил обо мне, о том, что я хотел бы с ними добраться до Екатеринбурга. Но что странно, обратился не к кучеру, а к охраннику.

Тот о чём-то поспрашивал хозяина, косясь в мою сторону, я не показывал своего интереса и, сидя у большого панорамного окна, наблюдал за жизнью деревни и видом речки, однако отслеживал через отражение на стекле всё, что происходит в зале. Поэтому я сразу засёк, что после разговора с хозяином харчевни охранник встал из-за стола и направился ко мне.

– Ваше сиятельство? Добрый день, я Валерий Антонович Добронравов. Пётр Архипович, местный хозяин, сообщил мне о вашем желании продолжить путь на почтовой карете.

Повернув голову, я с интересом посмотрел на молодого мужчину в довольно потёртом костюме государственного служащего, но с кобурой пистолета неизвестной мне модели на боку.

– Да, – лениво кивнул я. – Есть такое желание.

– Мне требуется, прежде чем взять с вас плату, посмотреть на ваши дорожные документы и записать их в книгу учёта.

– Конечно, – потянулся я к нагрудному карману, но вспомнив, как

тщательно почтовый служащий опрашивал местного хозяина, сменил направление движения и достал из внутреннего кармана подорожную на имя великого князя Аргентинского. Сто процентов хозяин сказал, что я представлялся князем, другого и быть не могло.

Для меня это было немного неудобно, однако у меня было два подорожных документа. Основной и сделанный в шутку, со скуки. А что мне ещё было делать за всё время скучного плаванья, тем более если быстрые воды речки несли лодку довольно резво? Как образец я взял подорожную помещика, умершего от руки мщения. У него их было две – местная, для путешествий по Российской империи, Польше и Финляндии, а также заграничный паспорт. Судя по нему, помещик дважды бывал во Франции и один раз в Великобритании.

Что нужно для создания подделок? Честно скажу, не так много. Те же бумаги мелкопоместного дворянчика Пермской губернии, которые я подделал. Самой гербовой бумаги у меня не было, поэтому пришлось повозиться с обоими документами Сергея Игоревича. Нет, на подделку местных документов пошла настоящая подорожная: что не нужно, я затёр, что нужно – дописал, а заграничный паспорт написал на простом, хоть и дорогом листе.

После переделки с использованием спирта, лезвия бритвы, заострённой деревяшки и часто разбавляемых чернил, чтобы были разные цвета, с добавлением сока ягод, у меня на руках появились документы шестнадцатилетнего дворянина, направляющегося в Санкт-Петербург, чтобы поступить в один из местных вузов. Для подтверждения этого при мне было письмо от «отца», где было его согласие. Такое письмо я также нашёл в документах Сергея Игоревича, писанное рукой его отца. Так что и этот образец у меня был. Я только уезд сменил, чтобы не спалиться.

Эту подорожную я состряпал за два часа, чернила быстро высохли, и даже тщательную проверку она должна была выдержать. Именно она и являлась моим основным временным документом, чтобы спокойно двигаться по местным дорогам, а княжескую подорожную по образцу Сергея Игоревича я состряпал больше для смеху. Там герб на печати был мной перерисован с пятака и с местной подорожной. Доберусь до Москвы или Питера и избавлюсь от них, сделав местные.

Перед тем как показаться у рыбацкой деревушки, я выкинул за борт всё компрометирующее меня, то есть средства подделки, включая заграничный паспорт Сергея Игоревича, бывший мне образцом – как я уже говорил, свой я написал на чистом листе, взятом мной в столе кабинета в поместье.

Беспокоил только жирный княжеский след, но ничего, после Екатеринбурга великий князь исчезнет и появится мелкий дворянин Александр Демидов, шестнадцати годков от роду, а там дальше ещё раз можно сменить документы.

Да, между прочим, эта княжеская подорожная была написана мной на английском языке, сообщая, что я великий князь Аргентинский, что побывал в одиннадцати странах, о чём были метки таможенных служб этих стран – кстати, японские и китайские иероглифы я нарисовал от балды. Последняя, сообщавшая, что такой-то иностранный дворянин пересёк границу с Китаем и имеет право находиться на территории Российской империи как гость, в самом низу запись была на русском. Кстати, тот уезд, который граничил с Китаем и который я якобы пересёк, мной был взят с потолка, я вообще не знаю, существует такой край или нет.

К моему удивлению, испросивший разрешения присесть за стол Добронравов достал из наплечной сумки небольшую тетрадь и спокойно переписал данные из подорожной в неё. Он только немного удивился количеству стран, что я посетил, больше ничего его удивления не вызвало, он вернул мне мой заграничный паспорт.

– Через полчаса отправляемся, ваше сиятельство, – вернув мои документы и взяв плату за проезд, известил он и встал. – Я распоряджусь,

чтобы ваши вещи были доставлены из номера в карету.

– Хорошо, сударь, – благосклонно кивнул я, продолжая делать вид, что всё ещё люблю пейзажем за окном.

– Разрешите вопрос, ваше сиятельство.

– Я слушаю, – посмотрел я на мнущегося рядом сотрудника почты.

– Дело в том, что почтовая карета является предметом интереса некоторых дорожных разбойников...

– Я вас понял, в случае нужды моё оружие в вашем распоряжении. Мне уже приходилось отбивать нападения пиратов, дорожных бандитов и даже гальдиерос. Это городские банды в Бразилии.

Говоря, я внутренне ухахатывался, давно столько лапши на уши не вешал.

– О-о-о, – потянул парень и, ещё раз извинившись за доставленные неудобства, хотел было вернуться за стол к кучеру и продолжить обед, но я спросил у него:

– Ваша речь слишком правильная для простого сотрудника.

– Я студент, ваше сиятельство, сейчас у меня каникулы перед практикой. А почтовая служба довольно неплохо платит за эту работу. К тому же я уже трижды проезжал мимо земель моего батюшки и навещал семью.

– Наверное, ваша семья не очень рада вашим подработкам?

– Моя семья трагически погибла и похоронена на семейном кладбище. А земли и поместье проданы за долги земельным банком, ваше сиятельство.

– Понятно, можете идти, – спокойно сказал я и вернулся к наблюдению за пейзажем.

Через полчаса я вышел из харчевни, щедро заплатив за проведённую ночь и обед, поэтому хозяин суетился рядом, держа в руках корзину с пирогами и бутылкой козьего молока. Он поставил эту корзину на пол в карете и, раскланявшись, отошёл в сторону, наблюдая, как я подошёл к карете, куда как раз подходили другие пассажиры. При первой встрече, когда они проходили в зал, мы просто раскланялись, но сейчас, ввиду того, что ехать вместе нам довольно продолжительное время, требовалось познакомиться более тщательно. Это на себя взял Добронравов, быстро нас познакомив и пригласив проходить в салон кареты – наступило время отбытия.

Покачиваясь на неровной дороге Большого Сибирского тракта, я с интересом поглядывал на спутников. Их было пятеро. Молодой прапорщик, Андрей Евсеев, окончивший офицерское артиллерийское

училище в Питере, год отслуживший и в данный момент направляющийся на побывку домой, проведать семью. Направлялся он в Питер, он был из столицы.

Остальные дворянами не были, это была купеческая семья Ипатьевых. Глава семейства, Анатолий Григорьевич, статный мужчина в дорогом костюме, его жена, Ольга Марковна, властная матрона в теле, а также двое их детей: Олеся, довольно красивая девушка лет пятнадцати, и Егорка, не умеющий сидеть на месте мальчишка лет десяти. Его постоянно одёргивала мать.

Прапорщик, имевший кроме сабли на боку, которую он гордо поглаживал, ещё кобуру с пистолетом, а также гитару, интересовал меня куда больше, чем купеческая семья, хотя девушка, конечно, была хороша. Распускающийся бутон молодости и красоты.

По настоянию родителей, часто краснеющая девушка была посажена между мной и прапорщиком, напротив своей семьи. Аргументы были приведены убивающие своим смыслом. Молодежи будет интереснее общаться друг с другом, чем со стариками. Как будто их не было рядом.

Так вот насчёт прапорщика. Заинтересовала, конечно же, меня гитара, а никак не сам прапорщик, поэтому через пятнадцать минут я нарушил молчание, которое до этого только прерывали возгласы Егора и пытавшейся унять его мамыши, и попросил посмотреть гитару.

– Вы умеете музицировать, ваше сиятельство? – подавая гитару, на грифе которой был голубой бант, спросил военный.

– Есть такой грех, – согласился я.

Пару минут я настраивал гитару под себя, после чего, сделав перебор, затянул песню бременских музыкантов. Она вызвала восторг у всех пассажиров, даже Олеся наклонилась чуть вперёд и, развернувшись в мою сторону, что вызвало даже некоторую ревность со стороны прапорщика, впитывала каждое слово и звук струн.

«Очи чёрные» и «Увезу тебя я в тундру» прошли с ещё большим успехом. Под конец, когда дорога стала хуже, я спел про маркизу, на ходу переделав песню. Общалась маркиза, узнавшая о трагедии в доме, не через телефон, а на пляже, куда прибывали её слуги. Ольга Марковна, трясая своими телесами и вытирая слёзы, пыталась отсмеяться.

– Хорошие песни, никогда о них не слышал, – с восторгом признался прапорщик, принимая гитару, что я ему возвращал. – Ваши?

– Аргентинские, я их немного переделал, когда переводил.

После меня пел уже прапорщик, но заметно бледнее, хотя одна баллада, что растянулась на сорок минут, поразила даже меня. Нет, не смыслом, а

тем, что прапорщик смог запомнить её. Год учил, наверное, не меньше.

Также я травил анекдоты, они тоже с успехом шли у попутчиков. Когда ехали в карете, я рассказывал обычные, даже детям слушать можно, а когда мы у харчевни или таверны, где ночевали, выходили покурить с прапорщиком и Анатолием Григорьевичем, я уже рассказывал неприличные, вызывая громовые раскаты дружного мужского гогота.

Так и ехали, весь наш путь занял почти сутки, переночевали мы в одной гостинице в небольшом городке, пока не прибыли под вечер в Екатеринбург.

Отказавшись от приглашения Ипатьевых переночевать у них, мы с Андреем взяли багаж и направились к главной гостинице города, где в основном и останавливались дворяне.

Во время регистрации – слуга только-только взял наши вещи, – в фойе вошли трое мужчин в форме, как я понял – жандармов. Причём самое интересное, они направились к нам с самым решительным видом.

– Извините, господа. Кто из вас человек, выдающий себя за некоего князя Аргентинского? – вопрос, что задал ротмистр, обращался к нам с Андреем, но смотрели жандармы только на меня.

– Как я понимаю, вас интересует моя персона? – усмехнулся я, слегка склонив голову.

Один из жандармов – унтер, как я понял – сместился к моему правому боку и контролировал мою кобуру и нож, внимательно следя за всеми моими движениями.

– Ваши документы, – протянул руку ротмистр и, получив их, увлёкся изучением.

– Господа, в чём дело? – спросил удивлённый Андрей.

– Дело в том, прапорщик, – повернулся к нему ротмистр, – что этот самозванный князь пользуется грубо сделанными документами. Фальшивками, более того... Марзин!

Стоявший рядом унтер схватил меня, с любопытством наблюдавшего за всем этим представлением, за руку и задрал рукав.

– Каторжник, – с удовольствием констатировал ротмистр, глядя на след верёвок на моих запястьях.

– Повеселились? – поинтересовался я и тут же жёстко сказал, глядя в глаза ротмистра: – Не во всём ты прав, служба.

Переметнув через бедро унтера, я стопой ноги в грудь отправил в полёт второго жандарма и, увернувшись от захвата, который пытался произвести ротмистр, закрутив его вокруг своей оси, как это делает танцор со своей партнёршей, отправил его в полёт. Тот его не закончил, встретился с не

успевшим увернуться Андреем, и оба офицера свалились на пол.

Все присутствующие были шокированы. В фойе кроме портье и прислуги присутствовали некоторые дворяне-постояльцы – числом трое. Благо военных не было, а то наверняка бы попытались принять участие в потасовке.

– Стоять! – рявкнул я тем поставленным командным голосом, который наработывал многие годы. – Смирно!

Ротмистр, который уже распутался с Андреем, где у кого чья рука или нога, и вставал с пола, доставая саблю, замер, удивлённо вытаращившись на меня, как и другие жандармы, пришедшие в себя.

Неспешно отстегнув пояс, я положил его на стойку, после чего, расстегнув пуговицы на рукавах, снял куртку и бросил её к поясу.

– Кое в чём вы правы, но только в том, что у меня есть поддельные документы. Кстати, не поясните, как вы об этом узнали? То, что Добронравов сообщил, это понятно, но где я попался?

– Орфографические ошибки в записи, которая якобы сделана служащим таможи.

– Да, ваш язык я плохо знаю, – согласился я. – Но это ещё не всё, того уезда, что указан в документе, не существует. Я его вообще со смеху написал, заметите или нет. Смеюсь... не заметили.

Ротмистр с недоверием посмотрел на меня и, подняв с пола лист, стал изучать его, после чего нехотя кивнул, признавая свою ошибку.

– Однако должен добавить, что я действительно являюсь князем. Великим князем. Я этот титул вполне заслужил своими делами и ношу его по праву, и ваше мнение мне, честно говоря, глубоко безразлично, признаете вы его или нет. Я иностранец и не являюсь подданным российской короны. Волею судьбы я оказался в Пермской губернии, причём вышло так, что моя лодка перевернулась, я получил бортом по голове и потерял сознание. Очнулся я на песчаной косе, ко мне приближались неизвестные люди. Так представьте себе, вместо того чтобы помочь попавшему в беду дворянину, эти неизвестные, вместе с которыми был также хозяин тех земель, избили меня ногами, потерявшего все силы. Потом связали и повезли в поместье некоего Сергея Игоревича Луцкого. Там, не спрашивая и не давая возможности сказать, кем я являюсь, опознали как местного крестьянина, который входил в какую-то неизвестную мне банду, и приговорили к двадцати ударам плетью. Причём то, что я имею другой загар и мало похожу на крестьянина, было признано малосущественным. Я не мог сообщить, кем являюсь, так как у меня был кляп и я постоянно был связан, а когда у меня вытащили кляп и вставили

деревяшку перед экзекуцией, я не успел ничего сказать, – говоря, я расстегнул рубаху и, скинув ее, повернулся спиной к слушателям. Одна дама от вида моей спины охнула и рухнула в обморок, её спутник не успел поддержать свою даму. – Я был в сознании, когда меня били. Именно от этих верёвок у меня остались грубые шрамы на руках и на ногах, последние вы не видите. Что сделали с моей спиной, вы уже лицезрели. Я князь, я дворянин. Моя кровь бурлила от той ненависти, что я испытывал к местному помещику и его людям. Когда вытащили деревяшку, я не стал ничего говорить. Просто не имело смысла, так как я решил, что все, кто присутствовал при казни, умрут от моих рук. В жилах моих течёт кровь многих предков, которые прославились как жестокие воители, все они всегда раздавали долги. Для нас это священно. От наших рук даже умирали короли и цари, когда они были нашими врагами. Моя кровь тоже бурлила, требуя мщения. Я смог освободить одну руку, кровь из ран ослабила верёвку, позволяя мне это сделать...

Накинув рубаху и облокотившись о стойку, я спокойно рассказывал, как пережидал в лесу, пока заживут глубокие раны на моём теле, и как вернулся в поместье. Дама, которую подняли с пола, опять хлопнулась в обморок, да и двум мужчинам поплохело от моих подробных рассказов, как поместье превратилось в одну общую могилу, как я расправился с охотниками и как воздал должное Авдею и помещику.

– ...а помещик слабаком оказался. Три удара – и умер от разрыва сердца. В штаны наложил и умер со страху. Авдей и то покрепче был. После того как месть свершилась и подонки получили своё, я забрал лодку, трофеи и отплыл вниз по реке, пока не сел на почтовую карету и не встретил вас. Там уже мелочь, не требующая уточнения. Фальшивки я сделал во время плаванья. Не думал, что они мне особо понадобятся. Мои планы были добраться до Питера и отплыть ближайшим рейсом во Францию или Англию. Ваша страна мне не понравилась. Негостеприимная, знаете ли.

Молча слушавший до этого ротмистр разлепил плотно сжатые губы и спросил:

– То есть вы признаете, что убили дворянина Российской империи и его людей?

– Да, – просто сказал я. – Замечу, что девушка жива, хоть и тронулась умом. С женщинами я стараюсь не воевать. Я не говорю, что не убиваю их, просто стараюсь этого не допустить, если они мне ничего не сделали. А эта дворянка не присутствовала при пытках, поэтому претензий я к ней не имел и оставил её живой. А то, что она повредилась умом, так я тут не

виноват, психика у неё слаба оказалась, когда увидела, как я рублю дворню во дворе поместья.

– Вы задержаны по обвинению в производстве фальшивок. По убийству дворянина Луцкого и его людей будет произведено расследование.

Тут я натурально заржал, по моим щекам покатались слёзы. Отсмеявшись, я платком вытер лицо и, всхлипывая, сказал:

– Право, батенька, насмешили так насмешили. Вы бы человек двадцать привели, я бы тогда ещё поверил, что вы меня действительно задержать хотите. Но втроем на меня?.. Поверьте, это очень смешно. За подобную шутку я вас даже убивать не буду, да и смысла в этом не вижу, вы при исполнении, и претензий к вам у меня нет – так, побью слегка.

– Взять! – жёстко скомандовал ротмистр и сам двинулся вперёд.

Оба жандарма приёмами рукопашного боя не владели и быстро разлеглись у меня под ногами. А ротмистр молниеносно извлёк саблю. Почему-то ни у кого из жандармов не было при себе пистолетов. Вон, у прапорщика и то был... Двуствольный.

Наклонившись, я достал из ножен поверженных жандармов сабли и с двух рук прокрутил «Дуновение ветра», отчего нахмурившийся ротмистр сделал пару шагов назад, а Андрей, который продолжал стоять рядом с портье истуканом, открыл от восхищения рот. Владение саблями тут ещё ценилось.

Спокойно дойдя до ротмистра – тот, упрямо склонив голову, ждал меня, – я отбил выпад – хиленькая работа, надо сказать – и плашмя второй саблей вырубил его. Как только старший жандарм рухнул на пол, я отбросил сабли, которые зазвенели по полу, и, подойдя к стойке, надел куртку и перепоясался, поправив шляпу. Подхватив сумку, я посмотрел на прапорщика и окликнул его:

– Андрей... Андрей!

– Да? – посмотрел он на меня.

– Я понимаю, что вопрос мой несколько не ко времени, но ты не продашь мне свою гитару?

– Думаю, будет лучшим, если я вам её просто подарю, князь, – слегка поклонился офицер.

Отвязав от своего багажа гитару, он протянул её мне обеими руками.

– Благодарю, прапорщик, позвольте отблагодарить в ответ, – достав из сумки «кольт», я протянул его ему. – Извините, патронов нет, но оружие хорошее, точное.

– Благодарю, князь, – кивнул тот и стрельнул глазами туда-сюда, видит ли кто мой царский дар. Слегка порозовев, он принял подарок.

– Извините, – вышел вперёд один из постояльцев в служебном, но не военном костюме госслужащего. – Вы не опасаетесь преследования?

– Опасаются только те, кто является дичью. Люди подразделяются на две категории: дичь и охотники. Я никогда не был дичью... А теперь позвольте откланяться. Думаю, мне пора, – склонив голову и громко щёлкнув каблуками, я подхватил свою сумку и быстрым шагом покинул здание гостиницы.

У входа стояла повозка, в которой скучал ещё один жандарм, который, похоже, и не подозревал, что произошло внутри. А к задку повозки был привязан статный верховой вороной конь. Судя по всему, он принадлежал ротмистру, слишком хорош был для простого служаки.

– Эй! – возмущённо воскликнул возница-жандарм, когда я, спокойно подойдя к верховому, стал привязывать к нему поклажу.

Соскочив на землю, он согнулся, получив удар в солнечное сплетение и добивающий по затылку. Оставив его глотать уличную пыль, я одним прыжком влетел в седло и поскакал к выезду из города.

На одной из боковых улочек, куда я свернул, обнаружился магазин охотника и путешественника, где продавали всякую всячину от удочек до винтовок. Правда, современных мне патронных было на удивление мало, но зато я нашёл патроны к своему «Смит-Вессону» и для ружья. Купил почти все, сколько было в магазине, пятнадцать пачек по сто штук к револьверу и полторы сотни штук для ружья. Также я взял два одеяла, трёхлитровый котелок с крышкой, чайник и другие мелкие предметы, необходимые путешественнику, не забыв взять кожаный кофр для покупок.

Через десять минут я спокойно покинул город через одну из боковых улочек и углубился в засеянное пшеницей поле, уходя от города всё дальше и дальше.

Конь, которого я назвал Чернышом, нёс меня легко, нисколько не напрягаясь. Проскакав порядка десяти километров, он даже не запыхался. Остановив коня и похлопав его по шее, я достал из кармана купленную в магазине карту и, развернув её, осмотрелся, после чего попытался определить своё местоположение. Рядом было характерное озеро, по нему я и определил, что выехал в противоположную сторону. Дальше были только Уральские горы. Мне туда было не нужно.

Убрав карту на место, я ударил коня по бокам и крикнул:

– Пошёл! Нам до темноты нужно уйти от города километров на двадцать!

Честно скажу, через час, когда стемнело, удалились мы всего на пятнадцать километров, да и то из-за того огромного крюка, что пришлось

делать. Разбив лагерь на опушке леса, я стал готовить кашу, запасы крупы я купил в том же магазине. Лёжа на одеялах, я предавался размышлениям.

Кто-то подумает, что я с ума сошёл, рассказывая жандармам об убитом мной помещике и его людях, мол, вешаю на себя всё, что можно. Но дело в том, что я гордился сделанным. Нет, не тем, что побил людей, а что правда восторжествовала и подлые людишки были наказаны, хотя тогда и произошла трагическая ошибка. А другая причина была банальней. Я сжигал за собой мосты, так как заостенелая в своих устоях Российская империя мне как место жительства не понравилась категорически, потому как идеально к моему характеру подошёл бы Дикий Запад в США. Именно туда я и собрался направиться, но перед отъездом я хотел посетить одну местную личность и хорошенько с ней пообщаться, аж кулак чесался.

Каша была готова, поэтому поев и оставив часть на завтрак, я завернулся в одно из одеял, укрывшись с головой – комары просто звери – и спокойно уснул.

Совість, как всегда, меня не мучила и была чиста, как первый снег. Да и чего ей меня мучить? Ничего плохого я не сделал за последние дни, всё в меру, всё в моём стиле. Ну, а дальше посмотрим, что будет. Да, посмотрим. Мой путь лежал в Питер, крупный город-порт Российской империи.

Погони я не опасался. Даже если найдут, отобьюсь. К тому же я сомневаюсь, что меня будут так рьяно искать, но вот что разошлют приметы по всем городам, включая Питер, был уверен. Именно в городах мне и нужно вести себя незаметнее, пока не свалю за бугор.

Преследования за собой так и не обнаружил, правда, и на дороги я особо не выезжал, пересекал их разве что.

На пятый день я решил избавиться от коня. Он мне очень нравился, да и мы с ним нашли общий язык, однако был слишком приметным. Причина такого решения крылась в том, что мне встретился цыганский табор.

Демонстративно проехав недалеко от табора, – некоторые мужчины-цыгане с блестящими глазами наблюдали за Чернышом, – я встал в пяти километрах от них и, сложив все вещи около себя, дремал вполглаза. Утром выяснилось, что стреноженного коня на лугу нет.

– Как дети, честное слово, – усмехнулся я и начал разогревать завтрак. Вчера днём я зайца подстрелил, часть мяса пожарил на углях, другая пошла на вечернюю похлёбку. Всё съесть не смог, вот и осталось на завтрак.

Отскоблив котелок речным песком, я собрался и, закинув сумку и кофр за спину, тяжёлой походкой двинул дальше, держа в руках ружьё. Теперь

осталось сменить одежду, перемётные сумки и найти другое транспортное средство. Честно говоря, я бы предпочёл телегу и одежду крестьянина. Такой вид особого внимания не привлекает.

Так я шёл порядка трёх дней, и когда рассмотрел впереди небольшой уездный городок, спрятал в небольшой посадке все вещи, оставив при себе только нож и револьвер, скрытый полой куртки, и направился в ту сторону. Пора поменять внешний вид, а также переодеться.

За последние дни я немного поистрепался, и одежда, в принципе, стала выглядеть не так дорого. Но, конечно, наблюдательный взгляд всё различит.

В магазины, торгующие одеждой для дворян, я не пошёл, так как обнаружил в городке довольно неплохой рынок, на котором торговали всем, что душе угодно.

Найдя прилавки с довольно неплохой одеждой, такой даже стеснённые в средствах дворяне не побрезговали бы, я стал выбирать себе вещи по размеру. Через пару минут выбрал неплохие штаны для верховой езды и сюртук.

– Тут можно переодеться, молодой господин, – слегка согнувшись, указал за шторку у себя за спиной хозяин прилавка. Похоже, он сразу определил во мне дворянина. Хозяин остался снаружи, поэтому не видел, как я поменял верхнюю одежду. То есть не засёк у меня шрамы на кистях рук. Это след, очень сильный след, поэтому не нужно было его демонстрировать.

Рукава у сюртука оказались даже чуть длиннее, чем нужно, но зато я теперь не опасался сверкнуть своими ранами. Переодевшись, я купил у этого же продавца сумку и положил туда дорожный костюм. На предложение продавца продать его, я отказался, тот настаивать не стал. Лучше в других рядах продаж, будет не так заметно. Теперь со стороны я напоминал сына обеспеченного купца или мелкого дворянина, стеснённого в средствах. То есть из толпы не выделялся. Все вещи из карманов я уже переложил в сумку, костюм был пуст, поэтому в следующих рядах я быстро продал его.

Потом я почти час гулял по рынку, закупая продукты и слушая последние новости. Местные меня особо не интересовали, в мире тоже ничего серьёзного не происходило. По крайней мере на рынке об этом не говорили. Также я сходил к лошадиникам, но выбор там был так себе. Однако один из торговцев – он продавал двух кобыл и жеребёнка, – сообщил, что через два дня в соседнем селе, владельцем которого был местный коннозаводчик, будет распродажа лошадей. Выбор там будет

неплох, и на это дело съедутся все местные дворяне и обеспеченные люди.

Новость был интересна, но сообщение о местных дворянах не особо обрадовало. Сверкать там своим личиком не хотелось, поэтому я согласно кивнул, как будто меня это заинтересовало, и сказал:

– Я скажу отцу, думаю, он заинтересуется. Всего хорошего.

Собравшись, я покинул тихий городок и, забрав спрятанные вещи, направился дальше.

Следующие пять дней тоже особых сюрпризов не принесли, я монотонно шагал по России, любуясь её природой и просто отдыхая. Так и хотелось пробежаться по лугу, по которому я сейчас шёл, и закричать, поднимая в воздух бабочек, со стороны похожих на управляемые облака.

– Лето... – вздохнул я и, широко улыбнувшись, продекламировал: – Румяная хозяйка Лето, плодородных земель, цветущих садов и пресных вод. Природа благоухает, щедро одаривает теплом, заботливо омывает дождями и согревает жарким солнцем, награждая за терпение и труд дарами плодоносного урожая.

Когда я почти пересёк луг и начал подниматься по склону холма, скользя сапогами по влажной траве – всего час назад прошёл небольшой дождь, – левее блеснули купола небольшой церквушки. Саму церковь ещё было не видать, но колокольня, крашенная белой известью, уже виднелась.

Подумав, я свернул к небольшому селу. Через него пробежала дорога, думаю, там есть харчевня для постоя. Пора отдохнуть на нормальной постели и поесть нормальную пищу. Сам я тоже неплохо готовил, но своя еда уже начала приедаться, да и курочку жареную захотелось.

На околице мне встретилась стайка мальчишек, что с интересом осмотрели меня и сопроводили до дверей небольшой одноэтажной харчевни.

– Добрый день, сударь, – спокойно поздоровался местный хозяин. – Меня зовут Евлампий Прохорович. Пообедать или на постоя?

– Всё вместе, – скинул ношу на пол, невольно стукнув прикладом ружья по полу, и осторожно положил сверху гитару. – Устал очень.

– Пешком идёте? – поинтересовался хозяин, отдав распоряжение на кухню.

– Вынужден. Был у меня старый отцовский кавалерийский конь, да ночью увели его. Кто, не знаю. Вот и иду пешком... Тяжело. Батенька ссудил меня некоторыми количеством средств, вы не подскажете, можно ли у вас в селе купить какого коня?

– У мельника есть верховой, но он его не продаст, – задумался хозяин, пока пышная девка лет двадцати накрывала на стол. – К барину бы вам, но

он живёт дальше, километрах в десяти, в поместье. У него верховые кони есть, но продаст он их или нет, того я не знаю.

– Я попробую до него дойти, узнать, – кивнул я.

– Сейчас поспрашиваю у сельчан, может, кто едет в ту сторону, подвезёт.

Пока я обедал, – было часа два дня, – хозяин пропал на улице. Под конец моей трапезы он вернулся.

– Пётр-кузнец едет как раз в поместье. Он согласился вас подвезти, молодой господин.

– Благодарю, Евлампий Прохорович.

Расплатившись за вкусный обед, я взял с собой целый пирог с начинкой из картошки и рыбы. Разрезанный на два куска, он был завернут в чистую холщовую тряпицу и убран в одну из моих сумок. Дождавшись, когда прислуга хозяина положит мои вещи в телегу подъехавшего кузница, я тоже сел в телегу. Расплатился за обед не особо щедро, как и полагается небогатому дворянину. Но сверху накинул, чему Евлампий Прохорович был рад.

Пока мы ехали, я слушал разглагольствования кузнеца. Он уже знал, для чего я еду в поместье, поэтому описывал всех верховых лошадей, что держал помещик, так как сам подковывал их. За информацию я поделился с ним куском пирога – двигались мы уже полтора часа, и вот-вот должно было показаться поместье, так что успели проголодаться на тряской телеге.

С местным помещиком, Петром Вайнаковским, мы быстро нашли общий язык. Он покачал головой, сказав, что на землях соседа такое бывает, похищают лошадей, и после небольшого колебания дал согласие продать мне мерина, который также подходил к преклонному возрасту. Цена была смехотворной, поэтому я согласился, и мы ударили по рукам.

На предложение местного хозяина переночевать я отказался, сказав, что спешу. Причиной отказа было предложение посетить сегодня баньку, она была как раз натоплена. Понятное дело, сверкать шрамами мне было неохота, а так я бы попарился. Тем более хозяйка с детьми была в отъезде, и барин предавался разгулу с несколькими крестьянскими девками. Одна была в моём вкусе, очень даже ничего. Эх-х!..

Мерин с именем Сивый уже был осёдлан конюхом, я проверил коня под любопытным взглядом вышедшего во двор барина, после чего мы с ним распрощались, и я, вскочив в седло и проверив, как закреплены сумки, выехал с территории поместья.

Проехав буквально километров семь-восемь, проверяя, как мерин на ходу – тот оказался вполне на уровне, нёс меня уверенно и спокойно, я бы

даже сказал флегматично, – остановился у озера на ночёвку.

Ночью, полулёжа на подстилке из одеял, я поглядывал на языки огня, бурливший на костре чайник и, перебирая струны гитары, напевал фривольную песенку, как вдруг в глаза бросилась небольшая странность. Кисти рук слегка светились.

– Ну наконец-то! – радостно воскликнул я, убирая гитару в сторону.

Сняв с костра чайник, я поставил его на траву, после чего начал разоблачаться. Полностью, пока не встал у костра совершенно голым. Привычно вызвав свечение – откликнулось оно молниеносно, – провёл ладонью левой руки по запястью правой. У меня на глазах кисть руки временно онемела, короста от ран начала отваливаться, уродливые шрамы исчезли, и кожа приняла чистый вид. Разве что цвет у кожи был разный, руки-то загорели. Я последние несколько дней упражнялся с револьвером. Стрелял-то как бог, скажу без лишней скромности, но я нарабатывал вместе с тренировками по стрельбе ещё навык быстрого извлечения оружия. Выхватывания из кобуры, если проще. Прогресс был налицо. Тренировался я или в рубашке, или с голым торсом, так что загореть успел.

После этого я занялся остальными шрамами. Сперва на другой руке, потом на ногах, оставив спину напоследок. Вот с ней было сложнее, на затылке глаз у меня не было. Со спиной я работал по очереди обеими руками. Видно было плохо, но я по несколько раз проводил по одному и тому же месту. Так что спина была сперва бугристая от шрамов и коросты болячек, но после моих процедур короста осыпалась, и кожа на спине стала гладкой-гладкой. После этого я провёл комплексное лечение. То есть провёл руками по всему телу, убирая все болезни, что успел подхватить, пока путешествовал по России. Стало заметно легче, да и двигаться я стал немного по-другому, не стесняли уже шрамы на спине мои движения. А то резко наклонишься вперёд, и сукровица по спине побежала. Плохо на спине раны заживали, а тут раз, и порядок.

– Вот и отлично, – осмотрел я себя при свете костра. – Теперь и в люди можно выходить. А что? Главная примета, шрамы, убрана. Как теперь докажешь, что я тот самый иноземный князь, что повеселился в Екатеринбурге и под городом? А никак. Только при очной ставке с тем ротмистром. Так что для местных сыскарей я должен быть вне подозрений.

Снова одевшись, я, попивая чай, стал разглядывать карту и прикидывать свой путь.

Пермь осталась позади, буквально в сорока километрах, поэтому, подумав, я решил идти к ближайшей судоходной реке и садиться на пассажирское судно, что идёт в центральные области Российской империи.

Найдя такую реку, прикинул, что до неё всего километров двадцать. Завтра же направлюсь к ней. Рядом как раз сельцо, там и продам часть вещей и коня.

Поглядывая на карту, я припомнил, что уже преодолевал эту реку. К постам и паромным переправам я не выходил, следовательно, переправлялся сам.

Закончив с изучением своего дальнейшего пути, я убрал карту в сумку. Скоро она мне будет не нужна, так как на ней была только территория Пермской губернии, дальше нужно покупать другую.

Следующий час я пытался вызвать другие способности, но кроме того же свечения у меня так ничего и не получилось, но и это хлеб. Ничего, подождём, умение исцелять тоже не сразу появилось, да, подождём.

Утром, позавтракав, я быстро собрался и отправился к реке. Двигался я уже спокойно по дорогам, не думая о том, что обращаю на себя внимание местных крестьян.

До села я добрался быстро, к обеду. Там на пристани я узнал от местного служащего, что следующий пароход будет только завтра к десяти утра, на сегодняшний я опоздал. Он же посоветовал остановиться в небольшой гостинице, что стояла на берегу. Так я и поступил. Взял билет в одноместную каюту до Казани и, устроившись в гостинице, занялся продажей уже не нужного транспорта и большей части вещей на небольшом рынке. Благо было воскресенье и он действовал.

После этого погуляв по селу, я вернулся на рынок. Продавцы уже начали сворачивать торговую деятельность, но я купил пару сорочек и ещё один сюртук, а также, чуть подумав, ещё одни штаны. Эта одежда будет для меня выходной. А то мой костюм немного пообтрепался. По возвращении отдав его в стирку, я направился к себе и, разложив покупки, спокойно уснул.

К десяти часам следующего утра я был на пристани, наблюдая за подходившим двухмачтовым пароходом, имевшим одну паровую трубу. Кораблик был не особо большой, но шесть кают у него имелось.

– Господин Демидов, прошу на борт, – проверив билет, сказал помощник капитана, что встретил меня у трапа. Подскочивший матрос понёс вещи в каюту.

При оформлении билета служащий, который открыл кассу и принял у меня деньги за проезд, также попросил подорожную, которую я ему совершенно спокойно протянул. Он всё записал в толстую книгу и выдал

билет, честно предупредив, что если все одноместные каюты будут заняты, я буду вынужден путешествовать в двух– или четырёхместной. Часть денег мне вернут. Но повезло, две одноместные каюты-люкс были свободны, так что меня сопроводили туда. Кораблек стоял у пристани всего полчаса, после чего отчалил. Всё это время я устраивался в каюте, раскладывая вещи по полкам, а когда вышел на палубу, то как раз застал отплытие. Кораблек шёл на паровом ходу. Но после того как мы отошли на середину реки, были подняты паруса, и дальше мы двигались под ними. Правда, не постоянно, всё зависело от русла реки и ветра, так что машина работала часто. Хоть и шумновато, на мой взгляд, а я честно скажу, что в этом эксперт. Все новинки в Княжестве проходили через меня, так что я разносторонний по знаниям человек. Любого местного инженера переплюну.

Погоуляв по палубе, я направился на ют, где под лёгким освежающим ветерком лакей накрывал столы для пассажиров.

Во время обеда я познакомился с другими пассажирами нашего лайнера, обнаружив, что из дворян на борту я один. Остальные – приказчики, купцы и торговцы. Последние, двое мужчин, довольно стильно одетых, имели груз в трюме корабля.

Краем уха я услышал, что торговцы собираются посидеть вечерком за игрой в карты, причём не в какое-то там очко, они собирались играть в покер. Поставив чашку с чаем на блюдце, я обратился к торговцам, что сидели за соседним столиком:

– Извините, господа, я невольно подслушал ваш разговор. Не будете ли вы против, если я присоединюсь к вам за карточным столом и сыграю пару партий? Право, плыть на этом старом корабле откровенно скучно, а тут хоть какое-то развлечение.

Торговцы переглянулись, и тот, что помоложе, кивнул, ответив:

– Мы не против, сударь.

Меня изрядно повеселила эта ситуация. Торговцы были если не профессиональными шулерами, то очень близко, и развлекались, раздевая других пассажиров. Как я понял, у них был сработанный тандем, но играть они старались не грязно. Разговор об игре, который я якобы подслушал, действительно был, но звучал несколько громче, чем было необходимо. Простая уловка, чтобы набрать за карточный стол игроков. Плаванье было действительно скучным.

– Простите, молодой человек, – подошёл к моему столику капитан лайнера. – Я не расслышал, вы назвали «Красавицу» старым судном? К

вашему сведению, «Красавица» была спущена на воду два года назад!

Промокнув салфеткой губы, я согласно кивнул, сказав:

– Так я и не спорю, Марк Авдеевич, судно по виду новое, только вот сборка не очень. В Англии заказывали?

– В Англии, – кивнул удивлённый капитан.

– Ну, это сразу стало понятно. «Красавица» начинает рыскать на ходу при смене курса, но тут, может, и не обводы корпуса виноваты, а неправильно разложенный груз. Машина у вас строит старая. Не в смысле годов, в смысле разработки, сейчас даже на паровозах и то новее ставят. У вас часто греются подшипники, и бедолага механик постоянно их меняет. Час назад появился подозрительный стук – видимо, ночью механику спать не придётся.

– Но как?! – изумился капитан.

– По корпусу я определил, что судно строилось в Англии, но собрали его уже здесь. Оснастка наша, по рангоуту видно, но вот машина подтвердила, что тут англичане замешаны. Они в Россию хорошие паровые машины не поставляют, не выгодно им это – снабжать возможного противника.

– Я в недоумении от обширности ваших знаний, – развёл руками капитан и, отодвинув стул, спросил: – Вы позволите?

– Пожалуйста, – кивнул я.

– Честно говоря, хотелось бы узнать, откуда столь молодой господин узнал так много о паровых машинах и речных кораблях.

– Обширная библиотека моего батеньки, который потакал моим капризам и выписывал новейшие издания по морским судам, механике и паровым машинам. Именно поэтому, как только мне исполнилось шестнадцать лет, я направился в столицу нашего государства, чтобы поступить в университет. Хочу стать инженером, Марк Авдеевич.

– Я поражаюсь вашим талантам и стремлениям, – покачал головой капитан.

Мы ещё немного поговорили, обсудили машину и возможную её замену, после чего я посоветовал пару нововведений, чтобы подшипники работали дольше, и мы попрощались, я направился к себе подремать, вечером была запланирована игра, а капитан продолжил выполнять свои обязанности.

Держась левой рукой за леер, я стоял на носу и смотрел на приближающуюся казанскую пристань. Семь дней плыло это корыто по рекам России, однако я не сказал бы, что плаванье проходило скучно.

Вечерами я играл на гитаре, всегда собирая поклонников – были и такие. Также вечерами были игры в покер, игрок я был средний, но в принципе, нормально играл с торговцами и севшим на корабль три дня назад помещиком. Он, кстати, был с семьёй. За всё время я проиграл шестнадцать рублей и выиграл тридцать один, то есть играл не чтобы выиграть, а чтобы развеять скуку.

В Казани моё плавание заканчивалось, дальше пароход шёл на Москву, а мне нужно было в Питер более коротким маршрутом. Попрошавшись со всеми – кроме меня, в Питер никто не плыл, – я сошёл на пристань и лёгкой походкой направился в сторону речного вокзала – нужно было узнать, есть ли ближайшее судно до столицы и имеются ли там каюты. За мной, согнувшись под весом поклажи, семенил матрос с «Красавицы».

В кассах я узнал, что через два часа отходит небольшое торговое судно купца Ефимова. На борту имеются пассажирские каюты, две так вполне комфортабельны. Оплатив билет и снова сверкнув документами, я направился на место стоянки «Лилии». К моему большому удивлению, там я обнаружил небольшую, однако самую настоящую ладью. Кассир не соврал, сообщив, что на борту имеются две комфортабельные каюты, только вот не сообщил, что их вообще две. Капитан и то спал на палубе, уступая свою каюту пассажирам.

– «Лилия»? – на всякий случай уточнил я, покосившись на надпись и рисунки цветка на борту ладьи.

– Так точно, молодой господин, – по трапу на пирс поднялся заросший волосами мужчина, видимо капитан.

Так и оказалось. Он изучил билет и велел одному из своих матросов отнести мои вещи в каюту. Бросив медную монетку матросу с «Красавицы», я отпустил его, наблюдая, как пара матросов заносили мою поклажу в крохотную каюту. Кроме меня был ещё один пассажир, но он пока отсутствовал, должен был подойти к отплытию. Протиснувшись в каюту, я разобрался с вещами и, сам расстелив постельное бельё, скинул верхнюю одежду и свалился на койку.

– Господин, – через пару минут раздался стук в дверь. – Капитан спрашивает, вы будете из нашего котла питаться, или купите чего-то своего? Если из нашего, то требуется доплатить.

– Сервис, – пробормотал я и крикнул: – Из котла!

Одевшись, я вышел на палубу, сразу же рассчитавшись с капитаном за стол на всё время плаванья. Тот только довольно кивнул, пересчитывая монеты.

– Тут пироги где можно купить? – поинтересовался я.

– На рынке, но к отплытию вы вернуться не успеете, скоро отходим, или в кабаке, там всегда свежие есть, но денежку деру-ут...

– Благодарю, – кивнул я и, по трапу поднявшись на пристань, направился в указанное место, в кабак.

Там действительно были пироги, к тому же три так с пылу и жару, только-только из печи. Взял два, один с картошкой и луком, другой с рыбой. Пока было время, я заказал пирог с мясом и картошкой и поел, запивая его молоком прямо на месте, пара столиков оказались свободными. После чего, купив ещё жбан кваса, направился обратно, неся в левой руке корзину с пирогами и квасом.

Успел как раз к отплытию. Другой пассажир находился у себя в каюте, поэтому когда я убрал корзину к себе – по каюте сразу же стал расплываться умопомрачительный запах пирогов, за стенкой у кого-то забурчал живот и послышалось недовольное бормотание и чпоканье откупориваемой бутылки. Улыбнувшись, я вышел на палубу и пронаблюдал за отплытием. Кроме капитана, в команде было шестеро матросов, но работало только пятеро. Как выяснилось, ночью мы будем приставать к берегу, и обязанность этого матроса – наша охрана. Бывали случаи нападения бандитов на стоявшие суда. Мысленно улыбнувшись, я подумал, что за века мало что изменилось.

Кто-то может удивиться, почему я не провёл достаточно времени в Казани, чтобы изучить свой родной город, в котором прошло моё детство, причём дважды, но я так и собирался сделать, однако казус с билетом вышел мне боком – и город не посмотрел, чтобы сравнить изменения, и плыву на какой-то лоханке. Правда, на комфорт мне было плевать, при необходимости я и в одиночку на лодке бы доплыл до Питера. Но раз есть ладья, то проблем не вижу, доплыву и на ней.

Простояв полтора часа на палубе, я пронаблюдал, как ладья вышла на открытую воду Волги, и пошёл к себе. Вздремну, пока есть время.

Вечером я, наконец, смог узнать, кто был второй пассажир. Это тоже был дворянин, но какого-то опустившегося, запойного вида. Мы с ним фактически не общались, потому как трезвым я его не видел, похмельным раза три, да и то случайно, а так он в основном пропадал у себя в каюте.

Первые пару дней прошли нормально, во время первого ужина я поделился с командой одним из своих пирогов, – второй к этому времени я уже съел, – дав понять, что не жадный и нормальный в общении сын помещика. На первой же ночной стоянке, прогулявшись по берегу, я умудрился подстрелить тетерева, чему команда была искренне рада. Птица была ощипана и пожарена на костре. Один из матросов был неплохим

поваром, так что, уминая ногу тетерева, я только радовался, что он её не испортил и птица оказалась вполне съедобна.

Так и шло наше плавание. В одном из городов сосед сошёл, забрав часть груза – оказалось, треть занятого объёма трюма ладьи принадлежала ему. В этом же порту к нам села купеческая семья из трёх человек. Глава семейства ночевал на палубе, а вот жена и маленький сын спали в каюте. Как и на «Красавице», я и на «Лилии» не оставил свои концерты под гитару, особенно они были хороши на берегу во время ночной стоянки под взлетающие ввысь искры костра.

Как бы то ни было, и это ставшее привычным плавание к столице подошло к концу – как сообщил капитан, впереди показались первые усадьбы дворян на окраине Питера.

– Сколько идти до порта? – спросил я у капитана.

– К вечеру будем, Александр Кириллович. До темноты успеем, а если даже не успеем, ничего страшного. Переночуете на борту «Лилии».

– Посмотрим.

На борту я был единственным пассажиром, купеческая семья сошла раньше, других пассажиров найдено не было, хотя капитан сообщал о своём прибытии портовым служащим, а также сколько есть мест на борту, но плыть на небольшом суденышке без удобств желающих оказалось мало. Это я тогда не догадался посмотреть, на какое судно беру билет. Правда, не прогадал, «Лилия» оказалась очень неплоха на ходу. Резвая ладья.

Ещё раз окинув взглядом берега и видневшиеся крыши усадеб, я зевнул, аккуратно прикрыв рот ладошкой, и направился на корму. Там Ефим уже приготовил снасти. Плавание шло скучно, вот я и нашёл себе развлечение. Рыбачил на идущем судне. Честно говоря, ловил редко, но и того, что поймал, хватало на уху и на жарку. Мелочи не было, ловилась крупная.

До самого пирса я так и не поймал ни одной рыбёшки, хотя вроде одна зацепилась, но к сожалению, сорвалась. Правда, рыбина всплыла наверх и долго грозила нам кулаком и материлась.

– Какие рыбы тут крупные и говорливые, – пробормотал я и крикнул: – Ефим, неси ружье, на удочку эта бородатая рыба не ловится!

Купальщик, которого я чуть не насадил на крючок, услышал меня и быстро поплыл к берегу. Ну, а мы повернули в сторону пристани.

Пока Ефим сматывал снасти, я направился к носу, где как раз Гнат и Олег устанавливали трап. Вещи у меня уже были собраны, поэтому Ефим забрал их, я нёс только гитару, и следовал за мной. попрощавшись с командой и поблагодарив за интересное плавание, я направился к месту,

где тусовались местные извозчики. Найдя одного такого, велел везти меня в меблированные комнаты. Их много, отследить там нового постояльца довольно сложно. Хотя думаю, у жандармов и сыска там есть свои люди, и кому нужно, быстро узнают, где остановился паренёк, приметы которого есть в ориентировках. Если эти приметы вообще дошли до столицы и не задержались в пути.

Бросив Ефиму мелкую монетку – тот ловко поймал её, сверкая молочно-белыми зубами, – я забрался в коляску и велел кучеру везти меня. Адреса этих комнат он знал.

Остановился я по первому же адресу – кучер правильно понял моё желание остановиться там, где проживают люди моего круга, то есть небогатые дворяне. Хозяин комнат запросил за двухкомнатный люкс с удобствами аж девять рублей в месяц, на мой взгляд грабёж, пять коров можно купить. Однако я, немного поторговавшись, сбил цену до восьми с половиной, чтобы не выбиваться из образа бедного дворянина. Оплатив сразу за месяц и не раскладывая вещи, я спустился на первый этаж. Здесь располагались меблированные комнаты, были залы, курительный и карточный. На улице ещё не стемнело, когда я за покерным столом узнал, что император с семьёй находятся не в Питере, а в Царском Селе. Один из партнёров по игре, помещик из-под Твери, пьяно рассказал, что село находится недалеко, пара часов в седле.

Закончив с игрой – выиграл всего два рубля, может, и отобью проживание в комнатах, – я извинился перед партнёрами, сообщив, что мне нужно отойти по важному делу, и прошёл в другой зал, где у барной стойки находился хозяин комнат. Тот просьбе не удивился и подтвердил, что сдаёт внаём верховых лошадей, сообщив, что через пять минут верхового подведут к крыльцу здания.

Выйдя на улицу, я дождался, когда конюх подведёт ко мне кобылу, и, спросив у него, с какой стороны находится выезд из города в сторону Царского Села, направился в ту сторону. Думаю, пора пообщаться с местным хозяином и поговорить с ним как экс-правитель с правителем.

В полночь меня остановил на дороге пост, сообщив, что дальше проезда нет, мол, тут царские земли. Извинившись и пояснив, что заблудился, я отъехал назад и, оставив кобылу в кустарнике, прошмыгнул мимо поста. Пришлось красться, ночь была лунной.

В Царском Селе было довольно большое количество строений, и в каком именно находился император, я не знал. Почесав затылок, я подкрался к четырём казакам, что грелись у костра, спокойно вышел к ним, присел, протянув руки к языкам огня, и спросил:

– Служивые, не подскажите, где император находится? Мне поговорить с ним надо, а найти не могу.

Казаки заржали. Некоторые повторяли мои слова, что вызывало новые приступы смеха.

– В Александровском дворце он, – отсмеявшись, сказал старший казак, кажется унтер. – Посмешил, молодец. Сейчас дежурный офицер подойдёт. С ним поговоришь, как тут оказался.

– Хорошо, – мягко сказал я. – А где тут этот Александровский дворец?

– Ну, это ты будешь спрашивать у нашего есаула, – усмехнулся унтер.

– Мне бы сейчас, пока вы в сознании, – настала моя очередь усмехаться.

– Гнат, Егор! – вдруг рявкнул унтер, и меня схватили за руки двое казаков. Пришлось кувыркаться через спину и сбрасывать импровизированные наручники. Вскочив на ноги, я вырубил унтера и двух казаков, оставив одного – того, что показался не таким крепким.

– Так где тут Александровский дворец?

Однако казак, набычив голову, метнулся к пикам, что стояли в импровизированной стойке, но запнулся о мою ногу, случайно два раза ударился о мой кулак головой и упал в беспамятстве.

– Ладно, – сплюнул я. – Сам найду.

Дальше горели ещё костры, но мельтешение у этого тревоги не вызвало, поэтому я скользнул дальше. Где находится император с семьёй, помогли мне понять часовые у огромного особняка. На мой взгляд, их там было даже больше, чем нужно. В это время луна зашла за небольшую тучку, времени было мало, поэтому я решил действовать. Метнув камешек в сторону, я прошмыгнул мимо обернувшегося на шум часового и, ухватившись за лепнину, начал подниматься на стену. Часовой, покрутив головой, продолжил нести службу, переминаясь с ноги на ногу. Подождав, пока он начнёт стоя подрёмывать – всё равно луна вышла и освещала здание, – я продолжил подниматься, надеясь, что никто не обнаружит на белой стене человека-паука.

Поднимался я не просто так, с этой стороны здания на втором этаже были освещены некоторые комнаты – значит, там есть люди. Заглянув в первое окно, я обнаружил за стеклом ванную комнату, где нежилась довольно красивая женщина. Понаблюдав за ней несколько секунд, хорошо разглядеть её мешало нечто вроде вуали на окне, и направился вправо, двигаясь на уровне второго этажа. Пропустив два затемнённых окна, я заглянул в третье. Там за столиком сидел парнишка лет десяти и что-то с недовольным видом выводил пером на листе бумаги. Рядом с ним стоял мужик с усами и пышными бакенбардами, в дорогом халате.

Одно окно было приоткрыто, впуская свежий воздух. Я бы, честно говоря, предпочёл попасть к той чистоплотной девке, но куда было открыто, туда открыто. Толкнув створку, я перевалился через подоконник и упал на пол, мягко приземлившись на руки. Перекатившись на спину, я под удивлёнными взглядами присутствующих одним прыжком оказался на ногах.

– Наше вам, – лихо козырнув, поздоровался я. – Император тут

проживает, или, пардон, я не туда попал?

– У вас к нему какое-то дело? – нахмурившись, спросил усатый. Сделав пару шагов вперёд, он закрыл собой мальчишку.

– Да, хочу поговорить с ним как предок с потомком и как потомок с предком, как бы это дико ни звучало. К тому же в прошлой жизни я тоже был правителем довольно сильного государства, так что у нас есть, о чём с ним поговорить.

– Папа, он сумасшедший? – на французском спросил мальчишка у усатого.

– Был бы я сумасшедшим, то вёл бы себя по-другому, – ответил я мальчишке на том же языке, после чего на русском спросил у усача: – Так что, вы позовёте императора?

– Мне бы хотелось знать, кто вы? – подумав мгновение, сказал усатый.

– О, простите за мою бестактность, – изящно поклонившись, извинился я. – Великий князь Российский, экс-правитель Княжества Российского на американском континенте. Я вижу, вы удивлены, но могу объяснить так: я был правителем в другом мире. Вам что-нибудь говорит такое понятие, как Веер Миров?

– Не доводилось слышать, – покачал тот головой, покосившись на стену, где висели две сабли.

– Объясню как несведущему в науке человеку. Представьте себе две совершенно одинаковые планеты, на одной идёт в данный момент тысяча пятьсот восемнадцатый год, на другой тысяча восемьсот семьдесят первый. Так вот правитель одного из государств, что правил на планете тысяча пятисотого года, после смерти переместился на планету, где идёт тысяча восемьсот семидесятый год, при полной памяти о прошлой жизни и в своём, только помолодевшем теле. Он осмотрелся и решил навестить правителя тех земель, где оказался. Я доступно вам всё объяснил?

– Более или менее, – осторожно кивнул усач и сделал пару шагов в сторону стены, где висели сабли.

– Я тоже понял, – пискнул парнишка.

– Это у меня не первая смерть и не первое попадание на другую планету. Привык уже.

– Но зачем вам император? – поинтересовался усач и прикинул взглядом расстояние до сабель.

– Поговорить за жизнь и свернуть голову его внуку.

Усач напрягся и, пристально посмотрев на меня, спросил:

– Почему вы хотите убить моего внука?

– Ага, так вы и есть император. Это я хорошо зашёл... жаль, Шпак на

месте, – довольно кивнул я и, присмотревшись, с сомнением покачал головой и вынес вердикт: – Не похож.

Подойдя к столу, я стал выворачивать карманы. Найдя среди монет нужную, сравнил с оригиналом и повторил свой вердикт:

– Не похож, – потом, протянув монетку мальчишке, велел ему: – Сравни.

Пока мальчишка с сомнением переводил взгляд с отца на монетку и обратно, я нашёл десятирублёвую купюру и снова начал сравнивать.

– Ну, тут вроде похож.

– Вы проигнорировали мой вопрос относительно моего внука.

– Ваш внук Николай от сына Александра просрёт свою страну, отречётся и бросит её на произвол судьбы. В течение нескольких лет государство будут сотрясать гражданские войны, в стране фактически не останется дворян, крестьяне и большевики их большей частью уничтожат, меньшей выгонят. Финляндия и Польша отделятся и станут отдельными странами, гадя стране исподтишка, и всё благодаря вашу внуку-ублюдку, – улыбнулся я. – Благо большевики, которые возьмут власть себе, расстреляют вашего внука вместе с женой и всеми детьми. Детей жалко, вашего внука – нет. По моему мнению, этот хлюпик слабохарактерный поделом получил. Ну, а чтобы во второй раз этого не случилось, я решил изменить историю и ликвидировать вашего пока ещё живого внука.

– Вы, сударь, рассказываете сказки и оскорбляете своими домыслами члена императорской семьи.

– Между прочим, я это делаю осознанно и в здравом уме, – сказал я, возвращая мелочь в карманы. – Я понимаю, врывается какой-то незнакомый юноша и говорит чушь, в которую поверить невозможно, но ведь можно проверить, говорю ли я правду. Видите ли, я не соврал, говоря, что умираю не в первый раз. Перемещение с планеты на планету дарует мне некоторые умения, в частности я могу лечить людей, даже восстанавливать утраченные конечности. Но последнее довольно долгая процедура и занимает порядка часа.

– Вы хотите сказать, что можете продемонстрировать это прямо сейчас? – уточнил усач.

– Без базара, – кивнул я.

– Не понимаю, к чему тут базар, но у меня есть помощник, офицер лейб-гвардии, которого я держу на службе за ум и честность, но он в боях потерял руку. Вы можете её восстановить?

– Да, только нужно два тазика жареного или варёного мяса.

Усач прошёл к двери, открыл и велел невидимому мне слуге принести

два ведра мяса и позвать поручика Усова.

Осмотревшись, я прошёл к дивану и, плюхнувшись на него, положил ноги на журнальный столик. Под моим любопытным взглядом в комнату прошёл офицер-гвардеец и, косясь на меня, что-то прошептал на ухо усачу, после чего остался в комнате, заняв позицию между мною и членами императорской семьи. Кстати, мальчишку, которого, оказывается, звали Павлом, попросили уйти, но тот категорически отказался, сказав, что это мы находимся у него в апартаментах.

За десять минут комната заполнилась людьми. Зашли два казака с саблями и револьверами за поясом и, поставив у столика вёдра с мясом, остались у дверей, потом ещё два офицера, и наконец, постучавшись, в спальню Павла прошёл молодой офицер лет двадцати пяти, у которого был пустой правый рукав. Причём отрублена рука была выше локтя. Это осложняло дело.

Встав, я слегка наклонил голову и представился:

– Великий князь Александров, Артур Кириллович. Прошу вас, поручик, садиться за стол и поесть мяса. Прежде чем вырастить вам руку, мне нужны материалы для этого.

Усов покосился на императора, что с интересом наблюдал за этим действием, и, получив согласный кивок, уселся за стол и, одной рукой отрезав ломоть варёной свинины, стал быстро есть. Между делом пробормотав, что соли не хватает.

Когда он насытился, я подошёл и велел снять форменный сюртук и нижнюю рубаху. Дождавшись, когда Усов останется с голым торсом, я приступил к священнодействию. Император ахнул, когда руки у меня засветились и от них потянулись к культе крохотные огоньки, оставлявшие за собой медленно тающие следы. Ладони я держал сантиметрах в пяти от руки поручика, и смотрелось всё это при свете свечей очень красиво.

Другие свидетели тоже пребывали в ступоре, только Павел смело протянул руку и коснулся одного из огоньков. Тот втянулся ему в палец, вызвав у мальчишки хихиканье, которое быстро прекратилось после громкой оплеухи от отца. За двадцать минут рука удлинилась и начал нарастать локтевой сустав. Заметив, что Усов уже бледный, я прекратил процедуру и велел ему:

– Ещё раз подкрепитесь, ешьте до предела.

Тот с жадностью набросился на мясо, как будто не ел до этого, и добил одно ведро. Продолжив процедуру, я остановился у кисти, велел поручику подкрепиться, тот, снова проголодавшийся – ещё бы, сколько я у него энергии и материала взял, чтобы вырастить часть руки – продолжил

уничтожения мяса.

Наконец закончив и оставив Усова изумлённо изучать руку и шевелить пальцами – к нему подошли товарищи и трогали отросшую кисть, – я подошёл к императору, раскатывая рукава сюртука и говоря:

– На сегодня хватит. Устал я с этим лечением. Я остановился в меблированных комнатах Шумского под видом дворянина Демидова. У вас есть время обдумать прошедшую встречу, так что если придёте к выводу, что нам необходимо встретиться ещё раз, пришлите гонца. Только утром не присылайте, я сплю до одиннадцати.

Подойдя к окну, я выпрыгнул в него. Ну да, ногу сломал, но зато как эффектно покинул ошарашенных зрителей. Вылечив ноги – вторая получила ушиб, я вырубил подскочившего часового и побежал к лошади, обходя усиленные патрули и посты. Ушёл ото всех, после чего, вернувшись к кобыле, поскакал обратно в город. Я действительно устал и решил хорошенько придавить подушку.

Утром меня разбудил стук в дверь. Подняв голову, я сонно осмотрелся и понял, что уснул в гостиной, не дойдя до спальни.

– Кто там ещё? – зло крикнул я.

– Ротмистр Шутов лейб-гвардии Гусарского его величества полка. У меня приглашение к вам от его величества императора Российского...

– Когда великий князь спит, ему нет дела до всяких там императоров! – зло проорал я и метнул нож. Пробив дверь, клинок задрожал в доске. Уверен, с той стороны он вышел сантиметров на десять, а я, завернувшись в одеяло, захрапел дальше.

Проснулся я, когда за окнами начало темнеть. Потянувшись с поскуливанием, руками убрал сонную одурь – от похмелья, кстати, тоже помогает, – соскочил с дивана и направился в крохотную ванную комнату, где умылся и протёрся влажным полотенцем.

Вернувшись в гостиную, я подошёл ко входной двери, за которой был длинный коридор с множеством дверей, и, посмотрев на рукоятку ножа, удивлённо пробормотал:

– Надо же, не приснилось, – покосившись на темноту за окном, покачал головой и добавил: – Не будили. Уважают.

Одним рывком выдернув клинок, я бросил его на стол, к револьверу, и, открыв одну из двух створок, выглянул наружу. Рядом на стуле дремал офицер в звании ротмистра, видимо тот самый, что спать мне не давал, и казачок. Тот спал стоя, но вздрогнув от скрипа петель двери, мгновенно

проснулся, выдавая долгую службу и умение стоять на часах, и толкнул офицера. Тот тоже вскочил, как будто и не спал, и, козырнув, уточнил, с интересом разглядывая меня:

– Александр Демидов?

– Одно из моих имён, – кивнул я и неожиданно даже для самого себя зевнул, успев прикрыть рот ладонь. У двоих служак сработал рефлекс, и они тоже начали зевать, правда офицер быстро справился с сонной одурью и протянул мне конверт, попросив расписаться в получении.

Расписавшись, я не глядя бросил пакет на стол, к ножу и револьверу, и поинтересовался:

– На этом всё, господа?

– Требуется получить ответ, – сказал ротмистр.

– Да? – протянул я и скомандовал казачку: – Так, боец. Найди хозяина, пусть принесёт мне бумагу и писчие принадлежности. Бегом! А ты заходи, гостем будешь.

Почесав спину под халатом, я прошёл в гостиную, следом за мной туда вошёл ротмистр и скромно устроился на софе у двери, а я направился в ванную комнату. Всё-таки надо принять ванну.

После ванны я забрал у хозяина бумагу и чернильницу с несколькими перьями, и заметив, что он мнётся, спросил:

– Что?

– Дверь. Заплатить бы надо за ремонт, – пролепетал тот. Мне показалось, он был несколько испуган, видимо казачок торопил его, как мог, вполне возможно, и ножнами сабли по хребту.

Достав из портмоне рубль, протянул его хозяину и велел позвать горничную, пусть приберётся в комнатах. Сев за стол в углу гостиной, который находился у окна, я сразу запалил две свечи в подставках рядом – темновато было – и, вскрыв ножом пакет, стал читать. Это было приглашение императора на ужин сегодня в восемь вечера. В случае отказа прислать сообщение с гонцом.

И так было понятно, что опоздал, но я всё же уточнил у ротмистра:

– Сколько времени?

– Девять вечера, сударь. Я отправил гонца с сообщением, что пакет ещё не вручён. Государь с пониманием отнёсся к вашей усталости после вчерашнего дня.

– Ага, это хорошо. На словах есть что?

– Император ложится поздно, так что ждёт вас в любое время. Коляска внизу.

– Хорошо, тогда сейчас оденусь, и выезжаем... Надо же, сутки храпака

давал, действительно вымотался, похоже.

Через десять минут мы выехали в Царское Село. Ехал я голодным, только прихватил на кухне несколько кусков пирога, щедро поделившись с ротмистром и двумя казачками. Так мы и ехали, жуя на ходу и общаясь на интересующие нас темы.

Несмотря на полночь, император действительно не спал и принял меня в своём кабинете. Секретарь, тот самый поручик Усов, хорошо принял меня и провёл в кабинет к государю. После того как мы довольно тепло поздоровались, император поинтересовался причинами задержки.

– Спал, – просто ответил я.

– Вижу, вы любите поспать.

– Чтобы прояснить вопросы на этот счёт, давайте я вам расскажу одну историю, произошедшую одиннадцать лет назад в прошлом мире. У меня было Княжество на берегах американского континента, почти миллион граждан, считая аборигенов. К тому времени они тоже перешли под мою руку. Были войны с Европой, не одна, надо сказать, и я обложил их данью. Мои транспортные корабли два раза в год заходили в порты тех стран, которые я завоевал, но я не держал там свои войска, мне это было не нужно. Так вот, когда один из конвоев, что пришёл в Англию за очередной данью, вошёл в порт, то подвергся нападению со стороны англичан. Возглавлял штурмовые подразделения сын короля. Им удалось захватить два корабля из шести, остальные ушли, так как понесли потери в людях. Гонец с этим известием пришёл ночью, и секретарь осмелился разбудить меня в три утра, в самый сладкий сон. Думаю, стоит пояснить, что в обоих случаях я был в ярости, собрал эскадру кораблей, набрал сорокапятитысячный корпус, преимущественно из индейцев, и за два месяца перебросил весь этот корпус в Англию. За три месяца там не осталось жителей. Совсем. Только маленькие дети, которых моих транспортники перевезли на земли французов, испанцев и португальцев. Жители Лондона, где и произошло нападение на мои транспорты, были казнены. Все. После того рейда Великобритания исчезла как государство, и возникла Шотландия, с которой мы тогда вполне нормально сосуществовали. Торговали с ними, я имею в виду. Надеюсь, я понятно пояснил, как я реагирую, когда меня будят и убивают моих людей?

– Интересный рассказ, – задумчиво кивнул император. – Скажу честно, я в смятении и не знаю, как реагировать на вас. Мне бы хотелось несколько ближе узнать вас. Что у вас за характер, кто вы вообще.

– Ну, это я и так могу рассказать. Я жёсткий, уверенный, наглый,

самоуверенный, жестокий при необходимости тип, с которым лучше не связываться. Хорошо владею саблями и огнестрельным оружием, рукопашным боем. Инженер во многих областях, неплохой медик, механик и конструктор. Есть опыт командования крупными соединениями, управления большим государством, имеющим крупную промышленность и обширные территории. Я человек с обширными знаниями.

– Сколько вам было лет во время смерти, и как вы погибли? – уточнил Александр Второй.

– Сорок один год мне исполнился, через два месяца сорок два было бы, – ответил я и, криво усмехнувшись, добавил: – А умер я не своей смертью. Отравили. Причём это был один из моих детей.

– Наследство?

– Я уже несколько лет как передал государство своему первенцу, он будет хорошим правителем. Травили его, по случайности досталось мне. Конечно, хотелось бы вернуться и навести порядок, но думаю, сын всё сделает за меня. Он такой же жёсткий правитель, каким был я.

– Случайность, – кивнул Александр, сын Николая. Немного повозившись в кресле, он попросил: – Мне бы хотелось знать, как так случилось, что вы стали, как вы говорите, умирать и попадать на другие планеты.

– Это долгий рассказ.

– Ничего, мне интересно. Я распорядился выделить вам апартаменты в левом крыле дворца.

– Ну что ж, слушайте, – пододвинув стул поближе к столу, я начал свой рассказ.

Длился он до трёх часов ночи, было видно, что на императора уже нападает сонливость, но взгляд его был трезв, и слушал он очень внимательно, изредка делая какие-то записи в блокноте. Вначале пришлось дать краткую историю Российской империи, Советского Союза и Российской Федерации, явно выбив императора из колеи, но он быстро справился со своими чувствами и записал дату своей гибели и кто к этому причастен. Записывал он постоянно, было видно, что часто мои слова его изрядно шокировали, и приходилось те места подробно объяснять. Мои приключения он прослушал с большим интересом, в некоторых местах посмеиваясь, в некоторых огорчённо покачивая головой.

Когда я закончил моментом, как влезаю в окно его младшего сына, он задумчиво сказал:

– Вы правы, мы совершенно разные люди, но как это ни странно, вы были хоть и жёстким правителем, но в качестве правителя Княжества

Российского вы были на своём месте. Другой бы там не удержался.

– Ещё бы! – хмыкнул я. – У меня в тысяча пятисотом году были железные крейсера на мазуте со ствольной казнозарядной артиллерией на борту и броненосцы, а у вас до сих пор одни парусники на паровом ходу. Кому уж говорить о разнице в промышленности!

– Да, но вы строили свою промышленность двадцать лет, и то посчитали выпуск железных боевых кораблей на то время нерентабельным.

– Ну да, – нехотя признал я. – Два броненосца и крейсера – отдельная ударная эскадра. Соперников на то время у нас не было, вот и прекратили их выпускать, начали делать железные транспорты на мазуте. Купцы, что занимались морскими перевозками, раскупали их в мгновение ока, в очереди стояли. Но что ни говори, в то время моя промышленность уже могла строить броненосцы, а ваша до сих пор нет. Я про нормальные корабли, а не те поделки, что выпускают ваши верфи. Извините, но назвать их боевыми кораблями не поворачивается язык. Место им в музее боевой славы.

– Ну хватит, Артур, – засмеялся император. – Эдак и до драки недалеко. Я подумаю над вашими словами, но завтра. Мы оба слишком устали, поэтому предлагаю продолжение разговора перенести на завтра. Лакей проводит вас в ваши апартаменты. Думаю, нам обоим нужен отдых.

– Это так, – согласился я, вставая. – До завтра, твоё величество.

– Ну, нахал... Иди уже.

Лакей действительно проводил меня до апартаментов, у дверей которых я обнаружил уже знакомого ротмистра, а также двух офицеров. Судя по всему, они были в запасе по ранению, но надели старую форму и прошли за ротмистром в Александровский дворец.

– Что, уже ждёте? – широко зевнув, поинтересовался я.

Ротмистр был вынужден поверить тем слухам, что я могу восстанавливать конечности, только когда увидел счастливого Усова, с лица которого не сходила улыбка, с обеими руками.

По пути в Царское Село мы обговорили этот момент, и я дал согласие вылечить родственника и знакомого ротмистра. Но я как-то не думал, что это будет после тяжёлого и долгого разговора с императором. Однако обещания надо выполнять.

– Так точно, – кивнул ротмистр и с надеждой покосился на одного из офицеров со схожим с ним лицом. – Сейчас мясо принесут.

– Проходите, – пригласил я их в свои двухкомнатные апартаменты, которые находились на первом этаже.

Два часа я потерял на восстановление конечностей обоих пораненных

офицеров, а также на залечивание других их ран. Причём когда офицеры, постоянно благодаря, покинули мои комнаты, выяснилось, что снаружи ожидает очередь из трёх человек. Двух казаков и одного гвардейца. С ними я закончил за полчаса. У казаков не имелось пальцев, отрастил новые, у гвардейца – пуля, заросшая в груди, которая в последнее время вызывала мучительные боли. Казаки ещё не успели уйти, счастливо шевеля пальцами, они стояли у дверей, когда я взял нож и ударил гвардейца в грудь. Я очень устал и не хотел терять время. Выковыряв пулю из груди на глазах у шокированных казаков, я оживил гвардейца и, подарив ему пулю, приказал им:

– Хватит на сегодня, я слишком устал, но через пару дней, когда отдохну и восстановлюсь, могу полечить ещё, мне нетрудно. Солдат и офицеров, получивших раны за государство, лечу бесплатно в любое время, кроме когда сплю, остальных только по записи и за плату. Всё, свободны, сутки меня не беспокоить, я буду спать.

Раздевшись, я добрался до кровати и, упав на неё, мгновенно вырубился, провалившись в такой спасительный, дающий отдых сон.

Когда я проснулся и посмотрел в окно, там ожидаемо был вечерний закат. Широко зевнув, я дотянулся до шнурка в изголовье и стал его дёргать. Буквально через десять секунд трое лакеев принесли мне прямо в кровать подносы с завтраком. Двое ушли, а один остался прислуживать мне.

Когда я почти закончил, раздался стук в дверь, и после моего разрешающего окрика в спальню прошёл уже хорошо знакомый поручик Усов.

– Доброе утро, Артур Кириллович. Государь шлёт вам привет и приглашает навестить его в том же рабочем кабинете.

– Передай императору, что сейчас поем, приму ванну, и навещу его.

– Хорошо, ваша светлость.

– Так, стоп! – скомандовал я. – Что это сейчас такое было?

– Государь подтвердил за вами княжеский титул. Это всё, что я знаю, Артур Кириллович. Указ подписан сегодня в два часа пополудни. Я сам оформлял все бумаги.

– Всё, топай, – велел я и, продолжив трапезу – остался чай и гренки, – размышлял о той новости, что получил.

С одной стороны, странно – я честно рассказал ему, как побил двух дворян, там же ещё девка была, но её я не тронул. Как подрался с жандармами и ушёл от них, и что легко подделывал местные документы, а

тут раз – и князь! Ох, неспроста это, седалищным нервом чувствую, что будет предложение, от которого невозможно отказаться... Хотя о чём это я, мне всё по хрен, я от любого предложения при желании откажусь. Надавить на меня нечем.

Чем он на меня сможет надавить? Долгом перед государством? Ржунимагу. Моё государство, где я родился, давно в небытии, тем более как правитель я уже отдал долг народу и государству, передавая его в полном порядке своему наследнику. То есть правителем я уже был, и категорически против повторять всё это дело. До сих пор с содроганием вспоминаю те времена. Власть мне неинтересна по причине её скучности, а в драку, развеяться, меня не пускали телохранители из гвардейской роты. А тут я свободен и делаю, что хочу. Не, нечем на меня ему надавить, разве что подкупить, да и то вряд ли. Презренный металл меня тоже мало волновал. Он скорее нужен мне для достижения тех целей, что я планировал. Сейчас планов особо нет, я просто развлекался, путешествовал и получал новые впечатления.

Угрозы? Чушь, вырежу всю императорскую семью и уйду. Мне они никто и звать их никак.

Кабинет был тот же, как и хозяин, разве что у государя был немного не выспавшийся вид и новый мундир.

– Добрый вечер, Артур, я смотрю, ты бодр и свеж.

– А как же, твоё величество, сон – лучшее лекарство от усталости, – ответил я, присаживаясь на стул.

– Я знаю о том, что ты подлечил моих казачков и гвардейца, к тому же не обошёл вниманием двух бывших офицеров, дворян из Санкт-Петербурга, которых провёл на территорию дворца один из моих гвардейцев. Ты всех вылечил, поэтому прими мою благодарность.

Кивком головы я показал, что услышал императора, и сказал:

– Они это заслужили, поэтому и лечил. Я, конечно, ещё та сволочь, но тех, кто глядел в глаза смерти в бою, вылечу без слов. На остальных мне, честно говоря, плевать. Именно так и обстояли дела у меня в Княжестве: своих служащих и солдат я лечил в любой день без очереди, остальных только в определённый день недели. Но то были мои люди, тут я так поступать не собираюсь.

– Об этом я и хотел с тобой поговорить. Мои врачи и хирурги осмотрели у всех восстановленные тобой конечности и в один голос утверждают, что такое с медицинской точки зрения невозможно. Им помог Господь Бог.

Я издевательски засмеялся, моё отношение к местным священникам и религии император прекрасно знал, я его сразу просветил. На предложение искупаться в святой воде я сразу согласился, но предупредил, что если мне на глаза попадутся попы, то они умрут. Хороший поп – мёртвый поп, девиз на моём тутошнем гербе.

Император искоса посмотрел на меня, поморщившись от смеха, и сказал:

– У меня есть к тебе предложение о сотрудничестве.

– Интересно бы было выслушать, – закинул я ногу на ногу. – Сладкую кость в виде титула князя я вроде как получил, хотя пока и не решил, принять его или нет. Теперь хотелось бы узнать, что там есть ещё.

– Как ты смотришь на то, чтобы стать лейб-медиком императорской семьи?

– А зачем мне это? – задал я простой вопрос, от которого император смешался, не находя ответа. Он понимал, что те предложения и доводы, которые у него крутились на языке, мне были не интересны, и сейчас в молчании обдумывал, что бы мне такое предложить.

– Какие у тебя есть предложения? – после пятиминутного молчания наконец спросил он.

– Хм-м, – протянул я, и настала моя очередь задуматься на несколько минут. – Да, в принципе мне ничего и не надо. Что захочу, я добуду сам, своими силами... Разве что...

– Что? – поднял брови император.

– Да не-е, вы не согласитесь, откажетесь наотрез, – поморщился я.

– Ты, Артур, сначала скажи, потом я подумаю, отказаться или принять предложение.

– Я хочу устроить частную войну с Англией под своим флагом. Для этого мне нужен скоростной броненосец, пара бронепалубных крейсеров и силы обеспечения. Построить корабли я бы хотел в России за ваш счёт. Команду тоже набрать у вас. За это я буду лечить императорскую семью, но только когда у меня будет такая возможность, ну и кроме своего броненосца построю корабли, которые ещё не видел этот свет, для вашего флота. Как вам такое предложение? Кстати, когда корабли мне будут не нужны, я передам их вам с опытными командами и офицерами. Также вы можете отправлять ко мне на службу частным порядком своих морских офицеров для получения уникального боевого опыта использования броненосцев и бронепалубных кораблей. А там многому можно научиться, поверьте мне. Совсем не то, что парусники.

– Не любишь ты англичан, – задумчиво протянул государь. Его

сомнения были понятны, родственников среди королевской семьи Великобритании у него хватало. – Какие-никакие, но они союзники.

– Вот именно, что никакие. Помните заветы предков? У России есть только три союзника – это армия, флот и великий князь Александров... Вспомните, сколько гадостей и подлостей они сотворили с вами, – как дьявол-искуситель начал уговаривать я Александра Николаевича. – А тут есть возможность чужими руками поквитаться, делая вид, что вы как бы тут ни при чём. Англичане с Россией так и делали и особо этого не скрывали. А у меня хоть серьёзный мотив есть.

– Интересно бы знать, какой.

– Мечь. После того как я уничтожил всё население Англии, один из потомков дворянского рода прибыл в Княжество под видом простого матроса на корабле с Руси. Выследив во время прогулки одну из моих жён с двумя детьми, он напал на них. Прежде чем охрана его схватила, он убил мою жену и серьёзно поранил моих детей, одна из них была моя любимица. Жену я спасти не успел, слишком поздно ко мне её доставили, но детей я вылечил. Там я не смог отомстить, просто некому было, а тут для меня открываются широкие возможности.

– Но те англичане и эти – они же разные! – удивлённо сказал император.

– Для меня разница не существенна.

Уговаривал я его порядка часа, пока император, всё обдумав, не спросил:

– От какого государства будете бить англичан? Ведь без каперского патента вы будете считаться пиратом, и против вас ополчится весь цивилизованный мир. Я такой патент не дам.

– Что, англичане не наступали ещё кому-то на хвост? Найду небольшое государство, где они безобразничали, возьму патент у правителя и буду работать под их и своим флагами. Как видите, ничего сложного. Разве что маленькое уточнение. Чертежи кораблей я никому передавать не буду, разведка у островитян хорошо работает, и верфи будут охранять жандармы. Конструкции кораблей будут знать только ваши корабельные инженеры, которые потом продолжат мои начинания.

Судя по задумчивому ответу императора, он фактически дал мне своё согласие:

– На Балканах ими недовольны. Две страны там до сих пор находятся с Англией в состоянии войны, хотя сражения с победами в них Британии уже закончились.

– Исторический казус, но он может помочь, – согласился я. – Вот

видите, мы нашли тех, кто официально может выдать мне патент, и я спокойно смогу действовать против нагличан.

– У них сильный флот, долго повоевать вы не сможете.

– Я-то?! – удивился я, злобно усмехнувшись. – Вы даже не представляете, как далеко ушла наука в будущем. У Британии даже против одного корабля нет ни единого шанса. Готов заключить пари.

– Да как-то нет желания, ты для меня, Артур, всё ещё тёмная лошадка... М-да, так, значит, ты можешь построить новейшие боевые корабли на наших верфях?

– Ну, я это сразу так сказать не могу, мне нужно посмотреть оснастку этих верфей и прикинуть, что нужно докупить, наверняка ведь чего-то не хватает. Тем более по-любому придётся строить завод по выпуску корабельных котлов. Те, что выпускаются в мире, мне не подходят, своё надо делать. А артиллерия? Всё же нужно начинать заново.

– Ладно, я вижу, ты в этом хорошо разбираешься, хотя чуть позже подойдёт инженер и проверит твои знания. Ты мне лучше скажи, князь, как я смогу объяснить своей коронованной родственнице, почему мой лейб-медик вдруг начал воевать против их империи под каперским свидетельством?

– Не вижу проблемы в этом вопросе. Они в своё время именно так и подняли своё государство. А насчёт официальных запросов, ответите, что я наёмный специалист и не являюсь вашим подданным. Тем более скоро все узнают, что я не люблю англичан, это пиаром называется. Всё равно слух о моих способностях вскорости выйдет наружу, вот и воспользуюсь этим. Кстати, если к вам будут обращаться правители других стран, то отвечайте им, что я лечу вас на некоторых условиях, одно из них то, что лечу только императорскую семью, ваши родственники побоку. Если им так надо, пусть обращаются ко мне частным порядком. Лечить я их не буду, а если и буду, то очень дорого, деньги пушу на постройку кораблей.

– Условия у вас, конечно же, наинтереснейшие, и честно говоря, я подумываю принять их, похоже, всё это сулит выгоду моему государству...

– Сулит-сулит, – перебив императора, закивал я. – Мы под это дело, когда британцы ослабнут, Индию у них тиснем. Готовьте через год экспедиционный корпус.

– Меня начала беспокоить мысль, что и тут ты хочешь сделать из Англии Шотландию.

– О, хорошая мысль!

– Хм, – откинулся государь на спинку кресла. – Знаете, что меня больше всего интересуется в вас?

– Что? – насторожился я.

– Почему вы умерли от простого яда с вашими-то способностями? Я так понимаю, и старость вам не грозит?

– Я уже думал об этом, – поморщился я. – Судя по всему, с ядом был подмешан какой-то то ли наркотик, то ли транквилизатор. Соображение напрочь вышибает. Помню, буркнул какую-то чушь, и всё, темнота. Яд чуть ли не мгновенным оказался. То есть не чувствовался, а потом стремительно подействовал.

– Значит, и против тебя нашли средство борьбы.

– Я же говорил, что это была случайность, – пожал я плечами. Дела прошлых дней меня теперь мало волновали.

– Да, но вполне возможно...

– Это было в прошлой жизни, она уже прошла и меня мало интересует, – хлопнул я ладонью по столу. – Мы тут собрались для того, чтобы обсудить, как я умер? Думаю, лучше перейти к делам более приземлённым. Так каков будет ваш ответ?

– Я согласен, но мне нужны ответы на некоторые вопросы.

– Слушаю вас внимательно.

– Как вы собираетесь строить железные корабли с учётом того, что нужны сотни предприятий, которые должны обеспечить верфь всем необходимым? А у нас отсутствуют эти предприятия даже в проекте. Да, молодой человек, я изучал этот вопрос и в курсе сведений по постройкам подобных кораблей. В Англии уже пробовали их строить, спустили три броненосца береговой обороны. Медлительные и неповоротливые посудины, судя по докладу из штаба флота, но британцы ими гордятся. Также встаёт вопрос в людях, их тоже где-то нужно найти.

– Вопросы интересные. У меня было время обдумать всё это, пока я плыл в Питер на «Лилии». Что касается стальных кораблей... это ведь интегрированная вершина технологического прогресса этого времени, поэтому отношение к себе требует соответствующее, хотя, в принципе, ничего сложного там действительно нет, особенно если разделить всё на внешне безвредные этапы и сначала не афишировать замысел, а начать с подготовки необходимых производств и технологий. Вот только, по моему мнению, спрятаться от шпионов на казенных верфях практически невозможно.

– Вы так думаете? – поднял брови император.

– Уверен, – категорично ответил я. – Я уже это проходил. Сотни человек были казнены за государственную измену во время моего правления. А шпионаж в пользу другого государства – это именно

государственная измена. У меня по закону смертные казни положены в трёх случаях, это государственная измена, нападение и убийство члена княжеской семьи и умышленное убийство трёх и более человек. У вас я бы посоветовал ввести ту же систему. А то ка-аторга... это несерьёзно.

– Вы мне это уже говорили, – напомнил император. – Так что там насчёт верфей и обученных людей?

– Да, конечно, – кивнул я, возвращаясь в прежнее русло беседы. – В принципе, вы отлично знаете, что на территории России можно затерять целые города, не только заводы. Я даже могу построить всё это без вашей помощи, примерно зная состояние вашей казны. Заработать мне на иностранцах не трудно, главное, чтобы вы на следующем балу или развлекательном вечере, не знаю, что у вас будет, представили меня и лично похвалили. Но это всё лучше сделать после того, как я осмотрю и вылечу всю вашу семью. После того как информационная бомба рванёт, деньги у меня будут практически без ограничений. Потому что любой миллионер без колебаний отдаст один из своих миллионов за излечение кого-то из своих близких от заведомо смертельных для этого времени болезней... Подробностей строительства я вам пока не сообщу, но нужно сразу создать секретную службу – без неё никак. Пусть все её служащие формально будут вашими тайными агентами, благо она будет секретная, чтобы у меня душа не болела, но чтобы они охраняли всю среду проекта снаружи и изнутри. К тому же мне ещё нужна военно-морская разведка и небольшая собственная контрразведка под ширмой какой-нибудь безвредной конторы. Этот проект на ближайшие дни с долгосрочной эксплуатацией, обсудим его чуть позже. По предприятиям. Нужно начать с создания их на подставных лиц и акцентировать найм хороших инженеров за хорошие и очень хорошие деньги и под смертельные подписки, после чего купить где-то в глуши помещичье поместье под политехнический научно-исследовательский институт с небольшим опытным бассейном и небольшой кафедрой для выпускников последнего курса или для отобранных дипломников из Петербурга или Москвы. Купить небольшой металлургический завод на Урале с большими окрестными территориями в зону отчуждения – ключевые знания и ключевые технологии сохранятся в тайне. Тут нужен будет казачий полк для охраны, не меньше. Я на этом заводе организую опытное производство под магазинные винтовки и карабины и вооружу ими казаков. Будут испытателями. Нужно ещё пороховой и патронные заводики сделать, но это чуть позже, тоже долгосрочный проект... Дальше, что у нас там? Ах да. Собрать деньги и параллельно провести проектно-изыскательские и проектно-

конструкторские работы, после чего, по мере набора нужных сумм, отправлять всех по местам. В принципе, мне требуется прокатный стан для изготовления катаной брони, хотя можно и как все – ковкой, но раз уж я желаю лучшего, значит, блюминг, потому что корабли очень металлоёмки. Всё остальное производство уже существует – котлы, пушки и остальное. Их можно только слегка подкорректировать, ну... паровые машины сделать тройного расширения, и водотрубные котлы под жидкое топливо, артиллерию достаточно перевести на тротил – и все вопросы решены. Первое время, пока я буду готовить проекты и полуфабрикаты, нужно выбрать место для верфи. Думаю, где-то поглуше, вроде Северодвинска, тем более там...

– А это где? – перебив меня, спросил император и, достав карту, расстелил её на столе.

Найдя нужное побережье, я ткнул пальцем:

– Вот тут, недалеко от Архангельска. Где Двина впадает в Белое море. Нам нужен выход в океан, так как Балтийская лужа будет одной большой проблемой, хотя в глуши, конечно, охрана будет нужна, но это обратная сторона медали – свободы. В общем, ставлю сразу серию из пары тяжёлых крейсеров, думаю, на первое время броненосцы мне вообще не нужны, под двести три миллиметра, максимум двухсотпятидесятичетырёхмиллиметровые пушки... Ну, что-то типа «Рюрика» тысяча девятьсот шестого года, помню, разбираю его конструкцию в морском техникуме, но только без тарана и без среднего калибра. На будущее неплохо бы десяток тяжёлых эсминцев океанского класса или лёгких крейсеров, как кому удобно, можно заказать корпуса на казённых верфях, потом перегнать к достроечной стенке на уже секретный морзавод. Тут ещё обмозговать надо, посмотрим, как получится.

– Ты до этого говорил про какую-то сварку, – напомнил император, жутко заинтересованный моими идеями. – Она тоже будет нужна?

– Сварка? – с сомнением протянул я. – Ну, тут, в принципе, можно обойтись и без неё, незачем гнать прогресс без нужды. Если работать в полностью закрытых и освещённых помещениях, внедрять как можно больше механизации, всякие там гидравлические прессы и пресс-ножницы для раскроя, пневмоболгарки для зачистки поверхностей и заусенцев, пневмомолоты и отбойные молотки для выгибания и клепки. Да ещё если трёхменная работа по строгому графику и с хорошей оплатой, то скорость работ возрастет раз в восемь-десять против существующих. Теперь вопрос о работниках... Ну, и морзавод, и промышленная кораблестроительная школа – всё это бонусом достаётся вам, и вы это отлично понимаете.

Поэтому в самом начале проекта, на стадии сбора денег и людей, нам нужно позаботиться о чём-то типа ПТУ для рабочих, куда набрать двадцать пять – тридцать толковых мастеровых в будущие бригады и около ста молодых учеников-подмастерий на четырёх-, шестимесячные курсы. Простых рабочих для несложных операций потом найдем на месте, с обучением по десять-пятнадцать дней.

– Я так понимаю, на всех постах будут стоять мои люди?

– Естественно, – даже удивился я. – У меня таких производственников пока нет, тут я на вас надеюсь.

– Ты лично будешь участвовать во всём этом? – поинтересовался государь.

– Нет, – покачал я головой. – Даже описание всего этого достаточно масштабно, поэтому подробностей лучше избегать. Поручать всё доверенным людям и изредка поправлять их в нужную сторону, тогда полученный результат не будет ниоткуда, а гармонично вырастет из правильно организованного усилия. Моего усилия. Главное – правильно организовать штабную работу, остальное сделают правильно поставленные люди. Тут тоже нужно поработать кадровикам, чтобы на важные должности не поступили случайные люди.

– Интересное предложение, но что по секретности? Меня беспокоит эта... утечка, как ты её назвал.

– Если въезд в охраняемую зону отчуждения в радиусе пятидесяти километров будет невозможен, потому что она охраняется казачьими разъездами, то секретность сохранится долго. А уже после выхода кораблей в океан всё будет бесполезно, потому что я не дам времени на раскочку... Кстати, в океане на островах нужно поставить пять-шесть тайных баз для моих рейдеров. Но это задача нашей будущей военно-морской разведки.

– У меня на флоте есть разведка.

– Посмотрим, что это за разведка, – усмехнулся я. – В любом случае нужна реорганизация под наши замыслы, а это тоже не быстрое дело. Лучше бы контрразведку создали, иностранная разведка у вас во всех службах прописалась, а выкорчёвывать её некому.

Александр Второй задумчиво осмотрел все записи, что делал за всё время нашей беседы, и протянул:

– Артур, если судить по твоим планам, то первый корабль окажется на воде минимум года через три.

– Полтора-два, – покачал я головой.

– Всё равно не быстрое дело, – вздохнул император.

– Всё и сразу получает только ребёнок, прося у отца конфетку, – засмеялся я. – Я, в принципе, не тороплюсь и дождусь полной доводки кораблей и их испытаний, а потом начну действовать. К тому времени команды освоят корабли, офицеры более-менее осознают, на что они способны, ну а остальное придёт только с боевым опытом. Кстати, офицеров я буду набирать сам, чтобы мне по протекции какого-нибудь тупицу не подсунули.

– Некоторое мои братья и сыновья захотят инкогнито поучаствовать в том рейде, – негромко сообщил император.

– Вы это о чём? – вытаращился я на государя. – О постройке всего этого должны знать только мы с вами и доверенные люди. Никакой информации родственникам, даже думать забудьте! Там же шпион на шпионе сидит и шпионом погоняет! И бумажки, на которых вы писали, сожгите, лично сожгите. Вся информация должна быть в голове, чтобы ни одним словом никакой утечки на сторону. Я у вас тут медик лейб-какой-то там, и всё!

– Хорошо, я, возможно, так и сделаю. Но объясни мне, куда ты хочешь пустить всё свободное время, если фактически постройкой заводов, школ и училищ сам заниматься не будешь?

– О-о-о, – протянул я и, широко улыбнувшись, ответил: – Я решил ударить по самому чувствительному месту нагличан, по их карману.

– То есть? – удивлённо поднял брови государь.

– Я не знаю всех банкиров, которые снабжали деньгами британцев и спонсировали развал вашей империи, но фамилия Ротшильдов стоит на первом месте. Именно благодаря их усилиям по вливанию средств в террористические организации и в большевиков Николашка потерял трон и запустил страну в смуту.

– То есть ты хочешь их уничтожить? – уточнил император.

– Есть такое желание, но у меня появилась другая мысль. Вы что-нибудь слышали о таком понятии, как рейдерский захват?

– Не доводилось, поясни, что это, – заинтересовался государь.

– О-о-о, – протянул я. – Это вершина наглости и хамства в бизнесе. Если объяснить официальным языком юристов, то рейдерский захват – это недружественное, можно сказать, силовое поглощение предприятия против воли его собственников, имеющих преимущественное положение в данном предприятии или его руководителя. Захват бизнеса путём рейдерства называют рейдерским захватом. К рейдерской деятельности также относят корпоративный шантаж. Тоже интересный момент. Я когда безногим лежал и работал на издательство, пару раз пересекался с антирейдерскими организациями, так что тему знаю. Переводил им некоторую специфическую литературу.

– Ты хочешь забрать всё их имущество, – понятливо кивнул император.

– Имущество на втором месте, главное – бизнес, а это миллионы, которые нам пригодятся. Потом можно и других банкиров пощипать, тема перспективная. На этом деле промышленность вашей империи может подняться очень высоко. Тот же шантаж иностранных промышленников, если не удастся купить оборудование, может поднять уровень казённых заводов, включая изменения в условиях работы для рабочих и системы оплаты. Вот именно этим я и собираюсь заняться. Наберу людей, человек двадцать, и займусь рейдерским захватом с одновременным уничтожением поголовья Ротшильдов. Не нравятся мне они. Сидели бы тихо на попе, жили бы, а тут спонсировать начали наших врагов, упыри.

– Артур, планы у тебя, конечно же, интересные, но где ты собираешься брать таких специалистов? У меня их, честно говоря, нет.

– Вы ошибаетесь. Есть у вас такие специалисты, но вы о них просто не знаете.

– Поясни.

– Мне просто нужно посетить тюрьмы и поискать там добровольцев.

– Мошенники? – понял император.

– Именно. Конечно, хороших там найти сложно, они редко попадают, но бывает и на старуху проруха.

– Я отдам распоряжение, тебе подберут кандидатов, сам выберешь лучших.

– Хорошо, только под это дело нужно будет подвести какую-нибудь левую причину. А то вопросы появятся у ваших людей.

– Придумаем что-нибудь, – кивнул император и задал следующий вопрос: – А?..

* * *

С сомнением разглядывая невысокого казачка, я спросил у его

командира, сотника Лукина:

– Точно лучший пластун? Работа на этом направлении ожидается тяжёлая.

– На Кавказе с ним был, дороги патрулировали. Три банды выследил.

– Ну ладно, проверим. Определяй его в кандидаты, – кивнул я. – Давай следующего стрелка.

– Приказной! – окрикнул сотник одного из своих подчиненных. – Зови Зосима.

Продолжал принимать казаков в своё личное войско – государь велел набрать команду под командованием сотника Лукина для личной охраны. Его он отобрал сам. Казаки будут сопровождать меня в поездках по загранице и участвовать в силовых акциях, охраняя также нашу интеллектуальную команду. Я всё-таки набрал спецов для рейдерства. Как и ожидалось, большинство в тюрьме, двоих привезли с каторги, остальных они, когда поняли обширность моих замыслов, позвали сами. Искупление грехов и снятие с них всех судимостей я взял на себя. Многие были согласны иметь чистую историю жизни и неплохо подзаработать. Теперь у меня было тридцать шесть специалистов по мошенничеству, от мелких до гигантов мысли, под общим командованием Афграфия Степановича Мудракова, известного под псевдонимом графа Кельтского. Отличный спец, который вольготно чувствовал себя в светских салонах и на раутах. Ранее он специализировался на поддельных облигациях, но оказался неплохим организатором, и после недельной учёбы встал во главе рейдерской группы, уже потирая руки в предвкушении будущей работы.

Их задача именно рейдерский захват и передача банков и других предприятий уже в руки специалистов императора, он участвовал в этой афере, прибыль пополам. За месяц, прошедший с того момента, когда мы пришли к соглашению о сотрудничестве, я стал всемирно известным человеком-инкогнито. Моих фото не было на страницах газет, пять бойцов Лукина, которые уже пару недель как приступили к своим обязанностям, не давали проводить фотосессии, а одного наглого фотографа из Британии так ещё побили и разбили камеру. О моём отношении к нагличанам теперь знал весь свет. Я их не лечил даже за миллионы. О, кстати, наша шарашка по отъёму у иностранцев денег таки заработала, что подтолкнуло начало работ по созданию морзавода и учебных и промышленных предприятий.

После того как я вылечил большую часть семьи императора – некоторые вернулись из-за границы – и лечения калечных солдат и офицеров, которые приходили ко мне толпами, слава таки подпрыгнула на небывалую высоту. Одного графа я вылечил за полтора миллиона,

осмотрев и подлечив также его семью. Тот, будучи на краю смерти, долго благодарил меня и легко расстался с такой суммой. Он не знал, что буквально через несколько дней после этого в устье Двины зашёл и стал у монастыря парусник, груженный материалами и строителями. Так что деньги графа и других заплативших болезных дали резкий толчок строительству, и теперь транспортные корабли каждый день перевозили материалы и рабочих на начавшую строиться верфь. Уже на месте появился начальник производства инженер-полковник в отставке Георгий Жуков. Он был подобран мной лично, загоревшийся отставник, скучавший на пенсии, с огоньком включился в работу. По охране скажу так: ещё до первого корабля и рабочих туда перебросили две сотни казаков, которые встали на постой в монастыре, пока им не возведут казармы. Разъезды начали плотно работать в округе. По плану ожидалась переброска туда отряда жандармов, обязанность которых – обеспечивать секретность.

Одним словом, дело сдвинулось. Поместье в глуши я тоже купил, оформив на себя. Туда уже начали заезжать строители, готовясь возводить дома и общежитие для студентов. Также там будет на реке возведён утеплённый бассейн с выходом в открытую воду. Строить цельный бассейн я посчитал неликвидным, а так природа поможет.

Как бы то ни было, но работа началась, дело за малым, обеспечить предприятия всем необходимым. Ладно, мелкие производства для кораблей – это мы решили отдать купцам, сделав госзаказ на некоторое необходимое корабельное оборудование согласно заявленным стандартам. Шестеро купцов, что уже заключили с нами контракт и получили часть оплаты, стали шустро модернизировать своё оборудование, понимая, что хорошо поднимутся на госзаказах. Эти шестеро получили аванс из заработных мною денег, триста тысяч золотом. А император, гад, из своих средств пока ничего не дал, с интересом наблюдая, как я выкручиваюсь. Выкручивался ведь. Правда, тут он был в своём праве, денежные средства с его стороны включатся в работу после того, как у меня не будет денег. У меня пока были, тем более я возлагал надежды на активы Ротшильдов, которые и позволят мне не только полностью оснастить наши секретные предприятия, но и частично поднять производства на других заводах. Меня интересовал пороховой казённый завод и пушечный. Также началась подготовка к покупке одного из сталелитейных заводов на Урале из рук одного промышленника, тот как раз заканчивал его модернизировать и продавать пока не собирался. Чёрт, как же железной дороги в Сибирь не хватает! По рекам всего не повозишь.

Так вот, работа спорится. Предприятия и заводы строятся по моим

эскизам и схемам, как я уже говорил, осталось дело за малым. Обеспечить верфи и заводы станками и другим оборудованием. У меня было время пообщаться с инженерами империи, не все они были подданными императора, но знания их были обширны. Так вот, поговорив с ними, я понял, что всё необходимое лучше брать в Германии, она впереди планеты всей по изготовлению специализированных станков и прочего оборудования.

Одним словом, через два дня недавно купленное мной парусно-паровое судно «Пересмешник», кстати, британской постройки, отправлялось в Британию. Командиром стал бывший капитан-лейтенант Лаврентьев, которого сняли с командования парусной шхуной Военно-морского флота Российской империи и вместе с командой, официально уволив, поставили командовать моим кораблём. В действительности Лаврентьев всё ещё числился на флоте. О чём он прекрасно знал, как и о том, что задание у них было специальное. Правда, что именно мы будем делать, он со своими офицерами был не в курсе. Как докладывал мне включённый в команду особист-жандарм, слухи были самые дикие, но к правде ни один даже близко не подходил.

Лаврентьев быстро освоился с судном, получил на борт команду кочегаров и механиков, после чего вышел на Балтику совершать учебные рейсы перед плаваньем. Команда должна была привыкнуть к судну. Вчера после недельного тренировочного плаванья они вошли в порт и встали у одной из пристаней, пополняя припасы и воду. Официально «Пересмешник» считался судном одного торгового представительства, неофициально он был приписан к военной разведке флота. Об этом ведомстве, которым стал командовать бывший полковник разведки, знало очень мало людей. Очень мало. Так что понятно, что кроме команды и группы рейдеров, с нами плыли пока ещё небольшое количество разведчиков. У них было своё задание.

Закончив с приёмом трёх десятков казаков, я оставил сотника формировать подразделения – у нас было шесть унтеров набрано, – а сам в сопровождении охраны поехал к себе. Дом я не покупал, тупо денег на это не было, всё шло на стройку, но снял довольно неплохой двухэтажный каменный особняк. Именно там я жил и принимал обеспеченных пациентов и особо наглых, что лезли без очереди, которых в большей части отваживала моя охрана. Если, конечно, у них не было на руках солидных сумм, тогда мои двери открыты.

Сегодня вызова от императора не было, поэтому я был представлен самому себе и занимался своими делами и делами империи. Сейчас у меня

лечение по записи четырех дворян до шести вечера, трое из них иноземцы, и пяти купцов. Купцы все наши. После шести у меня обед, и к семи я выезжал в казармы Павловского лейб-гвардии полка, где меня дожидались покалеченные отставники, офицеры и солдаты. Уже всем было известно, что я придерживаюсь довольно простых взглядов, и для меня нет разницы между офицерами и солдатами. Я вполне мог перед лечением какого-нибудь графа-полковника в отставке вылечить простого пехотного рядового, который до этого побирался на вокзале или улице.

После излечения я убрал деньги в сейф в кабинете – завтра часть уйдёт в бухгалтерию нашего секретного подразделения, пора платить зарплату и оплатить часть стройматериалов, хотя денег на счетах хватало месяца на полтора, но это НЗ. В последние дни работал я довольно продуктивно, иностранцы своими деньгами поднимали наше производство, даже не подозревая об том. Да что говорить, за неделю мой заработок был три миллиона золотом суммарного дохода. Практически всё ушло на оплату строительства и стройматериалы.

Та же команда «Пересмешника» и сотрудники разведки получали зарплату от меня, так как официально они не проходили через военное флотское ведомство. У нас было своё, которое пока только образовывалось. Правда, офицеры и моряки с казаками этому были только рады. Их зарплаты были в два раза больше, чем на прежней службе, причём это без боевых премий, которые были прописаны в контрактах.

То, что мы выполняем секретную миссию, знали немногие офицеры, но знали со стопроцентной гарантией, потому как они были собраны у меня дома, и нас инкогнито посетил государь, который перед удивлёнными и обрадованными офицерами толкнул речь и взял с них клятву служить с достоинством и верностью, отдавая самих себя службе. Получилось, на мой взгляд, неплохо.

Но это ладно, всё суeta. Вернувшись после Павловских казарм домой, я поработал с секретной документацией, отдавая распоряжения секретарям и помощникам, после чего отправился спать. Следующий день был зеркально похож на предыдущий. Заработал только на шести дворянах и семнадцати купцах порядка трёхсот пятидесяти тысяч рублей золотом. Потом объявил о том, что решил осмотреть дарованные государем земли. Вечером меня посетил бывший ротмистр жандармов, который входил в нашу разведслужбу, и сообщил, что всё готово. Скоро ложная группа с моим двойником направится в одно из поместий, дарованных мне императором, а мы отплывём в Англию. Афишировать свои планы я не хотел. Действовать в Великобритании я собирался под чужими данными.

Утром следующего дня я под видом матроса поднялся на борт «Пересмешника» и прошёл в свою каюту. Все пассажиры уже были на борту судна, поэтому «Пересмешник» под флагом Российской империи отошёл от пристани и направился в открытое море. Когда берега остались далеко позади, я вышел на палубу и, подойдя к капитану, поинтересовался:

– Как прошла тренировка и ознакомление с судном?

– Хорошо, ваше сиятельство, – посмотрев на надутые ветром паруса, ответил капитан.

– Как пушки?

– Отличные пушки, артиллеристы в восторге.

– Отлично, испытаем их по пути в ситуации, приближенной к боевой.

– Ваше сиятельство? – удивлённо повернулся ко мне капитан.

– Я имею в виду постреляем по какому-нибудь британскому кораблю.

– Но это приведёт к войне! По сути это пиратство!

– Это если будут свидетели, а они нам не нужны. Я хочу проверить, чего стоит команда. Тем более, намекну, это будет не первое британское судно, что мы перехватим.

– Но?..

– Всё одобрено на высшем уровне, капитан. В случае отказа порт рядом, вернемся, снимем вас. Вы военный человек или гражданский?

– Не нужно, ваше сиятельство. Я понял, вопросов больше не будет. Надо для государства – значит, надо.

– Хорошо, что мы поняли друг друга. Сейчас отойдём подальше и посмотрим, как вы освоили судно... Прибавить ход.

– Поднять бом-брамсели! – тут же крикнул капитан.

– Убрать паруса и запустить машину, – коротко велел я.

– Есть, – козырнул тот и приступил к выполнению моих приказов.

На палубе кроме греющихся на солнышке казаков, которые с любопытством наблюдали за суетой моряков, был пяток пассажиров, остальные находились у себя или в кают-компании, где играли в карты. Сами моряки, как простые матросы, так и офицеры, были в форме гражданского флота, но никто не забывал, что они до сих пор на службе. Ухватившись за канат и поглядывая на густо дымившую трубу, я наблюдал, как, увеличив ход, идёт против ветра «Пересмешник».

– А неплохо, скоростное судно, не зря я его выбрал из остальных трёх посудин, что продавались с ним.

Это действительно было так. Какой-то купец разорился и начал продавать своё имущество. Вот я первый и успел выкупить двухлетнее

судно тысячи тонн водоизмещения. Почти новое.

В личной собственности у меня тоже было своё судно. Это была паровая яхта с дорогой отделкой, она стояла у причала для яхт, за ней присматривали двое матросов. Так эту яхту мне подарил один германский промышленник за излечение своей дочери, которая тихо угасала, и обследование остальных членов семьи. Полугодовалая пятисоттонная красавица, не имевшая мачт с парусами, мне понравилась. Взял. Уже были попытки императорской семьи выкупить её, да и сам государь посматривал с лёгкой завистью, когда я принимал его на борту своей красавицы, получившей такое же имя, при деловых встречах. Там была отличная, роскошно отделанная красным деревом кают-компания. Плюс хозяйские апартаменты и шесть гостевых спален. Бассейна не хватало, на мой взгляд. Вот когда я был правителем Княжества, у меня была яхта с подогреваемым бассейном, жёны его больно любили, и с палубной артиллерией на всякий случай.

Посмотрев вперёд, я ещё раз окинул судно взглядом и напыщенно сказал с лёгкими нотками смеха:

– Пора потрясти Англию до основания. Чую, пора ей сбросить своё полусонное существование, ведь к ней идёт сам Чёрный Император.

Шли мы до Англии больше десяти дней, да и то потому, что мне всё было интересно, и я вспомнил своё переселение в Америку. Шли мы фактически по тому же маршруту. При этом я трижды провёл боевые тревоги команды и казаков. Последние были не в своей привычной форме, а в гражданской, что воспринимали с некоторым юмором, оружие у них никто не отбирал. Тем более я закупил новейшие на данный момент многозарядные «винчестеры», арамейские «Спрингфилды» и русские «Смит-Вессоны». По два на каждого казака. У команды тоже было новое оружие. Одним словом, вооружил я всех.

Так вот тех, что были усатыми, я оставил, остальные молодые, заросли на подбородке ещё не завели, что и было основным критерием моего выбора. В бородатых казаках сразу признают выходцев из России. Были у меня в подразделении двое бородатых казаков, без них никак было не обойтись. Они были редкой профессии, сапёры, но парни были вынуждены избавиться от бород, и ныне, щупая непривычно голые подбородки, тоже находились на «Пересмешнике».

Как бы то ни было, через несколько дней интересного для меня плаванья мы вышли в Атлантику, забункеровавшись углём в одном из портов Дании.

Был вечер, шли мы под парусами под умеренным ветром с половиной хода, снизили скорость перед наступающей ночью. Ночные столкновения на море не редкость, что зачастую приводит к трагедии, даже сигнальные фонари не всегда спасают, так что лучше обезопаситься. Я был с капитаном полностью согласен и поддерживал его в этом решении. В данный момент, после ужина, когда кок с помощником убрали блюда и посуду со стола, мы играли в покер в кают-компании. Присутствовало трое из рейдерской команды, лейтенант, навигатор «Пересмешника» и я. Остальных я к столу не допускал, шулер на шулере, правда во время второй партии выяснилось, что и лейтенанта мы зря согласились взять. Этот двадцатипятилетний моряк был прожжённым шулером, ловко передёргивая карты. Наверное, лучше мошенников вернуть, они хоть поглубже работают.

Так вот, когда я продувал второй червонец, снаружи вдруг раздался далёкий пушечный выстрел. Мы удивлённо прислушались к этому грохоту, как и к топоту матросов по палубе наверху. Вставший навигатор коротко поклонился и с сожалением сказал:

– Извините, господа, но я вынужден вас покинуть. Служба-с.

Как только он покинул кают-компанию, один из парней рейдерской команды поднял и перевернул карты лейтенанта, после чего другой мошенник с усмешкой перевернул свои. У обоих были червонные тузы. Хмыкнув, я направился следом за лейтенантом. У того были все четыре туза на руках, у меня, кстати, их было два. Шулер, что ещё скажешь? Лейтенант обиделся, когда пассажиры вначале плаванья чуть не раздели его, вот и стал нагло их обыгрывать, используя все свои умения.

На палубе я осмотрелся и, заметив слева парусно-паровой боевой корабль под британским флагом, понятливо кивнул и направился к офицерам на юте, что в позорные трубы рассматривали англичанина.

– Что тут происходит? – спросил я.

– Приказывает лечь в дрейф и принять досмотровую партию.

– Мы в нейтральных водах, они не имеют права этого делать, – буркнул я и, приняв у капитана трубу, осмотрел корабль англичан. – Двадцатишестипушечный бриг. Идёт под паровой машиной, паруса свёрнуты.

В это время раздался второй выстрел, и впереди по курсу поднялся столб воды от врезавшегося в волну ядра. Осмотревшись, я услышал вопрос Лаврентьева:

– Ложимся в дрейф, ваше сиятельство?

– Нет, за такую наглость надо учить. Они под паром идут против ветра.

Мы быстрее. Поворачиваем и уходим за пределы действий его артиллерии. Поднимаем пар в котлах и готовим обе наши новые пушки. Артиллеристы уже подсчитали предельную дальность его выстрелов?

– Так точно, ваше сиятельство, – вышел вперёд другой лейтенант. – Она на треть меньше, чем у наших новейших пушек.

– Это хорошо, вот что значит удлинённые стволы и нарезы в стволах, – довольно кивнул я. – Капитан, командуйте боевую тревогу.

Пушки были экспериментальные, их изготовили по моим чертежам на казённом пушечном заводе с соблюдением всех мер секретности. Две пробные единицы были доставлены на «Пересмешник». Должно было быть четыре пушки, но остальные оказались с браком, и их заменили обычными. В данный момент они стояли заряженные книппелями и ждали своего часа.

– Есть, – по привычке козырнул тот и начал отдавать распоряжения.

– Ха! – ещё раз осмотрев горизонт, хмыкнул я. – И ни одного свидетеля вокруг!

Из-под обстрела мы ушли, хотя и пришлось выдержать ещё два выстрела из носовых пушек брига, одно ядро прошло мимо, второе, оказавшееся бомбой, разорвалось на корме, ранив двух матросов и убив одного. Это уже был беспредел, и разозлились все. Я быстро вернул в строй убитого и раненых, и пока их уносили, обессиленных от кровопотери, в кают-компанию, где был оборудован временный лазарет, стал внимательно наблюдать за действиями англичанина, который прибавил ход – это было видно по дыму, и, сменив курс, начал поднимать паруса, чтобы идти с нами одним курсом и скоростью. Ветер это позволял. Наша машина тоже начала дымить, но нормально температура ещё не поднялась.

– Ночь нам поможет, – сказал подошедший Лаврентьев. До этого он отдавал команды на ремонт повреждений. Одна из шлюпок, что висела на шлюпбалках по правому борту, была изрешечена осколками, два каната повреждено. Их уже заменили, а шлюпку сбросили за борт, посчитав неремонтопригодной.

– Не требуется. Мы уже вышли за пределы действия артиллерии англичанина, а он из нашей зоны поражения всё ещё не вышел. Сейчас поворот на правый борт, пройдем у него по левому борту, не подставляясь под бортовой залп, и открываем огонь на поражение со всей возможной скорострельностью. Всё ясно?

– Так точно, – кивнул капитан и стал отдавать приказы перетаскивать пушки на правый борт – они были на колёсиках, и проблемы с этим не было.

К пушкам встали самые лучше наводчики Лаврентьева и после поворота сразу открыли огонь с периодичностью один выстрел за полминуты. Стреляли мы сначала бомбами, начиненными пироксилином. Один выстрел вызвал пожар на носу британца, который довольно быстро погасили. Но когда мы сблизилась, то стреляли уже книппелями, сбив-таки одним из выстрелов грот-мачту. Та рухнула на левый борт, закрыв парусами часть артиллерии англичан, что бортовыми залпами стреляла по нам в ответ.

– Если они сейчас выстрелят, то подожгут паруса, – прокомментировал я. – О, выстрелили... Идиоты.

Оставаясь вне пределов действия артиллерии британцев, мы на паровом ходу со спущенными парусами с безопасного расстояния расстреливали их корабль. Дальность, конечно, была велика, и поначалу наводчики мазали, но постепенно они приноровились и попадать стали всё чаще и чаще.

Вдруг британец содрогнулся, раздался оглушающий взрыв, и бриг переломило пополам. В воздух вместе с обломками поднялось облако пара.

– Котлы рванули, – прокомментировал я и скомандовал капитану: – Идём на сближение с обломками. Сотнику Лукину выстроить казаков вдоль бортов. Ни одного живого британца не должно быть. Хотя нет, если будет офицер, поднимите его на борт, хочется пообщаться с этим индивидуумом. Нужно узнать, какого хрена им от нас надо было.

– Есть, – козырнули Лаврентьев и Лукин, занявшись выполнением приказов.

Наводчики, сидя на лафетах пушек, курили трубки, выпуская дым. Они довольно улыбались, поглядывали через фальшборт на приближающиеся обломки британца в двух кабельтовых от нас.

– Стоп машина! – расслышал я, как один из офицеров скомандовал в переговорную трубку на юте. – Полный назад!.. Стоп машина!

После команды Лукина загрохотали выстрелы винчестеров казаков. Часть команды со своими дальнобойными «Спрингфилдами» тоже включилась в забаву. Они полностью поддерживали моё мнение, что не хрен нас было трогать. Ишь, владычица морей! Всё, её владычество идёт к закату... Пока только с первым кораблём. Но ещё не вечер, хотя нет, ночь наступила.

Команда зажгла фонари и стала в сгущающейся темноте в обломках искать хоть что-то живое. Офицеров найти не удалось, в основном в воде плавала оглушённая матросня, так что стреляли на поражение.

– Как закончите, прежний курс, – велел я Лаврентьеву, а сам направился в кают-компанию продолжить партию в карты. Лейтенанта я не

звал, наглый больно и мстительный.

Сыграв пару партий, мы разошлись. Я в свою каюту, остальные по кубрикам, где им были выделены койки. Пассажирских кают на всех не хватало, хотя «Пересмешник» как раз и был грузопассажирским судном. Пассажиров было слишком много, а с учётом того, что на судне была флотская команда, то есть порядка сотни моряков плюс механики и кочегары, да ещё артиллеристы, шесть расчётов, казаки, но те на палубе спали... «Пересмешник», конечно, довольно крупное судно, но не резиновое.

Через три дня впереди показались берега Англии, и мы направились к ним, слегка подкорректировав курс, чтобы идти вдоль берега к городу-порту Эдинбургу. Это была наша отправная точка в крупной афере на землях Англии.

* * *

Потянувшись, я поднял руки и сделал боковую раскачку, массируя позвоночник. Шестичасовое сидение за столом дало о себе знать, так что спина и окружение седалищного нерва слегка затекли. Встав, я положил перьевую ручку на стол и, обойдя его, подошёл к распятому на самодельной, но от этого не ставшей безболезненной дыбе мужчине. Разглядывая жертву – плечевые суставы уже посинели, пару часов назад руки с хрустом вышли из них – я повернулся к Мудракову, что с двумя помощниками сидел на лавке рядом:

– Вы поняли, что нужно сделать?

– Да, ваше сиятельство. Но при такой спешке мы теряем порядка трети средств на счетах Ротшильдов. Притом если продавать банк и их дома в Англии, то это тоже упадок в цене.

– Это не имеет особого значения, – покачал я головой. – В нашем случае нужно сделать всё быстро, чтобы административные органы англичан не обеспокоились законностью сделок по продаже имущества наших клиентов. Напомните своим подчинённым, что чем быстрее и дороже они продадут всё это имущество, тем выше будет их процент от сделки.

– Они в курсе, уже получили свои проценты от первых сделок, – кивнул Афграфий Степанович, поднимаясь с лавки. Его подчинённые тоже поднялись.

– Как бы то ни было, все бумаги с нужными подписями у вас на руках. Наличные после сделок передадите курьерам, как и договаривались, после чего вы свободны. Работайте.

Кивнув, набравшиеся некоторого опыта в рейдерских захватах мошенники покинули подвал снятого нами дома и укатили на коляске заниматься порученными им делами.

– Командир, – спросил один из казачков, кивнув на висевшего на дыбе человека, – этого к остальным?

– Да, он нам больше не нужен.

Казак подошёл к барону Натаниэлу Ротшильду и ударом кинжала отправил его в мир вечной охоты. Потом с напарником они сняли его с дыбы и отнесли в кладовку, бросив на ледник, где уже лежали тела десятка крупных промышленников и банкиров Англии. Их уже начали искать – ложные письма, писанные их руками, якобы они отъехали по срочным делам, уже не действовали.

– Уходим, – коротко велел я, и мы, собравшись, навсегда покинули этот дом.

Как бы то ни было, хотя три недели пребывания в Англии прошли для нас в спешке и второпях, но пятьдесят пять тонн золота в трюме «Пересмешника» намекали, что всё это было оправданно. Да что золото и пять тонн серебра! У меня в каюте в шести бочонках находились драгоценности на двадцать миллионов рублей золотом! Одним словом, мы конкретно опустили британцев на деньги. Теперь особо можно не беспокоиться отсутствием средств, хватит на всё.

Остальные суммы парни Афграфия Степановича должны были перевести в банки САСШ на разные подставные лица. Эти лица были сотрудниками нашей разведки, уже достигшими берегов Северной Америки. Их задача – закупка на эти деньги транспортных кораблей и перевозка купленного оборудования на территорию России. Большая часть купленных заводов после демонтажа и доставки в Российскую империю будет продана в частные руки, чтобы поднять производства того, что приходилось закупать за границей, на высокий профессиональный уровень в своей стране. Остальное пойдёт на казённые заводы и наше тайное предприятие. Одним словом, огромная афера по отмыванию денег и подъёму промышленности России близилась к завершению.

Да, кстати, барон был последним из Ротшильдов в Англии, остальных мы уже отправили кормить рыб и земляных червей. Больше твари не будут вредить нам, как это было в моём мире, и спонсировать войну британцев с нами.

Собрав вещи из комнат снятого дома – оплачено было ещё на месяц – мы на трёх колясках разными маршрутами покатали по тесным улочкам Лондона в сторону торгового порта, где и находился «Пересмешник»,

терпеливо дожидавшийся нас.

На трапе меня встретил капитан Лаврентьев, доложив, что на борту всё нормально.

– Это хорошо, что нормально. Готовьтесь, с отливом уходим в Россию, – велел я, разглядывая английский броненосец, что стоял на противоположной стороне порта и запасался припасами и свежей водой. – Похоже, отплывает скоро.

– Да, – с некоторым налётом зависти кивнул капитан и тоже посмотрел на броненосец. – Это «Глаттон», недавно спущенный на воду и только-только приступивший к морским испытаниям новейший броненосец береговой обороны. Флот его ещё не принял в строй, но испытания проводят военные моряки с частью разработчиков.

– Да-а-а? – заинтересовался я и стал с интересом разглядывать броненосец, делая вывод: – Утюг. И плавает, наверное, так же.

– Может, и так, – пожал плечами Лаврентьев. – Я изучал возможность постройки таких кораблей. Развитие прибрежных броненосцев российского флота было тесно связано со становлением российского броненосного флота вообще, проходя в специфических условиях, сложившихся после, надо признать, сокрушительного поражения в Крымской кампании, которая показала фактическую беззащитность наиболее важных областей нашей империи, включая столицу, против флота, состоящего из современных кораблей. Началось оно в тысяча восемьсот шестьдесят первом году с заказа в Великобритании для Балтийского флота броненосной батареи «Первенец» – первого русского броненосца. По этому образцу у нас было построено ещё два корабля – «Кремль» и «Не тронь меня». Эти корабли были своего рода плавучим продолжением фортов, защищавших Петербург от вторжения с моря.

– История, конечно, интересная, рассказываете как по писаному. Но что вы скажете об этом «произведении искусства»?

– За конструктивную основу был принят большой американский монитор «Диктатор», но на «Глаттоне» был установлен бронированный бруствер, за которым разместили башню главного калибра и надстройку. «Глаттон» имеет самый низкий борт среди бронированных кораблей Королевского флота, причём его можно даже уменьшить, принимая воду в пустые угольные отсеки. Вооружение составили два трёхсотпятидесятидюймовых дульнозарядных орудия, самых мощных на этот период в британском флоте, а доля водоизмещения, отведённая на бронирование, оказалась рекордной – тридцать пять процентов.

– Это ты откуда узнал?! – искренне удивился я.

– Заказал британскую прессу, особенно газеты и журналы по военноморскому флоту. Там по местным кораблям всё довольно подробно описано.

– Хочешь получить под командование этот броненосец? – спросил я у Лаврентьева.

– Такой же? – уточнил тот.

– Нет, именно этот.

– Подождите, князь, но англичане не собираются его продавать. В прессе уже было указано, что и мы и Норвегия пытаемся купить его.

– Так я и не предлагаю купить его. Я предлагаю взять его себе силой. Потом перегоняем его, например, в Германию и официально продаём под видом дезертировавших англичан за символическую сумму флоту России. Германцы возникать не будут да ещё поддержат нас, они сейчас с британцами на ножах и не упустят возможность больно щёлкнуть тех по носу. Нам, конечно, этот утюг на хрен не сдался, но железо пригодится. Ха, доставка металла прямо к нашей верфи! Самодвижущийся источник металла!

– Я не думаю, что государь и адмиралтейство это одобряют, – с сомнением сказал Лаврентьев.

– Не волнуйся, всё это я беру на себя. Тут главное, как перегнать его через Атлантику сперва в Германию, а потом в Архангельск с учётом, что скоро там будет закрыт мореходный путь с наступлением зимы. Хотя эта дура неплохо бронирована и сможет дойти до порта.

– Вы так планируете, ваше сиятельство, как будто этот броненосец, вооруженный и готовый к схватке, уже у вас в руках. Между прочим, сегодня он уходит на маневрирование с последующими артиллерийскими стрельбами.

– Да? – рассеянно спросил я. – В принципе, с захватом как раз проблем не встанет. Меня больше беспокоит именно его перегон. Угля он наверняка жрёт немерено. Сколько там котлов, интересно?

– Но команда! Для него нужна команда! – в отчаянной попытке отговорить меня воскликнул Лаврентьев. Не отговорил.

– А вот это уже ваша проблема. Собирайте офицеров, механиков и кочегаров и устраивайте совещание, как его будет возможно перегнать в Германию. Дальше уже перегоним не мы будем заниматься. Не наши проблемы. Можете забрать две трети команды и всех офицеров. Мне десяти матросов хватит, чтобы самому перегонять «Пересмешник» в Питер. Всё, работайте, а я пока начну подготовку к его захвату.

– Подождите, но как вы собираетесь продавать его в Германии, если по-

английски кроме вас говорят всего трое, да и то с грехом пополам? – всё пытался найти причину отказа от, как он считал, самоубийственной затее Лаврентьев.

– Тоже мне нашли проблему. У нас шестеро мошенников на борту, которых от англичан не отличишь, оденем их в форму матросов и офицеров-британцев, вот они и сыграют написанную им роль. И вообще, капитан, не отвлекайте меня, у вас есть задание, вот и займитесь его решением. Кстати, командовать перегонном будете вы на мостике броненосца, так что ответственно отнеситесь к этой задаче. А я поспешу, а то вижу, как там разводят пары, через час-полтора броненосец отойдёт от стенки, нужно поторопиться.

Капитан, который мне своим характером нравился всё меньше и меньше – не авантюрен он, отправился выполнять мой приказ, а я занялся подготовкой. Велел Лукину готовить казаков для абордажа броненосца – вот уж кто с восторгом поддержал меня! – а сам спустился в каюту, забрал там несколько нужных вещей и прошёл в кают-компанию.

– Господа. Извините, что нарушаю вашу игру, – обратился я к присутствующим. – Но появилась новая работа. Мне нужны Игорев и Евсеев, остальные могут дальше заниматься своими делами.

Когда мы поднялись на палубу, более уверенный Евсеев спросил у меня:

– Оплата договорная?

Из трёх десятков мошенников на родину возвращались только эти шестеро, двенадцать решили поступить на службу в военную разведку и сейчас осваивались в разных странах, скупая предприятия и заводы. Контроль над ними будет наш. Кто решил осесть в Америке или других странах – заработали они нормально, – а кто-то «случайно» погиб, когда пытался нас кинуть. Таких умников было двое.

Работа по рейдерству была закончена, эти шестеро, получившие искупление всех грехов и неплохо заработавшие, возвращались с нами в Россию к семьям, но от попытки заработать ещё денег они не отказывались.

– А как же. Пятьдесят рублей золотом каждому. Работёнка у вас будет самая простая. Сейчас переодеваетесь под американцев. Винную лавку помните?

– Мистера Лумиса?

– Её. Так вот, нанимаете две грузовые повозки, покупаете там грогу и рому десяток бочонков, он там неплох, и отвозите всё на вон тот броненосец. Поторопитесь, он скоро отходит. Но предварительно

накапайте в каждую бочку вот этого средства, – протянул я Евсееву литровый стеклянный пузырёк.

– Какой процент на литр?

– Полкапли с головой хватит, – усмехнулся я. – Дежурному офицеру скажите, что это подарок с американского монитора, он за мысом стоит, об этом все знают. Говорите с американским акцентом, причём так, чтобы и на пирсе прохожие и зеваки вас слышали. Всё, бегом, отрабатывать свои деньги.

Через минуту оба афериста скрылись в припортовых улочках, а я, расположившись на парусиновом стуле с трубой в одной руке и свежим соком в другой, наблюдал за броненосцем и тем, что творится рядом с ним. Народу там хватало.

Через час на моих глазах на большой скорости к кораблю подъехали повозки, гружённые бочками. Трап от меня борт броненосца скрывал, и я не знал, что там происходит, но догадывался. Минут двадцать я терпеливо ожидал – пока рядом Лаврентьев трясся как на иголках – продолжения аферы. Наконец появились пустые повозки, зеваки хвалили моих мошенников, жали им руки. Наконец, те освободились от благодарной аудитории и скрылись в улочках. На «Пересмешник» они вернулись порознь и предварительно переодевшись, сменив, так сказать, имидж.

– Ну что ж, господа. Отходим на крайней точке отлива, дальше действуем по обстоятельствам.

Англичанин, дымя трубами, уже давно ушёл в открытое море, когда, наконец, снялись мы и в сопровождении ещё одного торговца, но уже чисто парусного судна, направились в открытое море. Чуть позже шхуна повернула и пошла в сторону Испании, а мы взяли курс на Данию. На горизонте были пара посудин, и не хотелось подставлять «Пересмешник» тем, что он идёт за «Глаттоном». Вот на горизонте будет пусто, тогда и пойдём следом.

Британские моряки – большие любители грога и рома, но то, что им поставляет флотское ведомство, нельзя назвать нормальными напитками, а вот в лавке Лумиса спиртное действительно отличное. Так что моряки в первый день откупорят заряженные бочонки. У них положено к завтраку, обеду и ужину выдавать определённое количество спиртного. Ужин уже прошёл. Будем надеяться, что всё пройдёт штатно.

– На горизонте чисто! – крикнул наблюдатель с марса.

– Идём следом за «Глаттоном», – приказал я Лаврентьеву. – Как только он покажется на горизонте, позовите меня, я буду в каюте.

– Хорошо, ваше сиятельство.

Ожидание длилось томительно, когда, наконец, прозвучало сообщение, что наблюдатель засёк броненосец, и, кажется, тот лежит в дрейфе.

– Будем надеяться, что заряженные напитки отведали все, – сказал я, поднимаясь на палубу. – Яд не мгновенного действия.

Подойдя к броненосцу на близкое расстояние, мы спустили три шлюпки и направились к борту этого монстра. Первыми полезли казаки, мы за ними. Через полчаса, когда совсем стемнело, стало ясно, что на корабле было два десятка живых и четыре сотни мёртвых со следами мучительной смерти. С пеной изо рта и другими симптомами.

Пока Лаврентьев с хмурыми из-за такой победы офицерами осматривали корабль, а механики с кочегарами поддерживали температуру в котлах, я задумался, облокотившись о фальшборт. Пока мы догоняли броненосец, у меня было время подумать. В принципе, геморрой с этим утюгом мне был не нужен, и я решил от него избавиться. В общем, он нам действительно на хрен не нужен. Пока казаки таскали тела погибшей и добитой команды в трюм, я принял окончательное решение и вызвал на палубу всех офицеров.

– Значит, так. Корабль мы продавать не будем, как и афишировать якобы дезертирство англичан. Да и мало кто в это поверит. Слишком много шума и дипломатических скандалов будет с его появлением где бы то ни было. Я решил продать его третьим странам, которое находятся в натянутых отношениях с англичанами. Всем всё ясно?.. Поэтому слушайте приказ: нужно отогнать этот утюг подальше и хорошенько спрятать. Предлагаю на островах, есть необитаемые с хорошими бухтами. Там и поставим его на якорь. По всем прикидкам угля как раз должно хватить.

Вопросы были. Ответив на них, я приказал Лаврентьеву выполнять моё решение, а сам пошёл осматривать котлы в котельном отделении. Те меня заинтересовали, как-никак тройного расширения.

Дальше всё было, как я и велел, корабль на полном ходу направился на север. Там действительно были острова, где можно было спрятать эту громадину. Ну а мы следовали чуть в стороне, сопровождая броненосец всю ночь. Утром поднялось волнение, что сразу показало плохие мореходные качества этого утюга, вынужденного идти на самом малом ходу, зарываясь в волны. Пока эта гора железа тащилась к острову, мы успели туда сходить и найти отличную закрытую бухту. Потом завели туда броненосец. Думаю, его уже ищут, как и тот бриг, что мы пустили на дно, три дня прошло, как мы его угнали, поэтому мы торопились.

Потом было торопливое снятие трюфеев, пороха, части запасных узлов механизмов, там механики шуровали, и после того как порядка ста человек

перешли на «Пересмешник» с «Глаттона», тот остался в бухте на двух якорях с потушенными топками. Не думаю, что его кто-то обнаружит. Казаки исследовали весь остров, тот был пуст, кроме чаек никого, одни скалы. С моря корабль тоже было не видно, его закрывали прибрежные скалы, идеальное место для отстойника. Одним словом, я надеялся по возвращении найти его на месте. От тел команды мы тоже избавились. Ещё по пути их с грузом на ногах побросали в открытое море. Ну, а мы под всеми парусами направились к Дании, пора было возвращаться в Питер, дела не ждали.

А от Лаврентьева придётся избавиться, взять с него ещё одну расписку о неразглашении и отправить куда-нибудь служить. А если будет трепаться, что вряд ли – Лаврентьев старался держать слово, то мёртвые не говорят.

До Питера мы дошли на удивление нормально, ну а дальше меня закрутила рутина лечения и организация промышленности. По последнему император всё возложил на меня и только наблюдал.

Больные съезжались со всего мира. Обеспеченные и нет, те, кто приплывал на собственных яхтах или кораблях, и те, кто брал кредиты, чтобы добраться до меня. Я был последней их надеждой. Таких я лечил бесплатно, мгновенно определяя, кто есть кто, беря за них плату с богатых. Попадались, конечно, скряги, которые узнавали, что я лечу бедных бесплатно, и переодевались под таких нищих, но ничего, кроме улыбки, у меня их попытки не вызывали. Я им сразу говорил, кто они, и повышал сумму оплаты на треть, если это их не устраивало, скатертью дорога. Им могли помочь только священники и Господь Бог. В большинстве случаев. Я клятву Гиппократа не давал, плевать я на них хотел.

М-да, а ведь полтора года прошло с того рейда в Англию. За это время я стал одним из самых известных врачей на Земле. Некоторые священники даже начали причислять меня к лику святых. Я когда об этом узнал, хохотал несколько минут. Так вот, всё-таки большое облако и огненный меч архангела за это время проявились. Из-за облака способности по врачеванию усилились на несколько порядков, чего у меня не было в том мире. Теперь я мог видеть за несколько метров, кто чем болел, буквально как рентгеном просвечивая одежду и тела. Вид тот ещё, но ничего, приноровился и даже стал развлекаться, используя эти умения. Например, я мог подсчитать до последней купюры, что у кого лежит в бумажнике или карманах. Но, к сожалению, эти мои умения – лечить на расстоянии и заглядывать в бумажники – действовали всего лишь на

расстоянии пяти метров, но и это я воспринял с благодарностью.

Это было ещё не всё, я могу воздействовать на больных и по своему разумению менять структуры и возможности их органов. Я об этом узнал случайно и тренировался на некоторых больных, пока не набил руку. Те всё равно ничего даже не подозревали. Одним словом, набив руку, я понял, какая сила у меня в руках, причём в последнее время вокруг начали твориться некоторые странности, и я решил воспользоваться этими умениями в отношении императорской семьи. Подстраховался, так сказать.

Эти умения были от облака, от меча было только одно умение, я бы даже не сказал, что очень мне нужное. Я не курил. Так вот, где-то год назад я случайно вызвал огонёк из указательного пальца правой руки, такой небольшой язык пламени сантиметров пять длиной. Правда, после года тренировок он увечился ещё на пять сантиметров и напоминал факел. Но я не отчаивался – раз увеличился, значит, можно из него ещё что-то получить. Об этих моих умениях никто не знал, я никому не рассказывал, держа в секрете.

О моём отношении к англичанам знали все, я их принципиально не лечил, хотя некоторые обращались ко мне через императора, тогда выполнял просьбу. За очень большие деньги, но никогда бесплатно. Остальные оставались с носом.

Теперь по остальным нашим делам. Морзавод на Двине всё-таки был закончен, и его десять стапелей наконец заработали. Думаете, мы начали сразу строить боевые корабли? Ну, в принципе, да, на шести стапелях начали закладывать корпуса будущих четырёх тяжёлых и двух лёгких крейсеров, но на четырёх других, где набивали руку корабелы и инженеры, начали стремительно расти корпуса транспортников, которые поступят флоту. Это были цельнометаллические суда с небольшим вооружением на носу и корме типа «Хог Айлендер». Через полгода после закладки первого корабля он был спущен на воду. Как раз была весна, и, пройдя ходовые испытания, судно поступило на службу на флот. Где было мгновенно оценено по достоинству.

По моему совету, в случае войны его предполагалось переоснастить под вспомогательный крейсер. Потом были спущены другие транспортники, и они тоже поступили на флот, а на стапелях была заложена следующая партия этих судов. «Хог Айлендеры» очень заинтересовали американцев и англичан, да и другие страны проявили жуткий интерес к ним, и к моему большому огорчению и ярости, император, не спрашивая моего разрешения, начал продавать генеральные лицензии на их постройку, передавая чертежи. Это был подлый удар в

спину, о чём я ему и заявил. Даже после долгого и серьёзного разговора мы остались каждый при своём мнении – тот не имел права продавать мои идеи. Однако император твёрдо пообещал, что с крейсерами такого не будет, это, мол, не в его интересах, но первый звонок прозвенел, и я уничтожил все бумаги в конструкторском отделе, вызвав приступ ярости на этот раз у императора. Я об этом чуть позже узнал, не сразу.

Потом я увлёкся своими крейсерами, набрал команды и офицеров для них и начал тренировки, команды знакомились с кораблями, которые строились прямо на их глазах. Наконец был спущен на воду корпус первого крейсера, отогнан к причальной стенке завода, и началось его оснащение, длившееся два месяца. Корабль получил имя «Пётр Первый».

Как только море очистилось от льдин, начались ходовые и артиллерийские испытания, крейсер показал себя просто великолепно, а вчера, когда мы заканчивали месячные испытания, к нам подошла яхта императора. Там самая, которую я получил в качестве платы и чуть позже подарил государю, и тот ею довольно часто пользовался. Он уже шесть раз посещал морзавод инкогнито.

Ко всему прочему, месяц назад было спущено на воду ещё два корпуса, и на данный момент заканчивалось их оснащение. Через пару месяцев можно начинать мой первый рейд. Два транспорта уже готовы под мои задачи, первый был оборудован под танкер, крейсера и транспорты двигались на мазуте, второй пока отсутствовал, оснащал базы на островах. Думаю, двух тяжёлых и одного лёгкого крейсеров пока хватит для первого рейда, потом будут готовы остальные корабли.

Одним словом, в оснащении этих верфей, морзавода и предприятий, что выдавали оборудование и вооружение для кораблей, я вложил душу. И сейчас, сидя за столиком вместе с государем на огромной корме крейсера, просто наслаждался жизнью, довольством свободой и собой. Ведь удалось довольно быстро построить крейсера и получить то, что хотел. Тут я обратил внимание, что команды крейсера вокруг не наблюдается, а были в основном офицеры, прибывшие на яхте Александра Второго. Это заставило насторожиться, мне не понравилось выражение их лиц, и я активировал одно из своих умений, мало ли что.

Мгновенно перейдя из расслабленного состояния в боевой режим, я осмотрелся. Император заметил моё преображение и, вздохнув, сказал:

– Артур, я благодарен тебе за всё то, что ты сделал, ты даже не подставляешь, как ты помог моему государству в оснащении большей части предприятий, но я вынужден тебе сказать, что не дам тебе корабли. Мне сейчас не выгодно ссориться с Британией.

– У нас договорённости, – тихо сказал я, мрачно покосившись на офицеров, которые обступили нас, в основном со спины государя. У меня за спиной было чисто, только леера лежавшего в дрейфе крейсера и тёмные воды Белого моря. – Ваше решение навсегда останется на вашей совести тяжким грузом. Подумайте об этом.

– Я сожалею, но вынужден тебе сообщить, что наши договорённости, как ты говоришь... аннулированы. Извини и прости меня, раба грешного.

Тут раздался выстрел, я не успел метнуться в сторону, и тупоногая пуля попала мне в голову, пробив висок. Голова практически развалилась, но сознания я не потерял, мое тело было моим разумом. Сил фактически не было, но я мысленно метнул в сторону императора ключ-активатор,

отомстив ему за всё. Пока тот бормотал на коленях, шепча молитвы, даже не подозревая, что я делал, офицеры быстро обмотали меня просмоленными канатами, умело пристроили к ногам пушечное ядро и перевалили через леера. Я никак не показывал, что был в сознании, но как только оказался в воде и в облаке пузырьков пошёл на дно, залечил все раны, отчего жутко захотелось есть. Ещё бы, ведь я использовал все ресурсы тела, заметно похудев.

По воле случая крейсер лежал в дрейфе над небольшим подводным хребтом, находившимся на глубине шестисот метров. На триста метров дальше, и мне бы пришлось спускаться на километровую глубину и ниже, а там у меня шансов бы не было. В совершенстве владея своими умениями, я остановил сердце и лёгкие, самостоятельно наполняя кровь кислородом, и усилил кости с кожным покровом. На километровой глубине мне бы это не помогло, но тут я ещё держался, правда с трудом. Используя то, что моя худоба позволила шевелиться в канатах, я, дергаясь, за полчаса освободил одну руку и начал развязываться, наконец я освободился и, работая ногами и руками, начал подниматься с глубины на поверхность. Наверху был день, и солнце освещало море. Однако тёмных масс крейсера и яхты над собой я не обнаружил. Они не стали тут задерживаться и ушли.

Вынырнув на поверхность, я быстро привёл свой организм в порядок, только слегка изменив его, всё-таки вода была ледяной, и только тогда осмотрелся. Где-то на горизонте ещё виднелись дымы яхты и крейсера, но они были далеко. Под водой я находился порядка трёх часов.

– Ты на всю жизнь запомнишь это своё решение, – зло пробормотал я и поплыл следом. Именно в той стороне и была земля – одним словом, самое короткое расстояние.

Через пару часов злость на императора прошла. Он ещё сам не знал, что я уже полностью отомстил за это его предательское решение. Подозревая, что он что-то учудит – правда, я не ожидал именно такого, – за полгода внедрил во всю его семью не передаваемый другим собственноручно разработанный мною вирус. Он находился в телах всех членов императорской семьи, и запустить этот вирус мог только ключ, который я успел внедрить в императора, сам он таким вирусом заражён не был. Заразил я этим вирусом действительно всех, и как только император встретится с одним из своих родственников, вирус активируется и пойдёт цепная реакция, родственник передаст его следующему, а тот следующему, и меньше чем через месяц они все умрут в жутких муках на глазах Александра Второго. Ну, хотя бы часть на глазах, остальные кто где. Останется он только один, вот тогда и попомнит мои слова, что зря он меня

предал.

Тут мне пришло в голову, что Николашку ко мне так и не подводили, я так с ним ни разу и не встретился, и над свинцовыми водами Белого моря, где торчала одна моя голова, раздался яростный мат. Видимо, Александр помнил мои слова, что я сверну ему шею при первой же встрече. И плевать мне было, что ему всего три годика на то время.

– Похоже, у России на роду написано иметь императором Николая Второго, – криво усмехнувшись, пробормотал я, после чего продолжил энергично плыть к берегу. Надеюсь, дня за три доберусь, всё-таки сто километров пути, плюс-минус.

До берега я добирался два дня, из-за отсутствия пищи приходилось тратить собственные резервы, так что из моря я вылез высушенный, как скелет. Пару раз мне удалось, ныряя и гоняясь за стайками рыб, поймать одну, да и то используя свои возможности – я заставлял рыбину остановиться. Жаль, что мои возможности действуют на столь коротком расстоянии. Потом, покачиваясь на волнах и отплеываясь от чешуи, я ел сырое мясо, ел жадно, рыча от удовольствия. Так и плыл. Если бы не пара рыбин, наверное, не доплыл бы. Возможностей организма бы не хватило, и так затратил все резервы.

Скользя на камнях, один раз сломал ногу и заживив её, я преодолел прибой и выбрался на берег и расположился на округлых, чёрных от влаги камнях, тяжело дыша. Этот последний рывок дался мне очень трудно.

Немного отдышавшись, я собрался с силами и, собрав выброшенное на берег дерево – были и ветки, и стволы деревьев, и даже части деревянных корпусов кораблей, – запалил небольшой костерок от пальца и стал отогреваться. Конечно, я так настроил свое тело, что холод меня особо не брал, но всё-таки тепло мне было нужно, и я тянулся к нему.

За всё время плавания я избавился только от сапог, сюртука и пояса, что тянули меня на дно, остальное было при мне. Так что я быстро снял промокшие и начавшие расползаться на швах штаны и белье и подвесил их у костра, чтобы они высохли. Осторожно выжать материю я не забыл. Пока одежда сохла, я голышом, морщась от своей истощённости – действительно настоящий скелет, – начал ходить по берегу в поисках выброшенной волнами рыбы. В данный момент не до брезгливости, выхода другого не было. Я нашёл на кромке воды такую рыбу, но тут заметил вдали группу чаек. Спугнув их, я обнаружил довольно свежего, объединенного, видимо касаткой, то ли тюленя, то ли кого-то схожего. Выбросив рыбу, я отбил от камня другим камнем острый обломок и,

используя его вместо ножа, отрезал себе приличный шмат действительно свежего на вид мяса. Соль я наскоблил с камней – немного набралось, но мне хватало. Пока мясо жарилось над костром – на угли падал жир и вспыхивал, шипя – я проверил, как одежда, – она всё ещё была сыровата, – и продолжил греться у огня, поглядывая вокруг и за мясом.

Пока было время, я размышлял над дальнейшими планами. В принципе, эту партию я проиграл, тут по-другому и не скажешь. На этой шахматной доске шах и мат мне поставил император, подло и бесчестно, но для правителя в порядке вещей. Хотя сам я таким не был и старался держать слово. А я ведь думал, что мне повезло, Александр Второй, в отличие от предшественников и преемников, не плясал под чужую дудку. Но вот оказалось, что нельзя верить врунам-историкам.

Мстить я не собирался, уже отомстил по полной, хотя император об этом ещё и не знает, но мучиться от этого будет до конца своей жизни. Как ни странно, но обдумав всё, что со мной произошло, я понял, что даже рад освобождению от этой кабалы. Да, мне начала надоедать вся эта толпа больных, ещё немного я проявлял интерес к постройкам крейсеров, но он у меня падал. Не бросал всё это я только в предвкушении своих действий в Атлантике у берегов Англии, но так как мне поломали эту игру, я решил начать жизнь с чистого листа. На этой планете князь Александров умер от подлого удара в спину, нанесённого Александром Вторым... О, кстати, надо подкинуть эту информацию простому народу, они меня любят и не простят государю это решение.

О чём это я? Ах да. Одним словом, я решил, что меня вполне устраивает моя «смерть», и теперь можно заняться тем, что мне действительно нравится, причём нравилось всегда. А нравилось мне путешествовать. На одном месте я закисал. Вот и отправлюсь в Америку, страну больших возможностей, и там буду жить. Ковбой, пионер, проводник – для меня найдётся множество работы, которая мне действительно будет интересна. Но главное – выбраться отсюда и свалить как можно быстрее. По моим прикидкам, я был километрах в шестидесяти от Архангельска. Туда и будет лежать мой путь. Но это чуть позже. Нужно отъесться, нарастить мяса, чтобы не привлекать к себе внимания, сменить внешность, и можно отправляться в путь. Да, именно так.

Мясо ещё не до конца прожарилось, когда я, урча от голода, сорвал его с ветки, на которой оно было насажено, и стал поедать, вырывая сочащиеся соком куски и тщательно прожёвывая – на это у меня силы воли хватило.

Съев мясо, я лёг, глядя на натянувшийся, как барабан, живот, и стал распределять энергию и материалы по телу. Буквально через час встал и

довольно улыбнулся. Вот, уже не такой Кощей, а то руку на просвет видно было, только кости темнели. Сбегав к туше тюленя и снова согнав возмущенных чаек – пришлось уворачиваться от их бомбардировок, – отрезал ещё три больших куса и, вернувшись к костру, стал жарить их.

Пока мясо шипело жиром на толстой ветке, я проверил, как там одежда – она уже подсохла, – и оделся. Всё, со стороны хоть на человека похож.

Сидя на камне, я поглядывал на костёр и размышлял. Может, кто-то скажет, что смерть женщин и детей из родни императора будет на мне, ведь это я внедрил в их тела вирус во время профилактических осмотров и лечения, но я лично так не считал. Вирус не активировался бы, если б не подлое решение Александра Второго. То есть, по моему мнению, виноват в их будущих смертях он и только он, моя совесть была совершенно чиста. Честно говоря, если бы был выбор, я бы отомстил ему по-другому, но на тот момент это был единственный шанс, и я его не упустил, а уж если процесс пошёл, то я не стану его отменять. Не в моём это характере.

Вздыхнув и отогнав все тяжёлые мысли – теперь это дела прошлые, не нужно поминать их раз за разом – я сосредоточился и мысленно осмотрел своё тело как бы со стороны. Мои умения во врачевании распространялись очень далеко, поэтому я решил модернизировать своё тело. Правда, не особо сильно: слегка уменьшил нос, сделал раскосыми глаза и сменил форму подбородка, но чуть-чуть, и всё. Теперь любой, кто общался со мной, не признает во мне князя Александрова. Ещё одну из полезных модернизаций я провёл с ногами. Усилил подошвы. Как-никак мне не один десяток километров идти до Архангельска по бурелому и скалам побережья Белого моря. Также я поработал над голосовыми связками, слегка изменив голос – сделал его сочным баритоном. Есть у меня песни под него, которые я раньше не имел возможности петь, звучание было не то.

За сутки я полностью восстановил тело до того состояния, когда оно у меня было отлично натренированным, и, повесив за спину ветку с насаженным на неё хорошо прожаренным куском тюленьего мяса (кстати, та ещё гадость оказывается, а когда первые куски ел, не замечал), энергично зашагал вдоль побережья в сторону Архангельска. Пора было выходить в люди и искать попутный борт хотя бы до Англии, оттуда в Америку рейсы постоянно ходят. Любое судно – главное, свалить отсюда. Что-то в последнее время Россия мне резко разонравилась. Вредить я ей не буду, но вот помогать теперь, даже в тяжёлых для неё ситуациях, не собираюсь. Увольте.

Идти было тяжело, дороги отсутствовали, а ещё бурелом и скалы. На

третий день началась буря с дождём и молниями, и мне пришлось прятаться в невысоком лесу, сделав шалаш. Резал ветки я огнём из пальца. Тот работал как горелка, наверняка и металл может плавить. Как бы то ни было, так я и шёл.

На пятые сутки, когда до города осталось совсем немного, мне повстречалось небольшое рыбацкое селение поморов, однако я обошёл его стороной. Конечно, еда у меня закончилась, но добыть продовольствие мне было не проблема, вон, вчера камнем птицу сбил, ощипал и спокойно пожарил, а вот светиться не хотелось. Наверняка ведь слухи пойдут, тут поселения каторжников есть, всего пару часов назад видел по пути, как они работают на каменоломне, вот и не хотелось наводить местных стражей на свой след. Я, конечно, изменил внешность, но как ни печально это сознавать, жандармы государя работать умеют, уже успел в этом убедиться. Нет уж, спокойно дойду до Архангельска и растворюсь среди местных жителей. Правда, моя одежда теперь напоминает лохмотья бродяги, но будет возможность, заменю. Когда до города осталось совсем немного, я обнаружил хорошо накатанную дорогу и по ней спокойно направился дальше.

До Архангельска я добрался в этот же день, но перед самой темнотой. Дождавшись в кустах, когда совсем стемнеет, я тихо, крадучись, направился к ближайшим домам. Громко забрехала сперва одна собака, потом вторая, но я спокойно шёл около забора. На окраине народу было мало, поэтому, стараясь держаться в тени, подальше от освещённых фонарями перекрёстков, направился в порт.

Кстати, эти фонари – одно из нововведений государя, как думал народ. В действительности я это всё придумал и составил план замещения масляных фонарей на керосиновые. Мой нефтяной заводик в Баку наконец заработал, и два танкера «Хог Айлендер» занялись доставкой разнообразных жидкостей от керосина до горюче-смазочных материалов по портовым городам, а оттуда они распространялись дальше. Фонари были керосиновыми и хорошо освещали улицы. Это нововведение порадовало всех жителей городов. Теперь можно гулять в ночное время по паркам и улицам как днём, тоже появилось новое развлечение. Правда, не все города успели обзавестись этими фонарями, но в Архангельске они были.

Так вот, стараясь не показываться на глаза, я тишком добрался до порта. Вот уж где народа хватало. Были и гуляющие, и пьяные матросы, что выйдя из одного кабака, искали другой, и просто зеваки. На рейде находилось порядка десятка судов. Один из них был сухогруз «Хог

Айлендер» под норвежским флагом. Именно он и привлекал внимание зевак. Англичане не смогли в полной мере повторить наши постройки, получилось чуть хуже, но корабль всё равно был нарасхват. Вот американцы пока их не продавали, поставляли на собственный рынок, удовлетворяя его потребности.

Грабить местных или их гостей не потребовалось. Я оказался не один такой хищник, что промышлял ночью на улицах города. Трое молодых парней как раз только что вырубил дубинкой по виду обеспеченного мужчину, встретив его на одной из тёмных улиц, и вполне подходили для моей цели. Самое забавное, они это всё проделали в двадцати метрах от меня, не заметив моего присутствия.

Двигаясь следом, я прошёл мимо мужчины и, выбросив мысленный щуп, продиагностировал его. Удар был нанесён серьёзный, я залечил повреждения, оставив только наливавшуюся шишку, а то если её не будет, след какой-никакой. Догнав разделивших добычу молодчиков метров через двести, я напал на них со спины и, пользуясь тем, что рядом никого не было, нанёс удары по затылкам. Двое упали как подкошенные, третий успел обернуться, но лёг рядом с товарищами. Работал я руками, не используя свои возможности.

По виду молодчики напоминали приказчиков, одежда на это намекала. Не знаю, профессиональные ли они грабители или им не хватало денег догулять эту ночь, но они стали моей добычей.

Переворачивая тела, я избавил их от одежды и обуви и увязал всё в один тюк. Там же находились и деньги, найденные в карманах и кошельках молодчиков. Закинув узел за спину, я побежал к выходу из города. Пережду ночь на окраине, а потом в приличной одежде вернусь утром и проведу уже нормальную разведку.

Нужно узнать, когда уходит ближайшее судно и есть ли там места для пассажиров.

Утром, как и планировал, я подобрал из трёх комплектов одежду по своей фигуре, только сапоги были велики, ни одна пара не походила, две пары портянок намотать пришлось, после чего вышел на улицы города. Гуляя и собирая слухи, я выяснил, что сегодня в обед уходит бриг из Франции и места в каютах у него вроде как ещё есть.

Выяснив всё об этом, я направился на рынок, где сменил одежду на ту, что более соответствует довольно обеспеченному студенту одного из вузов. Сапоги тоже по ноге подобрал. В оружейном магазине я купил два своих любимых «Смит-Вессона» и по сто патронов к каждому, пару ножей,

после чего, убрав оружие в купленный заплечный мешок, купил в соседней лавке дорожную бумагу, три вида чернил и пучок перьев.

Заняв стол в углу дорогой харчевни, я стал писать подорожную на студента технического вуза, выбрав Екатеринбург. Есть он там или нет, фиг его знает, не интересовался. Также я нарисовал документы, разрешающие покидать мне Россию. К этому времени я знал, как оформляются все бумаги в империи и какие ведомства за это ответственны. Поэтому, высунув от усердия язык, я нарисовал печати этих организаций и подписи начальников. Всё, у меня на руках были вполне неплохо исполненные документы, подорожная и разрешение на выезд. Загранпаспорта у меня не было, их выдавали только тем, кому исполнилось шестнадцать, а я числился пятнадцатилетним, таким полагалось только такое разрешение.

Убрав в карман бумаги, я сжёг в пепельнице порченные листы и закончил завтрак. Пока я завтракал блинами со сметаной, запивая их молоком, обратил внимание на двух личностей, что тихо общались в другом углу харчевни. Один из них, похоже, был капитаном, причём, судя по доносившимся изредка словечкам, норвежцем. А вот кто второй, я не понял, одет как русский помещик, а говорил по-английски.

Вот этот «помещик» передал капитану тугой кошель, они ударили по рукам, и норвежец направился к выходу. К этому времени я успел поесть, расплатиться с хозяином и, сразу же вскочив из-за стола, обогнал капитана и случайно толкнул его. Тот, к моему удивлению, не разразился потоками брани, чего можно было ожидать, а что-то пробормотав, поспешил уйти, а я, закинув мешок на плечо и отслеживая, есть ли у меня хвост, направился к стоянке судов. Проверив на ходу кошель, что я тиснул из кармана норвежца, и с усмешкой пошелестев купюрами фунтов стерлингов, ускорил шаг. Деньги на проезд есть, пора регистрироваться.

Регистрация прошла нормально, таможенник дал добро, и я заселился в небольшую каюту, где оставил вещи.

Покинув борт француза, я занялся тем, чем и планировал. Шепнул на ухо одному нищему, бросив ему меди в ладонь, другому. Потом кабатчику, что завернул мне с собой пироги в тряпицу, и вернулся на борт корабля, где стал дожидаться отхода.

Думаю, к вечеру город будет бурлить от слухов о том, как император по наущению англичан и представителей церкви решил погубить князя Александрова, и как его зверски убили у того на глазах; но князь успел крикнуть, что император пожалеет, что нанёс ему подлый удар в спину, и на его семью падёт мор; после чего подручные государя погубили

любимого народом князя.

Может, и зря я эти слухи распустил, но на душе от сделанной Александру гадости стало лучше, светлее. Да ещё церковников приплёл. Тут мелкая месть была одному их попу. Гад, подстерёг меня как-то и, выпрыгнув из-за колонны, облил целым ведром святой воды. С учётом того, что был февраль и стоял крепкий морозец, мне это резко не понравилось, и я плюнул ему в лицо, мгновенно перед этим трансформировав слюну в серную кислоту. Тот долго орал у меня за спиной, сдирая кожу с лица, пока я шёл к карете. Месть мелкая, но приятная.

Вышел из каюты я под вечер, когда Архангельск уже скрылся за горизонтом. Меня заинтересовала шумиха и суета наверху. Поднявшись на палубу, я обнаружил тут всех матросов и пассажиров. В полукилометре от нашего брига шёл на полном ходу «Пётр Первый». Корабль при закате смотрелся очень красиво и для этого времени непривычно своими хищными обводами. На его мачте гордо реяли Андреевский флаг и личный штандарт императора.

«Двадцать пять узлов выдаёт», – мысленно прикинул я.

Сплюнув за борт, я вернулся к себе и лёг спать. Пошло оно всё к чёрту. У меня новая жизнь.

После одиннадцатидневного плавания парусник зашёл в Гавр и встал под разгрузку. Прихватив свой мешок, я сошёл на берег и направился на поиски таверны. Мне нужно было срочно переправиться через Ла-Манш и попасть в Лондон. Действительно срочно.

Ладно, я отомстил подонку-государю, который ответил чёрной неблагодарностью на всё то, что я сделал для его страны, но вот отставать от Англии я не собирался. Не получилось с крейсерами и террором на море, перейдём на запасной вариант террора, на земле.

Да, была создана на берегах Туманного Альбиона мощная разведывательная сеть, которую, естественно, спонсировал я, и которая ждала только сигнала к началу боевых акций против правительства Англии и помощи шотландцам вооружением и динамитом. То есть это была разработанная мной скоординированная атака Англии восстаниями и террором. По моим прикидкам, поднимутся для этого порядка ста тысяч человек, в основном шотландцы и ирландцы, но были и англичане из сочувствующих. Это должно было произойти, когда бы я начал топить британские военные корабли, но из-за предательства первую часть плана выполнить не удалось. Что ж, будем действовать окольными путями.

Моя торопливость обуславливалась тем, что эта сеть хоть и была создана мной, но из людей Александра, и тот вполне мог прикрыть её. Правда, зная неповоротливость чиновничьего аппарата императора, это, скорее всего, небыстрое дело, но фокус в том, что агентурная сеть с резидентом подчинялась как раз спецам секретной разведки, а их учил я, вот в чём проблема. Мне, главное, добраться до резидента первым и активировать сеть. Потом разведка Александра уже ничего не сможет сделать, агенты уйдут в подполье, и их будет не достать.

Доверие к Александру у меня было довольно велико, и я не создал сеть из своих людей, которой смог бы воспользоваться, меня окружали только его люди. Да, со многим у меня были приятельские отношения, но от этого они моими не стали. Мне снова приходилось надеяться только на себя.

Найдя, по совету прохожего, таверну, где можно было встретить капитанов судов, что находились в порту, я прошёл туда. Хозяин таверны за пару монет – он мне разменял фунт стерлингов, чтобы я мог поесть – пояснил, кто из присутствующих куда идёт. Моё внимание привлекло то, что через час уходила небольшая шхуна с грузом свежих овощей. Шла та в Лондон. Правда, капитана в таверне не было, но присутствовал шкипер, на которого мне и показал местный хозяин. Подсев к нему, чем изрядно удивил, я узнал насчёт возможности переправиться и вместе со шкипером направился к шхуне.

Капитан был не против, даже уступил мне свою каюту, правда, взяв за это дополнительную плату. Но как бы то ни было, уже вечером я был в Лондоне. Пока шхуна разгружалась – оказывается, капитан был поставщиком продуктов в несколько ресторанов Лондона, – я сошёл на берег, прошёл регистрацию на таможне, там переписали мои данные, и поторопился покинуть порт, углубившись в улочки города. По пути мне встретился местный «таксист», с которым я спокойно и доехал до нужного мне места. Вроде успевал.

Послание, то есть кодовое слово на бумажке, я написал заранее, поэтому пройдя в нужную таверну, я дождался, когда нужный стол освободится, и занял его, незаметно открыл выдолбленный в столешнице тайник, положил бумажку и, допив ягодный сок, который заказал, пересел на другое место. Резидент, портной, живущий неподалёку, каждый вечер в восемь часов приходил сюда поужинать и проверял закладку. Так произошло и сегодня.

Через пятнадцать минут я заметил, что в дверях таверны показался знакомый сухощавый силуэт. Это и был резидент. Он сел на моё место и, сделав заказ подошедшей дородной женщине, спокойно сидел за столом,

положив одну руку на стол, другую держа под ним. Судя по тому, как напрягались его плечевые мышцы, он незаметно проверял закладку и таки нашёл то, чего ожидал почти год. Однако резидент больше никак не проявил себя. Спокойно поел, расплатился и покинул таверну. Сюда он больше не вернётся никогда.

Резидент хорошо знал меня, всё-таки я три месяца вёл уроки для него, обучая всем фишкам нелегальной работы. Проверка изменения внешности показала себя с отличной стороны, меня он не узнал, только мазнул взглядом и вышел.

Доев яблочный пудинг и допив чай, я через пятнадцать минут вышел следом и направился на поиски недорогой гостиницы. Завтра нужно искать корабль в Америку, а сегодня можно отдохнуть со спокойной душой человека, сделавшего то, что давно собирался – гадость другому. Англию теперь ждут трудные времена. Хоть так, но я отомстил ей за всё. Ну не любил я их! Гадский народец, мерзопакостный. Думаю, моя жена на небесах чувствовала себя отомщённой.

Мешок тяжело покачивался у меня за спиной, но я не обращал на это внимания, продолжая лёгкой походкой гулять по улицам в поисках гостиницы. Видимо, в сгущающейся темноте моя фигура, особенно тугий мешок, привлекла чьё-то внимание, и меня попытались остановить двое грабителей.

Двое с ножами заступили мне дорогу, щербато улыбаясь гнилыми зубами.

– Деньги, – прокаркал один из них.

Щелкнув курком направленного на них револьвера – их было двое, как успел убедиться, – я согласно кивнул:

– Давайте деньги.

Через пару минут у меня за спиной был ещё одна поклажа, на этот раз добротная одежда с обувью и ножами, а два совершенно голых грабителя убежали в темноту, прикрывая срамные места. Через секунду за углом прозвучал возмущенный женский крик, и я понял, что они таки с кем-то встретились.

Тут мне попался кэбмен, и с помощью него я и добрался до недорогой гостиницы, где останавливались в основном моряки, небогатые капитаны и шкиперы. За доставку я расплатился трофеями – узлом с одеждой, чем возница был очень доволен.

Свободные места в наличии были, поэтому я снял номер на одного и после водных процедур – служанка поливала меня из кувшина, пока я умывался – лёг спать.

Утром, оставив вещи в номере – уплатил я за два дня, решив задержаться в Лондоне, – вышел из гостиницы и направился на поиски хорошего портного. Мне требовалась дорожная одежда, а то моя привлекала внимание.

Смена гардероба не прошла так быстро, как я рассчитывал. Портной узнал, что мне надо, снял мерки и попросил прийти вечером, чтобы забрать подогнанную под меня готовую одежду. Пришлось доплатить за срочность, чтобы было готово в этот же день.

После портного я направился в порт. Там прогуливаясь, я заметил мужичка с хитроватым выражением лица и, подкидывая в ладони золотую гинею, отчего его глаза засверкали, спросил насчёт дорожных документов. Мол, мои были утеряны, хотелось бы восстановить. Тот мгновенно ухватил суть, на что я и рассчитывал.

– В таможне есть мистер Гудвин, – сказал он, не сводя жадного взгляда с монеты. – Обратитесь к нему, скажите, что от Хитрого Джека. Он вам всё сделает, хотя заплатить придётся несколько фунтов. Он сейчас на месте, только пришёл.

Хитрюга честно заработал свою монетку, но он был слишком хитрым, поэтому я с улыбкой сказал:

– Получишь плату после разговора с этим мистером Волшебником.

– Почему волшебником? – растерялся тот. – Мистер Гудвин, конечно, умеет показывать некоторые фокусы, но он не волшебник.

– Не думай об этом, – посоветовал я и направился в то здание, на которое мне указал Джек. Сам он засеменил следом и занял позицию у входа, явно не собираясь упускать свою монету.

С Гудвином было приятно иметь дело. Он сразу понял, от кого я, узнал, что мне требуется, и сообщил цену – три фунта. Согласно кивнув, я стал дожидаться, пока он оформит заграничный паспорт на имя Алекса Мак-Грегора, шотландца шестнадцати лет от роду. Поставив оттиск большой печати и свою подпись, он дал чернилам просохнуть и протянул лист из толстой бумаги мне. Проверив написанное – там было обозначение моих особых примет и описание внешности, – я кивнул и вернул ему лист. Тот сунул его под линейку и согнул, превратив в небольшую книжечку. Проверив документ ещё раз, Гудвин протянул мне заграничный паспорт и забрал оплату. Пересчитав деньги, он кивнул, показывая, что сделка состоялась.

Выйдя из здания, я бросил гинею Джеку, который, схватив её на лету, тут же исчез среди работников порта, а сам спокойно направился в сторону кораблей. Нужно узнать, куда какой корабль уходит. У Джека и Гудвина

узнавать этого не хотелось, след какой-никакой.

К сожалению, местные линии работали только по ближайшим странам – Франция, Испания и так далее. Чтобы найти корабль, идущий через Атлантику, мне нужно было пересечь остров и оказаться или в Бристоле, или в Ливерпуле. Выбор мой пал на Ливерпуль. До него было дальше, но зато оттуда уходили целые караваны и найти свободную каюту на одном из транспортов было куда проще.

После этого, проверяясь, я стал гулять по городу, с интересом разглядывая архитектуру и жителей. В предыдущее посещение Лондона мне было как-то не до этого. Я деньги вышибал из банкиров, вместе с их жизнью, естественно. Ох, какой тогда шум поднялся! Долго газеты трубили, что цвет нации Англии уничтожают. Но со временем он стих.

К вечеру я забрал готовые костюмы у портного, уплатив за них приличную сумму, даже дорожную сумку для них приобрёл. После чего, не переодеваясь, направился в гостиницу. Переодевшись я на корабле, а тут меня пусть запомнят таким.

Выписавшись, я на коляске, которую подозвал портье, поехал на окраину столицы Великобритании. Там была транспортно-пассажирская контора. Сев на ночной дилижанс, я спокойно уснул, пока мы с другими пассажирами катили по дорогам Англии в сторону Ливерпуля.

На месте мы были к обеду следующего дня. В порту я нашёл судно, где была свободная каюта-люкс, само судно было парусно-паровым, и заселился на место, ожидая отбытия. Через двое суток судно вышло из порта и, до предела нагруженное, с палубами, полными эмигрантов, направилось к берегам Америки.

Из-за огромного количества эмигрантов – они спали и питались прямо на палубе – я редко выходил из каюты, гулял только на юте, куда их не пускали, а меня свободно как дорогого клиента. Там я и отдыхал, дыша свежим воздухом.

Плаванье не сказать что длилось долго, хотя мы один раз попали в шторм, но нормально его преодолели. Всего двоих смыло за борт, из эмигрантов. Всё свободное время со скуки я посвятил тренировкам с оружием. Револьверы купил без сбури, надеясь приобрести её на месте, поэтому выхватывал свои «смит-вессоны» прямо из-за ремня. Получалось, на мой взгляд, неплохо, но меня это всё равно не удовлетворило, поэтому я, используя свои необычные умения, подкорректировал своё тело. Теперь по усиленным нервным окончаниям токи пробегали куда быстрее, а мышцы реагировали с похвальной быстротой. Теперь даже мой взгляд не замечал, как спокойно висевшие вдоль тела руки хватают рукоятки

револьверов, одновременно взводя курки, и направляют оружие на противника. Противником в данный момент было моё изображение в большом зеркале, которое, как ни странно, успевало выхватывать своё оружие с такой же быстротой. Ничего, я его ещё обгоню.

Сами револьверы меня устраивали, но вот мушки изредка цеплялись за пояс или рубашу, однажды даже порвали её. Пришлось брать у механиков напильник и спиливать мушки, вот после этого стало гораздо лучше. Всё равно мне они были не нужны, я по стволу целился.

Одним словом, как плаванье ни тянулось, но подошло к своему логическому завершению, мы пришли к месту назначения. В Нью-Йорк.

Сойдя на берег – для обеспеченных пассажиров спустили отдельный трап, – я направился к извозчикам. Те отвезли меня в гостиницу. Довольно приличную.

Заселившись в номер, я первым делом в ближайшем банке поменял все английские фунты, что были у меня на руках, на местные деньги, вышло пять с половиной тысяч долларов, очень неплохо, и направился гулять по городу. В кварталы бедняков я не пошёл, патронов не хватит, а направился гулять по центральным улицам.

Заметив на одном из магазинов оружейную вывеску, зашёл туда. Меня интересовала сбруя, запасной короткоствол, так сказать, последний шанс, и дальнобойное оружие. Цены тут кусались, всё-таки элитный магазин, но и стволы были очень ничего. Третьим револьвером я взял укороченный «Ремингтон» тридцать восьмого калибра. Он был, в отличие от моих «смит-вессонов», восьмизарядным. К нему я взял пять коробок, по сто патронов в каждой. Для тренировки.

Потом я занялся дальнобойным оружием. Винчестеры, конечно, хорошее оружие, но всё-таки не слишком мощное. Хотя на триста метров они неплохи, тут главное – быстрая перезарядка и высокий темп стрельбы. Основным дальнобойным оружием у меня стал армейский «Спрингфилд» улучшенной отделки, для снайперов. Тоже новинка этого года выпуска. Патрон уже настоящий, винтовочный, убойный.

Это было оружие для обороны и схваток, теперь нужно было выбрать ружье для охоты, из боевого по уткам не постреляешь, разорвёт их. Мой выбор пал на короткое двуствольное ружье. Стволы, конечно, тяжеловаты, но один был предназначен для дроби, другой для пули. Типичное ружье охотника. К нему я взял сотню патронов, а также коробку с капсюлями, порохом, пыжами, свинцом и машинку для набивания патронов. То есть теперь я их сам буду снаряжать.

После этого я перешёл к сбруе. Взял я две низко висевшие кобуры для

своих револьверов, с длинным рядом чехольчиков на ремне под патроны. Такие кобуры носили профессиональные стрелки – ганфайтеры. Себя я считал именно ганфайтером, поэтому и взял их. Ремень и кобуры были насыщенного коричневого цвета, из дорогой кожи.

Потом я занялся подбором чехлов для ружей, специальных седельных. Они тоже были в наличии. После оплаты покупок продавец и хозяин упаковали всё в две дорожные оружейные сумки, в одной находились боеприпасы и сбруя, в другой оружие, и помогли погрузить всё в подозванную наёмную коляску.

Оставив покупки в номере, я хотел было поехать на железнодорожный вокзал, чтобы узнать расписание поездов, но выяснилось, что этого не требуется, у портье было расписание на конторке. Изучив его, я решил купить билет на завтрашний поезд до штата Кентукки. Там дальше разберусь: или в Канзас направлюсь, или в Оклахому. Места там пока ещё дикие, не особо освоенные.

Из гостиницы выйти всё же пришлось. Глупо пользоваться документами, приобретёнными в Англии, пора менять внешность и бумаги, чем я и занялся. Похоже, для меня это станет частым явлением.

На следующий день я выписался из номера и на поезде направился по своему маршруту.

* * *

Вылив в костёр остатки кофе, я ополоснул кружку водой из котелка и убрал её сушиться, а сам, подложив под голову седло, лёг отдохнуть, прикрыв лицо серой ковбойской шляпой. Это было моё недавнее приобретение в фактории трапперов, где принимали пушнину за местные чеки. Последняя шляпа была унесена течением, когда резкий порыв ветра сбил её с моей головы во время переправы через одну из быстрых рек Юты.

У служащего фактории кроме шляпы я ещё приобрёл патронов, а также продовольствия вроде кофе, бобов и сушеного мяса. Приправы у меня ещё были.

Отдыхая после тяжёлого пути, я размышлял о себе и своём будущем. Вот уже год прошёл, как я нахожусь на территории Америки, и честно сказать, мне тут всё ещё нравится, так как я нашёл работу по душе. Я был тем, кого называли народными шерифами – «охотником за головами». Себя я особо не афишировал, но, к сожалению, вот уже два месяца, как о Ричарде Лукасе, под именем которого я жил и работал, уже пошли слухи сперва по одному штату, а потом и по всей Америке. Своё умение стрелять

я не афишировал, это всегда было неприятным подарком для соперников, а в тот день был просто вынужден это сделать. Я тогда в один из городков штата Монтана привёл двух взятых живыми преступников, собираясь получить за их головы плату, когда меня опознал один из находившихся в городе бандитов, брата которого я в перестрелке убил, а этого ранил и сдал маршалу за вознаграждение. Как оказалось, он уже сбежал из тюрьмы и, набрав банду в двадцать голов, занимался угоном скота и ограблением дилижансов. В городе они гуляли под видом добропорядочных ковбоев-гуртовщиков.

Когда я вышел из конторы шерифа с полученной оплатой за бандитов, на пустой улице меня уже ждали. В результате двухминутной перестрелки на пыльной земле остались лежать, истекая кровью, в самых разнообразных позах восемнадцать бандитов, а двое убежали, пока я перезаряжался, лёжа на боку за поилкой для лошадей и зло поглядывая на двух своих лошадей, наштигованных свинцом. Тогда шериф, что вышел из своего офиса, осмотрел трупы и, опознав часть бандитов, честно сказал, что такой суммы у него не наберётся, но за половину он готов деньги отдать прямо сейчас, а за остальным можно прибыть позже. Через полгода, когда скопится нужная сумма.

Тогда я быстро собрался, выбрал двух крепких коней бандитов и, перекинув седло и вьючные сумки, покинул не только город, но и штат. Теперь я был Джоном Блейдом, стрелком из Канзаса.

В Юте я находился третий день, двигаясь по следам банды, что ограбила дилижанс и ушла в неосвоенные земли. Банда была беспредельная – свидетелей нет, все уничтожены, четырнадцатилетняя девочка пропала. Я её нашёл вчера, изнасилованную и убитую, засыпанную камнями на берегу реки.

Банду я возьму, она у меня не первая и не последняя, но лежал я и размышлял не об этом. А о том, что произошло за год. Информацию о ситуации в мире я получал из газет, а это с опозданием на месяц, а то и два. Но известия из Англии вызывали у меня только улыбки. Бунты, унёсшие множество жизней, продолжаются до сих пор, хотя и идут на спад. Я почувствовал себя отомщённым, когда прочитал, что по приказу королевы на улицы Лондона были введены войска и вроде как началась гражданская война. Коктейли Молотова, моя идея, широко применялись на улицах Лондона и в других городах. Хорошая штука для повстанцев. Английские солдаты, наверное, до сих пор проклинают меня, вспоминая жуткие смерти своих товарищей, сгоревших заживо.

По Российской империи информация была противоречивой, но тоже

довольно интересной. Ещё по приезде в Нью-Йорк я прочитал в газетах сообщение о гибели святого Артура. Хотя официально представительство императора это не подтвердило, но по стране начали расползаться слухи один страшнее другого. Я пропал, и император не мог предъявить меня живого и невредимого, отчего среди купцов и дворянства пошёл недовольный ропот. О том, что семья императора проклята смертельно раненным святым Артуром, вот казус, тоже ходили слухи, но после того как вирус сработал, это вызвало шок у народа и у императора. Тот на месяц закрылся в личной опочивальне и молился. Но это официальные слухи, кто его знает, как там было на самом деле. Как бы то ни было, Романовых действительно осталось двое. Несмотря на подъём в промышленности – на воду было спущено шесть крейсеров, после испытаний поступивших во флот – в самой стране всё было не так хорошо. Появилось много недовольных государем, но это пока просто недовольство. Бунтов и пикетов ещё не было, жандармы над этим плотно работали. Я, блин, учил.

Что мне не понравилось, те новинки, что я принёс в этот мир и надеялся, что ими первое время будет пользоваться только Россия, уже начали появляться в Америке. Промышленные шпионы не дремали и потоком покупали всё новое в России и продавали информацию промышленникам разных стран. Всё это, конечно, расстроило, но я махнул рукой. Романовых не переделаешь, побыстрее бы революция и гражданская война. Я начинаю понимать большевиков и причину смены власти. Расстрелянную семью Николая Второго мне теперь было не жалко. Вот ни капельки.

Вдруг послышался стук потревоженных камешков, и я мгновенно оказался на ногах с верным «смит-вессоном» в правой руке, уходя прыжком вправо.

Грохнул запоздалый выстрел, и пуля попала в одеяло, на котором я до этого лежал.

– Вон он, Фред, он за тем камнем! – надрывался стрелок. Подняв руку с пистолетом над камнем, я выстрелил, и крикун, захлебнувшись, замолчал. Похоже, я попал ему в шею.

Находился я на краю обрыва, внизу было чистое голубое озеро, окружённое со всех сторон высокими скалами и кривыми деревцами. Я бы и не подумал, что тут есть водоём, если бы по следам бандитов не вышел к их последней стоянке. Я собирался тут отдохнуть часа два. Пообедать и продолжить преследование, надеясь нагнать их к вечеру. Потом бы я вернулся сюда нормально искупаться и постираться, но видимо, бандиты или решили вернуться, или ещё что. Не думаю, что они заметили дым

моего костра, его почти не было видно.

Прислушавшись, я определил по хрусту камней, что ещё трое обходят меня. Если они поднимутся на скалу, то просто расстреляют меня с безопасного расстояния. Винчестер и винтовка лежали у седла на открытом месте, мне было до них не добраться.

Быстро выглянув, я так же молниеносно спрятался. Запоздалая пуля выбила мелкие крошки из камня, за которым я укрывался, но мне вреда не принесла. Сделав раскачку, я молниеносно выскочил из-за камня, стреляя с обеих рук. Трое бандитов, что не успели спрятаться, получили по пуле и упали, обливаясь кровью, остальные попрятались среди камней. Я стоял у затухающего костра и внимательно наблюдал за местами, где спрятались двое оставшихся бандитов. Опустив руку, я направил ствол на спину одного из бандитов, что был одет как ковбой, и выстрелил в него. Тот был ещё жив, но после моего выстрела затих и перестал своими стонами мне мешать слушать.

Один оставался на своём месте, а вот второй, укрываясь за скалами, пытался сбежать, тихонько отползая в сторону. Прицелившись в гладкую белую скалу рядом с ним, я выстрелил так, чтобы рикошетом пуля попала в бандита в укрытии. Судя по крику, попал, правда непонятно куда, тот горланил не переставая. Этот крик, видимо, ударил по нервам последнего, тот вскочил, поворачиваясь ко мне спиной, чтобы убежать, но схлопотал пулю с сорока метров и упал.

Перезарядившись, я направился к горластому. Обойдя обломок скалы, я встал как вкопанный, держа на прицеле раненого, тот держался за пах, где расплывалось кровавое пятно, и неизвестного, которого никак, кроме как франтом, было не назвать. Приталенная серая одежда, часы на золотой цепочке на жилете – всё с иголочки, будто только из магазина. Из дорогой, отделанной тиснением кобуры на животе торчала перламутровая рукоятка «кольта».

– Добрый день, мистер Александров, – на плохом русском сказал он. – Вы даже не представляете, сколько месяцев я жаждал этой встречи. Ваша привычка не задерживаться на одном месте больше четырёх-пяти дней оказала плохую услугу в моих поисках... Думаю, Кривой Джим нам уже не нужен, мешает общению своими воплями. Ваш случайный выстрел оказался очень удачным.

Мужчина под моим прицелом поднял руку и согнул её в локте, отчего я метнулся за скалу в укрытие, догадываясь, что сейчас произойдёт.

Почти сразу раздался залп, по моим прикидкам – очень мешало эхо, – стволов было около тридцати. Бандит был буквально разорван пулями.

Дождавшись, когда визг рикошетов стихнет, я вышел из-за скалы, за которой прятался, и, посмотрев на истерзанное тело бандита, покосился на франта, что полусидя зажимал кровоточащую рану в животе, сплюнул и сказал:

– Идиот. Кто стреляет залпом в скалах?

– Как бы то ни было, но мы вас нашли, – с улыбкой сказал ещё один франт, такой же упакованный, как и первый, только во всём чёрном. Он вышел из расселины за спиной первого франта. По виду он был тут старшим. Единственно что, на его бедрах и поясе не было оружия, а так один в один первый. Правда, выяснилось, что таки оружие у него есть.

Подойдя к первому неизвестному, он достал из кармашка на жилете двуствольный «Дерринджер» и, приставив ствол к виску первого, спустил курок. Тот дёрнул головой и свалился набок с маской удивления на лице.

Убрав револьверы в кобуры, я сложил руки на груди, прислонившись плечом к скале, за которой прятался до этого, и сказал:

– Грязно играете. Выяснили, в каком я штате, где примерно нахожусь, наверняка у трапперов узнали, где я шляпу и другие припасы прикупил. Потом наняли банду. Организовали нападение на дилижанс, зная, что я в таких ситуациях сразу начинаю охоту, и спокойно стали ожидать меня на следах ушедшей банды. Потом, когда обнаружили, направили банду убить меня. Проверить, тот я или не тот. А теперь стоите в гордой позе в полном довольствии собой. Вот я и говорю, грязно играете. Людей из дилижанса не жалко?

– Ну что вы, мистер Александров, какая может быть жалость в такой игре? – разведя руками, с улыбкой спросил неизвестный. – Кстати, зря вы так отомстили русскому правителю. Он понял, что вы живы, и сообщил нам о вас. Сам, лично сообщил.

– А вы – это кто?

– Представители её величества королевы Великобритании, естественно, – снова улыбнулся тот. – Мы выполняем всю грязную работу на территориях других стран по заданию нашего правительства. Например, искали вас. Кстати, вы уже седьмой, которого мы принимаем за вас, благо в этот раз угадали. Повезло.

– Не думаю, – покачал я головой. – Тут ещё нужно проверить, кому повезло.

– Естественно, нам. Кстати, мы в курсе, что вы в Канзасе уже четыре раза посещали одну вдовушку приятной наружности и округлости. Она с нами, поэтому если не хотите, чтобы с девушкой что-то случилось, будьте благоразумны. Хорошо? Отстегните ремень и снимите оружие, которым вы так великолепно умеете пользоваться.

Покосившись на скалы, где виднелись многочисленные стволы и шляпы стрелков – они прятались, – я молча покачал головой:

– Не договорились. Что вам надо?

– Переправить в Англию, естественно. Там вас очень ждут. Вы даже не представляете, как ждут пришельца из будущего.

– Как император Российский понял, что я жив?

– Мне это не известно точно, но он был в этом убеждён. Предполагаю, что вам не надо было распускать те слухи в Архангельске. К тому же то кодовое слово, что вы передали резиденту в Англии, знали всего двое, оба сотрудника русской разведки его не отправляли. Стало быть, это ваша работа. Между прочим, жирный след, я бы так не рисковал даже из мести. Кстати, не подскажите, чем мы вам так насолили?

– Что же император этого вам не объяснил?

– К сожалению, он обошёлся общими фразами, но сказал, что вы дьявол во плоти, который пришёл к нам из преисподней. Правда, технические новинки, что вы ввели, подсказывают, что он в чём-то был прав, когда рассказал нашему человеку в своём окружении, кто вы и откуда.

– Он не сильно ошибся, – усмехнулся я, отстёгивая ремень с оружием. Развязав кожаные шнурки на ногах – они нужны были, чтобы кобуры не болтались, – я свернул ремень и положил оружие перед собой.

– Ваш «Ремингтон» тридцать восьмого калибра и «Дерринджер» в сапоге, пожалуйста, тоже.

Положив дополнительное оружие туда, где мне указали, и подняв руки, я сделал пять шагов назад, как велел неизвестный. В двух шагах правее был мой лагерь, где ещё слегка дымился костерок, а сзади край обрыва, за которым виднелись прозрачные воды небольшого, но удивительно глубокого озера.

Как ни странно, но в принципе я был если не доволен, то удовлетворён сложившейся ситуацией. Этот год жизни бродягой прерий и каньонов многое дал мне, помог разобраться в себе. Год углублённого изучения себя дал понять, что без чужого вмешательства тут не обошлось. То есть эти гады с неба, те, которые из Рая, явно снова что-то внедрили в меня, типа добропорядочности, любви к ближнему, веры, что товарищ не подведёт, и другую хрень. Этот год и ушёл у меня на ликвидацию последствий их вмешательств, и вот уже пару месяцев я чувствовал себя тем прежним, который никогда не унывал и не подставлял обе щеки. Блин, если бы я был прежним тогда, когда меня кинул удачливый Александр, разве бы я ушёл как побитая собака? Да, блин, революция началась бы в России куда как раньше! У меня тогда и сил-то хватило разве что сделать мелкую пакость британцам, да и всё. У меня в этом мире только раз вернулся прежний характер, да и то тогда его подстегнули кнутом, но позже он снова пропал.

С тем характером, что я вернул себе, скажу честно, меня лучше не трогать. Если бы британцы нашли меня с полгода назад, я бы ещё, может, подумал, сдаваться им в руки или нет. В данном случае выбор даже не стоял. Сдохну, но на их условиях работать никогда не буду. Не-е, неправильно сказал: они раньше сдохнут, чем я соглашусь с ними сотрудничать.

Поглядывая на сложенные у седла ружья, я покосился на своего верхового коня, что флегматично объедал куст, к которому был привязан. Он и выучный находились от меня метрах в пятнадцати.

– Не советую, – сказал франт, заметив, как я, прикидывая что-то в уме, кощусь на оружие и лошадей. – У тебя нет никакого шанса.

Мой прыжок был быстр, я схватил винчестер и, отступая шаг за шагом, вскинул винтовку к плечу и выпустил пулю за пулей. Франт мой прыжок не прозевал и успел спрятаться, а вот стрелки нет. В магазине было семнадцать патронов, выпустить я успел двенадцать, снеся головы одиннадцати стрелкам, но потом одна пуля попала мне в левую ногу чуть выше колена, вторая в живот, толкнув, отчего я молча, безвольной тушкой полетел в озеро.

Винчестер, который я продолжал крепко сжимать за цевьё, немного помогал мне уходить на дно, но в принципе не так быстро, как хотелось. Озеро оказалось действительно чертовски глубоким.

Когда я погрузился метров на шестьдесят, а до дна осталось примерно столько же, я отчётливо различил плеск воды сверху. Было такое впечатление, как будто кто-то бросился за мной следом, но я был слишком глубоко для любого местного пловца.

«Давайте-давайте, я вас тут жду», – с усмешкой подумал я.

Однако я ошибся. Вдруг раздался подводный взрыв, и на меня обрушился гидроудар, который практически выбил из меня сознание. Немного придя в себя, я понял, что британцы всё просчитали. Они всё знали, специально вышли на меня у озера и предполагали, что я укроюсь от них в нём, где меня можно безболезненно взять. Немного подёргавшись, я быстро вернул своё состояние в норму и, почувствовав второй плеск, шустро работая руками и ногами, стал погружаться дальше, когда меня догнала вторая взрывная волна.

В этот раз взрыв таки выбил из меня сознание, причём, похоже, надолго. Я не знаю, что было дальше, но предполагаю, что когда моя бессознательная тушка достигла дна, меня затащило в пещеру и понесло по подводной реке. Ведь у озера не было выходов. Из него не выбегали никакие ручейки, а вода была на одном уровне, хотя небольшой водопад, к которому я спускался по тропинке, чтобы набрать воду для обеда, явно давал понять, что выход у озера всё же есть.

Одним словом, меня затащило и изрядно потаскало по подземному руслу. Очнулся я как раз в тот момент, когда сильное течение кинуло меня на очередной камень, отчего хрустнули рёбра. Воздуха как не было, так и нет, эта подземная река была полностью заполнена водой, так что я продолжал сам гонять кровь, подавая кислород в мозг. На пять-шесть часов меня хватит, но потом будет край. Я бы продержался меньше, но вода была насыщена пузырьками с воздухом, которые я впитывал через поры в коже.

Мгновенно осознав, где и как я оказался, мысленно прикинул, что подземная река слишком быстрая, похоже, в неё вливались и другие реки. Залечив раны – у меня были сломаны левая рука и нога, рёбра и была трещина в тазе, – я стал бороться с течением.

Первым делом я повернулся ногами вперёд – ноги легче лечить, чем голову, – именно так, подрабатывая руками и ногами, я и плыл. Нельзя сказать, что меня не побило о стены, но в принципе, без особых последствий. После лечения есть хотелось с сумасшедшей силой, тем более мне ещё до этого приходилось залечивать огнестрельные раны, но я пока терпел.

Не знаю, сколько меня несло по реке, я потерял счёт времени, да и направление, куда меня могло нести, осталось для меня тайной за семью печатями. Но когда впереди появился свет, я понял, что подземная река вынесла меня на поверхность.

При приближении выяснилось, что это был не солнечный свет, это луна освещала тихие воды реки, в которую из-под высокой скалы впадала

подземная река, и куда вынесло меня.

В темноте мои глаза достаточно адаптировались, да и я им помог, стараясь особо не затрачивать внутренние резервы, поэтому быстро осмотрелся. Увиденное меня не впечатлило. Берег был каменистый и высокий. Вокруг стены – чёртова река бежала по дну каньона.

Пока была возможность, я вернул свой организм к нормальному функционированию, то есть лёгкие задышали сами, да и остальное заработало. Через пару километров, где река делала поворот, я обнаружил галечный пляж и направился к нему, загребая руками.

С трудом выбравшись на берег – голодные спазмы просто выкручивали желудок, – я устало плюхнулся на гальку, давая себе возможность передохнуть.

Через пару минут, когда немного пришёл в себя, я перевернулся на спину и захохотал:

– Повеселился, называется. Наверное, надо было дать себя связать и, усыпив их, когда все уроды соберутся вокруг, спокойно покончить с ними. Хотя они не дураки, так не должны попасться. Но кто знает? Нет, захотелось переждать на дне, вылезти и вырезать их всех. Вылез, блин!

Оглядевшись, я понял, что галечная полоса длиной всего метров двести, потом снова вода. Посмотрев на луну, я определил, что с момента моего прыжка прошло порядка двенадцати – тринадцати часов. Рядом было выброшенное на берег высохшее бревно, ещё всякое дерево, даже вроде обломок каноэ был, но вот туши тюленя не наблюдалось, хотя есть очень хотелось.

Мысленно пробежавшись по своим дальнейшим планам, я решил пока ограничиться ближайшими – утолить голод. Проблем с этим делом не предвиделось, я умел ловить рыбу руками. Срезав горелкой пальца ветки с бревна, сложил костёр и поджёг их. Пока костерок разгорался, я быстро осмотрел себя. На одной ноге сапог сохранился, на второй нет, да и от одежды мало что осталось. Единственно, нормально сохранился кожаный жилет, у рубашки не хватало обоих рукавов, брюки были изодраны в клочья. Одним словом, я был раздет, безоружен и голоден. Последнее я решу довольно быстро, а вот с остальным будем разбираться по мере необходимости. Пока не горит.

Костёр неплохо освещал небольшой круг и часть стены каньона. Пока огонь лизал ветки, я направился к концу пляжа, там было что-то вроде затона, вода тихая, стоячая, рыба должна быть. Так и оказалось. Подсвечивая себе факелом, я обнаруживал спящую рыбу, и пока она не успевала среагировать, одним мощным рывком правой руки выбрасывал её

на берег, где она билась об гальку. Наловить удалось пять штук, после чего разбуженная рыба брызнула в разные стороны. Однако я был доволен, форель была крупной, тяжёлой. Должно было мне хватить набить брюхо и пополнить жизненные силы.

Насадив рыбу на тонкую ветку, которую я заранее приготовил, понёс её к своему лагерю. С ножом проблем не возникло. Нет, при себе у меня его не было, но ещё в прошлой жизни индейцы научили меня делать каменные и кремневые топоры и ножи. Я всегда рад был поучиться чему-то новому, так что получалось у меня неплохо.

Найдя подходящий обломок, я накалил его на костре и резко охладил в воде, отчего он лопнул. После этого я обтесал кромку, сделав камень острым, как бритва, и занялся чисткой. Распотрошив рыбу у воды, почистил и нарубил кусками, после чего насадил на ветку и подвесил над костром. Теперь я сидел, наблюдая, как рыба прожаривается, наготове было ещё две почищенные тушки, и размышлял о своём будущем. Думаю, нужно разобраться с наглами в своей манере, навсегда исключить угрозу с их стороны, плотно пообщаться с Александром – кол ему в жопу вобью – и продолжить жить дальше.

В принципе этот мир мне нравился, но Америка несколько прискучила. Думаю отправиться в Азию, купить джонку и изучить бассейн Индийского океана с его многочисленными островами. Но это на будущее, а сейчас нужно определиться, где я нахожусь, выбраться из этого чёртова каньона и вернуться к лагерю. Уверен, наглы меня там всё ещё ждут. Раз они знали о моём умении долго находиться под водой, заранее подготовив мины, то наверняка всё ещё там. Бросать своё оружие, особенно револьверы, к которым я привык и которые стали мне как родные, я не собирался. Это моё имущество, а воров я очень не люблю.

Быстро съев сочащуюся жиром рыбу – пресновато, но очень вкусно, – я стал жарить остальную, подкинув в костёр ещё дровишек. Обмен веществ я усилил, поэтому когда была готова следующая партия, эта уже была переварена, и я снова хотел есть. Но зато силы ко мне вернулись, и я восстановил некоторые внутренние повреждения, которые не трогал из-за недостатка материала.

Под утро я решил, что пора выбираться. Используя трещины и щели в стене каньона, а также поросшие кустарником склоны, я за полчаса, слегка исцарапавшись, но заживив повреждения, выбрался наверх. Осмотревшись, я зачесал затылок. Я не был в курсе, куда меня унесло, дальних ориентиров, вроде гор, тоже не наблюдалось, солнце не могло помочь. Со всех сторон были прерии с колыхавшейся зелёной травой.

Вдали был утёс, но ранее он мне не попадался. Судя по солнцу, мне нужно было идти или вниз по реке, или, наоборот, подниматься. Сделав логичный вывод, что меня принесло сверху, я пошёл неподалёку от края обрыва вверх по течению, надеясь, что со временем мне встретится что-то знакомое, однако когда я преследовал бандитов, каньонов мне не попадалось, но вот река, кстати, такая же быстрая, попадалась. Вполне возможно, иду я не туда, но проверить это можно только своими ногами.

К вечеру каньон ушёл резко влево и растворился вдали, а я шагал дальше уже про прерию, в высокой, по пояс, траве. С удовольствием проблем не встало, я сбил камнем выскочившую из-под ног куропатку – ожидал чего-то подобного и держал наготове камень. Ощипав её, я развёл небольшой костерок – толстая ветка у меня была с собой, привязана за спиной на манер лука сплетённой из травы верёвкой. Вот её я нарезал и сделал костерок. Так что в этот вечер ужинал хорошей такой курочкой-куропаткой, нафаршированной диким чесноком, что нашёл неподалёку. Жаль, на утро не много осталось, не особо крупная птица попалась. Её гнездо я тоже осмотрел, был пяток яиц, но на просвет стало ясно, что яичницей мне полакомиться не удастся. Скоро должны были вылупиться птенцы.

Утром, подтянув пояс, я двинулся дальше, всё отчётливее понимая, что путь выбрал неверный. Хотя шёл и по солнцу. Нужно было спускаться и уходить вправо, переправившись через реку. Как это ни странно, подземная река текла против течения той, что находилась на поверхности.

На обратном пути я вдруг обнаружил в траве следы тележных колёс. Вчера, когда я тут проходил, их не было. Судя по колее, тут прошло до десятка телег, видимо переселенцев. По бокам от колеи были следы подкованных лошадей. Мне нужна была лошадь, поэтому определив, куда шёл караван – понятное дело, в сторону Тихого океана, – я направился следом, размышляя о том, как они смогли преодолеть каньон.

Прерия дальше не сказать что была ровная – то холм, то низина, – но я продолжал энергично шагать, когда вдруг заметил на следующем холме, в обход которого шла колея, всадника. До него было с километр, но я определил по деталям одежды, что это белый. Тут рядом с ним появились ещё всадники. Двое. Причём, судя по росту, или дети, или подростки. Низковатые они были.

Всадники молча наблюдали, как я двигаюсь по колее следом за караваном. К всадникам я не пошёл, тут трава примята, идти удобно, а по прерии я в одном сапоге уже ходил, заколебался порезы заживлять.

Вдруг метрах в двух передо мной земля как будто взорвалась, когда в

неё врезалась тяжёлая пуля, и с холма раздался хлопок винтовочного выстрела. По знакомому звуку я определил, что стреляли из такого же «Спрингфилда», какой был у меня. Вернее, я его ещё верну, хрен он англичашкам достанется.

Остановившись, я посмотрел на всадника, что держал в руках винтовку, и сказал:

– Сами напросились.

В это время раздался второй выстрел, но уходить в сторону я не стал, хорошо различимая пуля ушла вбок, пролетела в полуметре от моего левого плеча и зарылась за спиной. Похоже, этот удад на холме стрелял на поражение, но стрелком оказался хреновым, с полукилометра попасть не может.

Сойдя с колеи и набирая скорость, я побежал к всадникам. Там забеспокоились, и выстрелы начали доноситься с периодичностью семь раз в минуту. Причём стрелял взрослый, мальчишки просто смотрели, хотя у одного в руках было что-то вроде винтовки. Но он не спешил её скидывать и целиться в меня.

Пока я бежал, успел убедиться, что взрослый действительно стреляет на поражение. Приходилось на бегу во время выстрела уходить в сторону и, не снижая скорости, продолжать сближаться. Когда до неизвестных мне переселенцев осталось порядка ста метров, взрослый в одежде ковбоя и с пышными усами развернул коня и, гикая, исчез на противоположном склоне холма. Чуть помедлив, испуганные мальчишки – я видел их лица, последовали за ним.

Поднявшись на холм, я убедился, что был прав в своём предположении – внизу тонкой змейкой уходили вдаль повозки переселенцев, накрытые белыми тентами. Всадник уже был среди группы возбуждённых мужчин. Ковбой что-то экспрессивно говорил, показывая в мою сторону, те молча слушали. В это время толпы достигли мальчишки и присоединились к разговору, видимо не поддержав ковбоя. Потому как тот стал ещё больше размахивать руками.

Хмыкнув, я направился вниз. Готов поставить золотую монету, что этот удад – проводник у переселенцев и сейчас уговаривает их выступить против меня единым фронтом.

Караван терпеливо стоял, ожидая, когда я доберусь до него. У многих в руках были ружья, у троих, включая ковбоя, ещё и револьверы на бёдрах. При приближении я опознал в руках одного из мальчишек мелкашку. В опытных руках очень серьёзное оружие, тем более выстрел не такой громкий, как у обычного ружья.

При моём приближении вперёд вышел пожилой мужчина с посеребрённой годами окладистой бородой. Подняв руку, он сказал:

– Здравствуй, юноша. С добром ли ты, али с плохими помыслами?

– Привет, – кивнул я. – К вам у меня претензий нет. А вон ту мразь я собираюсь убить. Он в меня стрелял.

– Наш проводник принял тебя за индейца, прости его, Бог велит простить, – сказал бородатый.

Присмотревшись, я понял, что это переселенцы-фанатики одного из направлений церкви.

– Суньте себе своего Бога в задницу, дядя, – хмуро буркнул я и, посмотрев на прячущегося за спинами ковбоя, сказал: – Ты выйдешь ко мне, подонок, или так и будешь прятаться за чужими спинами?

– Пропустите меня, – велел тот и действительно вышел вперёд со старым револьвером в руках. Это был «Ремингтон» образца 1864 года с накладками из орехового дерева на рукоятке.

Ни слова не говоря, он выстрелил, я успел метнуться в сторону, среагировав на движение пальца на спуске, и пуля, пролетев мимо, попала в женщину, стоявшую позади меня, второй выстрел унёс жизнь мальчишки, что стоял рядом. Следующий выстрел ковбой сделать не успел и упал, получив от меня удар кулаком в горло.

– Как видите, этот мужчина – убийца. Думаю, нужного его линчевать, – громко сказал я, чтобы перекричать ропот и жалостливые крики женщин.

– Бог велит нам прощать... – начал было говорить бородатый, но покачав головой, я наклонился и свернул ковбою шею.

Подхватив револьвер, я снял с него пояс с патронташем, перепоясался, обшарил его карманы, прошёл через расступающуюся толпу к коню неизвестного ковбоя и, похлопав того по холке, спросил:

– Кто-нибудь продаст мне рубаху, шляпу, сапоги и штаны?

Мужчина, что склонился над убитыми со слезами на глазах, вздрогнул и, медленно встав, ответил:

– У моего сына... у моего погибшего сына есть запасная одежда, она должна подойти.

Переодевшись, я с некоторым интересом посмотрел, как тяжелораненая женщина корчится от болей – пуля попала ей в живот. Парню я не успевал помочь, да и не собирался, с женщиной ещё ладно, можно наврать, а вот оживлять парня на глазах у всех я не буду. Не хочу, чтобы слухи пошли. Фанатики мне не нравились.

– Расступись, я помогал одному хирургу и немного разбираюсь в этом.

Женщины, что с тряпками в руках готовились перевязать раненую,

покорно отступились, видимо привыкнув подчиняться мужчинам. Присев у пострадавшей, я погрузил пальцы в рану – женщина даже не застонала, я обезболит это место, – после чего, вытянув пулю, бросил её рядом с собой и, залечив всё внутри, громко сказал:

– С ней всё нормально, рана не такая тяжёлая. Видимо, в этом патроне был ослабленный заряд. Ей слегка порвало мышцы живота, не повредив нутро. Так что со временем у неё всё заживёт.

Чистыми тряпками я перевязал рану и, пока четверо крепких бородатых мужчин с мужем переносили её в одну из повозок, помыл руки водой, что поливала мне довольно симпатичная девушка моих лет.

Поглядев на босые ноги – обувь паренька не подошла, – я спросил, есть ли у кого на продажу обувь моего размера. Обувь ковбоя мне тоже была мала.

Наконец один из мужчин принёс сильно поношенные, но подошедшие мне сапоги. К этому времени я осмотрел вещи в седельных сумках ковбоя, которого, оказывается, звали Сэм Витт, и избавился от половины. Но зато на мелочь Витта я приобрёл немного продовольствия и дополнительную флягу с водой. В вещах нашёл чистые тряпки и использовал их на манер портянок. После этого распрощался с поселенцами и, жуя в седле кусок утешного пирога, поскакал в нужную мне сторону. Я наконец определился с координатами и знал, где нахожусь.

Особо много я от Витта не приобрёл, но и того, что было, мне вполне хватало. Гнедой конь с армейским клеймом был неплох, седло не старое, упряжь не изношена. В седельных сумках продовольствия на неделю, сковорода и котелок, не было только чайника, одеяло тоже присутствовало. Из оружия – «Ремингтон» на поясе и армейский однозарядный «Спрингфилд» в седельной кобуре.

Скакал я до самой темноты, уже начали встречаться знакомые места, но до лагеря с озером оставалось ещё порядка тридцати миль. На ночь я встал лагерем на берегу той самой реки. Каньона здесь уже не было, обычная река, хоть и с крутыми берегами, поросшими деревьями и кустарником.

За день я успел изрядно проголодаться, поэтому пока в сковороде доходили бобы с подливой, занялся рыбалкой. Поймал одну рыбину, почистил её ножом Витта, кстати, тупым, и начал варить уху. Вернее, рыбный суп. Бобы оказались готовы раньше, поэтому я сначала съел их, а потом похлебал немного супа. Очень прилично, но пришлось оставить на утро, чтобы завтра не терять время на готовку.

Уже стемнело, но зашедшее солнце не помешало мне при свете костра разобрать и наконец почистить пострелявшее оружие Витта. Проверка

боеприпаса показала, что к винтовке осталось всего двадцать семь патронов, к револьверу три десятка. Мне хватит, даже с излишками.

Утром я допил сытный бульон и доел оставшуюся рыбу, после чего, отскоблив посуду в песке на берегу реки, собрался и поскакал дальше. Особо я не торопился, не думаю, что англичане уйдут, недели две должны там просидеть. Взятую в заложники девушку, восемнадцатилетнюю Маргарет, ставшую вдовой год назад, я действительно навещал. Но больше по её настоятельным и слёзным просьбам. С умением управлять чужим организмом, особенно в плане сексуального удовольствия, где был гуру, я стал лучшим любовником в мире, так что впечатлённая девушка после первой нашей ночи на коленях стояла, прося меня остаться и взять вместе с ней доставшуюся ей от мужа ферму. Детей они не успели завести. Я отказался, но девушку время от времени навещал, когда мой путь пролегал мимо. Одним словом, она мне была никто, и за её судьбу я особо не переживал. Спасать при возможности спасу, но без фанатизма. Однако если её убьют, мстить буду. Всё-таки одна из моих девок. Одна из моих мно-о-огих девок.

К полудню я был на месте. Стали часто попадаться скалы, а впереди была видна поросшая деревьями скальная возвышенность, где и находились то озеро и мой лагерь. Стреножив и расседлав коня, я прихватил с собой винтовку с запасом патронов и, поправляя то и дело падающую мне на глаза великоватую шляпу, осторожно направился к озеру. Часовые должны были наблюдать за округой, поэтому я оставил коня за пять километров от лагеря.

Однако чуть позже выяснилось, что моё передвижение на брюхе и тихое подкрадывание лишены смысла. Лагерь был пуст. Совсем пуст. Осмотрев его, я пошевелил носком сапога угли костра, на котором вчера готовил похлёбку, и потрогал руками, пробормотав:

– Утром ушли.

Во время осмотра лагеря я обнаружил свежее захоронение, общую могилу, засыпанную камнями, на подножье холма, а чуть в стороне мелькнуло что-то красное. Подойдя туда, я обнаружил Маргарет. Она была обнажённой, рядом лежало её красное платье, мой подарок, на котором её долго насиловали и издевались.

Закрыв её голубые глаза, я встал, рассеянно огляделся и быстро направился за конём. След англичан вёл в Колорадо. Видимо, они направлялись к ближайшей ветке железной дороги.

Оседлав коня, я поскакал по их следу, внимательно вглядываясь вдаль,

не покажутся ли там всадники. У них было преимущество во времени в восемь-девять часов. Но не думаю, что шли они спешно, так что должен я их нагнать к завтрашнему дню. Думаю, ближе к вечеру.

Догнал я подонков действительно на следующий день, к моменту, когда начало темнеть.

Заметив впереди отсветы нескольких костров, я тут же заставил коня лечь в траву – вокруг были бескрайние прерии, видно всё издалека. Потом дождался, когда совсем стемнеет, и направился дальше. За километр от лагеря, оставив коня с подветренной стороны – он начал принюхиваться, чувствуя сородичей, поэтому надел ему на морду пустую торбу, чтобы ржанием не выдал нас, – я направился к лагерю. Винтовку брать не стал, она была ни к чему.

Подкравшись на расстояние пяти метров, я ввёл часового в коматозное состояние, из-за чего он осел, выронив винчестер, и остался лежать без сознания, и пополз по-пластунски дальше к лагерю. Там ещё не спали. Некоторые англичане лежали на одеялах, но ещё переговаривались. Покосившись в сторону коней, которых охранял ещё один часовой, я решил сперва заняться им. Мои кони были в табуне. Вьючная, узнав, тихо заржала, привлекая внимание охранника, но тот так же осел в траву, когда я приблизился. Вернувшись к лагерю, я стал наблюдать за его жизнью. Франт с двумя своими подручными, имевшими офицерскую выправку, о чём-то разговаривали у небольшого костра. У другого сидели пятеро бандитской наружности, видимо ещё одна банда франта, а вот остальные были явными солдатами. Простая ковбойская одежда не смогла скрыть их воинской стати.

– Четырнадцать солдат, пять бандитов, два офицера и франт, – пробормотал я, продолжая отслеживать всё в лагере. – В принципе, не так уж и много.

То, что часовые уже не несут службу, скоро могли обнаружить, поэтому я по-пластунски, стараясь не попадать в освещённые круги костров, пополз к солдатам. Те засыпали при моём приближении. Закончив с ними, я встал, отряхнулся и с револьвером в руках направился к остальным – франту, двум его подручным и бандитам.

На меня не сразу среагировали, приняв за одного из своих, тем более я шёл от места, где лежали английские солдаты, а потом стало поздно. Я с помощью своих умений обездвижил их, парализовав.

– Ба, какие люди встречаются на моём пути! – убрав револьвер обратно в кобуру и разведя руками, воскликнул я. – Даже и не ожидал снова

встретить вас на своём пути, но раз встретил, то думаю, можно отдать накопившиеся долги.

Щёлкнув пальцами, я дал возможность франту говорить – действовала только голова, остальное тело у него продолжало оставаться парализованным. Офицеры рядом тоже лежали на боку, свалившись, когда потеряли возможность управлять своими телами, и только зло вращали глазами, слушая мой монолог.

– Твоя взяла, – усмехнулся франт. – Может, договоримся?

– Не-е, – покачал я головой. – Не договоримся.

Развернувшись, я направился к другому костру, где сидели бандиты, и снова демонстративно щёлкнув пальцами, чтобы они могли говорить, спросил:

– Хотите умереть очень болезненно?.. – Я активировал внутренние боли, от которых те застонали. – Или вы сделаете то, о чем я вас попрошу, и уйдёте со спокойной душой удовлетворённого человека?

Усилив боли, я дождался их полного и безоговорочного согласия на выполнение любых моих желаний. Подойдя к бандитам, я предварительно разоружил их, сложив револьверы и ружья в сторону. Не забыл и ножи, после чего снова щёлкнул пальцами, убирая паралич.

Со стонами и криком те начали вставать, когда я щёлкнул курком своего «Ремингтона», велев им:

– Раздевайтесь.

– Что ты хочешь сделать? – забеспокоился лежавший неподвижно франт, почувствовав своей пятой точкой угрозу.

– Помнишь Маргарет? Её душа требует от меня отмщения, вот я и собираюсь отомстить.

Тот сразу понял, что я планирую с ним сделать, и заорал, что он сэр такой-то, посвящённый в это звание самой королевой, и я не посмею с ним так поступить.

– Ага, – посмеявшись, сказал я. – Ваши королевы и короли постоянно сэров дают всяким пидоркам... Ну, в будущем будут давать... Музыкантам там всяким.

Бандиты, испуганно поглядывая на меня, в это время снимали последние тряпки. Сразу запахло немытыми телами.

– Готовы? – не обращая внимания на вопли франта, поинтересовался я у обнажённых бандитов, что, с суеверным ужасом поглядывая на меня, столпились у своей одежды. – Посмотрите на эту женщину, что притворяется мужчиной, она прямо так и просит удовлетворения... Я сказал: она просит удовлетворения!

Последнее я произнёс жёстко, отчего бандиты подскочили к франту и начали его раздевать. Устроившись на одном из одеял у костра в позе лотоса, я налил себе из чайника свежего кофе в одну из кружек бандитов и с брезгливым интересом наблюдал за оргией, изредка комментируя увиденное:

– Через седло его перегните, так оно удобнее будет... А ты чего стоишь? В очереди? Спереди-то у него свободно, заткни ему его словоблудие... Боишься, откусит? Эх, каторга, во всем-то вам помогать надо, – щелкнув, я парализовал челюсть франта. – Вот видишь, а ты боялся... А ты чего притих и затаился сбоку? Не встаёт? Охренеть, я ещё должен и эротически возбуждать бандитов... Ну, на. Смотри-ка, как возбуждился!..

Да не торопись ты, сейчас твоя очередь будет, видишь, этот к финишу близится? Что, и остальным такая помощь нужна?! Да что же вы за мужчины такие?!

Так, весело комментируя увиденное, я продолжал развлекаться. Не скажу, что мне это зрелище доставляло удовольствие, но честно говоря, я был удовлетворён мстостью за Маргарет, франт это реально заслужил. Была у меня причина так жёстко отомстить ему, очень веская причина.

Прихлёбывая неплохой кофе, я дожидался, пока бандиты устанут, но они с моей помощью уставать не торопились, сами удивляясь своим мужским силам. Один из бандитов даже начал с интересом поглядывать на лежавших рядом жутко перепуганных офицеров, пока не принялся за них. Я не препятствовал. Мне-то какое дело, меня интересовала экзекуция франта, а с офицерами – это личная инициатива бандитов.

– Интересно, они что, решили, что они такие гиганты только с мужчинами и на женщин теперь не посмотрят? – пробормотал я себе под нос и, встав и легко выхватив револьвер, быстро ударяя по курку ладонью, произвёл серию из шести выстрелов, уничтожив бандитов. Одного так прямо на франте. Подойдя к нему, я присел напротив лица и, посмотрев в безумевшие глаза сломленного человека, спросил:

– Ну как, понял, каково было Маргарет?.. Кстати, тебе труп на тебе не мешает? – посмеявшись, я сделался серьёзным и приказал, снимая паралич с его лица: – Теперь говори, кто ты, на кого работаешь, и главное, кто отдавал тебе приказы... Ну?!

Однако тот только замычал, с безумием глядя на меня. Дистанционно осмотрев его, я понял, что тот сошёл с ума.

– Э-э-э, сэр Засранец, ты не уходи, ты мне вменяемым нужен.

Тот, похоже, после экзекуции действительно тронулся умом, пришлось

накладывать на него руки. В прямом смысле. После моего лечения глаза франта прояснились.

– Ну как, как тебе быть на месте Маргарет? – снова поинтересовался я. Прошлый мой вопрос не считается, он его не слышал, уйдя в себя.

– Я её не трогал, – прохрипел он.

– Честно говоря, меня это не особо заботит. Старшим был ты, тебе и ответ держать... Ну, в смысле, ты получил всё, что заслужил. Честно говоря, Маргарет меня не особо волнует. Неприятным открытием для меня стало то, что она была на пятом или шестом месяце беременности. А вот этого я тебе простить не могу и не прощу. У меня есть полная уверенность, что ребёнок был мой, потому что после меня, поверь, другие мужчины казались ей пресными. Она не изменяла мне, мой это ребёнок. Был. Именно поэтому такой жёсткий прессинг. Ты получил то же самое от тех, что издевались над ней. Да, я натурал, всё это ничего, кроме брезгливости, у меня не вызывает, но честно говоря, мстью я удовлетворён... А теперь давай лучше вернёмся к нашим баранам. Кто тебя отправил, и кто отдавал приказы? Времени у нас полно, сколько угодно, пока партнёры твои не завоняют, так что кайся, или ты хочешь почувствовать настоящую боль?

Через минуту фронт начал говорить. Он рассказывал, где и кто дал ему задание найти меня и доставить в Великобританию. По мере его рассказа, изучая все участки мозга, я нашёл раздел, отвечающий за правду, и после активации его на полную информация полилась потоком.

Когда рассвело, я встал, размял ноги и, активировав свои способности, включил все болевые центры, что были в человеческих телах, лежавших у меня под ногами. Это я про ещё живых.

Все трое если бы не были обездвижены, корчились бы от боли. Первым сдох фронт, его взгляд остановился, и изо рта пошла пена. Чуть позже от болевого шока окочурились и офицеры. С солдатами я поступил по-другому. Подходил к каждому и вонзал клинок в грудь. После этого стал искать свои вещи.

Спать очень хотелось, но поработав над собой, почувствовал прилив свежести, а сонливость куда-то пропала, и продолжил поиск своих вещей.

Большую часть я нашёл в подсумках солдат, оружие моё было у франта, я его забрал. Приведя обоих своих коней, я их оседлал, остальных отпустил, включая того коня, на котором прибыл сюда, и стал собираться.

К девяти утра, позавтракав, я спокойно поехал дальше, оставив убитых на съедение диким зверям. Вон, грифы, чувствуя свежую кровь, уже слетались, ожидая поодаль. Из трофеев я взял только деньги, всю наличку, что была у англичан и бандитов. Оставив всё вооружение и имущество на

месте, оно мне было не нужно. Единственно, что я поменял – это шляпу, найдя себе по размеру, та, которая была до этого, меня изрядно достала. Шляпа мне понравилась, новая, серая, такие многие носили.

Следующую неделю, петляя, чтобы запутать свои следы, я двигался в направлении Колорадо. Идею воспользоваться железной дорогой я посчитал хорошей. Ну, а там до побережья Атлантики, и ближайшим кораблём в Англию, спустать с рук заказ на меня я не собирался.

Обходя попадавшиеся фермы и небольшие городки, я пересёк границу штата и направился к нужному городу, где и собирался сесть на поезд. Наконец на одиннадцатый день пути вдаль показался город. Я уже полдня двигался по хорошо набитой колее рядом с железной дорогой, так что был уверен, что прибыл правильно. На въезде я обнаружил офис шерифа и его самого, сидевшего у входа в кресле-качалке и с интересом разглядывавшего меня.

Коснувшись указательным пальцем полей шляпы, я поздоровался с ним, тот тоже кивнул, но не остановил, наблюдая, как я верхом двигаюсь к салуну, где сдавали номера. В этом городе я не был, но уже знал, что в нём наверняка царят покой, закон и порядок. Как ни странно, но разгула бандитизма в городках, о котором столько говорилось в романах и голливудских фильмах, в действительности не было. На самом деле порядки там были значительно более жёсткие, чем в сельской местности. Это способствовало тому, что преступники держались от городов подальше. Многочисленность преступлений на Диком Западе, отраженная в массовом культурном сознании современного человека, оказалось, не является историческим фактом. На самом деле отсутствие американских официальных властей вполне компенсировали частные охранные агентства – «земельные конторы», которые вполне успешно торговали своей экстерриториальной юрисдикцией и справлялись с правоохранительными функциями.

Однако существовали и вполне успешные банды, занимавшиеся угоном скота, ограблениями поездов и банков. Самой успешной из них была банда Джесси Джеймса, целиком состоявшая из бывших солдат армии Конфедерации. Другим известным бандитом был Джонни Ринго. С бандитами боролись официальные шерифы, а также охотники за головами. Из них наиболее известны Джеймс Хикок по прозвищу Дикий Билл, Пэт Гарретт, Уайетт Эрп, Бэт Мастерсон и теперь я.

В городке я надолго не задержался, продал всё, кроме оружия, заказал по своей новой фигуре одежду, купил багажную и оружейную сумки, после чего направился обратно в Нью-Йорк, в один из главных портов Америки.

Да, кстати, про обновлённую фигуру я не оговорился. Понимая, что меня могут вычислить, я титаническими усилиями – пришлось налечь на жаркое из мяса подстреленных оленей и птиц, – поменял фигуру, став худощавее и выше на полголовы, а также сменил цвет волос и даже глаз. Теперь я был высоким стройным голубоглазым блондином лет двадцати пяти. Бред Питт отдыхает. Пусть ищут прошлого паренька. Правда, пришлось налечь на физические тренировки, чтобы освоить новое тело, но справился с этим нормально.

Добравшись до Нью-Йорка, я по поддельным документам отправился в Англию. В этот раз я плыл в каюте американского грузопассажирского судна проекта «Хог Айлендер», схемы постройки которого ублюдок Александр продавал всем кому не лень. Казна у него, видишь ли, была почти пуста. А то, что я золотом поднял его экономику, как бы не считается. Мразь с бакенбардами.

В Англии я снова сменил свой имидж и слегка внешность, став рыжим, после чего стал изучать особенности жизни Букингемского дворца.

Двухнедельное изучение жизни правителей Англии дало мне понять, что разом мне до них не добраться, но тут я узнал, что готовится Золотой бал для элиты дворянства и других представителей цвета Великобритании. Больше всего меня заинтересовало в этом то, что на бал были допущены журналисты, включая иностранных. По приказу королевы, было решено осветить это празднество после последних бунтов. Лондон до сих пор ещё переживал весенние голодные бунты.

Дочитав светскую хронику, где были подробно описаны все этапы этого бала, я задумался, улыбнулся и, аккуратно сложив газету, поднялся с диванчика, после чего направился к лестнице, что вела на второй этаж элитного отеля, где останавливались в основном богатые иностранцы. В этом отеле я жил две недели, с момента своего приезда. Под видом сына богатого скотопромышленника Америки, отдыхая от... отдыха? Ну, не суть. Моя задача – попасть на бал, до которого осталось меньше недели. Причём не лакеем или корреспондентом, нет, я должен иметь свободный доступ, то есть быть одним из гостей. Одним словом, мне требовалось найти представителя знати, относительно схожего со мной внешностью и фигурой, и под его видом пройти на бал. Упускать такую возможность, чтобы поквитаться со всеми теми, кто мне навредил, я не собирался.

То, что я мало кого знал из знати и мог провалиться на незнании, меня волновало мало. Весь злодейский план у меня уже начал выкристаллизовываться в голове, так что после его осуществления не

только обо мне забудут, они этот бал с ужасом будут вспоминать. Да о нём *все* будут знать, уж я-то позабочусь.

Следующие дни я выбирал жертву. Это было не трудно, в Лондоне не так много портных, что обслуживают знать. Моё внимание привлёк паренёк лет семнадцати, дальний родственник королевы, именно под его видом я и собирался попасть на бал.

Занимался слежкой я сам, никому не доверяя. Делать это было не трудно, костюмы, нужные для определённого момента, у меня были подготовлены в съёмном домике. Выходит сын богатого бизнесмена Америки из дорогого отеля, растворяется в улочках, и через полчаса он уже в одежде матроса, грузчика или бедного чиновника.

В данный момент я был в одежде добропорядочного горожанина, то есть не бедняк, но и не богатея, со средним достатком. Заметив, что молодой человек с такой же молодой супругой выходит от портного – свёртки с новым праздничным костюмом и платьем нёс слуга, – я свернул газету, убрал её во внутренний карман пиджака и, сойдя с террасы довольно дорогого кафе, между прочим, элитного района города, неспешно направился следом за коляской дворянчика. Кстати, на дверце был его герб.

Я знал, где он живёт, и поэтому не торопился. Сегодня вечером начинается бал, портной едва успел с заказом юноши, а то я уже начал волноваться, мало ли не успеет.

Дойдя до дома, где проживал вместе с родителями означенный дворянин, я обошёл его по проулку и вышел к чёрному ходу, которым пользовалась дворня. Приходилось прикрывать лицо широкополой шляпой от соседей и их слуг, чтобы меня не опознали. Да, я вот уже сутки как закончил лепить лицо под этого дворянчика. Фигурой мы тоже теперь были один в один.

Когда я подошёл к двери, та вдруг открылась и вышла дородная матрона. Старшая кухарка у баронов.

– Уильям! – всплеснула та руками. – В каком ты виде?! Беги скорее наверх, переодевайся к балу! А не то мама заругает!

Молча кивнув, я прошёл в небольшую прихожую, прошёл мимо огромной кухни и по холлу к лестнице. Всюду сновали слуги, готовя хозяев к поездке на бал. На меня никто не обращал внимания, поэтому держа под мышкой шляпу, я заторопился наверх с видом хозяина. Теперь главное с комнатой не ошибиться. Паренька я видел в окне второго этажа правого крыла особняка.

В коридоре слуг было куда меньше, всего один попался, что гордо

выносил ночной горшок, неся его на вытянутой руке с невозмутимым видом и губами, сжатыми в куриную гузку.

С первой комнатой я ошибся, это оказалась примерочная, где принаряжалась супруга Уильяма, ей помогали две девушки. Та было взвизгнула, закрываясь, но «узнав» меня, кинула расчёску под хихиканье прислуги и обозвала нахалом. Причём больше не закрываясь, видимо, скрывать ей от мужа было нечего. Окинув её восхитительную молодую фигурку взглядом, я вернулся в коридор и, открывая двери, заглядывал в них. За третьей по счёту я обнаружил того, кого надо. Сам Уильям и слуга, что помогал ему переодеваться, вытаращились на меня, явно не веря своим глазам, что позволило мне их спокойно и безболезненно усыпить.

Склонившись над телами, я с помощью дистанционного управления затёр их последние воспоминания. Этому я научился недавно и изредка пользовался. Конечно, можно было бы использовать эти умения, чтобы новые подружки мне не надоедали своими слезами и не просили не бросать их. Но это было как-то не по мне. Изнасилованием пахивало, а это мне не по нутру. Хотя один раз я воспользовался этими умениями, когда особо наглая девушка, вдова мельника, пригрозила мне написать заявление об изнасиловании. В том штате были суровые законы, и меня ожидал пеньковый галстук – петля, если быть проще. Поэтому я тогда без сомнений воспользовался этими умениями и быстро свалил. А так особо к ним и не прибегал, в принципе, ни к чему было.

Стащив с Уильяма часть уже надетого костюма, я за шкурку уволок обоих в ванную комнату и там оставил на полу. После чего в одиночку продолжил одеваться для бала. А эти куклы проснутся через сутки и не будут помнить последние пять часов из своей жизни.

Когда я почти оделся, ко мне в комнату скользнула жена настоящего Уильяма и с блестящими глазами ухватила меня за причинное место.

Глядя, как у неё увеличиваются глаза, – похоже, хозяйства у нас с Уильямом были разных размеров, – я подумал, заваливая её на огромную постель, траходром: «Почему и нет? Я не против, сама пришла».

Через час, когда мы в карете ехали к дворцу королевы, жена Уильяма, кажется её звали Анна, сидела с задумчивым видом напротив меня, изредка бросая на меня озадаченные взгляды, пытливо вглядываясь в лицо.

«Похоже, перестарался. Пять оргазмов подряд меня выдали, похоже, такого у неё ещё ни разу не было», – подумал я.

В принципе, даже запах изо рта мог меня выдать, я старался походить на Уильяма, но вот запах сделать не успел, так как близко до этого не мог

подобраться к нему. Дом собаки охраняли, сволочи, подачки не брали.

То, что девушка была впечатлена, было заметно, на её губах то и дело мелькала улыбка, она пыталась быть серьёзной, но губы выдавали её с головой.

Долго ехать мне с баронами не пришлось, отец Уильяма сидел справа от меня, его жена напротив, а мать напротив отца. Когда мы выходили, я галантно подал локоть «супруге» и повёл её к входу во дворец следом за «родителями». Пока всё складывалось как нельзя удачно. Мы прошли вход, нас громко объявили, и мы оказались в огромном зале. «Родители» ушли к своим знакомым, а я, отвечая на приветствия и знаками показывая, что сейчас подойду, сваливал от приглашения. «Жёнушка» что-то щебетала мне, двигаясь рядом, а я занимался работой, обрабатывая всех присутствующих. Всех, даже родителей Уильяма, а вот его жену я не трогал, она такого не заслужила.

В течение часа ещё прибывали гости. Закончив с теми, кто был в зале, я стоял с «женой» у входа и здоровался со всеми, кто входил, заодно работая с их организмами. Сама «супруга» уже перестала спрашивать, почему мы не идём к их друзьям, и стояла рядом, с интересом наблюдая, как я кланяюсь той или иной запоздавшей паре. Недолгое общение с Анной дало понять, она хоть и очень сексуальна, но не особо умна.

Наконец было объявлено о появлении королевы.

Мы пробились в первые ряды, я азартно работал локтями, не обращая внимания на возмущение всяких там лордов и герцогов, которым положено по рангу тут стоять, а не каким-то там барончикам. Не знаю, сколько поломанных ребер и рук осталось позади, но я был там, где хотел, и наблюдал, как открываются огромные двустворчатые двери и в зал проходит она, королева Великобритании и Ирландии Виктория.

«Ух, ну и страхолюдина», – подумал я.

Придерживая за локоток испуганную моими действиями Анну, я с интересом наблюдал за королевой и её свитой.

Когда они проходили мимо, буквально в трёх шагах, я успел поработать с ними. Всё, что нужно, я уже сделал, можно подняться на балкон второго этажа и понаблюдать за тем, что скоро тут произойдёт. Не обращая внимания на возмущение «супруги», я повёл её к выходу.

– Ты должна уехать домой, – сказал я ей. Мне не хотелось, чтобы эта милая девушка пострадала, она мне понравилась.

– Но я не хочу! – возмутилась та.

Резко и демонстративно дал ей пощёчину – два морских старших офицера глухо заворчали, возмущённо глядя на меня. Но как бы то ни было, закрыв лицо ладонями и всхлипывая, Анна побежала к выходу. Ничего, там слуги, усадят её в повозку, кучер должен ждать, и отвезут домой.

Хмыкнул, проводив взглядом убежавшую «супругу», и пояснил офицерам:

– Жена, глазки одному графу строила.

Весело насвистывая, я прошёл по широкой лестнице на второй этаж, по дороге прихватив с подноса слуги два бокала – а что, ещё «жене» полагается, я же не виноват, что её нет.

Попивая неплохое ароматное шампанское, я встал у мраморных перил балкона, поглядывая на огромную толпу внизу, и покосился на ряд фотографов, которые редкими вспышками освещали полутёмный зал – как раз начали зажигать свечи. Как только они были все зажжены и в зале стало достаточно светло и заиграла музыка оркестра, я по привычке щёлкнул пальцами и, перекинув ноги через перила, сел и стал с видом шкодника с интересом наблюдать за тем, что начало твориться внизу.

А началось там самое интересное. Что будет, если на свадьбе во все бутылки с алкоголем набросать таблеток с «Виагрой»? Причём все корреспонденты, журналисты и фотографы имели иммунитет к этой напасти.

Сперва в зале всё было чинно, хотя многие почувствовали странное возбуждение. Потом то одна парочка, то другая пытались сквозь толпу побыстрее выбраться из зала, сохраняя ещё остатки разума, но те, кто его уже потерял, быстро заваливали ближайших женщин, даже не своих, главное – женщина на полу. Через минуту началась самая настоящая оргия, включились в неё все, кроме шокированной этим прессы. Постоянно сверкали вспышки фотоаппаратов, строчили в блокнотах корреспонденты. Один, стойкий, продолжал строчить, даже когда две светские дамы его повалили на пол и начали сдирать одежду. Начав с брюк. Тот, с интересом поглядывая на них, наверняка описывал свои ощущения при раздевании, продолжал лёжа строчить. Те же, потрогав у него между ног, обнаружив что-то там не рабочее и поняв, что как мужчина корреспондент им не интересен, разочарованно застонав, включились в другую групповуху.

Я не просто ржал, я уссывался от всего этого, дико хохоча с балкона. Особенно меня веселило то, как трое то ли лордов, то ли герцогов разложив на троне королеву и задрав ей платье на голову, активно пользовались, причём та, похоже, ещё была довольна. Тут я с ними был

солидарен – страшна бабка. А два иностранных фотографа, подкравшись поближе и выбирая лучшие ракурсы, снимали всё это. Причём эти старики – только один был молодой, за сорок – придумывали такие финты с королевой, что даже я кричал от изумления.

В течение полчаса я, болтая ногами в воздухе, ржал, всхлипывая и утирая слёзы, наблюдая за всеми этими действиями. Причём аура над всем этим была такая, что даже слуги, которых я не облучал, и те включались в оргию.

Поняв, что пора закругляться, быстро спустился по лестнице и заспешил к выходу вместе с некоторыми представителями прессы, которые спешили в свои редакции выложить горящую информацию. Конечно, некоторую часть никто в открытый доступ не выложит, но думаю, ушлые фотографы и корреспонденты толкнут информацию на сторону, неплохо на этом подзаработав. Тем более там была заграничная пресса, на которую местные власти вряд ли смогут надавить. Как бы то ни было, добропорядочная Британия скоро должна пережить ещё один ошеломляющий удар по репутации.

Выйдя в парк, я оказался на подъездной дорожке, там меня уже ожидал подозванный местными слугами кучер, подогнав карету:

– Ожидай родителей, я хочу прогуляться, – широко улыбаясь, велел я и, весело насвистывая, направился к воротам.

Через пару минут я растворился в улочках Лондона. Настроение у меня было просто офигительное. Установку на прекращение оргии я не давал, так что будут чпокаться, пока не помрут или пока их не остановят, а это, поверьте мне, непростое дело. Ко всему прочему в каждом дворянчике и дворянке был заложен вирус, модернизированный вариант того, который я внедрял в Романовых. Если кто выживет, через неделю вирус сработает, и адью. Мне живые враги, которые с исступлением бы искали меня, нужны не были. Одним словом, нагличан я одним махом убрал с шахматной доски, и они теперь опасности не представляли.

С наглами я разобрался, они теперь до-о-олго будут затирать подробности этого бала из истории местной планеты, те, кто выживет, естественно, ну а я решил, сменив внешность, отправиться в Россию. Пора пообщаться с государем-стукачком.

О нет, я его не убью, если кто так подумал, но вот заставить помучиться – это со всей радостью. Он тут недавно женился, причём на близкой родственнице затраханной до полусмерти Виктории, и азартно делал нового наследника. Не успеет, я его раньше полным импотентом сделаю, передав тот же недуг Николаю Второму.

Причина не убивать обоих Романовых у меня была только одна: а кто возьмёт бразды правления государством? Я?! Мне это нах не надо. Спасибо, уже правил – тоска зелёная, разбавляемая лёгкой радостью во время войн. Нет уж, пусть правят, хоть какие-то представители местной власти, что имеют права на трон. Думаю, чтобы заделать наследников, им обоим придётся обратиться к суррогатным отцам, хоть это разбавит кровь на троне, и вполне возможно, следующий «Романов» будет достойным правителем.

Спустившись вниз по улице до снятого дома, я там переоделся в нормальную одежду. Из отеля я выписался ещё сегодня утром, так что вещи были сложены тут же.

Этим же вечером я покинул Лондон и дилижансом отправился в другой город-порт, по пути слегка изменив внешность, чтобы не быть похожим на барона Уильяма. Другие пассажиры всё равно спали, а кучер видел моё лицо в свете факела, так что не думаю, что что-то разглядел и поймёт, что изменился разрез глаз и чуть увеличились скулы.

Меняя внешность, я выбрал для стандарта Тома Круза, так было легче работать, когда есть установка под определённый тип лица.

На небольшом рыбацьем судне я пробрался через Ла-Манш и оказался во Франции. Утром, когда я обедал на набережной в порту Англии, в небольшой таверне, изучил свежую прессу. Там было сообщение о бале в столице. Но только как о свершившемся событии, и всё, молчок, но вот когда перебрался во Францию... Это что-то с чем-то. Газеты раскупались мгновенно, смеющиеся французы громко декламировали сообщения, написанные на первой странице. Там же были фото. М-да, французская пресса работать умела, тем более в подобных случаях. Даже, вон, фотографии где-то достала, видимо хорошо заплатила.

Тут мальчишки принесли ещё кипы свежих газет, и я, наконец, смог купить и себе экземпляр, не слушая народных добровольных глашатаев, декламирующих репортажи журналистов.

На первой же странице бросался в глаза заголовок: **«Оргия в Букингемском дворце, или тайная жизнь британской элиты?»**

Под заголовком было вполне обычное фото. Фотограф снял королеву, когда она прошла в зал в сопровождении своей свиты. Надменные позы, надменные чопорные лица, строгие бальные платья. На другой фотографии были трон королевы и она сама. На спинке висели огромные панталоны. Фотограф знал своё дело, было хорошо видно часть трона, герб над ним и спины свиты между раздвинутых полных ног, но никакого разврата. То есть показано всё и ничего, не подкопаешься.

Хихикая, слыша такой же смех вокруг, я читал газету на террасе дорогого кафе на набережной Гавра и пил утренний кофе с ароматными, ещё горячими булочками с повидлом, которые тут почему-то называли круассанами.

Газета привела меня просто в великолепное расположение духа. Свернув её и убрав в дорожную сумку, что лежала под столом рядом с оружейной, я доел завтрак и, подхватив сумки, направился в сторону ближайшего отеля. Нужно добыть документы, по которым можно отплыть в Россию. Пора, пора повидать государя.

Документы добыть было не трудно: заплатил портовому служащему, имевшему вид пройдохи, и он выдал мне всю нужную информацию, у кого и сколько стоит. Причём документы будут настоящими. Так я и сделал, причём купил два экземпляра, мало ли. Этим же вечером я выписался из отеля и на попутном паровом цельнометаллическом судне отплыл в Россию. Это судно тоже было типа «Хог Айлендер», только французской постройки. Правда, сделанное с отвратительным качеством. На тех кораблях, что сделал я, стояли динамо-машины и был электрический свет во всех каютах и прожекторы, а тут ничего подобного не было, освещалось всё масляными фонарями. Да и ход был паровым, на угле, а не на мазуте, как у моих транспортов. Те-то пошустрее были, и автономность увеличена.

Но как бы то ни было, с мелкими правками за всё время пути я сменил внешность и фигуру, став низкорослым крепким пареньком с полной личиной Тома Круза. Менять внешность, используя свои умения, у меня в последнее время из-за обширной практики получалось всё лучше и лучше.

За десять дней, с заходом в порты Дании и Норвегии, грузопассажирское судно, наконец, добралось до России, до столицы Российской империи Санкт-Петербурга.

Сойдя на берег, я прошел регистрацию на таможне – говорил только на французском, делая вид, что не понимаю русского. Кучеру пришлось трижды повторить название гостиницы, пока он не довёз меня до места. Там портье совершенно спокойно общался на языке Наполеона, так что он быстро устроил меня в не особо дорогой номер для иностранцев со средним достатком. Разобрав вещи, я переделался в одежду для прогулок, решив начать выполнение своих планов и не тянуть время. Особо оставаться в России мне не хотелось: сделал дело – гуляй смело.

Прогуливаясь по улицам, разглядывая архитектурную красоту города, я вдруг обнаружил за собой слежку, причём довольно профессиональную. На воров это не похоже, а вот на жандармов вполне.

У меня были планы снять комнату и оборудовать её как свою берлогу

для смены личностей, переодеваясь по мере надобности, однако обнаруженная слежка поломала мои планы. Вернувшись в гостиницу, обнаружил, что в моих вещах рылись, отчего я сразу же закатил скандал, сообщив, что сейчас же иду в посольство Французской республики и сообщу прессе, как обращаются с иностранцами в такой вроде бы приличной стране. Портье и управляющий гостиницы, что стояли в коридоре у моей комнаты, то бледнели, то покрывались красными пятнами и лепетали что-то о том, что горничная перестаралась.

Собрав вещи, я покинул эту гостиницу, заселился в другую, что принадлежала посольству Германии, у Франции своей не было. Про свои обещания я не забыл, нужно было держать марку иностранца. Написал заявление послу с сообщением об обыске моего номера и слежке и просьбой разобраться с этим делом. Также я написал, вернее секретарь посольства под мою диктовку написал два письма в иностранную прессу и одно в местную газету, что придерживалась либеральных взглядов и сразу напечатала моё воззвание. Я его прочёл в следующем же номере газеты, продолжая делать вид, что не знаю русского, прося местных перевести.

Если кто думал, что от меня отстали, то нет, к моему разочарованию, слежка была усилена, разве что в номер теперь никто попасть не мог. Я заплатил прислуге и портье, они охраняли мой номер и даже спугнули вора, как они считали, что лез в одно из окон моих апартаментов.

Пришлось обдумать ситуацию и принять решение.

На пятый день моего пребывания в России, когда я прогуливался по набережной и неосторожно вышел на проезжую часть, любясь лепниной одного из домов, меня сбил наёмный экипаж, что нёсся куда-то с пассажиром, оказавшимся норвежским морским капитаном. От удара меня отшвырнуло в сторону, и я заорал от боли в сломанных руке и ноге. Из ноги, порвав кожу, торчала окровавленная кость и белела свежим изломом. Я орал про то, что меня хотят убить русские, уже покушавшиеся однажды на мою жизнь, убийца не смог пролезть в окно, был обнаружен прислугой и бежал. Никто не заставит меня замолчать! За мной ведётся слежка, и в моём номере роются, переворачивая вещи! Именно так встречают местные органы правопорядка всех гостей своей столицы!

Так я и орал, пока меня грузили на сбившую меня повозку и везли сперва в ближайшую больницу, где какой-то коновал, представившийся врачом, вправлял мне кости ноги и руки и накладывал гипс. А потом меня перевезли в мою гостиницу, оставив под присмотром немецкой прислуги. Это была моя просьба ещё в больнице, выполненная прибывшим представителем посольства Франции. Я ему по секрету, громким голосом

сообщил, что меня тут в больнице наверняка убьют, и просил предоставить охрану.

К моему удивлению, охрана из сотрудников посольства действительно была предоставлена, даже на лапу никому не пришлось давать. Один караулил под дверью, второй под окном.

К моему внутреннему возмущению, оба окна заколотили гвоздями. Местный управляющий очень серьёзно отнёсся к заявлению, что на меня покушались, тем более об этом написала та самая либеральная газетёнка, шавка на кармане всех, кто заплатит, да и во Франции должен подняться шум с этим делом. Это мне обещал секретарь посла. Дело-то серьёзное.

Вот этого мне было не нужно. Документы, конечно, настоящие, но проверка покажет, что никакого Мишеля Кеплера, архитектора из Гавра, не существует и по указанному адресу его никто не знает, так что следовало поторопиться.

На следующую ночь пришлось разыграть целое представление, пожертвовав литром крови. Ничего, всё равно за час организм выработал замену, а переломы я давно залечил, ещё в больнице, после того как мне наложили гипс, только синяки не тронул.

Одним словом, я порвал простыни, облил их кровью, разбрызгал её на стены, бросил окровавленный нож из своих запасов – купил его до этого в сувенирной лавке. Нож был русский, с клеймом.

После этого я избавился от гипса, убрав его в сумку – потом выкину где-нибудь по пути, тут таких улик оставлять нельзя. Через окно мне номер не покинуть, так что пришлось выходить через коридор. Дистанционно усыпив охранника в коридоре, я вышел и нанёс ему два удара по голове, поставив две крепкие гематомы.

До самой двери, что вела во двор, пришлось оставлять следы волочения и капли крови, но справившись с этим, я растворился на ночных улочках Питера. Мой путь лежал в порт. Именно там я избавлюсь от улик, сменю одежду и запах тела, чтобы собаки не брали след, после чего примусь за государя. Так я и поступил, незаметно спрятав вещи на борту голландского парусно-парового судна. Валить из России я собирался зайцем. Вахтенный у трапа спал, так что пробраться на борт и покинуть корабль труда не составило. Только после этого, сменив одежду и запах тела, я нашёл у круглосуточно работающей портовой таверны ожидающий клиента экипаж и велел везти меня к окраине столицы, назвав адрес рядом с трактом, что вёл к Царскому Селу.

Там я усыпил кучера и, перетащив его на своё место, погнал в сторону Царского Села. Экипаж я оставил в шести километрах от села, преодолев

остальной путь на своих двоих. Охрана по сравнению с прошлым разом была увеличена раза в три. Однако с моими умениями это мало что значило. Часовые просто впадали в транс, когда я проходил мимо, и выходили из него, тряся головами и продолжая нести службу, когда я скрывался из виду.

Во дворец я попал через чёрный ход, пойдя мимо трёх солдат и трёх офицеров, и оказался в крыле, где были императорские апартаменты. Первым делом я посетил Николая и, сжимая кулаки от ненависти, навсегда лишил его мужской силы. Парнишке было всего семь лет, но женщину он теперь никогда не познает.

После этого я попал в апартаменты государя. Вот его охраняло аж десять офицеров.

Прокравшись к ложу, я осмотрел жену Александра, что лежала рядом, поработал над ней – беременеть она теперь будет легко, хватит одного раза – а вот Александра, как и Николая, навсегда лишил мужской силы. Навсегда! Пусть теперь гадают, от кого понесла его новая жена, той много не надо, иммунитет я ей поднял, крепкие дети у неё будут. Надеюсь, теперь кровь Романовых обновится и у новых правителей общая со старыми будет только фамилия. Кроме всего прочего, жёнушку я вылечил от пары болезней, старой травмы и врожденной гемофилии. Ею все родственницы Виктории болеют, а она сама вообще была рассадником.

Убедившись, что всё сделано правильно, я подумал и снова внёс некоторые новшества в организм государя. Мелкая пакость, очень мелкая пакость, но жизнь она ему испортит капитально. Теперь он будет страдать метеоризмом в острой форме, посмотрим, как он будет принимать глав или послов других государств под постоянное пускание ветров. Вот те рады будут, счастливы просто.

На выходе я встал как вкопанный. Хлопнув себя по лбу – получилось громко, но вряд ли спавшие проснутся, – вернулся к ложу. Почему молодая государыня должна рожать от кого-то? Я лично не против, если мой сын взойдёт на престол. Это не было изнасилованием, скорее просто оплодотворением. Не скажу, что мне доставило удовлетворение, просто сделал дело и пошёл гулять смело. Через пятнадцать минут я вышел из опочивальни, оставив довольную женщину, и покинул дворец.

Возвращался я утром, время уже было часов восемь. На окраине Питера оставив пьяненького кучера, в которого лично влил полбутылки неплохой водки, пересел на другую коляску и велел везти меня в квартал неподалёку от порта. Народу на улицах хватало. Широкополая шляпа скрывала мои черты, хотя пора было уже менять их. Это лицо засвечено. Я направился на

корабль, где оставил вещи. Не думаю, что Александр сразу сообразит, что я у него побывал, списав свою мужскую немощь на возраст и усталость. А когда до него дойдёт и он опросит охрану в этот день, то всё поймёт. Дураком он отнюдь не был. Нет, он идиот, раз поступил так со мной, но думать умел... сволочь.

Расплатившись с кучером, я направился по одной из улочек в сторону порта, до которого не доехал буквально пару перекрёстков. Народу хватало, однако моё внимание привлекло экзотическое зрелище. Навстречу шла тройка азиатов, китайцев, вроде как. Красивая китайка или кореянка, уж больно эти два народа похожи, гордо шла в сопровождении двух воинов в национальных одеждах и при мечях.

В это время внезапный порыв ветра со стороны набережной сорвал у меня с головы шляпу и бросил за спину, шнурок врезался в подбородок, но не дал ей улететь. Когда я возвращал шляпу на место, то отчётливо расслышал бормотание азиатки, проходившей в трёх метрах от меня. Смысл я не понял, сказано было на незнакомом мне языке, но то, что она отчётливо сказала «Том Круз», расслышал ясно. Застыв как вкопанный, я повернулся и посмотрел этой троице вслед с несколько ошарашенным видом. Ещё один Посредник? Вернее, Посредница?

Пока я мысленно прикидывал, кто тут ещё может оказаться, кроме нас с этой девкой, тройца уже скрылась за поворотом, и я поспешил следом.

Слежка за ними привела меня на рынок, где китайка, купив корзинку, начала лично затовариваться, причём делая это с немалым удовольствием. Охранники демонстрировали круть и отпугивали воришек, гордо поглядывая вокруг подведёнными тушью глазами.

Дождавшись, когда они закончат с покупками, я двинулся следом. Немного мешало то, что я не сменил одежду, при некоторой наблюдательности меня можно было засечь, поэтому пройдя за ними треть города, я дождался, когда тройца свернёт на почти пустую улицу, и, догнав их, громко сказал по-английски:

– Том Круз, конечно, неплохой, высокобюджетный актёр, но мне больше Джет Ли нравится. Харизматичный, пластика отличная.

Тройца резко обернулась, воины даже вздрогнули от неожиданности. Только что один из них, тот, что нёс корзину с продуктами, оборачивался, проверяясь, а тут раз – и позади, нагло улыбаясь, строит симпатичный паренёк.

– Улыбка тоже похожа, – растерянно сказала не знакомка на чистом английском с отлично слышным американским акцентом, готов поспорить, в прошлой жизни она была американкой, но тут девушка встряхнулась и

что-то резко скомандовала своим охранникам.

Мгновенно корзина оказалась в пыли на земле, а оба джедая – ха, даже одеждой похожи! – схватились за рукоятки сабель. Я с усмешкой щёлкнул пальцами, и они осели на пыльную землю.

– Не спеши, красавица, нужно погово...

Однако договорить мне не дали, девчонка одним стремительным прыжком ушла в сторону, оттолкнувшись точёной ножкой от бревенчатого забора, и попыталась в развороте другой точёной ножкой нанести мне удар в голову. Вид снизу был великолепен, кружевные панталончики мало что скрывали, я чуть не пропустил удар, но быстро пришёл в себя и стал действовать.

Драться красавица явно умела неплохо. Перехватил её в полёте, одновременно накидывая паралич, и поймал на руки, отчего она безвольно повисла, но почти сразу задвигалась, чем изумила меня. Девушка умудрилась сбросить мой паралич и, оттолкнувшись, скатиться на землю, мягко перекувыркнувшись через голову. Моя следующая попытка наложить на неё паралич застала ту в интересной позе, коленно-локтевой, причём повёрнутой ко мне филейной частью.

– Какая попка! – воскликнул я. – Персик!

Двумя движениям задрал ей кимоно или что у неё было, я провел рукой по восхитительно бархатистой коже ягодиц. Но тут заметил что-то странное. По крови девушки потекли какие-то незнакомые линии. Схватив её за шкуру, поднял и заметил, что она доедает какие-то ягоды, причём глаза её тускнеют, и понял, что она умирает. Я никак не мог определить, на что влияют эти ягоды, хотя машинально начал лечить, терять её я не хотел. К моему большому сожалению, лечение мне нормально не давалось, было такое впечатление, как будто на ней был блокиратор, и все мои попытки ни к чему не приводили. Это как капли воды на лобовом стекле – есть, а внутрь попасть не могут.

– Стоять! – прозвучало как гром среди ясного неба. Обернувшись, я заметил, как ко мне с громким топотом бегут двое городских, придерживая сабли.

Быстро поправив на девчонке одежду, я закинул её на плечо и побежал по улице – терять свой трофей я не собирался ни в коем случае – при этом на бегу пытался найти способ вылечить её.

Гоняли меня по району, причём в погоню включились и горожане, почти полчаса, благо я хорошо лазил по стенкам и бегал по крышам, но с ношей это было тяжеловато. Пока была возможность, я краткими дистанционными касаниями поддерживал жизнь девушки, поняв, что всё-

таки это не отравка, а что-то из растительных препаратов, введивших человека на полсутки в коматозный сон с настолько редкой работой сердца, что казалось, будто жертва мертва. Хитрая девка, хотела так избавиться от меня. Одним словом, вмешательства не требовалось, через двенадцать-тринадцать часов она сама очнётся, но меня реально загоняли, и я понял, что пора избавляться от девушки, пока ещё есть форса.

Запрыгнув на одно из зданий и придерживая одной рукой безвольное тело, по лепнине на стене я начал подниматься на крышу. Заметив на подоконнике открытого окна красивый цветок в горшке, пользуясь тем, что хозяйка хлопнулась в обморок, увидев нас, зубами сорвал его и полез дальше. Там, найдя укромное место за печной трубой, аккуратно положил девушку и сунул в руку цветок, после чего, ещё раз полюбовавшись её прекрасными чертами, рванул дальше. Времени у меня не оставалось, пока заслон жидкий, шанс уйти был. Но если подойдёт подкрепление, даже с моими способностями уйти не получится.

До крыши другого здания было метров пять, я их преодолел в прыжке не снижая скорости и рванул дальше, выбирая место, где можно спуститься. Полицай уже привлекли конницу, и те отслеживали все мои прыжки снизу, окружив здание, но я смог уйти.

Для этого пришлось усыпить трёх казаков и воспользоваться конём одного из них. Воспользовавшись форой, я нашёл нормальное укрытие, чтобы переждать день.

Честно скажу, с девкой на руках я бы не ушёл, а так у меня получилось. Полдня я просидел в воде одного из притоков, а когда начало темнеть, вплавь направился в порт, не выбираясь на берег. Голландец стоял на месте. Погрузка уже была завершена, значит, утром он уйдёт из порта. По якорному канату забравшись на борт, я открыл не накрытую ещё брезентом крышку люка в трюме и спрятался в нём, проверив, на месте ли ещё мои вещи. На месте, не нашли.

С девкой наши пути ещё пересекутся, я уверен в этом, а вот мне нужно подготовиться к этой встрече.

Следующие дни прошли напряжённо, но в принципе, несмотря на три обыска таможенниками корабля – я был на дне, сидел на якоре, – судно спокойно вышло из порта и направилось в открытое море.

Не показываясь команде, я тырил продукты с камбуза и так питался. Кок подозревал в воровстве помощника и наставил капканов, которые я легко обходил и добывал себе пищу. Сошёл я в порту Дании так же незаметно для команды, как и находился на корабле.

Там, воспользовавшись вторым комплектом документов гражданина

Франции, с самодельными таможенными печатями, устроился в отеле и стал искать попутный борт. Мне нужно было судно, идущее в Индийский океан. Путь мой лежал в Китай, именно там я собирался пережить все волнения. Попробуй среди полумиллиарда китайцев найти нужного. Посмотрим, будут меня британцы и русские искать или нет.

Попутный борт я не нашёл, но зато попался тот, что шёл в Англию, уж там-то я нужный корабль запросто найду. Поэтому я сел на четырёхмачтовый барк с грузом китового жира в бочках и направился на остров Разврата, как его теперь ехидно называли в прессе.

Пока было время, я размышлял о той нашей встрече, и чем больше анализировал её, тем больше понимал, что среагировала девушка на меня таким образом не просто так. Похоже, что я не первый Посредник, которого она повстречала, и та встреча ей очень не понравилась.

Я сидел на складном стуле на корме корабля, где находилась пара столиков – ветер был умеренный и позволял ужинать на палубе. Осознание ответа мелькнуло в тот момент, когда я пил кофе. Медленно поставив чашечку на блюдце, я несколько секунд раздумывал и пробормотал:

– Так она что, с Гришей повстречалась?!

Обдумал этот вариант, прокрутил его так и эдак и понял, что был прав. Если Гриша Дашко такой же Посредник, как мы, то дело плохо, его нужно быстрее искать и ликвидировать, пока он чего не учудил. Пускай в следующей жизни и в другом мире оранжевые революции устраивает, не здесь.

Почесав затылок, я прикинул, где его нужно искать. По всему выходило, что это не такое трудное дело – за Гришей след оставался как за улиткой, влажный и склизкий. Похоже, что мне действительно нужно в Англию. Там чутко реагировали на любые изменения в техническом соперничестве государств, и если где Гриша наследил, именно от них я узнаю, где, и встану на его след.

Про внешность во время плаванья я не забывал и потихоньку менял её, пользуясь тем, что постоянно бывал на глазах у команды и они не обращали внимания, что подбородок чуть уменьшился, ямочка появилась, горбинка с носа исчезла. Если сравнить, каким я стал сейчас и какой был в то время, когда садился на судно, разница была бы заметна, но команда не замечала, постепенно привыкая к моей внешности. Если кто и обратил внимание на обновления в моём лице, то думали, что раньше им казалось, что черты у меня были другие. Вот так-то, психология, блин.

Сойдя в одном небольшом порту Великобритании в ста километрах от Лондона и пройдя процедуру досмотра – таможенник даже глазом не

моргнул, ставя мне печать, – я взял наёмный экипаж и поехал в столицу. Нужная информация была там. Прибыл я вполне благополучно, правда, под вечер, когда стемнело. Времени заниматься поисками отелей у меня не было, поэтому я остановился в одном из тех, о которых знал, но где ещё не останавливался.

Деньги у меня были, именно поэтому я решил не выкрадывать чиновника, чтобы допросить его своими способами, а просто подкупить, получая информацию по мере поступления её в нужное министерство, и таким образом вычислить Гришу. В принципе, мне и архивов хватит. Он ведь тут порядка двадцати семи лет живёт, должен след оставить, ещё как должен.

Всё это, конечно, предположение, миров, как мне сказал Творец, великое множество, но почему-то мне казалось, что с Гришей мы гуляем по одним и тем же.

Несколько следующих дней я гулял у нужного министерства в поисках жаждущего наживы чиновника. Но сколько я ни смотрел, ни одного честного не нашёл, все алчные оказались. Выбрал я того, который выдавал свою бедность затёртыми до дыр форменными штанами – у него денег не было, даже чтобы нормально одеться.

Подловил я его на игре в покер, во-он куда он деньги, оказывается, спускал! Поиграв с ним немного, я пригласил его покурить в курительный зал и попросил об услуге, пообещав щедро оплатить.

– Я не беру взятки! – гордо сказал Марк Уильямс.

– Так я и не даю взятку. Я просто проиграю вам крупную сумму в карты, а вы мне поможете в одном деле, которое никак не затрагивают интересы Британии.

– У Британии *езде* свои интересы.

– Да кто бы сомневался, – буркнул я себе под нос и продолжил уговаривать мелкого клерка, имеющего свободный вход в архив.

– Что вы хотите? – с подозрением поинтересовался он.

– Только информация о резких взлётах в производстве на отсталых предприятиях. Лет двадцать – двадцать пять назад. Интересует не Англия, другие страны.

– Это вам нужно в архив, я могу организовать свободный вход, – кивнул клерк и вопросительно посмотрел на меня.

– Давайте пройдем к столу, и там вы на глазах у всех вполне законно получите аванс, но предупреждаю, игра будет жаркая.

С этим Уильямса я не обманул, играли мы азартно, собрав вокруг

других игроков и зрителей, которые болели за меня, Уильямса и ещё двух игроков, что участвовали в схватке. Но последние понемногу выходили и тоже становились зрителями, пока мы не остались с клерком один на один и я не проиграл ему аж двадцать фунтов. Первый платёж прошёл. Встав из-за стола, я поблагодарил партнёра за интересную игру, пожал руку и поинтересовался, даст ли он мне реванш завтра. Тот, гордо оглядываясь, под смех зрителей заявил, что не против ещё раз выиграть у меня денег.

Так мы и играли. С утра до позднего вечера я сидел в архиве, перелопачивая тонны макулатуры с помощью двух работников архива, которым Уильямс, будучи их начальником, сказал, что я один из агентов британской разведки и ищу нужную информацию одному из лордов Парламента. Легенда была железобетонная, так что работники старались не за страх, а за совесть.

На третий день, изучая ветхий лист, я улыбнулся и, стукнув по нему согнутым пальцем, пробормотал:

– Ну, здравствуй, Гриша, я рад, что не ошибся в тебе.

Ещё через два дня я нашёл информацию и по девушке. Она была корейкой и являлась советником и, по некоторой информации, любовницей одного из сегунов Японии. Но вот уже несколько лет находится в изгнании, то есть бежала, когда её любовника прирезали во время бунтов, и живёт в... Индонезии, изредка посещая разные страны. Имеет собственный довольно современный пароход. Имён у неё множество, но мне понравилось Май. Я был уверен, что это она.

Добыв нужную информацию, я расплатился с Уильямсом, который за это время раздал долги, приделся и подумывал купить домик на окраине, после чего первым же кораблём отплыл в... Да, обратно в Россию. Гриша, как и ожидалось, жил в Киеве, будучи там купцом первой гильдии. Жил он под именем Миколы Загуйляка и считался самым крупным промышленником Украины, имеющим свои транспортные конторы. Две, например, занимались судовыми перевозками. Одна линия работала чисто с Индонезией и была оборудована самыми современными в этом десятилетии кораблями. Именно так я и понял, как они познакомились с Май. Посредники без труда могут найти друг друга по таким вот следам их деятельности.

Уверен, что и Гриша обо мне прекрасно знает – тогда, работая под рукой государя, я был не сдержан в этом вопросе. Гриша поступил умнее и особо не высовывался, контролируя свою деятельность. Это я, идиот, не подозревая о таких же Посредниках, вёл наглую и разгульную жизнь. Что ж, это будет мне уроком, больше так высовываться не буду никогда, зная,

что я не один такой прогрессор в мире.

Честно говоря, когда говорил с Творцом, то думал, что Посредники редкое явление, или это мне так повезло встречаться с ними? И Май, уж не та ли малолетняя американка, что в семь лет попала в доисторические времена и научила обезьян со шкурами на плечах делать колесо? Хотя она вроде из тридцатых годов переместилась, значит, Тома Круза знать не могла. Получается, не она. М-да, одни вопросы и ни одного ответа.

В этот раз я взял билет не в Питер, а в Данциг, именно оттуда я и собирался выехать в Киев. Ехал я наугад, так как не знал местоположения Гриши, но надеялся, что он в городе, а не в деловой поездке где-нибудь за границей.

Приехал я под видом англичанина, идеально скопировав документы – фальшивки были как настоящие, тем более по печатям было видно, что я успел попутешествовать и посетил множество стран. Добрался я до места назначения на одном из первых круизных судов, что совершало увеселительные путешествия по странам Балтики. В Средиземке были свои круизы.

Сойдя в порту, я спокойно прошёл таможду, багаж к этому времени у меня уже был другой. Я не только поменял всю одежду, но и сумки. Только оружие осталось прежним, я с ним практически не расставался, даже запас патронов в Англии пополнил.

Из Данцига я отправился наёмным экипажем, позволявшим добраться до любого города в Польше.

Ехали порядка десяти дней, да и то из-за плохого качества дорог да не особо быстрых лошадей. Но как бы то ни было, я всё же добрался до Киева.

Однако двухдневное изучение светской жизни столицы Украины дало понять, что Гриша уже две недели отсутствует у себя. Дворовый слуга, которого я допросил, подтвердил по словесному описанию, что Михайло – это Гриша. Один ответ получил, на второй слуга ответил, что хозяин получил срочную телеграмму и отбыл в Данциг. То, что туда, точно, но вот дальше куда, слуга не знал.

– А ведь в Данциге у Гриши офис транспортной конторы, – припомнил я.

Закончив с допросом слуги, я понял, что не уеду отсюда, пока не посету местожительства Гриша. Сделав это, я поработал там от всей широты русской души и направился в гостиницу.

Собрав достаточно информации, я на том же экипаже поехал обратно. Возница был доволен – не надо искать пассажиров на обратную дорогу,

снова тот же богатый иностранец едет.

Съездил я не зря, хоть получил подтверждение своих предположений, а также узнал новую информацию. Гриша-Микола вёл холостяцко-разгульный образ жизни, в прошлом мире он посдержанней был, но и тогда его извращённые наклонности были противны. Здесь же от тюрьмы его спасало только то, что не было свидетелей. Кражи красивых девушек, изнасилования, удержание в наложницах и другие развлечения сексуального характера. Одним словом, обычный бывший депутат Верховной Рады, они там все такие. Даже не через одного, каждого к стенке ставить надо.

Именно поэтому я уехал не сразу, а уничтожил гнездо разврата. Выжег его в буквальном смысле слова со всей дворней, что участвовала, вернее помогала хозяину в его развлечениях. Думаю, родители многих подрастающих девочек в окрестностях Киева вздохнут свободнее, когда узнают об этом. Обрадуются они, когда узнают о смерти Миколы-Гриши. Уж я-то постараюсь. Не люблю подобных людей. Сам я изнасилованиями не занимался, всегда на добровольных началах. А что государыня? Она же молчала, а молчание – знак согласия, да и не тот это случай.

– Мистер! – расслышал я окрик возницы. – Мистер?

– Иес, Прохёр, – с акцентом ответил я, очнувшись от полудрёмы.

В пути мы были уже четвёртый день, и я подрёмывал в крытой старой карете, когда меня разбудил возница.

– Мистер, люди впереди. Кажись, банда.

– Хорёшо, Прохёр, я приготовлю оружие. Привычно застегнув пояс с револьверами, я стал вязать шнурки вокруг бёдер, чтобы кобуры не болтались, револьверы уже были проверены.

Когда я закончил, карета остановилась, и снаружи раздались возгласы. Выглянув в небольшое окошечко на задку кареты, я понял, почему возница не повернул назад. Последний час мы двигались по узкой лесной дороге, где развернуться было практически невозможно. Припомнив, как в последней деревушке возница узнавал дорогу и ему подсказали короткий путь, я понятливо кивнул. Нас просто завели в засаду.

Вдруг дверца распахнулась, и внутрь сунулась бородатая харя, прогнусавив:

– Выходи, господин хороший, приехали.

Выстрелив ему в лицо, я выскочил из кареты и открыл огонь с двух рук. Бандитов было всего восемь, патронов у меня двенадцать, четыре осталось в барабанах после боя – я ни разу не промахнулся, даже возницу не

зацепил, которого держали двое разбойников.

– Эт-то всё, ещё бандитхы есть? – спросил я с акцентом, после чего велел вознице: – Эт-тем тальше.

Пока возница очищал дорогу, а заодно и карманы бандитов, я охранял его и осматривал вооружение, что у них было при себе. Кроме вполне приличного армейского «Смит-Вессона» у одного из бандитов, точно такого же, как мои, видимо военного убили, ничего интересного их пукалки не представляли. Револьвер я забрал себе, остальное отдал довольному вознице.

Дальше ничего подобного больше не случилось, разве что после перестрелки, этим же днём возница сообщил о том, что на нас напали и бандиты были перебиты. Урядник, которому он доложил, взял с него показания, меня просто опросил, после чего спокойно отпустил дальше, а сам стал собирать народ и телеги, чтобы выехать к месту схватки. Бросать христиан, хоть они и бандиты, никто на дороге не хотел. Требовалось их похоронить.

По прибытии в Данциг я продолжил поиски Гриши, но и тут опоздал, он отбыл за день до моего прибытия на одном из своих судов. Курс судно держало в Индонезию.

– Ха, опять эти острова, – пробормотал я, закончив с допросом служащего офиса транспортной конторы Гриши. Тот мне многое порассказал. Кстати, про конфликт с Май ему было известно. Действительно забавная история.

Гриша по своей привычке, когда был в Японии, подписывая договора поставок и остальное, не доверяя это никому, увидел её на улице – семь лет назад девушке было тринадцать, но и тогда она была красива, хоть и очень молода. Его нукеры выкрали девушку и доставили к нему.

Однако буквально через час на корабль Гриши был высажен десант сёгуна, а его самого подвесили за яйца на рее. В прямом смысле этого слова, да и то такое щадящее наказание из-за того, что он ничего не успел сделать. Видимо, тогда они и пообщались и опознали друг в друге Посредников. То-то Май так на меня отреагировала.

После этого он полгода не занимался утехами, но чуть позже, когда всё зажило, продолжил с ещё большим остервенением, только с тех пор более взрослые, пятнадцати – шестнадцатилетние, его уже не интересовали. Извращенец-наильник. Я его, блин, не только за яйца подвешу, шкуру сниму.

Через сутки я отплыл в Англию, мой путь лежал сперва в Индию, а там видно будет, но одно я решил точно: пора приобретать своё судно и лучше

«Хог Айлендер» американских верфей. Там самая лучшая постройка, после России, естественно. Некоторые даже на мазуте, но такие поставлялись только на их флот, гражданским только угольные. Деньги у меня были, дело осталось за малым.

С судном до Англии проблем не было, они тут постоянно ходят, да ещё заходят в порт попутные борта. Через шесть дней попутное судно, не заходя в другие порты – рейс был прямой на Лондон, было в порту столицы Британии. Там шло празднование коронации нового наследника, старушка-то Виктория концы отдала, сработал вирус, практически поголовно лишив Британию верхушки дворянства. Так что пошукав по сусекам, лорды и министры нашли дальнего родственника почившей в разврате королевы, являвшегося в очереди где-то сорок седьмым или там сорок восьмым и внезапно вырвавшегося вперёд. От короны он не отказался, хотя страна была в тяжёлом политическом кризисе, и поклялся вести страну только вперёд. Ну и флаг ему в руки, будут снова поползновения в мою сторону, будут искать нового короля и новый цвет дворянства.

Пока было время, то есть пока я добирался до Англии, одновременно меня внешность, у меня была возможность подумать. Насчёт «Хог Айлендера» я, похоже, погорячился. Там он будет слишком привлекать внимание, а мне этого было не нужно. Мне нужно было что-то вроде яхты, небольшого судна, возможно даже парусного, главное, чтобы им мог управлять один человек. В последнее время я никому не доверял. По моим прикидкам, китайская джонка мне идеально подходила. Это я про те, что прибрежного плавания, такие легко можно было купить в тех краях. Наверное.

Как бы то ни было, я решил не трогать счёт в банке, филиал которого находился в Лондоне, а воспользоваться средствами того сэра, который поплатился за Маргарет в Юте. Он не хранил все свои накопления в банке, только часть, другая в золоте и драгоценностях была спрятана на территории дома в тайнике в трубе камина в кабинете.

Найдя этот дом – кстати, довольно приличный район, – я прошёл внутрь, усыпляя всех, поискав, нашёл защёлку и, открыв тайник – немного в саже вымазался, – забрал шкатулку с драгоценностями, завёрнутую в несколько слоёв грубой материи, и так же тихо покинул дом. Слуги и вдова меня не засекли. А странное совместное недомогание спишут на что-нибудь. Пускай сами придумывают.

Вернувшись в отель, я оценил добычу – на сотню джонок хватит, или

на три «Хог Айлендера», – после чего стал собираться. Из Лондона уходил в Индию чайный клипер, одно из самых скоростных судов современности, именно на него по прибытии я и купил билет. Отплытие завтра с отливом, но лучше подготовиться заранее и занять свою каюту.

Оставив вещи в каюте и зарезервировав себе место в трюме под два среднеразмерных ящика, я направился в порт. Оружием в Англии не особо торговали, но не так, как в современной мне. Огнестрел, конечно, продавался неохотно, но я нашёл одного поставщика, что занимался продажей крупного оружия. Среди слобоев я нашёл даже несколько мортир и старых пушек. Меня это не удовлетворило, но я заинтересовался, когда мужичок завлекающим голосом предложил купить последнюю новинку английской оружейной мысли и, откинув чехол с чего-то непонятного мне, спокойно предъявил пятидесятимиллиметровую морскую пушку, которую я сконструировал для береговой охраны Российской империи. На месте штампа казённого пушечного завода была затёртость, мужичок догадался убрать улику.

Причём пушка была с тумбой, позволяющей стрелять с палубы любого судна. Их планировалось ставить на паровые катера пограничной службы. Снарядов оказалось порядка пятидесяти, бронебойные и осколочные. Купил я и пушку, и снаряды к ней, а также ещё два ружья с широким раструбами, созданных для подавления бунтов. Я такими пользовался в своё время. Хорошие дробовики, но эти посовременней будут. Хотя тоже дульнозарядные.

Не забыл я для них взять капсюли, порох, пыжи и свинец кусками. Проследив, как заколотили крышки ящиков с оружием, я вместе с ними прибыл на борт клипера и погрузил их в трюм, дробовики же убрал в свою оружейную сумку, они у меня просто завернуты в брезент были, и нёс я их в руках. Боеприпас к ним был сложен вместе со снарядами в один из ящиков.

Плаванье прошло замечательно, пару раз мы попали в бури, да один раз погода испортилась, но кроме двухдневного дождя, что позволил команде пополнить запасы пресной воды, ничего особенного не происходило. Ни пиратов, ни чего подобного не было. Скукота. Видимо, из-за неё я и устроил сексуальную контрреволюцию на отдельно взятом судне. Думаю, ни команда, ни другие пассажиры ни о чём не подозревали.

Всё дело оказалось в двух дамах в дорогих платьях. Увидел я их только на второй день плаванья, до этого они питались в своей каюте, которую делили пополам и которую не покидали. Это оказались молодые жёны

британских офицеров, что навещали родственников на острове, пока их мужья-оккупанты служили в Индии.

Меня позабавило, как гордо они себя держали – прямые спины, зонтики в руках, невозмутимые лица и спокойные разговоры. Настоящие леди высшего света.

Наши каюты были рядом, и девушки жили за тонкой перегородкой, так что я решил воздействовать на них.

На третий день обе дамы были немного не в себе, это было видно по слегка красным лицам и растрёпанной одежде. Ещё бы, я их через стенку облучал, а это посильнее «Виагры» будет. Короче говоря, мужиков они хотели так, что хоть на стенку лезь. Тогда заметив, как они бросали на команду и офицеров оценивающие взгляды, на следующую ночь я продолжил и тихонько через окно на корме проник к ним в каюту. Думаете, они меня прогнали? Ага, сейчас! На руках отнесли в койку. Всё хорошо, но общая кровать, довольно широкая, у них была ну очень скрипучая, так что следующую ночь они меня встретили на полу, куда перенесли всё постельное бельё. Так и плыли: дамы были довольны, я очень доволен приключениями, остальные пассажиры предавались отдыху.

Через месяц плаванья, всё-таки шторма повлияли на срок прибытия, мы вошли в порт Бомбей. Это был конечный пункт клипера, возвращался он в Англию через пару дней после разгрузки-загрузки.

Дамы холодно попрощались со мной, делая вид, что между нами ничего не было, и направились к встречающим. Там были трое солдат в красных мундирах, они начали грузить вещи, что были с дамами. Также был офицер, муж одной из дам, второй, видимо, не смог встретить свою супругу. Служба.

Проследив, как на пирс сгрузили мои ящики, я нанял местных грузчиков и большую арбу, куда всю мою поклажу погрузили. Ящики были оставлены на платном портовом складе, там гарантировали их сохранность, а я проехал в гостиницу со своими личными вещами. Первым делом по прибытии я изменил пигментацию кожи и теперь мало чем отличался от местных, после этого я занялся поисками судна, что шло в Китай. Такое нашлось только на второй день – голландский парусник шёл туда, и свободные места на нём были, так что я сразу озаботился погрузкой своих вещей, и на четвёртый день мы отплыли в Гонконг с заходом в Сингапур. Я продолжал на всякий случай путать следы.

Изъяснялись тут на многих языках, но самым ходовым был английский, так что я не терялся. До отплытия голландского брига я прогулялся по порту, с интересом изучая китайские джонки и прикидывая по их внешнему виду, подойдут они мне или нет. К сожалению, в порту их было всего четыре единицы. К тому же это были транспортные суда, большие. Мне такие были не нужны, я больше архитектуру постройки смотрел. Посмотрим по пути, может, ещё что попадётся интересное.

На бриге до Сингапура мы плыли две недели, и это было ещё довольно быстро, так как мы не заходили в другие порты, просто судно было не особо скоростное. Я так понимаю, днище у него изрядно обросло. Воды тут были тёплые, идеальные для курортов, я бы искупался, но судно было в движении.

В самом Сингапуре выбор джонок был куда как более обширен, тут их было порядка полутора сотен. Некоторые маленькие, как я и хотел.

Бриг в Сингапуре должен был стоять двое суток, шла разгрузка и погрузка, некоторые пассажиры сходили, другие поднимались на борт, а я пошёл погулять по порту, с интересом разглядывая местные кораблики. Дальше я путешествовать не собирался – хотя билет и был до Гонконга, именно Сингапур был моей целью, так как путь мой лежал в Макасар, крупный торговый город на одном из островов Индонезии. Именно там жила Май, и именно туда шло судно Гриши. Это было подозрительно.

– Господин что-то желает купить? – подскочил ко мне молоденький, но наглый малаец. Его английский был очень неплох, да и сам паренёк немного отличался от местных. Могу предположить, что отец у него был белый.

– Джонка интересуется. Небольшая, для одного, но чтобы могла свободно ходить по местным водам. Малую не надо, двухмачтовую, тонн на сто пятьдесят, – с ленцой ответил я.

Паренёк на миг задумался и не совсем уверенно сказал:

– Старый Али в порту знает обо всех кораблях, что приходят и уходят. Если которую джонку выставили на продажу, знает только он... Вам нужен проводник, сеньор?

– Да, проводи меня к этому старому Али.

Лёгким прогулочным шагом двигаясь следом за мальчишкой, которому на вид было шестнадцать, не больше, я разглядывал местную архитектуру, да и просто суетливую и громкую жизнь. Местные работники своими воплями даже многочисленных чаек перекликали, а уж те какие горластые.

Обойдя часть портовых построек, мы вышли к большому амбару, к которому прилепилась лавка.

Паренёк быстро пояснил вышедшему седобородому старику, что мне нужно. Тот задумчиво окинул меня взглядом, одет я был прилично, и сказал:

– В порту продаются шесть джонок, две из них принадлежат мне. Молодого господина интересует судно с парусно-паровым ходом?

– Интересует, – кивнул я.

– Пройдёмте за мной.

Мы со стариком и пареньком направились вдоль причала в обратную сторону, в ту, откуда только что пришли. В одной из заводей находилось три джонки, на одной жила местная семья, по палубе бегали дети, две других пустовали. Заинтересовало меня судно, что имело паровую трубу. Оно было небольшим, ста сорока – ста пятидесяти пяти тонн, на глаз. С виду классическая джонка, в середине – отлично выделанные каюты. Было две спальни, гостиная, она же столовая, и кухня с железной плитой. Внизу был трюм – занимал носовую часть, ближе к корме небольшое котельное отделение и две ямы для угля. То есть джонка была отлично скомпонована, и всё у неё приходилось к месту. Было видно, что китайский помещик, которому она ранее принадлежала, не зря потратил немалые деньги, чтобы построить её.

В течение двух часов я изучал судно, даже нырял и осматривал днище. По виду джонке было не более двух лет.

– Неплохое судно, – кивнул я на пирсе, вытираясь поданным мне пареньком полотенцем, не торопясь одеваться. – Оно мне подходит, хотя паровик там стоит с баркаса, но судно он потянет. Слабосильный, конечно. Но потянет. Для штиля самое оно... Теперь поговорим о цене, хотелось бы услышать приемлемую сумму. Надеюсь, документы у судна в порядке?

– Конечно, господин, – слегка поклонился старик. – Всё законно.

– Это хорошо, но хотелось бы услышать сумму.

Цена меня вполне устроила, она была не такая уж и большая с учётом того, что джонка была выполнена в стиле яхты, с отличной отделкой, и представляла собой плавучий дом. Смущало меня только то, что несколько досок в каюте были явно заменены. Предположу, что из-за порчи. От пуль, например. Меня это мало волновало, судно меня заинтересовало, а защитить своё имущество я был в состоянии.

– Цена меня устраивает. Сейчас мы на судне выйдем из заводи и проследуем к вашему магазинчику, проверим, как покупка на ходу, а на месте я расплачусь и получу документы купли-продажи на руки. Заверять будем на таможне или у нотариуса? Тут есть нотариусы?

– Есть, молодой господин, но у таможни зарегистрировать судно будет

быстрее.

– Там видно будет.

Отплыли мы не сразу, в течение часа я разводил пары в холодном котле, угля было немного, но по порту походить под винтом хватит. Его я, кстати, тоже проверил, воду сальники не пропускают, хорошо.

Под паровым ходом, густо дымя – уголь был так себе, – мы подошли к борту брига, с которого я перенёс на судно все свои вещи, сообщив старшему помощнику – капитан отсутствовал на борту, – что двинусь дальше своим ходом. После чего команда с помощью талей достала из трюма мои ящики и установила их на палубе пока ещё не моего судна. Дальше мы шли под парусами на обеих мачтах. Паренёк неплохо помогал мне, встав к рулю, пока я занимался котлом и парусами. В принципе, одному ходить можно, просто в порту это сложно, необходимо нарабатывать навык, чтобы с этим не было проблем.

Мы пристали к пирсу неподалёку от лавки старика, где я расплатился золотом, мальчишке досталась серебруха за помощь. Потом я оформил корабль на себя, на англичанина. Но флаг поднял местный, порт приписки был Сингапур.

Отойдя с этого места в сторону, я встал среди таких же джонок на якорь, тут было мелко, большие корабли не ходили, идеальное место для стоянки. Первым делом я разложил свои вещи по каютам, проверив, как закрываются двери, и понял, что нужно купить петли и замки. На судне, названном мной «Красавица», ничего подобного не было. Более того, нужно было покупать кухонную утварь и посуду, она отсутствовала, постельное бельё, продуты, уголь... да всё. Вымели его перед продажей подчистую.

К тому же выяснилось, что мне нужна была небольшая лодка, чтобы плавать по акватории не на «Красавице» – стоит она на якоре и пусть стоит, не следует её трогать. Так что мне пришлось сниматься с якоря и под парусом идти обратно в порт. К этому времени все вещи были разложены, ящики разобраны, пушка с боезапасом спущена в трюм. Оружие большей частью угнездились в оружейном шкафу, где были полки под боеприпасы. Удобно.

Обратился к тому же старику Али. Тот просьбе не удивился, и его подручные-мальчишки быстро подогнали мне четыре лодки, из которых я выбрал одну, небольшую, но со сложенной мачтой и парусом. Вёсла тоже присутствовали.

После этого я закупились в лавке Али некоторыми необходимыми вещами. Например, взял шесть мешков с углём. Настоящим английским

кардифом для котлов, который используют в основном на военном флоте. Дорогой он, конечно, но при необходимости самое оно.

Наконец «Красавица» была загружена всем необходимым, я до наступления темноты даже успел котёл почистить и избавился от старого угля, который приобрел как раз Али. Высыпав из мешков новый уголь в угольные ямы, я докупил ещё два мешка, место ещё было. Только после этого вернулся на место якорной стоянки, лодка шла на буксире, и встал на ночёвку. Утром я собирался отплыть в Макасар. Думаю, дня за три-четыре дойду. «Красавица», конечно, не особо ходкое судно, но узлов восемь полюбому давать должна. Проверим.

Я бы назвал следующие дни спокойными, в принципе они такими и были. Но встреча с малазийскими пиратами всё-таки произошла. Во время плавания – а что, накинул верёвочную петлю на руль, «Красавица» спокойно бежит по волнам по нужному курсу, а сам занимайся своими делами, да изредка поглядывай, не идёт ли кто наперерез и не произойдёт ли столкновение, – так вот, за время плавания я привёл судно в полный порядок. Отмыл палубу от угольной крошки, прикрутил, где надо, петли для замков, установил внутренние замки, а то даже не поспишь нормально, любой зайти может.

Местные воды я не знал, но купил карту этих мест с указанием глубин и скрытых рифов. Где была чистая вода, я шёл даже ночью, на медленном ходу, а где были острова и рифы, ложился в дрейф. Днём шёл уже на всех парусах. За всё время я так ни разу и не разводил пары. Не было надобности.

Так вот, на третий день меня начала догонять крупная джонка. Ход у неё был приличный, так что я не удивился, что она меня нагоняет. У первой мачты у меня был установлен складной столик, за которым я спокойно ужинал рисом с подливой и рыбой, когда джонка пошла на abordаж.

– Смотри-ка, пираты, – пробормотал я, аккуратно промокнул салфеткой губы и, встав, направился на нос, где была укрыта брезентом пушка.

Кто это, я понял, ещё когда они были в миле за кормой. Поэтому успел подготовиться.

Стянув брезент, я осторожно сложил его рядом, после чего, открыв клиновой затвор, кинул в ствол первый осколочный снаряд. Повернув пушку, я укрылся за щитком и, наведя прицел на джонку в районе кормы, произвёл первый выстрел. Пираты заорали, возмущаясь таким коварством жертвы. А я, выпуская из пушки снаряд за снарядом, спокойно

расстреливал джонку противников. Та уже повернула, уйдя с линии атаки, так что расстреливал я незащищенное судно. Кроме допотопной пушки на носу, из которой уже выстрелили, да и то промахнулись с кабельтова, никакого тяжелого вооружения у них не было. Когда на судне противника возник пожар, я спокойно встал и, отойдя от пушки, поднял голову и посмотрел на прореху в парусе от ядра.

– Чтоб вам пусто было, – пробормотал я.

Пиратская джонка горела, хорошо так горела, пираты прыгали в море. У меня была мыслишка расстрелять их из ружей, но передумал – вода, солнце и акулы всё сделают за меня, поэтому «Красавица», на ходу покачиваясь на волнах, двигалась дальше по проложенному курсу, а я занялся заделкой пробоины и чисткой оружия. С пушкой пришлось повозиться, но я почистил её и накрыл брезентом, а вот прореху в парусе убрать не удалось. Не успел, стемнело.

На следующее утро я спокойно заделал пробоину в парусе, заменив повреждённый участок, материал из бамбука у меня был, после чего поднял паруса и последовал дальше. Так что к моменту прибытия в Макасар «Красавица» была вылизана с киля до верхушки мачты и представляла собой идеальное, с моей точки зрения, судно. Хрен я её продам, да и нравится мне тут. Думаю, сделаю дело и останусь жить в этих местах. Посредники, они кто? Не только прогрессоры, но и ученики. Они должны постигать многое из неизвестного им, вот я и займусь учёбой.

Да, кстати, не рассказал я об ещё одной встрече, только с другим судном. Нет, это были не пираты, а обычное английское торговое судно. Меня возмутило то, что англичанин не пропустил меня согласно своду законов, у него, видите ли, гордость выиграла, будет он ещё какую-то джонку пропускать. За это и поплатился. В результате я потратил ещё семь снарядов, а команда торговца спускала шлюпки, спасаясь с начавшего тонуть судна. Ну а я через два дня спокойно вошёл в порт Макасара.

Первое, на что я обратил внимание – «Ласточка», транспортно-грузовое судно Гриши, было в порту. Стояло на якоре. Также я обнаружил и судно Май. Очень интересно.

Поставив «Красавицу» на якорь среди таких же джонок, я запер на замки все двери, после чего на лодочке поплыл к причалам. Никакие таможенники меня не проверяли, поэтому привязав лодку у длинного пирса, где покачивалось множество таких же лодок, я направился на поиск источника информации. Прежде чем идти на встречу к Грише, требовалось принять меры к сбору информации.

По внешности и одежде я мало отличался от местных, так что внимания

не привлекал. Беда была одна, местного языка я не знал, совсем. Это было камнем преткновения в расспросах, пришлось действовать более жёстко. Я выкрал старшего помощника с «Ласточки», что сошёл на берег прогуляться, и допросил его, убивая и оживляя. Это очень способствовало развязыванию его языка.

Добив моряка – гнилой человечиска оказался, хороший подчинённый у Гриши, стоил своего хозяина, – я направился прямо в дом Май. Именно там находились оба Посредника.

Народу в доме Май хватало, в основном это были воины, поэтому среди бела дня мне пришлось усыпить их, проверить, остался ли кто ещё в сознании, и спокойно пройти в дом. Меня просто переполняла ненависть к Грише, насчёт девки я ещё не решил. Странно, что она общается с этой нечистью.

– Знакомая попка, – громко сказал я по-английски, заглядывая в зал для обеда, обнаружив там Май, а также растолстевшего и обрюзгшего Гришу, в этот раз оказавшегося в своём теле, я его узнал. Больше никого в комнате не было.

Находившаяся ко мне спиной и тянувшаяся за каким-то прибором Май стремительно села и обернулась. На меня глядели красивые, но, к сожалению, невыразительные глаза. В смысле они ничего не выражали.

– Всем доброго дня! – продолжая стоять на пороге, сказал я и, прислонившись плечом к косяку, продолжил: – Знаешь, Гриша, когда я понял, что ты тоже тут находишься, и нашёл твоё гнездо, то не особо удивился, что там происходит.

– Ты был у меня дома? – с любопытством разглядывая меня, спросил Гриша.

– Да, и выпустил из клетки тех трёх девочек-малолеток, которых ты там держал, прежде чем спалить это гнездо разврата. Убежали они с такой скоростью, пыль полчаса висела.

– Знаешь, я ведь сразу понял, кто тот врачеватель у Александра, именно я через англичан и поспособствовал тому, что произошло. Только не думал, что ты выживешь.

– Сам смертельный приговор себе подписываешь, – констатировал я. – Хотя ты так и так умрёшь.

– Чаю? – спросила Май своим чудным голосом и, налив в чашку зелёного чая, поставила её рядом на столик, но я не двинулся с места.

– Нет, спасибо, я лучше тут постою. Кстати, зная Гришу и пока не зная вас, могу сказать, что друзей вы выбирать не умеете.

– Он мне не друг, – улыбнулась та и изящно указала на место рядом с

собой. Лучше бы в ложе позвала. Сделав два шага назад, я взял короткий разбег и, оттолкнувшись от порога, спокойно преодолел волчью яму под полом.

– Ха! – оскалился я. – Думаете, я не знаю, что там была ловушка?

– Идея была хороша, – огорчённо покачал головой Гриша. – К твоему сведенью, ты второй Посредник, что переступил этот порог, с твоим предшественником всё получилось.

– Так вот что у вас за альянс, – кивнул я понятно, садясь рядом с Май. – Твои мотивы понятны, соперников не любишь, но девчонке для чего это?

– Личная месть, – коротко ответила она. – Я ищу того Посредника, у которого была в рабстве в течение семи лет две жизни назад.

– Посредники... – неопределённо хмыкнул я. – Тоже с Творцом пообщались?

– Да. Он сказал мне, что я порченный, – скривился Гриша. Испуганным он не выглядел, было лёгкое злорадство, но и только.

– Мне тоже, – кивнул я.

– И мне, – тихо ответила Май.

– Ладно, не будем тянуть время, – сказал я и спокойно метнул кинжал в горло Гриши, но тот отлетел в сторону, сбитый в полёте спицей, брошенной Май.

– У нас с ним договор, я не дам тебе его убить, – сказала девушка.

– Не мешай мне, именно за этим я сюда и прибыл, – нахмурился я и снова попытался наложить на девушку паралич. Как и в прошлый раз, меня постигла неудача, попытка сделать то же самое с Дашко также не увенчалась успехом. Единственно, что удавалось добиться, это то, что они начинали медленно двигаться, но недолго, три-четыре секунды.

Дашко с Май разбежались по углам комнаты, причём к участку пола у входа ни один из них не приблизился.

– Странная ситуация, – сказал я, продолжая сидеть и попивать чай – проверка показала, что он был нормальным. – Похоже, я оказался в ловушке для Посредников. Подтвердите или опровергните мою догадку.

– Правильно, – оскалился Гриша и, нажав на определённую точку, отчего участок стены отъехал в сторону, скрылся за ней.

– Идиот, – констатировал я и, вскинув «Смит-Вессон», который до этого скрывался в складках одеяния, дважды выстрелил. Услышав шум падения тела за стеной и короткий стон, выстрелил в третий раз, на этот раз раздался чпокающий звук. Он мне был знаком, так лопалась голова, когда в неё попадала мощная пуля.

– Ты сделал мою работу. Этот Посредник должен был привести мне на казнь двух Посредников, тебя и себя, – девушка продолжала стоять, с некоторым интересом поглядывая на меня.

– Сожалею, что огорчил тебя, – развёл я руками.

– Ты не он, – наконец сказала она. – Ты умеешь менять лицо, но ты не он.

– Вот как, – заинтересованно поднял я бровь. – Надеюсь, у тебя пропало желание убить меня?

– Нет, я всё равно убью тебя. Ты ошибся. Этот дом – ловушка для Посредников, даже ты не сможешь выйти из него.

Меня это не особо испугало. Поставив чашку на столик, я положил подбородок на ладонь и поинтересовался:

– Чем Гриша так заинтересовал тебя, что у вас возникло такое плотное сотрудничество?

– Он заплатил мне за избавление от тебя, пообещал привести тебя ко мне, но я бы всё сделала бесплатно. Ненавижу Посредников.

– Психологическая травма у тебя явно привела к психозу, а то и шизофрении. Мне даже знать не хочется, что же сделал с тобой тот Посредник, что у тебя поехала крыша. Две жизни прожила, а впечатление осталось, причём сильное, раз у тебя не зажили душевные травмы.

– Это ничего не значит, ты всё равно умрёшь, – сказала девушка, и тут из пола, потолка и стен вылетели длинные бамбуковые колья. Даже я с моей реакцией ничего не смог сделать, я был буквально насажен на них. Револьвер от сильного удара отлетел в сторону. Одна рука была пришпилена к телу, но другая, правая, ещё действовала. Все силы я бросил на поддержание жизни и на восстановление этой руки.

– Неплохо, – прохрипел я, чувствуя, как уходит жизнь. – Но надеюсь, ты понимаешь, что это война до конца? Мы ведь встретимся в следующей жизни, если мне повезет, конечно.

– Понимаю, – доставая из ниши изогнутую арабскую саблю, кивнула девушка. Срубив пару кольев, она приблизилась ко мне вплотную, заноса саблю для удара.

– Попался, – совершенно спокойно констатировал я, с интересом наблюдая за всеми действиями девушки. – Первая волчья яма, предполагаю, что с кольями, плюс ещё змеи, именно их я и почуял. А это чисто механическая ловушка, не распознал.

Когда девушка с невозмутимым лицом начала опускать саблю, я оттолкнулся ногами от пола, ещё больше насаживаясь грудью на колья, и, активировав полуметровый огненный меч в правой руке, вонзил его в

грудь девушки, отчего она дико завизжала, но удар сабли это не остановило.

Где-то на просторах Рая.

– Сучка, – вырвалось у меня, когда я вставал на ноги на краю огромного райского облака позади очереди умерших.

Проверив себя, я убедился, что снова четырнадцатилетний и всё у меня на месте, то есть в своём привычном теле.

Осмотревшись, я направился сразу к Вратам, однако к моему удивлению, они были закрыты, отчего толпа умерших глухо роптала, да и Петра чего-то нет. А я ведь хотел ему «вертушку» сделать, ногой по рожке в прыжке с разворота, за ту пакость, что он внедрил в меня, отчего я был такой добренький.

Обнаружил я тех, кто мне нужен, за Вратами, они злорадно посмеивались, смотрели через золотые прутья Врат и переговаривались.

– Эй! – возмутился я. – Что за дела?! Где Пётр, где все?!

– Дашко был до тебя, предупредил, – посмеиваясь, ответил появившийся за вратами Пётр. – Но теперь с тобой общаться будем не мы.

– Ах ты!.. – возмущённо заорал я и, схватив стоявшего рядом сухощавого мужика, неожиданно легко перекинул его через Врата. Тот с шумом и хрустом обрушился на Петра. Разглядывая копошащегося под умершей душой Петра, я злорадно усмехнулся.

– В этот раз, смертный, тебе не удастся ограбить моих рабов! Отправляйся туда, где тебе самое место, воин! – вдруг прогремел бас с неба, из меня стремительно вылетели облако и меч, после чего ураганный ветер толкнул меня с облака, и я снова полетел вниз, в новую жизнь, но в этот раз без плюшек и другой помощи... Скотины!

Очнулся я от выстрелов. Да, самые обычные выстрелы грохотали неподалёку то залпами, то редкими одиночными. Причём это явно был не бой, предположу, что это тренировочная стрельба, возможно, рядом находилось стрельбище.

По звуку я с ходу опознал винтовки Мосина. Уже хорошо, значит, я где-то у своих. Вокруг шумел листвою вековой лес, было достаточно прохладно, да и листва была слишком зелена. Как бы я не в весеннее время попал.

Перевернувшись на спину, я в течение десяти минут словесно спускал пар. Сообщая дятлу, что сидел на ветке дерева, всё, что я думаю о Дашко,

об этой чёртовой Май – поквитаемся ещё! – и о небесных жителях, включая их хозяина. Ему больше всех досталось, заслужил.

– Больше всего мне «Красавицу» жалко, хорошее судно, – с сожалением проговорил я. – Наверное, так бы до старости на ней и ходил в тех водах, моё это было. Ну, Май, свидимся ещё. Теперь я учёный, с Посредниками надо держать ухо востро и убивать их на расстоянии, да с правителями государств даже не думать общаться. Хрен им.

Немного придя в себя, я встал на ноги и, осмотревшись, направился на выстрелы, нужно определиться, где я. Понять, что это за время. Короче говоря, привычная работёнка.

Машинально почесав спину, я притормозил и поднял с листвы сухую ветку, через минуту у меня в руках была дубина. Хрен мне теперь спину исстегают, не дамся.

– Ха, прям как пещерный человек, только шкуры не хватает, – хмыкнул я и нагишом продолжил двигаться на выстрелы, закинув дубинку на плечо.

Конец третьей части. Продолжение следует